

Г. А. ЗОЛотова

ОЧЕРК
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО
СИНТАКСИСА
РУССКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1973

Книга предлагает читателю опыт анализа синтаксического строя современного русского языка на основе нетрадиционной концепции, определяющей систему синтаксических единиц с точки зрения их функций в процессе коммуникации, в единстве их формы и значения.

Ответственный редактор
С. Г. БАРХУДАРОВ

Глава первая

ВВЕДЕНИЕ

Синтаксис, его предмет и метод. Функция, форма и значение в синтаксисе. Морфологические и синтаксические формы слова. Структурно-смысловые компоненты предложения. Модель и типовое значение предложения. Предложение в языке и речи.

1. Эффективность того или иного метода исследования синтаксиса в большой мере зависит от того, насколько все разнообразие синтаксических конструкций, категорий, аспектов послужит выявлению внутреннего единства синтаксиса как науки. Чтобы выявить это единство, необходимо найти те исходные понятия, которых окажется достаточно для объяснения прочих, в их последовательных взаимоотношениях, а также для согласования, проверки, приведения в систему понятий известных и принятых.

Было бы исторически неоправданным требовать единства замысла, целесообразности частей целого от существующего синтаксического учения: основы этой древнейшей науки разрабатывались еще в античности, а последующие века, накапливая огромной ценности материалы и обобщения, усугубляли вместе с тем эклектичность, многослойность теории.

Поиски точек зрения, с которых можно было бы на современном этапе увидеть и осмыслить содержание синтаксиса, этого сложнейшего раздела языкознания, неизбежны и необходимы, несмотря на все очевидные трудности. Одна из возможных точек зрения на синтаксис предлагается в этой книге.

Очерк, разумеется, не исчерпывает всех вопросов синтаксиса русского языка и не предполагает освещения и разработки всех разделов в равной мере. Отбор проблем и материала неминуемо носит в известной степени субъективный характер, поскольку внимание автора привлекает в первую очередь синтаксис простого предложения, а в нем — те вопросы, которые представляют

ся требующими решения, пересмотра, уточнения, и в меньшей мере — те, трактовка которых традиционной грамматикой не вызывает возражений. Понятно, что очерк не претендует на окончательность предлагаемых решений.

Не воздвигая сложного аппарата между объектом и исследователем, не формулируя порядок процедур и другие «правила игры», относительно которых всегда остается сомнение, не вводятся ли факты языка в классификации, привнесенные в язык из логики, математики, но не присущие имманентно самому языку, автор предпочитает метод непосредственного наблюдения и размышления над материалом русской речи во всех ее реальных проявлениях — в книге, газете, в бытовом и деловом разговоре, — стремясь понять принципы внутренней организации синтаксической системы с точки зрения того, как она служит для выражения мыслей и для общения людей, то есть с точки зрения коммуникативного назначения языка.

В книге частично использованы опубликованные ранее статьи, представленные теперь в общей синтаксической концепции автора*.

2. Синтаксис — это раздел грамматики, ведающий построением речи. Если иметь в виду синтаксический строй языка, то это объективно существующая система синтаксических средств и правил их использования, находящаяся в распоряжении говорящего коллектива. Если иметь в виду синтаксическую науку, то это воплотившиеся в различных теориях усилия человеческой мысли, с переменным успехом поступательно приближающейся к адекватному постижению этой системы.

В отличие от других «уровней» или «ярусов» языка, если употреблять принятый сейчас пространственно-образный способ обозначения языковой стратификации, синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и процессом коммуникации: единицы других уровней языковой системы участвуют в формировании мысли и коммуникативном ее выражении только через синтаксис. В этом специфика синтаксиса как реального явления и как научного объекта. Этим определяется его роль как «организационного центра грамматики»¹.

Этим же определяется необходимость единого функционального критерия для всех синтаксических средств, единиц, конструкций: предстоит определить, какова роль каждого (каждой) из них в построении связной речи, в процессе коммуникации, «что — для чего?» Следуя таким путем, можно, по-видимому, достигнуть адекватности объекта и метода изучения, к которой,

* Автор искренне благодарен за полезные замечания Ю. Д. Апресяну, В. А. Белошапковой, В. Г. Гаку, Б. В. Горнунгу, Е. А. Иванчиковой, В. А. Ицковичу, О. А. Лаптевой, Т. П. Ломтеву, Л. Ю. Максимова, З. Д. Поповой, Н. Н. Прокоровичу, Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелеву и всем коллегам, принимавшим участие в обсуждении работы на разных этапах ее подготовки.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 29.

естественно, стремится всякая наука. Стремление найти методы, наиболее соответствующие объекту изучения, должно служить и более глубокому постижению специфики объекта, отличного от объектов других областей языкознания.

Именно понятие функции представляется тем звеном в синтаксической теории, внимание к которому помогло бы этому стремлению осуществиться.

Важность для синтаксиса понятия функции отмечается многими современными учеными. Так, А. Мартине считает функции центральной проблемой синтаксиса². Представляются чрезвычайно плодотворными идеи Мартине о необходимости «расположить все факты языка в соответствии с ролью и важностью каждого из них в языковом хозяйстве» («вместо того, чтобы пытаться доказывать вескость своих собственных структуральных теорий за счет языка»)³, о необходимости строить грамматическую классификацию «на основе комбинаторной потенции (*latitude combinatoire*) знаков в цепи»⁴.

Понятие функции, глоссематиками (Ельмслев, Тогебю и др.) привнесенное в лингвистику с математическим значением отношения, становится понятием, вытекающим из сущности языка, выражающим роль того или иного языкового элемента в коммуникативном акте соответственно тому принципу функциональности, который в свое время был выдвинут И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Наибольшая заслуга в разработке понятия функции принадлежит Пражской лингвистической школе, для которой функционализм — основа научной методологии.

Исходя из признания языка орудием коммуникации, Пражская школа различает степени коммуникативной значимости единиц разных уровней языка. Собственно коммуникативную функцию выполняют синтаксические единицы, элементы других уровней приобретают коммуникативную значимость лишь через единицы синтаксического уровня.

Понятие функции, пишет Ф. Данеш, в работах которого четко выражены современные методологические принципы Пражской школы, включает в себе и цель и средство (если нечто служит как средство для цели F, то мы говорим, что это нечто имеет функцию f). Поскольку речь идет о свойстве, функция всегда предполагает явление-носитель («функция чего?»). Именно в этом надо видеть сущность функциональной лингвистики, а вовсе не в том, что она предпочитает подход «от функции к средству»: при функциональном методе в одина-

² A. Martinet. Elements of Functional Syntax. «Word», v. 16, 1960, № 1, стр. 4.

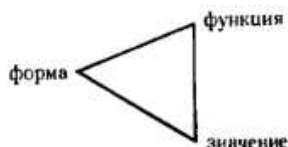
³ A. Martinet. Unity of Linguistics. «Linguistics today». N. Y., 1954, стр. 5.

⁴ Ср.: Э. Р. Атаян. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968, стр. 192—193.

ковой мере можно отправляться от явления («средства») к его функции. Глобальная внешняя функция языка — служить для производства высказываний, но различные частные лингвистические средства выполняют эту функцию разными путями. Только единицы высшего уровня структурной иерархии (предложение) функционируют непосредственно как высказывания, тогда как средства низших уровней действуют только опосредованно: любой уровень в отношении низшего уровня выступает как сфера его функций, тогда как в отношении следующего, высшего уровня он выступает как сфера его средств⁵.

К телеологическому (целевому) пониманию функции, разработанному Пражской школой, по существу близко и семиотическое понимание функции, исходящее из знаковой теории. Дихотомические формулы «средство — цель» (форма — функция) и «означающее — означаемое» (форма — значение) имеют общий первый компонент, однако и вторые компоненты оказываются не противопоставленными друг другу, поскольку под функцией разумеется выражение внеязыкового содержания, т. е. то же значение⁶.

Между тем именно применительно к синтаксису обнаруживается небесспорность иерархического понимания отношений «средство — функция». Помимо внешней, обращенной вне языка, функции выражения отношений реальной действительности, у синтаксических средств должны быть собственно языковые, синтаксические, строительные, комбинаторные функции. С другой стороны, эти функции не могут выполняться средствами морфологии, у синтаксиса должны быть свои собственные строительные, строевые единицы. При таком подходе функция и значение разграничиваются, и теоретическая проблематика синтаксического исследования схематически может быть представлена в виде некоторого треугольника:

Предстоит уточнить понятия, составляющие вершины треугольника, и выяснить характер взаимоотношений между ними.

⁵ См.: Fr. Daneš. O pojmu «jazykový prostředek». «Slovo a slovesnost», 1967, № 4, стр. 343—349; см. также статью Ф. Данеша и К. Гаузеибласа в сб. «Единицы разных уровней языковой системы и их взаимодействие» (М., 1969).

⁶ «Язык и речь (или, другими словами, код и обмен сообщениями) явно находятся в отношении средства и цели, т. е. в таком же отношении, какое имеет место между означающим и означаемым (signans и signatum) или между формой и содержанием» (Р. Якобсон. Итоги Девятого конгресса лингвистов. — В кн.: «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 587).

3. Исходя из общей коммуникативной функции синтаксиса, определим функцию синтаксических единиц как роль их в построении коммуникативной единицы — предложения. Функция, таким образом, выражает отношение синтаксической единицы к коммуникативной единице.

Качественно различные способы участия в процессе коммуникации, в построении связной речи и, соответственно, различные типы отношения к коммуникативной единице составят основание для классификации синтаксических единиц.

Синтаксическая единица может быть равна коммуникативной единице. Служить выразителем коммуникативного акта — основная функция простого предложения. Вместе с тем предложение может составлять конструктивную часть коммуникативной единицы, если оно служит элементом организации сложного предложения или даже простого в тех случаях, когда целое предложение замещает слово (форму слова) в другом предложении, ср., например:

- (1) *Блажен, кто верует* (Грибоедов).
- (2) *Кого люблю, не дождусь* (Русская песня).
- (3) *Задумал я узнать, прекрасна ли земля* (Лермонтов).
- (4) *Куда ни оглянусь, повсюду рожь густая* (Майков).
- (5) *Мы ускорили шаги, чтобы ночь не застала нас в лесу* (Чехов).
- (6) *Глаза у судьи — пара жестянок мерцает в помойной яме* (Маяковский).
- (7) *Сани здесь — подобной дряни не видал я на веку* (П. Вяземский).
- (8) И снова в грязной и душной парикмахерской звучало отрывистое: *«Мальчик, воды»* (Л. Андреев).
- (9) *Варенька поет ему «Виют витры»* (Чехов).
- (10) То, как мы вместе ходили когда-то на каток и как ветер доносил до нее слова *«я люблю вас, Наденька»*, не забыто (Чехов).

Наблюдая простое предложение в его строевых, комбинаторных функциях, замечаем, что его положение в разных случаях различно. Примеры (1), (6—8) представляют случаи, когда простое предложение, выделенное курсивом, служит одним из предикативных центров того предложения, которое в целом выполняет роль коммуникативной единицы (ср.: *Звучало отрывистое приказание, Блажен верующий, Сани дрянные*); в примерах (2—3), (9) простое предложение выступает как обязательный распространитель, или, точнее, восполнитель определенного слова неполной, релятивной семантики (ср. *не дождусь любимого, поет песню*); в примерах (4—5), (10) простое предложение не является необходимым структурно, но распространяет целое нужным для говорящего смыслом.

Если опустим подчеркнутую часть целого, выраженную простым предложением, то в примерах (1), (6—8) структура комму-

никативной единицы разрушается, в примерах (2—3), (9) остается незаконченным, «повисает в воздухе» смысл релятивных глаголов, в примерах (4—5), (10) оставшееся, главное предложение не несет структурного ущерба, но обедняется или нарушается общее содержание целой коммуникативной единицы. Очевидно, что во всех трех случаях строевые функции простых предложений различны: различно назначение их в построении целой единицы, различны степень обязательности, структурной и смысловой. Комплекс этих различительных признаков и заключается в понятии синтаксической функции.

Если предложение функционирует как основная синтаксическая единица на коммуникативной ступени синтаксиса, то на докоммуникативной ступени, на ступени строительного синтаксического материала за первичную, минимальную единицу синтаксиса принимаем синтаксическую форму слова (обоснование этого понятия см. ниже). Синтаксические единицы докоммуникативной ступени обнаруживают аналогичные строевые возможности в отношении к коммуникативной единице.

Одни из них, будучи предикативно соотнесенными с действительностью, способны образовать предложения, следовательно, функционировать как коммуникативные единицы (личные формы глагола, имя в именительном падеже: — *Спишь?* — *Не сплю.* *Весна. Заречье*; имена в некоторых падежных и предложно-падежных формах также употребляются как своеобразные номинативные предложения: *На площади, седьмого ноября*). Те же синтаксические формы слова могут служить и конструктивными частями предложения, одним из его предикативных центров, и распространителями: *Что ты спишь, мужичок? Весна идет. Сбор на площади. Пылают знамена на площади Красной. Перед зимой не знают, Что мир перед зимой* (С. Кирсанов).

Другие синтаксические формы слов, неспособные самостоятельно выступать в качестве коммуникативных единиц, функционируют как конструктивные части предложения или распространители его конструктивных частей (причастия и деепричастия, прилагательные, некоторые падежные и предложно-падежные формы имени): *Колокольчик однозвучен; Колокольчик однозвучный утомительно гремит; Дремля смолкнул мой ящик* (Пушкин); *Душе не до сна* (Блок); *С хлебом трудно* (В. Инбер); *У тебя и сын и сад* (А. Вознесенский).

Синтаксические формы третьей разновидности выступают лишь как распространители слова, без которого они не могут войти в предложение, следовательно, их синтаксическое функционирование характеризуется неспособностью выступать ни как самостоятельная коммуникативная единица, ни как ее конструктивная часть. Так, имя в винительном падеже, управляемое переходным глаголом, имя в творительном, управляемое глаголами семантической группы «руководства», имя в родительном, управляемое глаголами с «отложительной» и «достигательной» семан-

тикой, войдут в любое предложение, независимо от его типа, лишь вслед за «своим» глаголом, как восполнители его релятивной семантики, а не как самостоятельно конструирующие предложение части. Например: *Белка песенки поет, Золотой орех грызет* (Пушкин). *Орех* и *песенки*, имена в винительном падеже, не могут стать конструктивными частями предложения без управляющих ими глаголов, но остаются распространителями этих глаголов в любой их форме и при любой их роли в предложении (*Пой песенки; Поющая песенки белка грызет орех; Грызая орех, поет песенки; Петь песенки нетрудное дело; Ей нравится петь песенки* и т. п.).

Если вспомнить, что первоначальное значение древнегреческого слова *συνταξις* 'синтаксис' — «военный строй», может быть, будет уместным провести, хотя и отдаленную, аналогию с функциями единиц, составляющих этот строй: всадник участвовал в его составе на коне, но самостоятельно действовал и без коня, конь нес всадника, но самостоятельно не действовал, конь вез повозку, но повозка не могла войти в строй без коня.

Однако важно увидеть не только качественное различие в функциях синтаксических единиц, но и определенный параллелизм их функций на коммуникативной и докоммуникативной ступенях синтаксиса. Отношение синтаксических единиц обеих ступеней к коммуникативной единице позволяет установить три основных типа синтаксических функций:

I — синтаксические единицы функционируют самостоятельно;

II — синтаксические единицы функционируют как конструктивная часть (компонент) коммуникативной единицы;

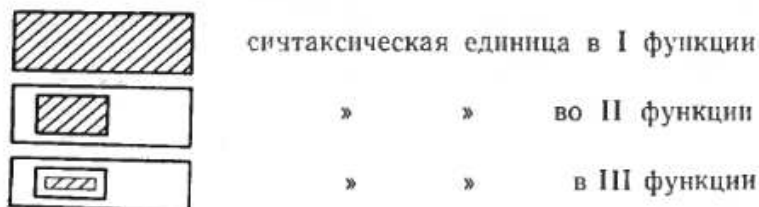
III — синтаксические единицы функционируют как зависимый компонент конструктивного компонента.

Для предложения I функция является первичной и основной, II и III — вторичны, употребление предложения в позиции, замещающей слово, — окказионально⁷. Употребление предложения в той или иной функции не зависит от его структурного типа, если не считать некоторых ограничений, связанных с построением сложного предложения.

Что же касается строевых элементов, синтаксических форм слов, то в целом они представляют все три функции, но каждый тип отличается от других набором своих функций, первичных и вторичных, т. е. синтаксической функцией и определяется принадлежность синтаксических форм к тому или иному типу, их типология. Подробнее типы синтаксических форм слова и их функции будут рассмотрены в главе II.

⁷ Ср. у Мартине разграничение первичных и вторичных функций, характеризующих роль элементов структуры предложения («Новое в лингвистике», III. М., 1963, стр. 470). У Куриловича — иное значение этих понятий.

Соотношение трех основных синтаксических функций можно представить следующим образом:

Может возникнуть вопрос, не окажутся ли IV, V и т. д. функции логическим продолжением этого ряда, поскольку для тех или иных членов предложения естественно быть компонентом компонента, в свою очередь распространяющего другой компонент, и т. д. (например, *Он читает старинную книгу в кожаном переплете*, где форма *книгу* — компонент в III функции, его распространяют формы *старинную* и в *переплете* на следующей ступени нерархии, а форма *кожаном* находится на еще более низкой ступени). Однако в пределах зависимого компонента конструктивного компонента, как бы распространен он ни был, количественные различия не переходят в качественные, синтаксические связи и отношения в основном повторяют те же типы, не различаясь принципиально с точки зрения построения высказывания. Так что ряд, включающий три основные синтаксические функции, оказывается замкнутым, а понятие синтаксической функции компонента — значительно более содержательным с точки зрения структурно-синтаксической, чем понятие нерархической позиции.

Таким образом, единая целенаправленность деления, в каждой ступени которого находит частичное выражение общая коммуникативная функция синтаксиса, обнаруживает известную изофункциональность, параллелизм функций между классами разных структур: предложений и первичных строевых элементов.

Эта изофункциональность позволяет представить сложную и вместе с тем гибкую, подвижную структуру синтаксиса современного русского языка в его внутреннем единстве.

Предлагаемое понимание синтаксической функции не только отличает развиваемую здесь синтаксическую концепцию от других известных автору, но и представляется необходимым условием анализа языковых явлений на синтаксическом уровне. Сказанное объясняет заглавие книги и должно предостеречь читателя от неверного восприятия заглавия в духе более привычных противопоставлений функционального — формального, функционального, актуального, динамического — структурному, статическому и т. п.

Известный факт неоднозначности и перегруженности термина «функция», как, впрочем, и многих других терминов в совре-

менной лингвистике, не уменьшает роли самого понятия функции для синтаксической теории и не снимает задачи дальнейшей его разработки⁸.

4. Взаимоотношения между функцией и значением в синтаксисе — это, по существу, проблема взаимоотношений синтаксиса и семантики, всем ходом развития мировой лингвистики выдвинутая сейчас в число наиболее актуальных проблем.

Всеобщий интерес к значению в современном языкознании, сменивший попытки «устранения семантики» некоторыми лингвистическими направлениями и давший уже значительные результаты (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука, Д. Н. Шмелева, В. Г. Гака, Т. Б. Алисовой, У. Вайнрайха, Л. Вайсгербера, Ф. Данеша, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой и др.), требует от синтаксической теории решения ряда острых вопросов.

На теперешнем этапе уже не надо доказывать законность прав семантики на внимание исследователей синтаксиса⁹. Признание связей языка и внеязыковой действительности объединяет лингвистов разных направлений. Если синтаксические средства языка служат формированию и выражению мысли, а в речи — мысли находят отражение и обобщение явления и отношения объективной действительности, то семантическая структура предложения, представляющая языковыми средствами тот или иной тип категориальных связей действительности, подлечит ведению языкознания, а не логики. Семантическая структура предложения оказывается такой же языковой реальностью, как и грамматическая структура.

На очереди — выяснение характера взаимоотношений между грамматической и семантической структурой, выявление тех языковых средств, в которых это взаимоотношение осуществляется, наконец, определение тех языковых единиц, в которых семантическая структура предложения находит свое воплощение.

Поиски в этом направлении требуют, естественно, проверки и уточнения некоторых традиционных синтаксических понятий, тем более, что в существующих синтаксических концепциях целый ряд вопросов признается нерешенными или спорными.

Для того, чтобы подступить к поставленным задачам, представляется необходимым прежде всего обратиться к понятию формы.

⁸ Ср. аналогичное мнение М. Грелля, высказанное на Брненском синтаксическом симпозиуме 1966 г. («Otázky slovanské syntaxe», II. Brno, 1968, стр. 174).

⁹ Показательна, например, позиция У. Вайнрайха, который а priori провозгласил полную автономию грамматического описания по отношению к семантическому, но, приступив к синтаксическому исследованию, отказался от этого требования (см. «Новое в лингвистике», V. М., 1970, стр. 167—227).

Что считать в синтаксисе формой, средством, структурой, носителем функции и значения? Дискутируя проблемы функции и значения, обычно исходят из предположения, что форма, структура — величина известная. Понятие формы, структуры в существующих представлениях занимает прочное место в оппозиции «формальное, структурное, грамматическое — семантическое, лексическое, неграмматическое».

В принятых способах записи синтаксической формы символически обозначается принадлежность ее к классу частей речи и одна из морфологических форм, присущих данному классу, — т. е. собственно морфологическая информация. Если записывается структура предложения, то добавляются стрелки или другие знаки, указывающие на иерархию связей между элементами, например: $N_1 \rightarrow VF \rightarrow N_4$.

Предполагается, что такого типа формула выражает наиболее абстрактный, собственно грамматический «уровень» структуры предложения. Между тем, имеется достаточно оснований сомневаться в адекватности формулы синтаксическим реалиям.

Любая синтаксическая структура характеризуется не только наличием связей между элементами, но и характером связей. Сама идея формулы предполагает, что обобщенные в ней структуры безразличны к лексическому наполнению, что характер связи между ее элементами в различных манифестациях данной структуры остается неизменным. В действительности это не так. Сравним предложения, которые могут быть подведены под названную формулу:

(1) *Отец читает газету.*

(2) *Отца отличает строгость.*

Нельзя не заметить собственно структурных различий между ними: в примере (1) так называемые главные члены образуют структурный и смысловой минимум предложения (*Отец читает*), в примере (2) не образуют (**Строгость отличает*), структурная роль так называемого дополнения в вин. падеже в (1) и (2) различна; в (1) глагол выполняет роль самостоятельного, знаменательного компонента, в (2) — глагол выполняет вспомогательную роль; в примере (1) схеме соответствует нормальный, нейтральный порядок слов, в (2) — инверсированный. Очевидно, что морфологических показателей для представления синтаксической структуры недостаточно¹⁰.

¹⁰ Аналогичным образом схема $N_1 \rightarrow VF \rightarrow N_2$ может быть манифестирована предложениями различной синтаксической структуры (ср.: *Иван пишет карандашом; Иван идет лесом; Иван гордится сыном; Иван огорчается неудачей; Иван болеет гриппом; Иван отличается остроумием; Иван владеет мотоциклом; Иван работает каменщиком; Дом строится каменщиками; Каменщики работают бригадой и т. п.*). Тождественность конструкций, представляемых будто бы синтаксической символизацией, оказывается мнимой, собственно тождественностью только морфологических форм слов, соединение которых дает разные синтаксические результаты.

Структурные различия между предложениями (1) и (2) сопоставимы с семантическими различиями: в (1) предикативно сопряжены название субъекта (агенса) и его действия, переходящего на объект, во (2) предикативно сопряжены название предмета (лица) и его признака. Значению компонентов предложений соответствует значение категориальных подклассов частей речи, способных участвовать в данных предложениях: категорий имен со значением лица, предмета, признака, категорий глагола со значением конкретного действия или вспомогательным значением отношения. Следовательно, отбор лексического (точнее — семантического, категориально-обобщенного) материала для той или иной структуры небезразличен. Более того, категориальными значениями слов *отец* и *строгость* предопределяются разные структурные возможности образуемых ими форм: *отец* может быть агенсом, субъектом состояния, *строгость* не может¹¹, *строгость* выполняет роль компонента со значением свойства, качества лица, может определяться с точки зрения степени; формам слова *отец* это не свойственно. Значит, формы каждого из этих слов (и соответственно — подклассов, которые они представляют) войдут в разные синтагматические связи и парадигматические ряды. Обзор языковых средств влияет и на собственно организацию. Разница между рассмотренными предложениями в порядке слов также обусловлена разницей в значении: для формы винительного объекта характерна постпозиция, для формы винительного характеризуемого субъекта — препозиция.

Таким образом, между семантикой предложения и его структурой обнаруживаются причинно-следственные связи¹².

Озабоченность недостаточностью морфологических показателей для представления синтаксических структур высказывалась разными учеными¹³.

¹¹ Для отвлеченных имен характерна роль не агенса, а каузатора, об этом см. ниже в гл. III. В случаях типа *Смелость города берет, Радость ползет улиткой* на основе функциональной транспозиции одной категории имен на место другой возникают явления персонификации и метафоризации.

¹² В русской лингвистике на связь семантики и формы предложения обратил внимание еще проф. В. А. Богородицкий, выделивший в «Общем курсе русской грамматики» (М.—Л., 1935, стр. 206 и сл.) три структурно-смысловых типа русских предложений. Известно оставшееся нереализованным замечание А. А. Шахматова о связи формы и значения предложений («Синтаксис русского языка». М.—Л., 1941, стр. 34). Применительно к немецкому языку идею Богородицкого развивает В. Г. Адмони («Введение в синтаксис современного немецкого языка». М., 1955). На материале французского языка в сопоставлении с русским эти вопросы разрабатывает В. Г. Гак («Проблемы лексико-грамматической организации предложения». Докт. дисс. М., 1967). В зарубежном языкознании им близки по принципам классификации предложений К. Сведелиус, Э. Сепир, Ч. Фриз и др. До сих пор, однако, авторы исходят из отношений между подлежащим и сказуемым.

¹³ На Брненском синтаксическом симпозиуме 1966 г. этот вопрос поднимал чешский лингвист Пр. Адамец: «Как известно, в целом ряде структурных описаний языков последних лет совершенно отказываются от понятия членов предложения и работают исключительно с морфологическими характе-

Проблема полноценности синтаксического описания связывается при этом, несмотря на различные подходы, с вопросом о членах предложения. На нем необходимо остановиться и потому, что для многих авторов соотносительность формы и функции претворяется в соотносительность частей речи и членов предложения, а иногда и в соотносительность морфологии и синтаксиса вообще¹⁴.

Плодотворность теории членов предложения, основанной скорее на логико-морфологических признаках, чем на собственно синтаксических, давно подвергалась сомнению¹⁵. Дело в том, что традиционные амплуа членов предложения не отражают их действительной роли в построении предложения. Выше это было показано на примере *Отца отличает строгость*. Если структуру этого предложения представить в терминах «членов предложения» (подлежащее — сказуемое — прямое дополнение)¹⁶, мы получим по существу ту же морфологическую информацию, что и из формулы $N_1 \rightarrow VF \rightarrow N_4$, потому что морфологическими признаками, а не конструктивной функцией компонентов обусловлено распределение ролей: «члены предложения» оказываются вторым названием тех же морфологических явлений¹⁷. Но в синтаксическом построении высказываемой мысли конструктивная роль принадлежит названию характеризуемого лица и названию присуждаемого ему данным высказыванием признака, а не подлежащему и сказуемому.

Можно привести примеры многих русских предложений, во-

рестиками. Этим достигают большей точности и однозначности в формальном описании структур, однако вместе с тем снижается степень абстракции и синтаксическое описание слишком атомизируется, особенно когда речь идет о славянских языках с их богатством флексий, с синонимией и омонимией морфологических форм» («Otázky slovanské syntaxe», II. Brno, 1968, стр. 111). Авторы капитального труда «Общее языкознание» по этому поводу пишут: «Асимметрия морфологической формы и синтаксической функции делает недостаточным показатель морфологического класса для идентификации синтаксической позиции и вызывает необходимость в дополнительных сигналах, которые бы позволили привести в соответствие морфологические классы слов (части речи) с функциональными (синтаксическими) разрядами (членами предложения)» («Общее языкознание». Внутренняя структура языка. М., 1972, стр. 281).

¹⁴ См. об этом также в кн.: О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963.

¹⁵ См., например, «Грамматика русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1954, т. II, ч. 2, стр. 96—97; В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, разделы XV—XXI.

¹⁶ Ср., например: Б. Н. Головин. Введение в языкознание. М., 1966, стр. 201.

¹⁷ Обосновывая попытку обойтись без терминов «дополнение», «определение», «обстоятельство», еще А. М. Пешковский указывал, что эти термины, дублируя уже обозначенные понятия, «внушают читателю мысль, что выражают какую-то другую сторону дела, помимо понятий второстепенного предмета, второстепенного (покоящегося) признака, признака действия и действия, отвлеченного от деятеля. Между тем никакой другой стороны здесь нет» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 267, примеч.).

обще не содержащих «главных членов» — ни личного глагола-сказуемого, ни имени в номинативе — подлежащего, но тем не менее являющихся полноценными, независимыми от контекста единицами коммуникации, не окказиональными, но представляющими определенные модели: *В доме ни души; Воды — по колено; Ему не до уроков; Ей за тридцать; У каждого по яблоку; С бумагой туго; У него ни кола, ни двора* и т. д.

В каждом из этих предложений сопряжены предикативной связью два взаимообусловленных компонента, содержащих значения носителя признака и предиктируемого признака, значения не логические, а выраженные определенными словоформами. Только морфологическая предвзятость мешает нам признать в них двусоставные предложения с наличными, а не подразумеваемыми главными членами¹⁸. Реальная действительность языка не укладывается в традиционную теорию. А если это так, то критерии выделения главных членов предложения, действительных организаторов предикативного минимума предложения, нуждаются в пересмотре или уточнении.

Очевидно, что только сочетание морфологических показателей с семантическими показателями может приблизить нас к пониманию собственно синтаксической структуры. Поэтому представляются весьма перспективными поиски соотносительности в предложении грамматических признаков с семантическими.

До сих пор, однако, грамматическая и семантическая структуры рассматриваются как два параллельных уровня, как два разных этажа. Известна формула комплексной структуры предложения (CSP) Ф. Данеша, где грамматическая структура (GSP) и семантическая структура (SSP) изображены как числитель и знаменатель дроби, например:

$$\frac{S_1 \text{ ————— VF ————— } S_4}{\text{Деятель — действие — объект}} \quad (\text{Петр чистит машину})^{19}.$$

Дополнение формулы семантическим знаменателем, фиксирующим различия в значениях словоформ, создает иллюзию, будто у «семантического уровня» есть иные, особые средства выражения.

Принятое сейчас многими исследователями противопоставление, вслед за Ч. Хоккетом и Н. Хомским, конкретных «поверхностных структур» абстрактным «глубинным структурам», отража-

¹⁸ «Наша беда... в том, что у нас лингвистическое мышление было подавлено индоевропейским строем языков... У человека, когда он изучал другие языки, чисто морфологическое мышление индоевропейских языков все заслонило, и он мог все видеть только через это морфологическое мышление. Наша задача заключается в том, чтобы высвободиться из-под этого влияния и понять, что есть другие языки, которые выражают то же, что и мы — иначе» (Л. В. Щерба. О второстепенных членах предложения. — В кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике». Т. 1. Л., 1958, стр. 103).

¹⁹ См.: F. Daneš. Some thoughts on the semantic structure of the sentence («Lingua», v. 21, 1968) и другие работы того же автора.

ющим семантические отношения между компонентами, уводит семантические отношения в чуть ли не мистическую «глубину», реализующуюся неизвестно в каких языковых единицах²⁰.

Конструкции *партизаны атаковали* — *атака партизан* — *партизанская атака* объединены структурно-смысловой общностью не потому, что в их семантической глубине обнаруживаются значения действия и его субъекта²¹, а потому, что эти значения выражены в данных конструкциях теми средствами, которыми располагает современный русский язык для их выражения.

Так, в русском языке для выражения субъекта действия имеется строго определенный ряд синтаксических форм: именительный падеж имени при личном глаголе действия, родительный при имени действия, образованное от имени субъекта относительное прилагательное при имени действия, творительный падеж в страдательном обороте (*атакованы партизанами*), а также при имени действия от переходного глагола с объектом, выраженным родительным (*захват трофеев партизанами*). При необходимости строить речь с семантико-синтаксическими компонентами «действие» и «его субъект» говорящий по-русски пользуется в соответствии с требованиями смысла, контекста, стиля одним из перечисленных способов. При этом известны собственные конструктивные возможности каждого из способов выражения субъекта, его синтаксическая роль в построении предложения как основной единицы связной речи.

Как бы ни оправдывать методическими соображениями расчленение объекта изучения, нельзя не видеть, что в реальном предложении нет двух структур, нет двух синтаксисов. Остается опасение, что раздвоение синтаксической структуры закрепляет противопоставление морфологии и логики, морфологии и семантики. Между тем задачей синтаксического исследования языка представляются поиски тех связей между формой и содержанием, тех средств выражения содержания, тех значений форм и способов выражения значений, неразрывное единство которых осуществляется в синтаксическом построении.

Если мы признаем, что имя в винительном падеже, N₄, может обозначать характеризуемый предмет (лицо), носитель признака в той структуре предложения, где отвлеченное, со значением

²⁰ Само понятие глубинной структуры в работах разных авторов тоже неоднозначно. См. об этом: Н. Д. Арутюнова. О номинативной и коммуникативной моделях предложения. «Изв. АН СССР», СЛЯ, 1972, вып. 1. Более реалистической кажется интерпретация «поверхностных» и «глубинных» конструкций как синонимических моделей предложения, различающихся способом отражения внеязыковых явлений (в отечественной литературе см.: В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969). Ср. трактовку синтаксической синонимичности предложений в III главе данной работы.

²¹ Ср.: А. Жолковский, И. Мельчук. О семантическом синтезе. — НТИ, серия 2, 1967, № 2.

качества, имея в именительном падеже, N₁, предикативно сопрягается с ним посредством вспомогательного глагола *отличает* (*характеризует*), то все эти уточнения мы должны ввести в запись синтаксической структуры, допустим: N₄_{qual} — VF_{auxil} — N₁_{pers.} Таким или другим способом включив релевантные для данной структуры семантические показатели в грамматическую запись, мы получаем «одноэтажную» формулу, которая дает представление о составе структурно-смысловых компонентов определенной модели предложения. Удобства и преимущества тех или иных способов записи здесь не обсуждаются, тем более что серьезные затруднения для формализации создает разный объем семантических категорий, релевантных для различных синтаксических структур, — здесь важно было показать принципиальное единство синтаксических средств, создаваемое взаимодействием морфологии и семантики.

Воля исследователя — конструировать объекты любого «уровня», но отрыв от синтаксических реалий языка ограничивает возможности восприятия изучаемых явлений во всей полноте присущих им признаков и не способствует преодолению теоретических трудностей. Очевидно, учитывая необходимые семантические показатели, мы достигаем той степени грамматической абстракции, с которой и целесообразно рассматривать объекты синтаксического исследования. Признавая, что синтаксические средства языка призваны служить потребностям смысла, нельзя не видеть неотделимое участие семантики в единицах всех ступеней синтаксиса. В отношении синтаксиса можно утверждать, что семантическое не только не противостоит грамматическому, но составляет его неотъемлемый компонент²².

5. За первичные элементы принимаются, как сказано выше, синтаксические формы слова.

Вопрос о первичной единице синтаксиса не относится к числу решенных однозначно. Речь идет о тех единицах, из которых формируются и на которые соответственно членятся предложения, о единицах, которые были бы носителями элементарных смыслов и вместе с тем — дифференциальных синтаксических признаков. Это последнее условие — различия в собственно синтаксических функциональных свойствах — должно быть тем критерием, который и здесь определится необходимая ступень абстракции.

Ни слово, ни часть речи этому условию не отвечают: разные формы той или иной части речи очевидно различаются синтаксическими возможностями, достаточно сопоставить личные и неличные — инфинитивные, причастные, деепричастные — формы одного ли глагольного слова или всей категории глагола.

²² Характерно признание Р. Якобсона, подводившего итоги Девятого конгресса лингвистов: «Нельзя не согласиться со следующим тезисом заключительного доклада [Н. Хомского]: «Чем глубже становится синтаксическое описание, тем больше явлений, представлявшихся прежде чисто семантическими, втягивается в его сферу» («Новое в лингвистике», IV, стр. 586).

Именно форма слова как строительная единица синтаксиса получает в последнее время признание лингвистов²³. Дискуссионным и в этом случае остается вопрос о степени грамматического обобщения, иначе говоря, о допустимости семантических показателей при морфологической форме слова. Если действующей в синтаксисе единицей считать, положим, падежную форму имени, например *Н₅*, «тв. п.», «в отвлечении от ее лексического наполнения» — это значит принять следующие условия:

1) данной форме соответствует определенная синтаксическая функция или определенный набор синтаксических функций, противопоставленных функциям другой формы;

2) эта синтаксическая функция или одинаковый набор функций характеризует каждое, без семантических различий, слово, выступающее в данной форме.

Однако подобные условия не отвечают языковым фактам. Ни одна падежная форма не характеризуется единственной синтаксической функцией, а одинаковые наборы функций не принадлежат любому слову в данной падежной форме. Кроме того, в пределах одного падежа возможны противопоставления разных функций, а равнозначные функции могут выполняться словами в разных падежных формах.

Из самой языковой действительности вытекает необходимость считаться с двумя фактами: разнофункциональностью одной падежной формы и избирательностью функций по отношению к разным группам слов, принявшим данную падежную форму. Объяснить эти явления можно лишь в том случае, если искать, во-первых, принципы группировки слов и, во-вторых, соответствия между группами — носителями функций и функциями. Обнаруживается, что существенные в одной морфологической форме при разном семантическом содержании отличаются различной сочетаемостью, различными синтаксическими свойствами.

Синтаксические потенции «собственно формы», в морфологическом смысле, оказываются иллюзорным понятием, реально можно говорить только о синтаксических свойствах семантических классов слов, облеченных в ту или иную морфологическую форму²⁴. Ср., например, возможности сочетания между рядом глаголов и рядом имен существительных в творительном падеже, представляющих разные семантические классы (схема, с. 21).

Весь этот лексически пестрый ряд имен может объединиться независимо от семантических различий лишь в одной, третьей, синтаксической функции объектного распространителя при ограниченной группе глаголов (*любоваться, гордиться, восторгаться*

²³ См.: Н. Ю. Шведова. О синтаксических потенциях формы слова. — ВЯ, 1971, № 4.

²⁴ Тем более неоправданным кажется в указанной статье Н. Ю. Шведовой введение понятия косвенного падежа как формальной единицы синтаксического уровня, не отличающейся, вопреки существующим представлениям о тождестве лингвистического факта, ни формальным, ни функциональным единством.

кем-чем). Однако в других синтаксических построениях слова из этого ряда могут быть использованы лишь выборочно, объединяясь друг с другом по семантической близости: для обозначения времени (*вечером, дорогой*), для обозначения пути движения (*дорогой, лесом*), для обозначения способа действия (*стадом, бригадой*), для обозначения орудия (*карандашом, топором*), для обозначения субъекта действия в страдательных конструкциях (*отцом, бригадой*). Семантические барьеры между разрядами настолько существенны, что взаимопереход имен в творительном падеже из одной рубрики в другую в большинстве случаев невозможен. Обладая одним и тем же морфологическим признаком — принадлежностью к творительному падежу, существительные в перечисленных рубриках представляют собой различные синтаксические формы слова: каждый из семантических разрядов реализует свои значения через разные синтаксические функции²⁵.

Элементами структуры синтаксической формы слова являются, таким образом, категориально-семантическое значение слова и словоизменительные средства, включая предлоги.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении семантических категорий и морфологических форм. В определениях значений того или иного падежа обычно не оговаривается, что значения эти свойственны словам, способным принять окончания данного падежа, не в совокупности, а избирательно. Так, значения пути движения, времени, способа действия, различаемые у имен в творительном падеже, имеются далеко не у всех существительных, а лишь у небольших, семантически ограниченных групп. Значения объектное и орудийное выражаются более широким кругом имен в творительном падеже, но также не всеобщим.

Семантические ограничения вытекают из необходимости соответствия значения слова значению данной синтаксической формы.

²⁵ Суждение о «потенциальной многозначности словосочетаний глагола с существительным в творит. падеже: *управлять лодкой, писать мелом, идти полем, приехать утром, наполнять водой, стоять стеной*» (см.: Е. И. Шендельс. Понятие грамматической синонимии. — ФН, 1959, № 1, стр. 76) по существу может означать только то, что в сочетаниях с разными глаголами вступают имена различных семантических категорий (перемещения: **приехать мелом, наполнять стеной, стоять полем* невозможны именно потому, что сочетания с творительным — не абстрактная структура, разные ее значения обусловлены различием образующих ее синтаксических форм слова).

Сравним формы имен в дательном падеже с предлогом *по*: а) *по скатерти, по балкону*; б) *по рассеянности, по закону*.

Морфологическая общность не скрывает ни того, что формы (а) и (б) различны по значению, ни того, что это формы разных семантических категорий слов. Формой (а), обозначающей путь движения, располагает ряд существительных со значением конкретного предмета, обладающего пространственной протяженностью (например, *по тропе, по полу, по полю, по столу, по плечу*, но не: *по точке, по искре, по теплу, по жадности* и т. п.). Формой (б) со значением причины — основания располагает ограниченный ряд отвлеченных имен (например, *по болезни, по невнимательности, по недосмотру, по ошибке*, но не: *по простуде, по вежливости, по опозданию* и т. д.; *по закону, по приказу, по решению, по желанию*, но не: *по запрещению, по обсуждению* и т. п.). Сочетания *ехать по проселку* и *ехать по приказу* аналогичны с точки зрения морфологической, но различны с точки зрения синтаксической, поскольку включают в свой состав разные синтаксические формы имени. Формы имени в дательном падеже с предлогом *по* не только различаются по общему своему значению (пути движения и причины — основания действия), но само это значение вытекает из того, что та и другая формы образуются разными семантическими группами существительных, представляющими одна — категорию конкретных имен, другая — категорию отвлеченных имен. Существительные той группы, которая образует одну из синтаксических форм «*по* + дат. п.», не могут стать на место существительных, образующих другую синтаксическую форму.

В известном эксперименте И. С. Ильинской с сочетаниями *пишу пером, пишу перу*²⁶ по поводу второго сочетания сказано, что оно «неудобно по причине своего фактического значения», но «вполне возможно грамматически, или вернее, формально». Показательно уточнение: противопоставление «формального» «грамматическому» здесь справедливо в смысле «морфологического» и «синтаксического». На уровне морфологии существует вообще форма дательного падежа. О значении этой формы можно говорить только на уровне синтаксическом, поскольку единого падежного значения не установлено, а разные значения в пределах одного падежа создаются в единстве семантического содержания формы и ее синтаксической функции.

Сочетание *пишу перу* невозможно, очевидно, потому, что синтаксической формы типа *перу* со значением адресата нет: в создании такой формы участвуют существительные, называющие лицо или предмет как коллективное лицо (*писать матери, пи-*

²⁶ И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», т. V, 1941, вып. I, стр. 76. Ср.: Б. А. Дмитриев. К вопросу об управлении в современном русском языке. — В сб.: «Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка». Новосибирск, 1966, стр. 110.

сать семье). При обозначении коллективного лица наблюдается явление частичной нейтрализации различий между категориями одушевленности и неодушевленности в группах имен, участвующих в создании структурно-смысловых компонентов со значением лица — адресата и отправителя и некот. др. (ср. *отцу, секретарю, местному, дирекции, школе* — *от отца, от секретаря, от местного, от дирекции, от школы* — *у отца, у секретаря, у местного, у дирекции, у школы* и т. п.).

Различны не только объем семантической категории для разных синтаксических форм слова, но и жесткость ее границ. Нетрудно, например, окказионально вообразить на месте дательного адресата имя неодушевленного, но персонифицированного при этом предмета: *сказать шкафу, стене, дереву, облаку* и т. п., хотя уже имена отвлеченные с трудом поддадутся здесь персонификации, но выйти за пределы семантических ограничений в других случаях оказывается невозможным, ср., например, замкнутость ряда в синтаксических формах со значением причины: *сказать по простоте, по рассеянности, по глупости, по прихоти* и т. д., но не: *по осторожности, по зависти, по красоте, по морозу, по дереву* и т. д.; *сказать из вежливости, из зависти, из каприза, из осторожности*, но не: *из глупости, из горя, из пользы*.

Корни разной степени лексической ограниченности тех или иных синтаксических форм уходят в историю языка, для современного состояния можно лишь констатировать как сложившийся факт единство лексического и грамматического значений в синтаксической форме слова и производность синтаксических возможностей формы от ее семантики.

С точки зрения морфологии и синтаксиса одна и та же форма слова может быть представителем разных рядов, объединяемых на совершенно различных основаниях.

Так, среди форм с общим предложно-падежным обликом *из тетради, из ревности, из страха* с морфологической точки зрения объединяются первая и вторая как представители некоторого множества существительных женского рода, III склонения (в ряду с существительными *лошадь, скатерть, нежность, заводь* и т. д.), а *из страха* представляет некоторое множество имен мужского рода твердого II склонения (в ряду *стол, дом, слон* и т. д.). С синтаксической точки зрения объединяются вторая и третья формы как представители некоторого множества свободных синтаксических форм со значением побудительной причины действия — состояния (в ряду с формами *из вежливости, из робости, из опасения, из боязни, из любопытства* и т. д.), а *из тетради* представляет некоторое множество имен, способных обозначать направление действия (в ряду *из комнаты, из банки, из лесу, из окна* и т. д.), или другое множество имен, способных обозначать материал (в ряду *из глины, из стекла, из серебра, из прутиков* и т. д., напр., *из тетради сделал кораблик*). Для морфологии оказывается важным тип основы слов, образующих ряд, при нере-

левантности их семантики. Для синтаксиса важна семантическая близость, словообразовательная же структура релевантна лишь в той мере, в какой отражает семантическую общность. При этом морфологический ряд отличается большей устойчивостью: объединяющий его признак сохраняет силу во всей парадигме. Семантическая общность некоторого множества слов, образующих ту или иную синтаксическую форму, неустойчива. За пределами данной формы она либо распадается, либо существенно меняет свои очертания. Даже близкие по общему значению причинности синтаксические формы «из+род. п.», «с+род. п.», «по+дат. п.» образуются иными множествами, обнаруживая лишь отдельные лексические совпадения (например, *из страха — со страху; из прихоти — по прихоти, из каприза — по капризу*).

Собственно говоря, у понятий «морфологическая форма слова» и «синтаксическая форма слова» только одна совпадающая грань — флексия того или иного падежа в том или ином слове. Во всем остальном эти категории формируются различным комплексом признаков и лежат в разных плоскостях. На уровне синтаксиса единое понятие падежа распадается.

Располагая одинаковым количеством морфологических форм по количеству падежей (если отвлечься от флексийной оморфемности), существительные разных семантических категорий располагают разным количеством синтаксических форм.

Всеобщность морфологической формы (каждое имя принимает ту или иную флексию каждого падежа в соответствии со своим типом склонения) противопоставляется избирательности синтаксической формы, предопределенности ее семантической категорией имени. Эта избирательность и предопределенность обусловлены отражением в синтаксисе внеязыковой действительности.

Из сказанного вытекает, что соотношение грамматического и лексического, грамматического и семантического в морфологии и синтаксисе различно.

Привычная формулировка, выражающая признанный факт взаимодействия лексики и грамматики, «лексическое наполнение» синтаксической конструкции, создает неточное представление о соотношении формы и содержания, вызывая образные аналогии с наполнением различными веществами и предметами имеющих емкости. В синтаксисе мы не наполняем форму содержанием, а берем компоненты смысла уже сформированными в одной из нужных нам форм.

И к синтаксической форме можно отнести глубокое определение В. И. Ленина: «Форма существенна. Сущность сформирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...»²⁷.

²⁷ В. И. Ленин. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, стр. 129. Ленин дает эту формулировку после следующей цитаты из «Науки логики» Гегеля: «...Нельзя задавать вопрос, каким образом форма приходит к сущности, ибо первая есть лишь свечение последней в себе самой...»

6. Синтаксическая система русского языка в самом общем виде представляется следующим образом. На докоммуникативной ступени синтаксис располагает определенным ассортиментом средств обозначения элементарных смыслов (синтаксических форм слова), при этом каждая из синтаксических форм обладает определенными функциональными, комбинаторными (синтагматическими) свойствами и находится в определенных смысловых и функциональных парадигматических рядах, обеспечивающих говорящему возможность выбора.

Безграничное многообразие явлений действительности, противостоящее языку, вызывает у некоторых лингвистов опасения, что семантическая ориентация синтаксиса угрожает ему субъективизмом, утратой четких критериев. Однако явления действительности обобщены коллективным человеческим сознанием в определенные категории — лица, предмета, события, действия, состояния, качества, количества, времени, места, причины и т. д., с которыми и соотносится рубрикация элементарных смыслов. Бесконечное многообразие явлений находит отражение и обобщение в конечном наборе языковых средств, каждое из которых занимает закрепленное место в языковой системе.

Соответственно категориальному характеру высказываемой мысли говорящий избирает нужные ему синтаксические формы слов, сопрягая их в коммуникативных целях в рамках определенной модели предложения. Реализуя в модели предложения свои функциональные свойства, синтаксическая форма слова приобретает статус структурно-смыслового компонента предложения; здесь действует та специфика синтаксической структуры, согласно которой роль компонентов определяется их взаимосвязанностью, тем, что каждый становится звеном синтаксической цепи только вступая в отношения с другими звеньями.

Модель предложения, или его предикативная основа, определяется как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением. И типовое значение и модель — синтаксические абстракции, являющиеся результатом обобщения структуры определенного множества предложений, наблюдаемых в употреблении, но взятых в существенном и типическом.

Типовое значение — смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения. Структурно-смысловые компоненты относятся к единому понятию модели предложения с данным типовым значением как части к целому. Поэтому типовое значение — это общее значение множества предложений, представляющих данную модель, и вместе с тем — это общее значение нескольких синонимичных моделей, сопрягающих равнозначные, но разнооформлен-

ные компоненты. Например, типовое значение «предмет и его качество» выражается рядом предложений, представляющих одну модель: *Сотрудник усерден; Его лицо выразительно; Он самоуверен* и т. п. Это же значение выражается рядом синонимичных моделей, предикативно соотносящих те же, но иначе оформленные компоненты со значением предмета и качества: *Сотрудник отличается усердием, Сотрудника отличает усердие, Для сотрудника характерно усердие; Его лицо характеризуется выразительностью, Его лицу присуща выразительность; Его отличает самоуверенность, Ему свойственна самоуверенность* и т. п. Ср. выражение типового значения «субъект и его состояние» рядом предложений, представляющих одну модель: *Ему грустно, Тебе весело, Детям жарко, Ей тоскливо*, и синонимичными моделями: *Она тоскует, Она в тоске, У нее тоска*. Ср.: *Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя* (Пушкин).

По-видимому, названные типы отношений между явлениями действительности не могут существовать в языковом сознании иначе как в виде одной из данных языком синтаксических конструкций. Количество и состав конструкций для выражения названных, как и любых иных отношений в каждом языке определенны и стабильны (в синхронном плане). Если они не описаны, то изучить и описать их — задача синтаксиса.

Представление структуры предложения в виде комплекса предикативно сопряженных структурно-смысловых компонентов, выраженных тем или иным из способов, имеющих для этого в системе языка, может быть основой для сопоставления этих способов и в пределах одного языка и между различными языками²⁸.

Понятие модели представляет, таким образом, семантико-грамматическую структуру предложения, понятие типового значения — семантическую структуру предложения. Поскольку в понятие модели необходимо входят семантические показатели, а типовое значение находит выражение в определенном наборе моделей, т. е. не мыслится вне языковых средств, можно утверждать, что противопоставление семантического «чисто грамматическому» для синтаксиса лишено смысла. Формы, структура в синтаксисе не противостоят семантике, они не антисемантичны, не асемантичны, но семантичны по самой своей онтологической природе.

Только в этом смысле можно понимать противопоставление модели и типового значения как противопоставление формы и содержания, по существу это — соотношение разных ступеней семантико-грамматической абстракции.

²⁸ «Семантическое членение («картирование») действительности тем или иным языком является, вообще говоря, произвольным, и семантическая «карта» какого-то одного языка отлична от семантических «карт» всех прочих языков» (У. Вайнрайх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», V, стр. 163).

В этом соотношении обнаруживается известное явление асимметрического дуализма языкового знака, на нем же основываются возможности синонимичности и — практически довольно редкой — омонимичности моделей предложения.

Исходя из того, что соотношение семантического и синтаксического планов выявляется в одних и тех же единицах структуры предложения, мы сможем изучить формы выражения субъекта, объекта действия и других семантико-синтаксических категорий в разных типах предложений — с точки зрения активной грамматики, или, наоборот, семантико-синтаксическое назначение тех или иных форм — с точки зрения пассивной грамматики. Между разными способами выражения одних и тех же структурно-смысловых компонентов в системе синтаксиса существуют парадигматические связи, совокупность способов выражения каждого компонента составляет его парадигму, в организации связной речи обнаруживается их синтагматическая роль.

И путь активной грамматики и путь пассивной грамматики, объективирующиеся в реальных единицах синтаксиса, существующих в нераздельном единстве формы и содержания, могут привести к достаточно информативному системному описанию грамматико-семантических средств того или иного языка²⁹.

Однозначное употребление понятий субъекта (как обозначаемого определенными синтаксическими формами слова реально-го носителя действия, состояния, признака в денотативной ситуации), объекта (как обозначаемого определенными синтаксическими формами слова предмета, подвергающегося действию в денотативной ситуации) и др. под. избавляет от необходимости пользоваться двойной терминологией (субъект грамматический — субъект логический; подлежащее — субъект, подлежащее — объект, подлежащее — действие и т. п.), усложненным способом представляющей в существующих синтаксических теориях отношения между «грамматическим» и «семантическим» планами. Можно думать, что подобная усложненность является следствием не только и не столько опосредованности отражения в языке отношений реальной действительности, сколько следствием привычного участия в синтаксических концепциях логицизма и морфологизма.

Освободившись от схематизма теории членов предложения,

²⁹ См. сходные суждения о соотношении анализа и синтеза в языке: «Описание — совокупность сведений о том, как устроен изучаемый механизм — как и на какие детали его можно «разобрать» (или из каких деталей его можно «собрать»)» (И. А. Мельчук. Автоматический синтаксический анализ. Новосибирск, 1964, стр. 8); «Структура языка — это пути, по которым можно ходить в любую сторону (осуществлять и анализ и синтез)... Владение структурой необходимо как для порождения высказываний на данном языке (синтез), так и для понимания высказываний (анализ)» (Б. Ю. Городецкий. К проблеме семантической типологии. Изд. МГУ, 1969, стр. 33—34). С точки зрения не языка, а речевой деятельности А. А. Леонтьев подчеркивает, что анализ и синтез не являются взаимно обратимыми системами операций (А. А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 71—72).

мы избавимся также от необходимости насилловать здравый смысл в поисках действия и его производителя в таких предложениях, как *Наступили сумерки*, *Красота ее радует* и под. Категориальная, обобщенная семантика знаменательных слов неразрывно связана с функционированием этих слов в качестве структурно-смысловых компонентов предложения. Окажется, что разряды слов со значением действия, качества, состояния и под. и служат в предложении для выражения компонентов со значениями действия, качества и т. д.

Справедливо утверждается, что существует определенное соответствие между классами явлений и их отношениями³⁰. Однако вряд ли правильно полагать, что, переведя название процесса в класс названий предмета, мы выразим агентивные отношения между процессами (*Боль утихает*). И в составе предметного класса названия процесса сохраняют значение процесса, а категориям процесса, качества, количества роль производителя действия не свойственна ни в реальной действительности, ни в структуре языка³¹ (каузативные их функции будут рассмотрены ниже в III главе). Давление логической схемы предложения и здесь мешает увидеть соотносительность между семантико-синтаксическими компонентами предложения и обозначаемыми ими явлениями действительности. На эту соотносительность, собственно, и опирается коммуникативная функция языка.

Возвращаясь к вопросу о соотношении значения и функции в синтаксисе, подытожим исходные положения.

Для того, чтобы установить значение той или иной синтаксической формы, мы абстрагируем его как результат множества конкретных употреблений. Но из этого не должно вытекать смешение методики исследования и онтологической сущности объекта, причинно-следственных связей между значением и употреблением.

На ступени докоммуникативной разным типам синтаксических форм слова в разной степени присуще собственное категориальное значение, каждый тип располагает своими способами включения этого значения в связную речь, а функционально они

³⁰ В. Н. Мигирин. Принципы изучения членов предложения.—ФН, 1961, № 3.

³¹ Важной задачей остается изучение отношений в истории русского языка грамматического подлежащего с реальным субъектом, постепенного расширения семантических возможностей подлежащего, по существу — усложнения и обогащения структурно-смысловых типов простого предложения. См. соответствующие наблюдения Ю. С. Степанова в истории романских языков: «В латинском языке подлежащее... не могло обозначать абстрактный, лексически неопределенный и т. п. предмет и, следовательно, грамматически совпадало с реальным субъектом» (Ю. С. Степанов. Французская стилистика. М., 1965, стр. 343; Он же. Проблема предложения в сравнительно-историческом синтаксисе. «Вестник МГУ», 1957, № 2). Ср. замечание А. И. Смирницкого: «По-видимому, исторически, по своему происхождению, идея подлежащего была связана с представлением о деятеле» («Синтаксис английского языка». М., 1957, стр. 225).

предназначены для этого включения. Категориальное значение синтаксической формы того или иного типа реализуется через ее синтаксическую функцию.

На коммуникативной ступени свойством предложения выражать в определенной модели типовое значение обусловлены его основная синтаксическая функция независимого высказывания и доминирующее положение среди синтаксических единиц.

Состав модели предложения определяется необходимым минимумом компонентов, отсюда — различие односоставных, двусоставных и трехсоставных (однокомпонентных, двухкомпонентных и трехкомпонентных) моделей. Предикативный минимум предложения, представляемый его моделью, может распространяться и усложняться тем или иным способом, зависящим от типа модели. Усложнение структуры и типового значения предложения происходит и в результате взаимодействия, сложения разных моделей в составе простого предложения.

Становясь компонентом сложного предложения, простое предложение приобретает строевые функции, как и подобает строевому компоненту в организации целого. Изучение принципов организации и распространения простого предложения — необходимый этап и для понимания структуры сложного предложения, поскольку многие принципы их строения аналогичны. Это не исключает и специфики структуры сложного предложения, в ряде сторон своих не соотносительной со структурой простого.

Правила организации простого и сложного предложения, как и сами эти единицы, принадлежат синтаксису языка. Предложение в языке — тема III главы книги.

В речи, в связанном контексте, в конситуации возникает новая проблематика изучения предложения с точки зрения композиционно-синтаксической и экспрессивно-интонационной организации целого текста или речевой ситуации. Сюда относится круг вопросов, связанных с так называемым актуальным членением, разными типами логического ударения, порядка слов, а точнее — расположения структурно-смысловых компонентов, межфразовых связей и т. п. Эти вопросы принадлежат синтаксису речи, и предложение, изучаемое в аспекте его контекстных связей и дополнительных речевых функций, становится объектом синтаксиса речи.

Вопросы речевого синтаксиса и возможности их решения будут показаны в IV главе книги, но лишь в такой мере, в какой необходимо установить место их в излагаемой концепции предложения, с тем, чтобы предложение в качестве объекта изучения предстало «как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов»³², в единстве своей языковой структуры и речевой реализации.

³² В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 89.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВА КАК ПЕРВИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ СИНТАКСИСА

О синтаксических связях слов. Элементы связи: слова и формы слов. Синтаксические свойства слов: знаменательных и служебных, знаменательных: вспомогательных и основных. Свойства синтаксических форм слова. Типы и свойства сочетаний. Типы связей.— Вопрос о словосочетании.— Связанные синтаксические формы имени (в III функции).— Свободные синтаксические формы имени: в I функции, во II функции, в III функции. О предлоге.— Обусловленные синтаксические формы имени: во II функции, в III функции.— Схема функциональных признаков синтаксических форм имени.— Вопрос о «детерминантах».— Омонимия синтаксических форм имени.— Синонимия синтаксических форм имени.— Соотношение функциональных типов синтаксических форм имени в процессе развития современного русского языка.— Синтаксические формы других частей речи.

О СИНТАКСИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ СЛОВ

1. Понятие синтаксических связей слов является общим для всех синтаксических теорий, независимо от того, как они понимают задачи и методы синтаксиса. Синтаксис изучает, как связываются слова в речи (в предложения, в словосочетания, в синтагмы и т. п.) — в этом сходятся, очевидно, грамматисты всех школ и направлений. В таком же общем смысле употребляются понятия синтагматических связей слов, синтаксической зависимости. В последнем случае оттеняется иерархичность отношений между словами, которую принято схематически изображать с помощью стрелок, в виде «деревьев» и т. п.

На существующем представлении о синтаксической зависимости строится учение о словосочетании, о типах связи — управлении, согласовании и примыкании, теория членов предложения, различение главных и второстепенных членов, в работах с модернизированной терминологией — понятие валентности слова и т. д.

С каждым из этих разделов синтаксиса связан известный комплекс спорных и нерешенных вопросов, «пограничных конфликтов» в классификациях, многократные обсуждения которых

не исключают необходимости возвращаться к ним снова и снова. Объясняется это, по-видимому, тем, что недостаточно выясненные понятия определяются через недостаточно выясненные.

В самом деле, схематические изображения синтаксической зависимости страдают механистичностью, они отражают скорее логический характер отношений между словами, между тем как понятие синтаксической зависимости покрывает самые различные языковые явления и связи, многие из которых не имеют отношения к значению слова «зависимость»¹.

Целесообразно начать синтаксическое описание с попытки выяснить, каковы собственно языковые факторы, управляющие связями и сочетаемостью слов. Расчленение их, дифференциация должны способствовать и выявлению сущности целого ряда синтаксических категорий.

2. Анализируя тот или иной вид синтаксической связи, следует определить: что с чем связано, на каком основании; при каких условиях, какими средствами выражается эта связь и чему служит с точки зрения осуществления коммуникации.

Итак, прежде всего: что с чем связано, какие элементы вступают в синтаксическую связь.

На докоммуникативной ступени минимальной конструкции, где обнаруживается синтаксическая связь, считается словосочетание двух знаменательных слов, объединенных грамматически и по смыслу² (*писать статью, заниматься алгеброй, надеяться на друзей, войти в дом, спелое яблоко, суровая зима, стихи о друге, весьма поспешно* и т. д.).

Однако утверждение, что так называемое двусловное словосочетание — это соединение двух слов, не вполне справедливо.

Слово *писать* сочетается не со словом *статья*, а лишь с одной из его форм, формой винительного падежа, так же, как слово *заниматься* сочетается с формой творительного падежа слова *алгебра*. Слово *писать* может предстать в любой из форм (*пишу, пишут, писала бы, пишите, пишущий* и т. д.), и любая из его форм сочетается лишь с одной из форм слова *статья* — с формой винительного падежа. Значит, это не сочетание двух слов, а сочетание слова во всей совокупности его форм с определенной формой другого слова.

Слово *яблоко* сочетается не со словом *спелый, красный* вообще, а лишь с одной определенной формой слова, в данном случае с формой прилагательного именительного падежа, единственно-

¹ При всей важности для синтаксиса этого — одного из исходных понятий — оно остается неопределенным и недифференцированным. Установленные Ельмслевым три самых общих вида зависимости: двусторонняя (интердепенденция), односторонняя (детерминация) и свободная (конstellация), как известно, не имеют в виду отношения между собственно синтаксическими единицами.

² Ср. определение словосочетания в «Грамматике русского языка» (М., Изд-во АН СССР, 1954, т. II, ч. I, стр. 21).

го числа, среднего рода. Но если *яблоко* стоит не в именительном падеже единственного числа, а в других формах (*яблока, яблоку, яблоками*), то каждая из этих форм будет сочетаться с одной определенной формой прилагательного (*спелого яблока, спелому яблоку, спелыми яблоками* и т. д.). Перед нами — сочетание не слова во всей совокупности его форм со словом, а сочетание формы слова с формой слова³: форма управляемого обусловлена управляющим словом, а форма согласуемого определения обусловлена формой определяемого.

Наконец, в сочетаниях типа *весьма поспешно, очень красивый, яйца всмятку*, поскольку в сочетания вступают слова, не имеющие форм, мы видим сочетания слова (не имеющего форм) со словом или слова в совокупности его форм со словом⁴.

Приведенные группы примеров, как очевидно, соответствуют тому, что традиционно называется тремя видами подчинительной связи: управлению, согласованию и примыканию. Эти традиционные понятия тоже нуждаются в дифференциации, но предварительно можно подготовить определение этих понятий такой группировкой элементов:

управление — связь слова с формой слова,
согласование — связь формы слова с формой слова,
примыкание — связь слова со словом.

Можно предположить, что в функционально-синтаксическом отношении слова, не имеющие форм, могут быть ближе к синтаксическим формам, чем к словам с совокупностью форм.

Важно, что элементами, вступающими в сочетания, являются не только слова, но и формы слов.

Поскольку определяемые слова при управлении и примыкании, если они в последнем случае имеют систему форм, в предложение, в предикативную связь вступают в одной из форм⁵, обусловленной структурным типом предложения, то оказывается, что минимальным элементом, функционирующим в синтаксисе, и являются синтаксические формы слов, а слова — только тогда, когда они не способны к формонизменению.

3. Характер любого сочетания, любого двустороннего союза определяется теми качествами и свойствами, которые проявляет в этом союзе каждая из сторон. Поэтому необходимо рассмот-

³ Ср.: «...непредикативная (подчинительная) связь есть связь слова, во всей совокупности его форм, с одной определенной формой слова (*читать книгу, читаю книгу...*) или слова, во всей совокупности его форм, с другим словом, также во всей совокупности его форм (*хорошая книга, хорошую книгу...*)» («Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 136).

⁴ Дальнейшее изложение должно показать, что «примыкание» инфинитива представляет иной вид связи, выходящий за рамки словосочетания.

⁵ Ср. определение В. В. Виноградова: «Модели построения предложений не есть модели соединения слов; это — модели соединения форм, выступающих как носители и частных и общих грамматических значений» («Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1963, вып. 4, стр. 284).

реть по отдельности синтаксические свойства слова и синтаксические свойства формы слова. Различаются два типа синтаксических свойств:

1) одни заложены в словах и синтаксических формах слов, в их лексико-грамматических качествах, и лишь реализуются в отношениях между словами, в синтаксических построениях;

2) другие возникают в отношениях между словами, создаются синтаксическими конструкциями.

Какие лексико-грамматические свойства слова могут влиять на его синтаксическую сочетаемость и на характер его связей с другими словами? С этой точки зрения лексика языка представляет собой классы и группы слов, крайне неравномерно и разнообразно проявляющие себя в отношении к синтаксису. Кажется возможным упорядочить это разнообразие в некоторой иерархической схеме.

4. Прежде всего, в отношении к синтаксису, как и вообще по семантико-грамматической структуре, слова делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные слова «способны выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий»⁶.

Среди служебных слов частицы, предлоги и союзы в функциональном отношении составляют три группы:

а) образующие формы слов (предлоги при именах, частицы *бы, пусть, да* при глаголах);

б) сочетающие формы слов в предложении (союзы);

в) сочетающие простые предложения в сложные (союзы)⁷.

5. Знаменательные слова, как известно, объединяются в лексико-грамматические категории частей речи, и синтаксические функции каждой части речи служат одним из основных критериев этого объединения и разделения.

Определяет ли принадлежность к той или иной части речи синтаксическое поведение слова? Лишь в известной мере; точнее было бы сказать, что этим определяются лишь синтаксические различия между частями речи постольку, поскольку части речи являются языковыми коррелятами абстрагированных общественным сознанием разных классов явлений самой действительности. Естественно, что в системе связей и отношений существующей действительности явления, относимые к субстанции и качеству, субстанции и процессу и т. п., занимают разное место.

Но координаты явлений в системе отношений реальной действительности могут не совпадать с координатами языковых коррелятов тех же явлений, через языковое сознание человека занимавших место в языковой системе.

⁶ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 41.

⁷ В. В. Виноградов возражал против предлагавшегося В. Н. Сидоровым деления незнаменательных слов на разряды с синтаксическими и несинтаксическими значениями, справедливо указывая на тесную связь модально-экспрессивных и синтаксических значений («Русский язык», стр. 664—665), но от модально-экспрессивных значений здесь мы пока отвлечемся.

Каждая из знаменательных частей речи как лексико-грамматический класс слов характеризуется основным семантическим значением, отражая тем самым некоторую однородность класса явлений действительности, обобщенных языковым сознанием в форме той или иной части речи. (Выражение «семантическое значение» не является здесь тавтологическим, поскольку обозначаемое им понятие противопоставляется понятию «лексическое значение» как групповое, обобщенное — индивидуальному.)

Таким основным значением для класса существительных является значение предметности, для прилагательных — значение признака предмета, для глаголов — значение действия (процесса) и т. д.

Однако обобщающая сила языкового сознания такова, что явления, представляющие неоднородные категории самой действительности, могут быть на основании определенных признаков сгруппированы в общие языковые категории. ▽

Так, под категорию предметности в языке могут быть подведены не только названия предметов, но и названия действий, состояний, признаков (ср. *дом, собака, небо* — и *дыхание, бег, терпение, резвость, сон*). Под категорию признака подводятся не только названия качеств предмета (*высокий дом, рыжая собака*), но и названия предмета-владельца, предмета-материала и др. (ср. *отцовский дом* — *дом отца, кожаный переплет* — *переплет из кожи*)⁸.

Таким образом, номинативная функция осуществляется знаменательными классами слов прямо — когда категории реальных соответствует категориальное значение выражающей ее части речи, например, в языковую категорию предметности, обозначаемую именами существительными, включаются названия предметов, и косвенно — когда это соответствие нарушено, например, под категорию предметности подводятся другие категории реальной действительности. Отношения между словами, выражающими понятия (или называющими явления действительности, отраженные в общественном сознании), с одной стороны, и самими явлениями действительности — с другой, далеко не прямолинейны.

Соответственно способу реализации то или иное понятие в языковом воплощении принимает те грамматические значения и формы, которые свойственны воплотившей его части речи как лексико-морфологической категории.

Отмечая разнообразие вещественных значений существительного и других частей речи, обычно подчеркивают те грамматические свойства, которые объединяют данный класс. Между тем, различие вещественных, лексических значений имен существительных, подразделяющее их на подклассы конкретно-предмет-

⁸ См. об этом: Е. А. Земская. О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке. — В кн.: «Историко-филологические исследования». М., 1967.

ных и отвлеченных имен, одушевленных и неодушевленных, личных и неличных, а среди отвлеченных разграничивающее имена действия, качества и т. д., определяет в известной мере и их синтаксические свойства, так что подклассы частей речи оказываются не только лексическими, но и лексико-грамматическими разрядами⁹.

Включая в категорию предметности названия разнообразных явлений действительности, подклассы существительных вступают в известную соотносительность с теми частями речи, которые служат для прямого названия данной категории явлений. Однако соотносительность не означает влияния грамматических свойств одной части речи на другую. Так, существительные со значением действия сочетают с именными грамматическими свойствами глагольные не столько в силу родства с глаголами (прямых словообразовательных связей может и не быть), сколько в силу общности вещественного значения, причастности к категории действия¹⁰.

В реальной действительности категория действия связана с категориями агенса (субъекта действия), объекта (не всегда), признаков и обстоятельств. Ср.: *В лекциях профессор анализирует книгу своего коллеги — анализ профессора — анализ книги — анализ профессором книги в лекциях.*

Если анализ как название действия способен к реализации субъектных, объектных, адъективно- и адverbiallyно-определятельных связей, то книга как название конкретного предмета, кроме адъективно-определятельной, факультативно вступает в связь с обозначениями принадлежности, местонахождения и некоторых сопутствующих признаков (*с застешками, в переплете* и т. п.)¹¹. Еще Н. Кошанский заметил: «Иван и Петр, дуб и береза, камень и железо не требуют и не могут требовать падежей»¹².

⁹ В свое время А. М. Пешковский, предостерегая от «антиграмматического гипноза, который исходит от вещественных частей слов», уподоблял силу вещественного значения течению реки, увлекающей какой-нибудь предмет, а силу формального значения — ветру, дующему против течения и удерживающему тот же предмет (см.: «Русский синтаксис в научном освещении». М., 1938, стр. 98—99). Сравнение, может быть, вопреки мысли Пешковского, говорит о том, что движение предмета определяется в конечном счете течением, а не ветром.

¹⁰ «В основном круг употребления номинативного значения слова, круг его связей соответствует связям и отношениям самих предметов, процессов и явлений действительного мира» (В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, стр. 12).

¹¹ Бытующее мнение, что различие между субъектным, объектным и атрибутивными значениями в родительном падеже синтаксически нейтрализуется, основано на переносе в синтаксис чисто морфологических критериев. Различие между синтаксическими формами родительного падежа опирается на принадлежность каждой из них к существующей в языке системе синтаксических средств, служащих для выражения субъекта действия, признака предмета и т. п.

¹² Н. Кошанский. О русском синтаксисе. «Труды Общества любителей российской словесности», 1819, ч. XV.

Более того, аналитическим способом, посредством вспомогательных глаголов, существительные со значением действия представляют действие во времени и в модально-фазисных изменениях: *начало, окончание, продолжение чтения* (ср. *чтение начинается, окончилось, происходило, состоится*), *охота, склонность к чтению* и т. п.

Как общее значение действия сближает синтаксические свойства имен действия и глаголов, так и общее значение качества сближает синтаксические свойства соответствующих существительных и прилагательных¹³. Подобно прилагательному, отвлеченные имена со значением качества отличаются известной синтаксической несамостоятельностью, неспособностью функционировать как независимая единица, обязательной сочетаемостью с названием определяемой субстанции, предмета, способностью представлять качество в его количественных изменениях и с качественным определителем¹⁴.

Ср.: *алая заря — алость зари, густо-синее небо — густая синева неба, необъятно широкая река — необъятная ширина реки, более высокое дерево — большая высота дерева* и т. п.

И есть *ланит живая алость*, Печаль свиданий и разлук (А. Блок); *Огромную впалость Висков твоих* — вижу опять (М. Цветаева).

Значение качества, оформленное в виде глагола, приобретает процессуальные оттенки изменения степени качества или выявления качества.

Ср.: *Снег белеет к рассвету — снег становится белее* (или *выявляет свою белизну*); *Трава густеет — трава становится гуще* и т. п.

Таким образом, одни и те же реалии находят выражение в языке различными способами, в виде разных частей речи, прямо и косвенно, но при этом подклассы частей речи в своих синтаксических свойствах отражают характер данной реалии, определенный ее местом в системе объективно существующих и общественно осознанных связей и отношений действительности. «Грамма-

¹³ Главный вывод обстоятельной работы Е. Кржижковой «Substantiva s dějovým významem v ruštině a v češtině» («Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české», III. Praha, 1968): «существительные действия выполняют в основном те же синтаксические функции, какие характерны для существительных других семантических окруж», — аргументируется употребительностью всех существительных во всех падежах, но это не собственно синтаксическое основание. Ср. наблюдения над синтаксическими свойствами отвлеченных имен в статье: P. Adamc. Deverbativní a deadjektivní substantiva jako součást povrchové reprezentace predikátů ruských vět. «Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury». Praha, 1971, № 15.

¹⁴ Констатируя, что переходность в значительно меньшей степени присуща прилагательному в сравнении с глаголом, А. Сешез отмечал: «Это зависит, без сомнения, от того, что категория качества менее богата содержанием, чем категория процесса, и требует менее часто и менее энергично дополнений извне» (A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926, стр. 85).

тические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями»¹⁵.

Из изложенного вытекает, что различия в синтаксических свойствах слов, объединенных в пределах той же части речи, обусловлены различиями их реальных значений.

Есть и другая причина, по которой представляется упрощением выделение общей для той или иной части речи синтаксической функции. Утверждая, что предметные значения подлежащего и дополнения типичны для имени существительного, роль сказуемого для глагола, мы утверждаем лишь частичную истину. Если брать слово той или иной категории во всей совокупности его форм, то окажется, что роль подлежащего и дополнения в такой же мере типична, хотя и не является единственной, для одних форм имени существительного (например, в именительном и винительном падеже), в какой роль обстоятельственная типична для других форм существительного (например, в предложном, творительном, в большой мере в родительном падежах и т. д.). Роль предикативная характерна для личных форм глагола в такой же мере, в какой непредикативная характерна для инфинитива, причастия и деепричастия.

Определение синтаксических свойств слова в плане проблемы «части речи и члены предложения» оказывается мало конструктивным для синтаксиса: синтаксические возможности слов, представляющих главные части речи, универсальны, имя и глагол в совокупности своих форм выполняют роли всех членов предложения. Таким образом, о части речи в целом нельзя сказать, в каких типах конструкций и каким способом она может участвовать, а именно в этом и состоит смысл синтаксической характеристики¹⁶. Этому требованию может удовлетворить рассмотрение синтаксических форм слова, но пока здесь речь идет только о свойствах слова как целого, как совокупности форм.

6. Знаменательные слова делятся еще на два класса: слов основных и вспомогательных, по признаку способности/неспособности быть компонентом предложения. К вспомогательным можно отнести несколько типов слов.

6.1. Из традиционной грамматики известен разряд так называемых полузнаменательных глаголов, с помощью которых образуются составные сказуемые.

Кроме так называемой «чистой связки» *быть*, которую В. В. Виноградов вообще выводил за пределы знаменательных слов, в разряд служебных, в составных сказуемых различают два типа вспомогательных или связочных слов: фазисные

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 15.

¹⁶ Ср. аргументы. И. Ф. Вардуля, полагающего, что «считать синтаксической величиной слово как часть речи неправомерно» («Очерки потенциального синтаксиса японского языка». М., 1964, стр. 10).

(обозначающие фазы в осуществлении процессуального признака: *стал учителем, сделался важным, продолжал говорить, начал петь* и т. п.) и модальные (обозначающие модальное отношение между субъектом действия и действием: *хотел петь, мог уйти, старался выразить* и т. п.).

«Связка *быть* не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия. Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т. п.) представляют собой гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки»¹⁷.

Гибридность этих слов ставит их, собственно говоря, в позицию промежуточную между знаменательными и служебными словами. Однако традиционная грамматика «заметила» эти слова лишь в одной из свойственных им позиций — в позиции при-сказуемой. Между тем употребление их при словах определенных семантических категорий не связано с позициями того или иного члена предложения. В статье автора 1958 г.¹⁸ показывалось, что сочетания связочного или вспомогательного глагола со знаменательным глаголом или именем могут выступать в роли любого члена предложения.

Продолжать жить в деревне мне невозможно (Чехов); Сомнений нет, что намерения *стать Ротшильдом* у них не было (Достоевский); — Куда? — зарычал он, ухватя за хвост *хотевшего убежать* черта (Гоголь); Кажется, что небо все ниже склоняется над морем, *желая понять*, о чем шепчут неугомонные волны (Горький). См. также сочетания с именем от модального глагола: *Любителей посещать* сумасшедшие дома немного на этом свете (Чехов).

Способность этих сочетаний быть любым членом предложения свидетельствует, очевидно, о том, что сама категория члена предложения здесь оказывается нерелевантной. Для характера отношений между элементами несущественно также, в форме какой части речи выступает модальное или фазисное слово, ср.: *хотеть учиться, пытаться уйти, начать читать* — *желание учиться, попытка уйти, начало чтения*, а также *любитель читать, мастерица танцевать, готовый помочь, способный обмануть*. Лексическая неполнозначность модальных и фазисных глаголов, так же как и соотносительных с ними существительных и наречий, проявляется в том, что они неспособны быть самостоятельными «членами предложения», но функционируют во всех синтаксических построениях лишь как регулярные модификаторы при словах со значением действия (процессуального состояния).

Если быть последовательными в понимании словосочетания как соединения полнозначных, знаменательных слов, то к собственно словосочетаниям нет оснований относить как сочетания

¹⁷ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 475.

¹⁸ «Русский язык в школе», 1958, № 1.

хочу читать, могли прийти, кончим играть, так и сочетания желание читать, возможность прийти, конец или окончание игры, поскольку это не соединение двух полноценных номинаций, а регулярные структурно-семантические модификации одного обозначения, представляющего определенный семантический класс явлений¹⁹.

Еще одну группу вспомогательных слов составляют некоторые наречно-адъективные слова (*более, менее, самый*), участвующие в образовании аналитических форм степеней сравнения²⁰.

Гибридное, промежуточное положение сочетаний с вспомогательными словами предопределяет разную степень аналитичности²¹ и известные различия в их функционировании. Более аналитичное обозначение качества в его компаративной модификации свои отношения с другими словами выражает формами основного слова, менее аналитичное обозначение процесса в его фазисно-модальных модификациях отношения с другими словами выражает формами вспомогательного слова. Отсюда — подобие связи примыкания (*начал читать*) и управления (*начало пения*), однако, признав, что эти более или менее аналитические конструкции не являются сочетаниями двух полнозначных слов, мы получаем основание расценивать их связь как связь особого рода, не собственно синтаксическую.

Определение синтаксической роли вспомогательных слов затрудняется в лингвистической литературе противоречивостью

¹⁹ В «Грамматике русского языка» (т. II, ч. 1, стр. 21—22) отмечалась двойственность положения подобных сочетаний, с одной стороны, связанных с изучением предикативных категорий, с другой — еще не отделившихся от соответствующего круга сочетаний в силу присущей им номинативной функции. Ср. важные наблюдения Л. В. Щербы: «Все глаголы при инфинитиве становятся более отвлеченными, приближаются к формальным словам. Ср.: *он собирается охотиться и он собирается на охоту...* По существу действие не может распространяться действием, и только при потере глаголом его активного и конкретного характера такое распространение возможно. В этих сочетаниях, в сущности, не инфинитив распространяет глагол, а наоборот, инфинитив распространяется глаголом» (цит. по статье: С. Г. Бархударов, Л. В. Щерба о русском синтаксисе. — В кн.: «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956, стр. 66).

²⁰ «То обстоятельство, что *самый* употребляется в усилительном значении, в значении высшей или крайней степени качества или количества и в сочетании с именами существительными, несколько не колеблет того факта, что в описательных формах превосходной степени *самый трудный* и т. п. *самый* используется лишь как строевой элемент грамматической формы. Ср.: *самый густой лес и самая гуща или чаща леса*» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 246).

²¹ «Статическому „морфологизму“ фортунатовской школы я считаю своевременным противопоставить процессуальное рассмотрение явлений языка, которое позволяет говорить о большей или меньшей грамматизации тех или иных аналитических конструкций на разных ступенях их трансформации из словосочетания в аналитическую форму слова» (В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. — В кн.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 7).

трактовки понятия самостоятельности/несамостоятельности. Так, Э. Р. Атаян вслед за Л. Теньером полагает, что связочный глагол при именном сказуемом «оказывается синтаксически самостоятельным (образует конструктивный центр сцепления), тогда как соотносящееся с ним полное слово низводится на ступень «спутника» — слова служебного»²².

Из изложенного выше ясно, что возможно иное и, как кажется, более адекватное языковому материалу понимание синтаксической самостоятельности/несамостоятельности. Проиллюстрируем его сопоставлением ряда конструкций с разными формами именного сказуемого и с разными связочными, вспомогательными глаголами. Например: *Он поэт, Он сердитый, Он со странностями*. Ср.:

а) *Он был поэт, Он стал поэтом, Он станет поэтом, Он хочет быть поэтом, Он может стать поэтом* и т.д.;

б) *Он был сердитый, Он будет сердитый (сердитым), Он кажется сердитым, Он остался сердитым*;

в) *Он был со странностями, Он оказался со странностями* и т.п.

В каждом из трех рядов вспомогательные глаголы привносят временные, модальные, фазисные модификации в выраженное исходной моделью отношение того же признака к тому же предмету. При этом остаются неизменными не только типовые значения моделей, но и способы выражения образующих их компонентов (с конструктивно-обусловленными вариациями предикативных форм именительного и творительного).

Без вспомогательных глаголов синтаксические формы слов, составляющие «именное сказуемое», выступают в самостоятельной синтаксической функции компонента модели предложения.

Без именной части вспомогательные глаголы компонентом предложения быть не могут²³. Выражение вспомогательными глаголами морфологических признаков «согласования» сказуемо-

²² Э. Р. Атаян. Предмет и основные понятия структурального синтаксиса. Ереван, 1968, стр. 145—146. Ср. также: В. И. Чернов. Вопросы классификации сложного сказуемого. — В кн.: «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969.

²³ Идея, развиваемая вслед за А. Сешез Е. Кржижковой и другими лингвистами, что личная форма сказуемого глагола представляет чаще всего релятор, т. е. ее назначением является установление связи между субъектом и зависимым от личной формы «распространением», может быть справедливой только по отношению к неполнозначным глаголам. Кроме того, речь может идти не о форме, а о лексико-грамматическом значении глагола, ибо от него, а не от формы «зависит» распространитель.

О том, что транзитивное употребление языкового знака способствует его десемантизации, см.: В. Г. Гак. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 140. Еще А. Мейе отмечено, что образование любого словосочетания знаменует процесс ослабления лексического значения в слове.

го с подлежащим (лица, числа, рода) — недостаточное основание для признания за ними самостоятельной синтаксической роли, так же как и для низведения именной формы сказуемого на ступень служебного слова.

6.2. Другую разновидность вспомогательных слов представляют те, которые названы опорными в связи с изучением структурных оснований синтаксической синонимии.

С разграничением прямого и косвенного способов языкового обозначения реалий связаны структурные различия синонимических моделей предложения: модель основная характеризуется минимальностью языковых средств в отличие от вариативных моделей, ее синонимов, для которых типична конструктивно-распределенная избыточность языковых средств.

Эта избыточность создается возможностью тех или иных структурно-смысловых компонентов быть выраженными описательным и косвенным способом, при этом между компонентами описательного выражения распределяется грамматическая и семантическая нагрузка²⁴.

Например, модель предложения, сообщающего о признаке предмета, минимально состоит из имени и прилагательного: *Наш учитель добр, добрый*. Ср. с этой основной моделью серию вариативных, синонимичных ей: *Наш учитель — добрый человек, Наш учитель отличается добротой, Нашего учителя отличает доброта, Нашему учителю свойственна доброта, Для нашего учителя характерна доброта, Характерная черта нашего учителя — доброта*. См. синонимы других моделей: *Мастерская ремонтирует обувь — Мастерская производит ремонт обуви; Книг здесь — тысяча, Количество книг здесь составляет тысячу; Книга на столе, Книга находится на столе; Ель — хвойное дерево, Ель относится, принадлежит к хвойным деревьям и т. д.*

Вопрос о разновидностях вспомогательных слов, о границах между ними и между вспомогательными и основными словами еще требует дальнейшего изучения; возможно, обнаружатся и переходные разновидности²⁵, но пока можно сказать, что вспомогательные модально-фазисные слова дают регулярную структурно-семантическую модификацию того понятия, с выражением которого они связаны, тогда как с помощью вспо-

²⁴ «Слово сохраняет полноту своей номинативной функции, если выбор его определяется непосредственно содержанием сообщения, если мы не можем обойтись без него (или его синонима) для обозначения данного предмета, качества, действия. Если же употребление слова не является обязательным, это значит, что оно используется как компонент фразеологического сочетания или же как строевой элемент данной конструкции» (В. Г. А. к. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах, стр. 133).

²⁵ Л. В. Щерба признавал наличие «переходных случаев между словом и морфемой, с одной стороны, и между сложем и сочетанием слов, с другой стороны» («Восточнолужичское наречие», т. I. Пг., 1915, стр. 75). Ср. соображения Н. А. Слюсаревой о промежуточном между морфологией и лексикой «сервологическом уровне» системы языка (ФН, 1968, № 2, стр. 128).

могательно-опорных слов создаются смысловые оттенки, определяющие скорее стилистические различия в способах выражения того же значения.

Объединяет же их в общий класс то, что все вспомогательные слова без того слова, при котором они состоят, которое является носителем основной семантической нагрузки, не могут быть компонентами предложения²⁶.

Поэтому связь между вспомогательными и основными словами не является чисто синтаксической, она принимает характер отчасти морфолого-семантический у первого типа (*начал петь, более высокий*), отчасти лексико-фразеологический у второго типа (*производить какое-л. действие, составлять какое-л. количество и т. п.*)²⁷.

Следует заметить, что вспомогательность — свойство не формы слова, а самого слова, с его лексико-грамматическими качествами (возможно, в одном из значений для полисемичных слов).

В словосочетаниях *хочу хлеба, ем хлеб, доволен хлебом* и под. зависимые слова тоже не составляют отдельных компонентов предложения, но, во-первых, в отличие от вспомогательных, они являются отдельными компонентами внутрикомпонентного членения, распространяя определяемые слова, во-вторых, это роль не данных слов в совокупности их форм, а лишь определенных их синтаксических форм. В других синтаксических формах те же слова могут выступать в качестве конструктивных компонентов предложения, ср.: *Хлеб на столе, Хлеб — черствый, У хлеба румяная корочка* и т. п. Вспомогательные же слова отличаются неконструктивностью во всех своих формах.

6.3. Чтобы подойти к следующей разновидности знаменательных неполнозначных слов, сопоставим ряд примеров:

- (1) *У лукоморья дуб зеленый* (Пушкин).
- (2) *На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна.*
- (3) *Одна и грустна на утесе горючем Прекрасная пальма растет* (Лермонтов).
- (4) *На краю дороги стоял дуб* (Л. Толстой).
- (5) *На темной скале над шумящим Днепром Растет деревцо молодое* (Лермонтов).
- (6) *Ель растет перед дворцом,*
- (7) *А под ней хрустальный дом...*
- (8) *Остров на море лежит,*

²⁶ Ср.: Ю. И. Леденев. О границах и функциях класса неполнозначных слов в русском языке. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 148, 1964, стр. 184 и др.

²⁷ Своеобразие аналитизма в глагольно-именных сочетаниях, возникающих в сфере, пограничной между синтаксисом и фразеологией, отмечал Н. Н. Прокопович (см.: «Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи». Мысли о современном русском языке. М., 1969).

(9) *Град на острове стоит* (Пушкин).

(10) *На древней стене их наследственный щит И заржавленный меч их висит* (Лермонтов).

(11) *Кто видел Кремль в час утра золотой, Когда лежит над городом туман* (Лермонтов).

У всех приведенных предложений одно типовое значение — утверждение локализованного наличия предмета, или пространственной соотнесенности двух предметов. Одни из предложений (1), (7) выражают это значение безглагольным способом, другие — с помощью определенных глаголов. Очевидно, можно утверждать, что во всех примерах то же значение могло быть выражено без помощи глагола, непосредственным сопряжением двух форм имени — со значением наличествующего предмета и со значением места. На глагол приходится, таким образом, крайне незначительная доля общей информации, может быть, сводящаяся к нулю²⁸. Лексическое значение глаголов ослаблено и условно: можно сказать о дереве *стоит* или *растет* где-то, о тумане — *лежит*, *стоит* или даже *висит* (*над городом*); во всех этих случаях глагол только помогает выразить общее значение наличия, существования предмета, не внося дополнительной информации о способе его существования, но содействуя выражению грамматических значений (пример 4) (ср. в других случаях: *одна шуба висит на гвозде, а другая лежит на сундуке; на полке стояли и лежали книги*, где те же глаголы содержат противопоставление характера пространственного положения предметов).

Лексически ослабленный характер и избыточность рассматриваемых глаголов позволяют видеть в них своего рода вспомогательные слова, во всяком случае неполнозначные²⁹.

Поскольку общая роль рассматриваемых глаголов — способствовать выражению значения наличия, существования предметов, явлений, назовем их экзистенциальными. Неполнозначные экзистенциальные глаголы обычно являются фразеологически связанными в большей или меньшей степени. Наиболее общие глаголы — *есть* (обычно *был*, *будет*), *имеется*, *находится* (последние с книжной окраской); глаголы *стоит*, *висит*, *лежит* в экзистенциальном значении специализируются на сообщениях о неодушевленных предметах; *живет*, *обитает*, *проживает* (последний — с книжно-деловой окраской) — на сообщении о живых

²⁸ «Идея использования семантики привела к рассмотрению двух сопряженных понятий: смысл и отсутствие смысла, причем оказалось, что это последнее образует гамму всевозможных разновидностей» (Р. Якобсон. Итоги Девятого конгресса лингвистов. «Новое в лингвистике». IV. М., 1965, стр. 587).

²⁹ Ср.: «Семантическая избыточность позиционных глаголов *стоять*, *лежать*, *сидеть* создает условия для их превращения в слова служебного характера, и они выступают как параллели к глаголам *быть*, *находиться*, отличаясь от них только более узкой сферой употребления» (В. Г. Гак. Русский язык в зеркале французского. «Русский язык за рубежом», 1967, № 3, стр. 42).

существах; *стоит, растет, произрастает* (последний — с книжной окраской) — о растениях; *стоит* — о погоде, о времени дня или года (*Стоял ноябрь уж у двора* — Пушкин; *Стояла свежая, безлунная, звездная ночь ранней южной осени* — Фадеев); *царит* — о некоторых состояниях типа *тишина, порядок — беспорядок* и проч. (*Скука смертельная царила в его доме* — Тургенев; ср.: *В доме царствовала та поэтическая скука и молчаливость, которая всегда сопутствует присутствию жениха и невесты* — Л. Толстой); *раздается, звучит* — о звуках (*Над озером скрипят уключины И раздается женский визг* — Блок); *светит, горит* — об источнике света; *идет* — об осадках типа *дождь, снег*³⁰.

На семантическую специфику подобных слов обращали внимание и лингвистика, и смежные науки — логика, теория информации³¹.

Во всех подобных случаях экзистенциальные глаголы, с большей или меньшей стилистической ущербностью, но без ущерба для смысла, могут быть заменены соответствующими формами глагола *быть*³² или опущены вовсе, поскольку для соотнесения двух понятий или утверждения одного достаточно значений, заключенных в грамматико-семантической структуре выражающих их форм. Ср., например:

В доме царила тишина ≈ *В доме была тишина* > *В доме тишина*; *Была тишина* > *Тишина*.

За окном рос клен ≈ *За окном был клен* > *За окном клен*.

На дворе шел дождь ≈ *На дворе был дождь* > *На дворе дождь*; *Был дождь* > *Дождь* и т. п.

³⁰ Вспомогательность роли, смысловое ослабление глаголов становятся очевиднее, когда семантический вес высказывания принимают на себя отглагольные или другие отвлеченные имена со значением процесса, ср.: *Раздается смех, крик, грохот, звучит чужая речь*.

³¹ Ср.: «вообще в языке... мы всегда можем различать важное, существенное и, так сказать, упаковочный материал» (Л. В. Щерба. *Опыты лингвистического толкования стихотворений*, 1. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957). В логике ср. понятие диспозиционального предиката, обозначающего предрасположенность вещи проявлять себя, свой способ существования (см.: Е. К. Войшвилло. *Понятие*. М., 1967, стр. 139). В теории информации — различение неключевых слов (малоинформативных, малозначащих) и ключевых (см. Н. Р. Lu hn. *Keyword in Context Index for Technical Literature* (KWIC index). Yorktown Heights. N. Y., 1959; ср. НТИ, 1964, № 4).

³² Сопоставительные исследования показывают, что русский язык тяготеет к использованию более конкретных и фразеологически связанных глаголов в выражении отношений экзистенциальности и локализации, там, где, например, французский и чешский языки пользуются глаголом *быть* и другими абстрактными глаголами, ср.:

<i>Стоял холодный день</i>	— La journée était froide
<i>На столе лежит книга</i>	— Il y a un livre sur la table
<i>Цветы стояли в вазе</i>	— Květiny byly ve vaze

См. об этом: В. Г. Гак. *Русский язык в зеркале французского*; R. Mgrázek. *Valence slovesa být — býti s předložkovými pády*. «Filologické studie», II. Praha, 1970.

Признавая, однако, семантическую неполнозначность подобных глаголов, нельзя не признавать ее синтаксических последствий.

Еще Д. Н. Овсянико-Куликовский отмечал одинаковость материального содержания в соответствующих друг другу предложениях *Дождит* и *Дождь идет*, полагая тем не менее, что это не имеет отношения к синтаксической классификации предложений³³.

Грамматическая традиция верна этому подходу, считаясь с количеством слов, а не с семантико-синтаксическим качеством их. Нельзя не видеть между тем опустошенности «синтаксического места», занимаемого глаголом *идет*, поскольку его значение (происходящего в настоящее время процесса) выражено и без него в предложениях *Дождит* и *Дождь*³⁴.

Но если *дождь* в силу своего категориального значения процесса структурно-семантически может «обойтись» без *идет*, то *идет* без *дождь* не обладает структурно-смысловой самостоятельностью.

Анализ синтаксического состава подобных предложений дается в соответствующем разделе главы III. Здесь важно было показать, что слова в синтагматическом, линейном ряду не могут рассматриваться как равноценные единицы, поскольку они отличаются различным семантико-синтаксическим «удельным весом».

Рассмотренные разновидности вспомогательных слов находятся на разных этапах расстояния между знаменательными и служебными классами слов, но объединены они признаком функциональной несамостоятельности и этим противопоставлены основным знаменательным словам.

7. Наиболее существенным с точки зрения синтаксических связей является тот признак слова, который можно назвать степенью семантической наполненности.

Степень семантической наполненности определяет степень необходимости в восполнении смысла данного слова другими словами, следовательно, необходимости для него синтаксической связи с другими словами.

На основании этого признака Л. В. Щерба разграничил абсолютные и относительные значения слов; чешский ученый

³³ Д. Н. Овсянико-Куликовский. К вопросу о классификации бес- субъектных предложений. СПб., 1901, стр. 8.

³⁴ Известный каламбур *Шел дождь и два студента* построен на несовместимости наложенных друг на друга двух омонимичных глаголов *шел*, соответственно к двух различных синтаксических структур: *Шел дождь* = *Был дождь* = *Дождь* (явление) + прош. время (глагол в экзистенциальном значении); *Шли студенты* = субъект движения + движение (глагол в основном значении).

Как равнозначные одному глаголу трактует субъектные аналитические структуры *дождь идет*, *работа идет быстро* (*дождит*, (*он*) *работает быстро* в отличие от *мальчик идет быстро*) В. Г. Гак в статье «Десемантизация языкового знака...» (стр. 137).

В. Шмилауэр назвал их абсолютивными и релятивными³⁵. Слова с абсолютивным значением — *стол, дом, ветер, радость, дышать, сидеть, быстро, добрый* и т. д. — обладают достаточной семантической наполненностью, чтобы не нуждаться в обязательном восполнении. Они могут быть распространены другими словами: *письменный стол, стол из пластика, стол для работы, сильный ветер, ветер с юга, дышать глубоко, дышать носом* и т. п., но они не требуют этого распространения как необходимого.

Слова с релятивным значением нуждаются в восполнении, без восполняющих слов смысл их недостаточен: *увидеть, встретит, потерять* требуют восполнения, отвечающего на вопрос *кого-что?*, как и вся категория переходных глаголов; *любоваться, руководить, заведовать* неполно без ответа на вопрос *кем-чем?*; *очутиться, находиться, обитать* — на вопрос *где?*³⁶ и т. д.

В. Шмилауэр отмечал среди релятивных слов такие, как существительные со значением части целого и количества (*половина — чего? кусок — чего?*, ср. также значение слов *отрасль, отдел, сектор, часть, ответвление, область, сфера, раздел, — чего или какой, чей?*), переходные глаголы и отвлеченные имена от них (*дать, взять — что?, подача, взятие — чего?*), прилагательные *полный — чего? чем?, годный — к чему?, подобный — чему?*, наречия *направо, налево, далеко — от чего?*, а также сравнительная степень прилагательных и наречий³⁷.

Границы релятивного и абсолютивного значений могут пролегать не только между группами слов и отдельными словами, но

³⁵ Современные немецкие грамматисты различают абсолютивные и релятивные слова, используя термины «*bedeutungsgesättigt*» 'семантически насыщенные' (см.: W. Jung, *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig, 1966), «*geschlossen*» и «*offen*» 'замкнутые' и 'незамкнутые' (H. Brinkmann, *Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung*. Düsseldorf, 1962).

Бринкман соединяет понятие незамкнутости с понятием словосочетания: «Слова же „незамкнутые“... требуют соединения с другими словами, поэтому там, где они включаются в структуру предложения, возникают словосочетания (*автор, составитель — чего; составлять, сочинять — что?*)»; см.: Н. Филичев а. Понятие синтаксической валентности в работах зарубежных языковедов. — ВЯ, 1967, № 2, стр. 121.

³⁶ «Слово А может своим значением выразить смысл неполный: оно содержит в себе, выражаясь математически, кроме известного а, еще неизвестное х. Это неизвестное х слова А должно быть определено словом В...», — писал еще А. В. Добнаш («Синтаксис Аполлония Дискола». Киев, 1882, стр. 171—172).

³⁷ V. Smilauer, *Novočeská skladba*. Praha, 1947. — Еще раньше А. Сешез вслед за рассуждением о переходных глаголах и переходных прилагательных ставил вопрос о переходных существительных, «идея которых должна закончиться в дополнении»: «Имеются существительные, идея которых логически переходна. Всегда *брат* или *друг* — чья-нибудь... Другие существительные становятся переходными, становясь определяемыми. Они выражают, например, идеи количества... Это интерес скорее грамматической морфологии, чем логической структуры фразы» (A. Sechehaye, *Essai sur la structure logique de la phrase*, стр. 85).

и между разными значениями и даже употреблениями одного слова.

Известно, например, что переходные глаголы (*читать, писать, шить, рисовать*) употребляются релятивно в значении конкретного действия и абсолютивно в значении способности к действию, умения или занятия вообще: *Он славно пишет, переводит.*

Метафоризация слова, переносное значение (или употребление) часто влечет за собой переход слов из абсолютивных в релятивные (ср. слова *очаг, искра, пламя, буря, лес* в прямом смысле и в переносном: *очаг войны, очаг инфекции, искра нежности, пламя страсти, буря аплодисментов, лес рук* и т. п.).

Здесь синтаксис смыкается с лексикологией, лексикографией. Незавершенность важнейшего для синтаксиса вопроса об абсолютивных и релятивных свойствах семантики слова упирается в неразграниченность понятий полисемии и омонимии, значений, оттенков значений и употреблений слова³⁸, хотя синтаксические данные могли бы в свою очередь послужить и уточнению этих рубрик.

Поставлен, но не изучен также вопрос о разных степенях абсолютивности/релятивности в значении слова. Семантика слова включает в себе разную степень смысловой заданности объекта. Трудно предсказать, например, что можно *увидеть, встретить, найти, дать, взять*.... Но у других глаголов, обладающих тем же грамматическим свойством переходности, круг возможных объектов действия узок, ограничен: *читают* обычно — *книгу, газету*; *шьют* — *платье, одежду*; *проигрывают* — *матч, партию, игру*; *пахнут* — *землю, поле*. При разнообразии возможных объектов релятивность глагола выступает отчетливее, граница между абсолютивными и релятивными значениями — резче (ср. *видеть* как свойство зрячего и *видеть что* как процесс восприятия). При ограниченности круга объектов обозначение объекта менее обязательно, граница между абсолютивным и относительным употреблением слова стирается. Ср.: *люди пахать* $\approx$ *люди землю пахать*.

Можно сказать, что степень семантической заданности восполнения слова с релятивным значением обратно пропорциональна необходимости этого восполнения. Другими словами, чем слово полнее семантически, тем самостоятельнее оно в своих синтаксических связях, чем слабее семантически, тем оно синтаксичнее.

Это подтверждает справедливость наблюдений Д. Н. Шмелева, сформулированных им следующим образом: «Степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантиче-

³⁸ Ср., например, квалификацию Т. П. Ломтевым абсолютивного и релятивного значений глагола *читать* как двух разных глаголов.

ской единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости»³⁹.

Семантико-синтаксические свойства слова во всей их сложности, очевидно, еще станут объектом будущих лингвистических исследований, пока же с точки зрения вопроса о синтаксической зависимости представляется возможным установить три синтаксических типа слов:

А. Слова абсолютного значения — это слова закрытой семантики, с самостоятельным смыслом (*стол, земля, солнце, сон, прыгать, сидеть, желтый, издавна* и т. д.), противостоящие словам релятивного значения.

Релятивные слова по своим свойствам представляют два типа.

В. Слова открытой семантики, которые требуют восполнения в определенной форме (*разочароваться — в ком-чем, участвовать — в чем, распоряжаться — кем-чем, опасаться — кого-чего, осуществлять, реализовать — что, осуществление, реализация — чего* и т. п.)⁴⁰.

С. Слова открытой семантики, которые требуют восполнения с определенным смыслом, в одной из ряда форм, выражающих нужный смысл (*очутиться, находиться, пребывать — где? — в саду, за городом, на площади, у родственников, неподалеку*⁴¹; *поступать — как? — благоразумно, не по правилам,*

³⁹ Д. Н. Шмелев. Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 14. Ср. также: «Семантическая нагрузка падежных и падежно-предложных форм управляемых существительных тем слабее, чем теснее их связь с семантикой глагола, т. е. чем сильнее действие глагольного управления» («Общее языкознание». Внутренняя структура языка. М., 1972, стр. 286). Аналогичную мысль высказал вьетнамский русист Нгуен Нем (см. автореферат его кандидатской диссертации «Сложноподчиненные предложения с присубстантивной придаточной частью в современном русском языке». МГУ, 1967). Обратную пропорциональность семантической нагрузки (а) слова и синтаксической сочетаемости (б) он показывает следующей схемой:

На этой основе им, вслед за А. Марти и Е. В. Гулыгой, различаются классы слов синсемантических (resp. релятивных) и автосемантических (resp. абсолютных). Термин «синсемантический» не кажется удачным в таком употреблении, потому что само слово релятивно (*синсемантический чему или с чем?*).

⁴⁰ В. В. Виноградов отмечал у этого типа слов «признак обязательности именно данного синтаксического способа раскрытия их лексического значения. Например, глагол *участвовать* как бы уже включает в свое лексическое значение «потребность» раскрытия объекта с помощью предлога *в* и формы предложного падежа существительного» («Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 55).

⁴¹ А. М. Пешковский, конечно, был неточен, утверждая, что *находиться* можно только *в чем, лежать — только на чем* («Русский синтаксис в научном освещении». М., 1938, стр. 269).

оприметливо; держаться, вести себя — как? — с достоинством, нескромно, без притязаний, согласно этикету и т. п.).

Свойства синтаксических типов слов могут быть схематически представлены таблицей:

Таблица

Синтаксические типы слов	Заданность восполнения (семантическая)	Заданность воспол- няющей формы (грамматическая)
А	—	—
В	+	+
С	+	(—)

В свою очередь абсолютные слова, согласно сказанному выше о разных степенях абсолютности, представляют группы с активным семантическим потенциалом и с пассивным семантическим потенциалом. Наибольшей активностью семантического потенциала обладают, очевидно, слова со значением направленного движения. Будучи словами самодостаточной, закрытой семантики, они тем не менее часто сочетаются с обозначениями направления, пути движения.

Слова с информативным значением (речи, мысли) с высокой частотностью сочетаются с дилиберативной конструкцией «о+предл.», раскрывающей содержание речи, мысли.

Пассивным семантическим потенциалом отличаются слова конкретно-предметного значения.

Предлагаемая классификация синтаксических типов слов показывает, что необходимость и частотность связи — признаки разноплановые.

Необходимость, обязательность восполнения как свойство релятивных слов противостоит факультативности, необязательности связей абсолютных слов. При отсутствии обязательности у абсолютных слов могут быть более и менее частотные, более или менее вероятные связи⁴². Иными словами, определим

⁴² Эти признаки обычно не разграничиваются. См., например: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. Ср.: Он же. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании. — В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969. — Понятия необходимости, вероятности связей и управяемости остаются недифференцированными.

Два разных явления: «необходимость занять позицию при Г (глаголе) определенного класса» и «зависимость формы распространителя от Г» отмечены Е. Кржижковой, анализировавшей содержание споров о сильном и слабом управлении (Е. Кржижкова. Проблемы простого предложения. «Československá rusistika», 1967, № 2, стр. 78 — далее CsR).

Сочетания глаголов «на основе валентных связей» и «на основе смысловых связей, не являющихся грамматически необходимыми», различает О. Б. Сиротинна (см.: «Материалы V межобластной конференции языковедов Поволжья». Мелекес, 1961).

обязательность связи как реализацию в синтаксисе релятивной семантики определяемого слова.

Частотность же связи — реализация в синтаксисе активного семантического потенциала определяемого слова абсолютивной семантики.

Следует отметить еще одно свойство релятивных слов, которое можно назвать насыщаемостью релятивности. Релятивные слова, насытив свою потребность в восполнении, по отношению к другим возможным связям ведут себя уже как абсолютивные. Например, релятивный переходный глагол, возместив свою семантическую недостаточность именем в винительном падеже, в остальные возможные связи вступает так же факультативно, как и непереходный, абсолютивный. В этом смысле в сочетаниях *нести цветы из лесу дсмой, идти из лесу домой* переходный и непереходный глаголы находятся в одинаковом отношении к формам, обозначающим направление.

Возможны случаи разнонаправленной релятивности, когда значение слова необходимо восполняется двумя элементами, например: *относиться — к кому — как, обращаться — с кем — как* (ср. более полную семантику глагола в случае *обращаться — к кому*). При этом по отношению к I элементу глаголы *относиться, обращаться* обнаруживают релятивность I-го типа (заданность восполнения и его формы), по отношению ко II — релятивность 2-го типа (заданность восполнения). В остальных связях это трехчленное сочетание проявляет себя так же, как и абсолютивное слово.

Релятивность значения слова обеспечивает открытость, непрерывность словесного ряда до насыщения релятивности. См. примеры:

Альпинисты | овладели | труднейшей | вершиной | центрального | хребта | Кавказа | в
|
осенний сезон | прошлого года.

История | ли | часть | природы? | Природа | ли | кусок | истории? (А. Вознесенский).

Выделенные релятивные слова стимулируют развитие ряда, то есть создают простые или расширенные словосочетания. При соединении новых, необязательных элементов к абсолютивным словам или к насыщенным релятивным делает словесную цепь дискретной, прерывистой (конечно, не с точки зрения восприятия, а по характеру синтаксических связей).

8. Рассмотрев синтаксические свойства слова, которому в синтаксическом сочетании двух слов принадлежит роль определяемого (в широком смысле) элемента, перейдем к синтаксическим свойствам формы слова, которая в этом сочетании выполняет роль второго элемента, определяющего. Чаще всего эта роль приходится на синтаксические формы имени, поэтому речь будет идти главным образом о них.

Возьмем падежную парадигму имени. Сложилось прочное представление, что главная граница в парадигме проходит меж-

ду именительным падежом и всеми остальными, косвенными падежами. По этой линии и на этом единственном основании проводится противопоставление независимой формы — зависимым, неподчиненной, неуправляемой — подчиненным, управляемым, главного члена предложения — второстепенным, подлежащего — дополнению, субъекта — объекту и т. д. Этим делением определяются многие пункты принятых в грамматике классификаций и квалификаций.

Между тем, если рассмотреть синтаксические свойства и возможности падежных форм имени существительного, оказывается, что их синтаксическое функционирование регулируется иными противопоставлениями.

Падежную парадигму пополним предложными формами имени, поскольку представляется несомненно убедительным высказывавшееся неоднократно мнение о том, что в синтаксисе предлог становится элементом формы⁴³.

См., например:

И. *друг, сад*,

Р. *друга, сада, у друга, у сада, из друга, из сада, для друга, для сада, из-за друга, из-за сада, от друга, от сада...*

Д. *другу, саду, к другу, к саду, по другу, по саду...*

В. *друга, сад, в друга, в сад, на друга, на сад, за друга, за сад...*

Т. *другом, садом, с другом, с садом, за другом, за садом, над другом, над садом...*

П. *о друге, о саде, в друге, в саду, в саде, на друге, на саде...*

При первом же сопоставлении падежных форм становится очевидно, что, равноправные в морфологической парадигме, они далеко не одинаковы по своим синтаксическим возможностям, по степени своей самостоятельности.

Одни из них, соединив свое лексическое значение и морфоло-

⁴³ См., например: «Если падежная форма состоит из слова и предлога, то предлог становится такою же необходимой частью формы, как и окончание. <...> предлог считается формальным элементом падежа» (В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 222—223). См. также: Е. Курнелович. Проблема классификации падежей. — Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 176; А. М. Мухин. Функциональный анализ синтаксических элементов, стр. 25. См. аргументацию В. М. Жирмунского («Об аналитических конструкциях...», стр. 50): «Предложные конструкции: 1) по своей синтаксической функции, как и по значению, являются эквивалентами падежей; 2) в процессе исторического развития языков конкурируют с падежами и частично или полностью (в особенности в так называемых аналитических языках) заменяют их; 3) предлоги теряют при этом свое исходное предметное значение, превращаясь в формальное выражение абстрактной синтаксической связи (типа грамматических падежей)». Ср. замечание о роли предлога как единственного формального выразителя грамматического значения падежа при отсутствии флексивного словоизменения или различия между отдельными формами (*стол — на стол, окно — в окно; шоссе, с шоссе, по шоссе, на шоссе* и пр.) в статье: З. А. Толмачева и Э. Р. Фрей. К вопросу об аналитических конструкциях и их реализации в современном русском языке. «Уч. зап. Латвийского гос. ун-та», т. 83, 1967, стр. 8.

гическую форму (а также предлог там, где он есть), создают единицу с новым, обобщенным значением, которое они выражают вне зависимости от того или иного синтаксического окружения и даже без всякого окружения. Мы встречаем их в такой изолированной синтаксической позиции, как позиция заголовка. Так, формы *другу, саду, к другу* служат для обозначения адресата; формы *о друге, о саде* — для обозначения содержания речи, мысли; формы *в саду, за садом, над садом, у друга, у сада* и др. обозначают местонахождение; формы *из сада, к саду, к другу, в сад, за другом* (но не *за садом*) обозначают направление движения; *для друга, для сада* — назначение предмета или цель действия; *по саду, садом* (но не *другом*) — путь движения и т. д. Эти формы, с собственным структурно-смысловым значением, называем свободными синтаксическими формами слов.

С тем же собственным значением они могут быть компонентами предикативного минимума предложений, не нуждающегося ни в лексических подстановках, ни в контексте для выражения своего типового значения: *Книга у друга; Письмо от друга; Стихи — о друге; Свидание за садом; Ссора из-за сада; Дорога — к саду.*

Сравним использование одной и той же свободной формы в предложениях различной структуры:

В саду служанки, на грядах, Сбирали ягоду в кустах (Пушкин); И наша дева очутилась *В саду* (Пушкин); *В саду*, весной, при легком ветерке, На тонком стебельке Качалась Муха, сидя (Крылов); По-над Доном сад цветет, *Во саду* дорожка (Кольцов); Стоит сад, *в саду* 12 гряд (Даль); А *в саду* кто-то тихо смеется, И потом — отойдет и поет (Блок); ...Как бы они не разрушили мои постройки *в саду* (Горький); *В саду* станет суше (Горький); *В саду* дела мои пошли хорошо (Горький); Поселились они с матерью во флигеле *в саду* (Горький).

Хотя и возможно соединить форму *в саду* в парное сочетание с глаголами, было бы явной натяжкой утверждать, что форма предложного падежа с предлогом *в* существительного *сад* обусловлена в этих примерах требованиями глаголов *собирать, качаться, смеяться, петь* или существительного *постройки* (к сочетаниям *очутиться* и *поселиться в саду* вернемся ниже). В примерах безглагольных предложений *в саду* вообще не вступает в парные сочетания, употребление этой формы не обусловлено присутствием другого слова⁴⁴.

Если же *в саду, за садом* и аналогичные единицы вступают в предложение или в словосочетание в собственном значении и в собственной, независимой от требования другого слова, форме, лишь по смысловой надобности обозначить место, нет осно-

⁴⁴ См. определение, данное еще А. В. Половым («Синтаксические исследования». Воронеж, 1881, стр. 165): «Грамматическая зависимость есть возможность употребления слова известной грамматической категории, обусловленная присутствием другого слова».

ваний считать эту форму подчиненной, управляемой. Попробуем заменить в приведенных примерах форму *в саду* другими формами, обозначающими место (*за домом, у реки, под деревом, на лугу, над рекой* или даже наречиями места): разрушая поэтическую строку, подобные замены не нарушают синтаксического строя фраз, и в этом еще одно подтверждение того, что не определенная форма, не тот или иной падеж требуются в данных предложениях, а лишь обобщенное структурно-смысловое значение этих форм.

Другими словами, предложно-падежная форма слова в этих случаях выражает не зависимость от другого слова, а свое собственное структурно-смысловое значение. «Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи», — писал А. А. Потебня⁴⁵.

Другие формы из парадигмы, как *друга, сада, из друга, другом, в друге*, не встретятся в качестве заголовков. Они не обладают структурно-смысловой самостоятельностью. Их падежная или предложно-падежная форма — показатель их синтаксической зависимости от другого слова, требующего этой формы по своему лексико-грамматическому праву. Объектное распространение глагола — их обычная синтаксическая роль: *встретить друга, помнить друга, навестить друга, достигнуть сада, лишиться сада, помогать другу, гордиться другом, командовать, помыкать другом, разочароваться в друге* и т. п. — перед нами словосочетания с типичной связью управления, а падежные и предложно-падежные формы — управляемые, или связанные, синтаксические формы слов.

Для синтаксического функционирования связанных, управляемых форм характерно то, что в предложение они входят не сами по себе, а только сопровождая своих «хозяев», управляющие глаголы, т. е. в роли зависимого компонента соответствующих словосочетаний.

В неполных предложениях связанные формы могут встретиться и без глаголов (*Один лишился дома, другой — сада; Брат командует сестрой, сестра — другом*), но в этих случаях отсутствующий глагол восполняется контекстом, и форма управляемого определяется зависимостью именно от данного глагола.

Управляемым, связанным синтаксическим формам противоплагаются две разновидности неуправляемых форм: отмеченные выше свободные и обусловленные. Последние так же, как и свободные, не зависят от какого-либо слова, не заданы словом. Но в отличие от свободных, не обладают структурно-смысловой самостоятельностью, не употребляются в качестве заголовков. Они функционируют в роли одного из взаимообусловленных организаторов предикативной модели предложений

⁴⁵ «Из записок по русской грамматике», т. I. М., 1874, стр. 145.

определенных типовых значений, например: *У друга грипп*; *Другу нездоровится*; *С садом не ладится*; *Он был другом* и т. п.

«В синтаксически недифференцированной и мало исследованной области управления ярко выступают различия тесных грамматических связей, лежащих в основе разных типов словосочетаний, и связей более или менее свободного, присоединительного характера, близких к примыканию и широко используемых в структуре предложения», — пишет В. В. Виноградов⁴⁶.

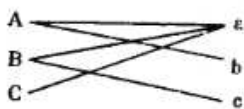
Выше отмечено, что замена лексем в одной и той же синтаксической форме не всегда возможна: *другом* не может обозначать путь движения, как *садом*; *за садом* не может обозначать направление движения, как *за другом*. Круг существительных, вступающих в ту или иную синтаксическую форму, ограничивается тем, что между значением слова и обобщенным значением данной синтаксической формы должно быть соответствие.

Итак, слагаемыми понятия синтаксической формы слова являются его категориально-семантическое значение, морфологическая форма, включая предлог, и синтаксическая функция.

Формы, совпадающие лексически и морфологически, но различающиеся синтаксическими функциями, представляют собой синтаксические омонимы. В омонимичной форме могут совпасть управляемая и неуправляемая. Так, омонимичны связанная форма в словосочетании *гордиться другом* и обусловленная в страдательном обороте *задача решена другом*; свободная форма в предложении *За садом овраг* и связанная в сочетании *наблюдать за садом*; свободная форма со значением местонахождения: *Гостили у друга* и обусловленная со значением субъекта владения или субъекта состояния: *У друга мотоцикл*; *У друга насморк* и т. д.

9. Рассмотрев синтаксические свойства обеих сочетающихся сторон — слова и синтаксической формы слова, — можно предположить, во-первых, что должны быть предопределенные этими свойствами закономерности сочетаемости тех или иных типов слов с теми или иными типами форм слова и, во-вторых, что характер связи между ними может быть обусловлен взаимодействием этих свойств.

В самом деле, если для удобства записи обозначим буквами типы синтаксических форм слова: *a* — свободные, *b* — обусловленные, *c* — связанные, то возможности сочетаний синтаксических типов слов *A, B, C* с типами синтаксических форм слова *a, b, c* будут выглядеть следующим образом:

⁴⁶ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 30.

Рассмотрим характер связи в каждом из типов сочетаний.

9.1. В сочетания со связанной формой с вступают только релятивные слова группы В, причем каждое слово сочетается со своей, заданной формой (*купить книгу, достигнуть берега, командовать парадом, открытие выставки, глава книги, сестра матери*). Связь их необходима для обеих сторон: релятивное слово восполняет недостающий ему смысл с помощью связанной падежной формы, а ей дает синтаксическое право под его эгидой участвовать в коммуникации. Необходимость их связи двусторонняя, друг без друга они не функционируют. Отношения их оформлены грамматически: форма определяющего слова служит показателем их связи. Именно оформленность отношений позволяет видеть подлинную грамматическую связь подчинения в одной из двух его разновидностей — управлении. Два знаменательных слова, связанных подчинительной связью, представляют словосочетание.

9.2. Релятивные слова группы С сочетаются со свободными формами а или с наречиями, функционирующими аналогично свободным формам (*очутиться над городом, находиться в саду, поступить легкомысленно, поступить по правилам*). Необходимость в этой связи односторонняя: нуждается в ней только определяемое слово, а определяющее функционирует в том же значении и вне этой связи, форма его не зависит от требования определяемого слова и не задана им. Поэтому нет оснований видеть в этой связи ни грамматическое подчинение, ни сильное, ни слабое управление, ни, следовательно, словосочетание.

Словосочетание в терминологическом смысле слова путем грамматического подчинения реализует синтаксические свойства господствующего, определяемого слова. Подчиненный элемент словосочетания, своей формой выражающий это подчинение, входит в предложение вслед за своим «господином», составляя вместе с ним распространенный член предложения.

Сочетания с неподчиненными, свободными формами в роли определяющего элемента образуют лишь аналог словосочетания. Аналог уподобляется словосочетанию по функции, как распространенное наименование предмета, явления, становящееся распространенным членом предложения, но отличается по внутренней структуре отсутствием подчинения.

Если словосочетание организуется словом, то об аналоге можно сказать, что он организуется около слова⁴⁷.

В аналоге словосочетания союз двух элементов основан не на грамматическом подчинении, а на смысловой координации синсемантической соединяющихся элементов. Можно назвать этот тип связи соединением в отличие от подчинения.

⁴⁷ Ср. формулировку В. В. Виноградова: «Словосочетание организуется около слова, принадлежащего к той или иной знаменательной части речи и являющегося стержнем словосочетания» («Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1954, т. XIII, вып. 6, стр. 498).

9.3. Свободные и обусловленные синтаксические формы *а* и *в* вступают в сочетания с абсолютными словами *А* также на основе смысловой координации, а не грамматического подчинения (*идти в лес, побежать направо, стихи о друге, история с зонтиком, дом в саду, пальто без пуговиц*). В этих связях синтаксической необходимости нет, они возникают в случае потребности смыслового распространения слова. Вероятность, частотность тех или иных связей зависит здесь, как говорилось, от активности семантического потенциала определяемого слова, но отношений грамматического подчинения здесь не возникает.

Смысловая координация вводит в действие свои смысловые законы и регуляторы⁴⁸. Мы говорим *тропинка в сад, калитка в сад (дорога в лес, прогулка в лес, дверь в столовую)* не потому, что слова *тропинка, калитка* и прочие требуют винительного падежа с предлогом *в*, а потому, что свободной синтаксической форме со значением направления движения должно соответствовать слово с семантикой движения или направленности, пространственной протяженности. Слова, не имеющие этих семантических признаков, не сочетаются с «*в*+вин. п.», но могут сочетаться с «*в*+предл. п.», как и с другими формами, обозначающими местоположение (*работать в саду, беседка в саду, чаепитие в саду, под яблоней, у забора, над озером и т. д.*)⁴⁹.

Л. В. Щерба был не очень точен, когда писал, что глагол *приехал* «повелительно требует» дополнения *в Киев*⁵⁰. Этот глагол может употребляться и без дополнений, а если необходимо при нем обозначить направление движения, отправную или конечную точку, то по смыслу высказывания избирается любая из существующих (ср. *приехал в Киев, приехал на дачу, к родителям, за город, из Киева, с дачи, из-под Москвы, поездом, без*

⁴⁸ О семантической координации между глаголами и падежными формами см. также: Е. Куриловнч. Очерки по лингвистике, стр. 183.

⁴⁹ Выявление самостоятельного структурно-смыслового, грамматически обобщенного значения направления движения у соответствующих свободных форм слова подтверждает, что в так называемых эллиптических предложениях типа *Татьяна в лес* нет «сокращения глаголов движения», как объясняют некоторые исследователи. Форма *в лес* не вычленилась из сочетания с глаголами движения, а сама по себе обозначает направление движения, и именно в силу этого участвует в организации безглагольного предложения или может координировать свое значение со значением глагола движения в глагольном сочетании. В этой связи уместно вспомнить возражения В. В. Виноградова против преувеличения традиционными концепциями «действительной степени централизованности предложения»: «в действительности слова и формы в известных случаях способны выражать взаимоотношения обозначаемых ими понятий путем непосредственного сопоставления в составе предложения, и едва ли можно признать обоснованным примышение слов якобы не воплощенных и подразумеваемых и в то же время неуловимых и не поддающихся восстановлению» (В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова.— В сб. «Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка», стр. 104).

⁵⁰ Л. В. Щерба. О второстепенных членах предложения.— В кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Л., 1958, стр. 99.

приглашения и т. д., но: *въехал в Киев, в ворота, в лес, во двор* и под.).

9.4. Более сложен характер связи при так называемом приставочном управлении глаголов. Известен закон тождества или соответствия предлогов и приставок в сочетаниях, образуемых глаголами направленного действия⁵¹. Такой глагол без приставки свою смысловую способность к обозначению направления реализует в факультативном порядке: *идти в лес, идти к реке, идти через поле, идти медленно; бросить мяч в окно, на крышу, к забору, через сетку, бросить мяч ловко* и т. п. Заметим попутно, что релятивные слова в ряду глаголов направленного действия, насытив свою потребность в восполнении, по отношению к другим возможным связям ведут себя уже как абсолютивные; поэтому в сочетаниях *идти в сад* и *бросить (мяч) в сад* форма, обозначающая направление, относится в одном случае непосредственно к глаголу *идти*, а в другом — к словосочетанию *бросить мяч*.

Но присоединим к глаголам приставку пространственного значения, и характер сочетания меняется. Теперь возможна и обязательна лишь одна из форм, выражающих направление: *войти в лес, выйти из лесу, зайти за дом, подойти к реке, перейти через реку...*; *забросить мяч за забор, перебросить через сетку, подбросить под сетку, выбросить из окна* и т. д.

Изменился ли характер предложно-падежной формы? Нет, она осталась той же, что была и при факультативной связи: свободной синтаксической формой *а* со значением направления. Изменились синтаксические свойства глагола. Из категории абсолютивных *А* он переходит в группу релятивных слов *В*. Глагол, таким образом, становится способным создать словосочетание, основанное на управлении. Однако место управляемого занимает не связанная форма *с*, а свободная форма *а*, функционирующая в том же значении независимо от данного глагола, но привлеченная к нему силой взаимного семантического тяготения. В результате возникает сочетание с особым характером связи⁵².

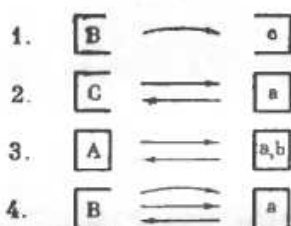
Изучение синтаксических свойств каждого из компонентов сочетания открывает, таким образом, разные качества этого сочетания, позволяет более глубоко проникнуть в его структуру.

Рассмотренные четыре типа отношений между словами и

⁵¹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 643—644.

⁵² В ряде сочетаний, приобретших отвлеченные фразеологически связанные значения и опроизхождение глагольной основы, в ходе исторического развития утрачивается как отчленяемость приставки, так и «отчленяемость» предложно-падежной формы: ранее свободная форма приближается к типу связанных, необходимо восполняющих относительное значение глагола (ср. *вникать в детали, вонзить в грудь, вкрасться в доверие, ввергнуть в печаль, вовлечь в игру*).

формами слов (9.1—9.4) могут быть изображены в схеме, где в левом ряду закрытый квадрат символизирует абсолютность определяемого слова, открытый — релятивность; в правом ряду закрытый квадрат символизирует независимость формы имени от определяемого слова, открытый — зависимость; параллельно взаимонаправленные стрелки — смысловое тяготение (синсеман-тичность), а дугообразная стрелка — требование единственной формы.

10. Таким образом, если подчинение понимать как зависимость определяющего слова от определяемого, задающую грамматическую форму определяющего, то под такое понимание подойдут лишь согласование и управление в принятом здесь узком смысле. В остальных случаях связь между словами оказывается лишь смысловой, а подчинение — не грамматическим, а только логическим: первичному понятию (предмет, действие) подчинено вторичное (признак предмета, признак действия).

Вместе с тем, если связь между элементами аналога словосочетания не выражает грамматического подчинения формой определяющего слова, значит ли, что эта связь целиком относится к логике и не выражена языковыми средствами?

Этот же вопрос возникает и по поводу характеристики примыкания. В «Основах построения описательной грамматики...» говорится (стр. 138, примечание): «Показателем связи примыкания является сам факт присоединения слова, не имеющего форм словозменения, к слову, имеющему такие формы». Что такое «факт присоединения», по чему можно судить об этом факте?

В русском языке, как известно, средствами синтаксической связи являются не только флексии и служебные слова. У примыкания, так же, как и у функционально близкой ему связи слов со свободными и обусловленными формами в аналоге словосочетания, показателями связи можно считать два признака: объединяющую, «грамматически-синтезирующую» интонацию⁵³ и порядок слов. При включении такого сочетания в предложение эти признаки могут исчезнуть, часто меняется порядок слов и всегда — интонация. Но до предложения, на уровне словосочета-

⁵³ О функциях интонации см. в ст. В. В. Виноградова в кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 91.

ния, известно, что нормальное место дополнения — постпозитивное, наречные же распространители занимают в сочетании постпозитивное или препозитивное место в зависимости от их разряда: *бегло читать, быстро бежать, но читать вслух, сидеть вдвоем*⁵⁴ и т. п.

Связь между словом и свободной или обусловленной формой слова в аналоге словосочетания, возникающую на основе семантической координации значений и выраженную, как и примыкание, интонацией и порядком слов на докоммуникативном уровне, назовем сложением. Сложение и примыкание составляют две разновидности соединения, создающего аналог словосочетания, как управление и согласование составляют две разновидности подчинения, создающего словосочетание⁵⁵.

Подчинение и соединение — два типа синтаксической зависимости. Таким образом, синтаксической зависимостью назовем выраженное грамматическими средствами отношение двух элементов, определяющего и определяемого, в минимальной синтаксической конструкции докоммуникативного уровня — словосочетании и аналоге словосочетания.

11. Не представляется целесообразным применять понятие синтаксической зависимости к тем связям и отношениям, которые возникают на коммуникативном уровне, в предложении, на основе предикации, хотя вопрос о характере зависимости между подлежащим и сказуемым принадлежит к числу постоянно обсуждаемых. Если синтаксисты одних направлений считают сказуемое зависимым от подлежащего, а других — подлежащее зависимым от сказуемого, сама возможность противоположных решений свидетельствует об особом характере этой связи. По-видимому, ближе к сущности данного языкового явления находятся наблюдения, говорящие о взаимозависимости главных членов предложения, о двусторонних связях⁵⁶, об особом характере предикативного согласования по сравнению с атрибутивным согласованием⁵⁷. Рассматривать эти разногласия здесь не входит в нашу задачу.

Отметим, однако, что согласование не составляет важнейшего признака предикативной связи. Согласование здесь факультативно, потому что сочетающимся предикативной связью

⁵⁴ Об этом писали Л. В. Щерба и В. В. Виноградов (см. его «Русский язык», стр. 372—378).

⁵⁵ Термин «именное примыкание», введенный в «Грамматике современного русского литературного языка» (изд. АН СССР, М., 1970) для падежей с наречной функцией, не кажется удачным из-за его двусмысленности (*примыкание имени или примыкание к имени?*); ср. «именное управление».

⁵⁶ См., например: Н. С. Поспелов. О некоторых синтаксических категориях. — В сб.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969.

⁵⁷ Вопрос о согласовании и предикативной «координации» убедительно освещен в статье: Н. Ю. Шведова. Согласование и координация: их сходство и различия. — В кн.: «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». Сборник статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971.

словам морфологические категории, в которых выражается согласование, свойственны далеко не всегда. Но и тогда, когда есть согласование, не в нем суть предикативной связи, которая определяется иными факторами, иными категориями, названными В. В. Виноградовым вслед за А. М. Пешковским «субъективно-объективными».

Существо предикативной связи — в организации синтаксических компонентов в сообщении, в высказывание как коммуникативную единицу, отнесенную к действительности. Важнейшим выразителем предикативного единства предложения служит интонация.

Здесь важно подчеркнуть то, что предикативная связь обнаруживается не только между традиционными подлежащим и сказуемым. Традиционное понимание этого вопроса искусственно сужало круг языковых моделей, находящихся в поле зрения исследователя. Понятие предикативного минимума, модели предложения позволяет считать главными членами, или организующими центрами предложения, те синтаксические формы, которые взаимообусловленно сочетаются предикативной связью для выражения типового значения предложения, даже и тогда, и очень часто, когда они не являются формами имени в именительном падеже и личного глагола. Анализом синтаксических функций синтаксических форм слова подготовлена, как кажется, возможность переоценки понятий зависимости — независимости и по отношению к распределению ролей в предложении.

Поэтому предикативно связанными предстают компоненты не только предложения *Терек воет*, но и предложений *Кавказ подо мною; Татьяна в лес, медведь за нею, снег рыхлый — по колено ей*, а также предложений *Мне грустно; Мне хочется прыгать; У нас праздник; У него грипп* и т. д.

Связь между предикативно сочетающимися центральными компонентами предложения назовем сопряжением. В чем отличие сопряжения от управления, когда в сопряжении участвуют формы косвенных падежей? Почему, вопреки привычному представлению, в *Мне грустно* и под. *мне* не является ни объектом, ни дополнением, ни зависимым от *грустно* управляемым элементом?⁵⁸

Во-первых, потому, что этот дательный не сопровождает то же слово в его непредикативных формах (ср. невозможность сочетаний *хотеться мне, (смотрит) грустно мне...*). Следовательно, эта форма не обусловлена лексико-грамматическим требованием слова, а входит в предложение на основе предикации со

⁵⁸ Организующую роль некоторых форм косвенных падежей в определенных типах предложений отмечал Е. В. Кротевич, вместе с тем традиционно квалифицируя эти формы как дополнения в одночленных безличных предложениях (см.: Е. В. Кротевич. Предложение нераспространенное и распространенное. — В кн.: «Вопросы языкознания», кн. I. Львов, 1955, стр. 10—12).

своим обусловленным значением субъекта состояния. Форма дательного — одна из существующих в системе языка форм выражения субъекта состояния, реализующаяся в разных моделях предложений, с разным лексико-грамматическим составом, но с определенными типовыми значениями.

Во-вторых, рассматриваемая модель представляет свой нейтральный порядок слов: форма *мне* стоит в препозиции в отличие от постпозиции управляемой формы.

Значит, форма дательного в моделях типа *Мне грустно, Мне хочется петь, Ему нездоровится* и под. — не управляемая, не подчиненная, а компонент, сопрягающийся предикативной связью с другим основным компонентом предложения.

Сопряжение, таким образом, можно определить как связь между компонентами предикативного минимума предложения, при которой определенные синтаксические формы слов сочетаются для выражения того или иного типового значения в одной из форм лица, времени, модальности⁵⁹, сохраняя способность к реализации других значений этих трех категорий — одни полностью, другие частично, в зависимости от характера модели. Выражение этой связи с помощью согласования факультативно. Оно возникает, если сопрягающимся формам свойственны соответствующие морфологические признаки (рода, числа, лица).

Распространение предикативного минимума свободными и обусловленными синтаксическими формами, разного рода включения и преобразования синтаксических форм происходят на основе предикации и поэтому должны изучаться после сопряжения и в связи с ним (см. главу III).

Заключим раздел о синтаксических связях общей схемой и примерами анализа типов связей в тексте.

Для анализа возьмем четверостишие из Блока: *Я сидел у окна в переполненном зале. Где-то пели смычки о любви. Я послал тебе черную розу в бокале Золотого, как небо, аи.*

⁵⁹ Ср.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 13.

В первом предложении *я* и *сидел* — сопряженные компоненты, составляющие модель предложения. *У окна* и *в переполненном зале* — свободные синтаксические формы имени со значением места, соединяющиеся (по типу сложения на синсемантической основе) в аналоге словосочетания с глаголом *сидел*. Вторая из них — распространенная подчиненным, согласованным причастием. Во втором предложении *смычки* и *пели* сопряжены в модели, *где-то* — свободная форма, распространяющая модель, *о любви* — свободная делиберативная форма, образующая аналог словосочетания с глаголом. В третьем предложении между *я* и *послал розу* сопряжение. В глагольный компонент входит свободная форма *тебе* со значением адресата (сложение на основе синсемантической) и связанная форма *розу*, распространенная согласованным прилагательным *черную*. Помимо того, *роза* распространяется сложением с определяющим ее свободной формой локального значения словосочетанием *в бокале золотого аи*, в котором к слову *бокал* с релятивным значением вместилища необходимо примыкает неизменяемое существительное *аи*, в свою очередь составляющее словосочетание с согласованным прилагательным *золотого*, форма которого определяется позицией существительного *аи*. *Как небо* — сравнительный оборот, относящийся к средствам осложнения предложения.

Еще примеры:

Шалун уж заморозил пальчик: Ему и больно и смешно, А мать грозит ему в окно (Пушкин).

В первом предложении *шалун* (именительный субъекта) и *заморозил пальчик* — два сопряженных компонента, второй из них — распространенный связанной формой винительного. Во втором предложении обусловленная форма дательного субъекта состояния *ему* сопряжена с двумя однородными наречными предикативами, обозначающими состояние. В третьем *мать* и *грозит* — сопряженные формы, *ему* — свободная форма дательного адресата, сложенная на основе синсемантической с глаголом, и *в окно* — свободный распространитель глагола.

Под нами трепещут былинки, Нам так хорошо и тепло, У нас бирюзовые спинки, А крылышки точно стекло! (А. К. Толстой).

В первом предложении сопряженные компоненты *былинки трепещут* распространены свободной формой с пространственно-временным значением. Во втором — обусловленная форма дательного субъекта состояния сопрягается с однородными предикативами состояния, к ним примыкает количественный определитель *так*. В третьем предложении сопрягаются обусловленные формы «у + род. п.» и именительный падеж как компоненты со значениями субъекта и объекта принадлежности (носителя признака и признака), последняя распространена согласованным прилагательным. В четвертом сопряжены два имени, при

втором, предизирующем компоненте — модально-сравнительная частица.

ВОПРОС О СЛОВСОЧЕТАНИИ

Предлагаемое распределение типов связи и соответствующих синтаксических категорий между двумя ступенями синтаксиса — докоммуникативной и коммуникативной — подготовлено тем решением вопроса о соотношении словосочетания и предложения, которое обосновано В. В. Виноградовым во Введении в Академическую грамматику (т. II, ч. 2).

Вопрос о синтаксических единицах, об объекте синтаксического изучения — извечный вопрос синтаксиса — еще с античных времен представлялся дилеммой: предложение или словосочетание. Во Введении в синтаксис Академической грамматики с наибольшей отчетливостью выражено диалектическое решение этого коренного теоретического вопроса, поставленного историей синтаксической науки и подготовленного ее развитием: и предложение и словосочетание — объекты синтаксической науки, но разных ее разделов, разных уровней⁶⁰. Предложение — основная коммуникативная единица языка, «средство формирования, выражения и сообщения мысли», словосочетание — номинативная единица, средство расчлененного обозначения предметов, явлений, процессов, лишь через предложение входящее в систему коммуникативных средств языка. Противопоставление этих двух объектов, вытекавшее из различий их структуры, их функций в процессе общения и их отношения к разным формам мышления, имело принципиальное значение для развития синтаксической теории.

Академическая грамматика, в описательной части давшая первый опыт практического воплощения теории словосочетания, весьма еще непоследовательный, стимулировала усиленный интерес синтаксистов к проблематике словосочетания. Статьи, исследования последующего десятилетия способствовали накоплению материалов и обобщений. Вместе с тем обнаружилась известная «агрессия» словосочетания, поглощавшего важные вопросы, касающиеся структуры предложения. Понимание словосочетания механистически расширилось. Стремление увидеть в любых соединениях слов парное словосочетание наталкивалось на сопротивление материала.

Это, в свою очередь, вызвало усиление внимания к области

⁶⁰ Впервые эта идея была высказана В. В. Виноградовым еще в 1938 г. («Современный русский язык», вып. I, стр. 3). Ср.: «Русский язык», М., 1947, стр. 4; ср.: [Аннотация]. «Введение в синтаксис русского языка». — «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», 1948, вып. I.

«слабого управления», «детерминации»⁶¹. Поиски показали, что эта область чрезвычайно плодотворна для изучения синтаксических свойств слова и структуры предложения, но еще не определили явлений, стоящих за терминами.

Очевидно было, что назревала необходимость некоторого перераспределения материала между теорией словосочетания и теорией предложения. Путь к нему был также намечен еще во «Введении в синтаксис» и подводил к вопросу о минимальных строевых элементах синтаксиса.

«В тех случаях, когда так называемое слабое управление переходит в свободное присоединение предложной конструкции (*вернуться на рассвете, лес на рассвете, ясное на рассвете небо*), оно качественно отличается от управления в собственном смысле этого слова», — писал В. В. Виноградов⁶². Именно такие конструкции, как заметил еще А. Х. Востоков, могут не вступать в словосочетания, а «относиться ко всему составу предложения», обнаруживаясь только в структуре распространенного предложения. Разграничение связей, реализующихся в словосочетании, и связей, реализующихся в предложении, приводит и к уточнению понятия строительного материала для предложения. «Вместе с словосочетанием как строительным материалом для предложения входят в структуру предложения разнообразные предложные конструкции, хотя в предложении развиваются и свои специфические виды предложных связей с формами имен существительных»⁶³. Отсюда задача: «Изучение функций форм слов и законов их употребления, установление правил их использования как для образования словосочетаний, так и в структуре разных типов предложений, — очень важный и еще недостаточно исследованный круг вопросов русского синтаксиса»⁶⁴. Считая ядром синтаксиса того или иного языка правила соединения слов и словосочетаний в предложения⁶⁵, В. В. Виноградов позднее уточняет и это положение: «Модели построения предложений не есть модели соединения слов; это — модели соединения форм, выступающих как носители и частных, и общих грамматических значений»⁶⁶.

Таким образом, труды В. В. Виноградова содержали предпосылки для уточнения и дальнейшего развития ряда вопросов теории словосочетания.

Отношения между понятиями словосочетания и синтаксической формы слова очерчиваются теперь в следующем виде:

⁶¹ См., например: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — ВЯ, 1964, № 6.

⁶² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 27.

⁶³ Там же, стр. 35.

⁶⁴ Там же, стр. 34.

⁶⁵ Там же, стр. 65.

⁶⁶ «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1963, вып. 4, стр. 284.

1) Из анализа синтаксических связей слов с необходимостью вытекает значительно более узкое понимание словосочетания, чем принятое в Академической грамматике, «Основах построения описательной грамматики» 1966 г., Грамматике 1970 г. (см. также диссертацию автора 1954 г.).

2) Словосочетание и в узком и в широком понимании не может считаться первичной единицей синтаксиса, так как само оно представляет собой некое соединение элементов (именно синтаксических форм слова)⁶⁷.

3) Из анализа свойств синтаксических форм слова вытекает, что большая часть падежных и предложно-падежных форм имени, традиционно считавшихся подчиненными компонентами словосочетания, в действительности не подчиняется «господствующему» слову и располагает своими собственными структурно-смысловыми возможностями. Это позволяет высвободить их в изучении из принудительности «парных связей».

4) Именно синтаксические формы, не подчиненные «господствующему» слову, выступают в предложении в качестве его компонентов, относящихся ко всему составу предложения «в целом», не входящих в словосочетания (*В лесу не молкнет птичий гам; Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел; Текут беседы в тишине; За Кремлем горит заря туманная*). Более того, те же синтаксические формы слов могут создавать предложения, даже «распространенные», в которых вообще нет парных словосочетаний (*Перед зарей в лесу тихо; Ночами звуки редки; Я снова посудником на пароходе «Пермь»; Ни ложки, ни плошки в доме не стало; Ему и больно и смешно и т. п.*).

5) Поскольку и предикативный минимум, модель предложения, состоит из сочетавшихся предикативной связью синтаксических форм слова, и распространение, усложнение этого минимума происходит посредством присоединения различных типов синтаксических форм, представляется целесообразным признать синтаксическую форму слова первичной синтаксической единицей русского языка.

⁶⁷ Ср.: «Едва ли можно видеть в словосочетании простейшую единицу синтаксиса», — к такому выводу приходит Н. Д. Арутюнова, анализируя связи слов в словосочетании и в предложении (см.: «О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке». — ФН, 1962, № 2, стр. 33). См. также аргументацию аналогичного тезиса в кн.: Э. Р. Атаян. Предмет и основные понятия структурного синтаксиса. Ереван, 1968, стр. 124. Предложенное Л. Д. Чесноковой противопоставление единиц-элементов и единиц-структур по признаку членимости-нечленимости четко формулирует отношение между синтаксической формой слова и словосочетанием на докоммуникативном уровне, но оказывается механистичным в применении к однословным и неоднословным предложениям, поскольку на коммуникативном уровне «единицы-элементы» не являются единицами организации и членения «единиц-структур» (см.: Л. Д. Чеснокова. Отношения между синтаксическими единицами в системе языка. — В кн.: «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1971).

6) Словосочетание как соединение знаменательных слов (или их форм) на основе грамматического подчинения служит на докоммуникативной ступени расчлененным обозначением понятия и демонстрирует синтаксические свойства подчиняющего (определяемого) слова, на коммуникативном же уровне, так же как и аналог словосочетания, участвует в предложении в качестве его распространенного компонента.

Словосочетание в предложении, таким образом, не что иное, как распространенная синтаксическая форма слова.

СВЯЗАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМЕНИ

В соответствии с изложенным пониманием словосочетания, собственно словосочетаниями, с подчинительной связью между компонентами, придется признать три типа из четырех, намеченных в Академической грамматике⁶⁶, причем за пределы словосочетания, согласно более узкому определению подчинения, выводится и часть примеров, представляющих, на наш взгляд, лишь аналоги словосочетаний.

Три основных фактора формируют словосочетания:

1) Принадлежность определяемого слова к более или менее широким семантико-грамматическим категориям (к переходным глаголам, управляющим формой винительного падежа: *копать землю, строить планы, писать стихи*; к прилагательным, согласующимся с определяемым существительным: *звездный вечер, острый ум, старая башня*).

2) Принадлежность определяемого слова к более или менее ограниченным семантическим разрядам внутри той или иной части речи, а иногда общим для различных частей речи: *смеяться, шутить, иронизировать, глумиться — над кем-чем; подчинять, покорять — (что) чему, подчинение, покорение — (чего) чему, покорность чему, покорный чему*.

3) Индивидуально-лексические свойства определяемого слова релятивного типа: *верить в кого-во что; уверять в чем; обвинять (кого) в чем; разочароваться, сомневаться — в ком-в чем*.

Синтаксические формы имени, употребляющиеся как зависимые, грамматически подчиненные компоненты словосочетаний, мы назвали связанными формами.

Вот еще примеры некоторых типов словосочетаний со связанными формами имени в позиции определяющего компонента:

достигнуть берега, добиться признания, искать решения, требовать тишины, ждать праздника, коснуться воды; лишиться смысла, бояться темноты, стесняться незнакомых, остерегаться сквозняков;

⁶⁶ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, § 24.

верить сказкам, завидовать славе;
руководить работой, управлять делами, править миром,
командовать полком, распоряжаться людьми;
пренебрегать опасностью, гнушаться приглашением, доро-
жить дружбой, наслаждаться покоем, гордиться чином;
избавиться от страха, освободиться от забот, уберечь от не-
приятностей, ограждать от невзгод, охранять от огня, спасти от
наводнения, укрывать от нападающих;
следить за событиями, наблюдать за растениями, ухаживать
за больным, присматривать за детьми;
скучать по дому, тосковать по невесте и др.

Предлог в составе связанной синтаксической формы имени
формализован, лексически немотивирован или ослаблен.
В. В. Виноградов писал об этой группе предлогов: «Они стано-
вятся простыми грамматическими знаками объектных отноше-
ний. За ними сохраняется функция показателей и выразителей
того или иного падежа косвенного объекта»⁶⁹.

Сказанное выше дает основание возражать против включе-
ния в предлагаемый В. В. Виноградовым перечень случаев
употребления формализованных предлогов формы «о+предл. п.»,
сочетающейся с глаголами речи, чувства и пол., поскольку эта
синтаксическая форма слова располагает всеми признаками
свободной формы (способностью употребляться в I, II и III
синтаксических функциях), а сами глаголы могут употребляться
и без делиберативной формы, когда обозначают процесс ре-
чи — мысли безотносительно к его содержанию (*напряженно
думал весь вечер, разговаривал с друзьями, говорил много и
охотно*), могут сочетаться с другими предложно-именными фор-
мами, служащими для выражения делиберативного значения
(*говорил насчет плана, относительно плана, по поводу плана*
и т. п.). Отмечаемая В. В. Виноградовым (а также другими ис-
следователями⁷⁰) активно растущая употребительность формы
«о+предл. п.» также выделяет ее среди непродуктивных, более
или менее замкнутых словосочетаний со связанными формами
имени.

Обычно обращают недостаточно внимания на обоюдную се-
мантическую ограниченность словосочетаний как со стороны

⁶⁹ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 700.

⁷⁰ См., например: В. П. Григорьев. О нормализаторской деятельности и
языковым «пятячке». — ВКР, 1961, вып. 3; Р. В. Болдырев. Структурно-се-
мантические процессы в русской речи (синтаксис предложных конструкций).
Киев, 1967, стр. 74—85; там же др. ссылки. Во всех приводимых авторами
примерах окказиональных или привычных сочетаний с «о+предл. п.», квали-
фицируемых как неправильности (*отметить о чем; признать, обсуждать о
том...; требовать, прибавить о том; сомнения о том; характеристика о рабо-
те; сувенир о Москве; передача о выставке, выставка о сотрудничестве*
и т. д.), сочетаемость возникает на характерной для свободных синтаксиче-
ских форм синсемантической основе: смысловой координации информатив-
ного и делиберативного значений.

управляющего глагола, так и со стороны управляемой связанной формы. Семантически круг существительных, способных образовать данную связанную форму при данном глаголе, хотя и в разной степени, но почти во всех случаях ограничен.

Поскольку в предложении связанные формы входят только вслед за управляющим словом, им не свойственна конструктивная роль в структуре предложения: они не могут быть сами, без определяемых ими слов, компонентами предложения.

Объектные, так же как и атрибутивные, отношения выражаются, таким образом, не на уровне организации или членения структуры предложения, а на уровне организации или членения его компонентов.

Несколько примеров, в которых компоненты предложения разделены вертикальной чертой, а связанные формы имени внутри них выделены курсивом (пунктирными вертикалями обозначено внутреннее членение в аналогах словосочетаний):

Над седой равниной моря [ветер] *тучи* собирает (Горький);
Тучи [по морю : гуляют] и *кораблик* подгоняют (Пушкин);
На утренней заре [пастух] не гонит уж *коров* [из хлева,]
И в час полуденный [в кружок : их не зовет] его рожок (Пушкин);
А Весна [в зазеленевшей роще] Ждет *зари,* *дыханье* затая, [— Чутко внемлет *шороху* деревьев,] Зорко смотрит : в темные поля (Бунин); И правит *окриками* пьяными [Весенний и тлетворный дух (Блок)].

«Если Б всегда сопровождает А, то Б — несамостоятельная единица, — пишет М. В. Панов о критериях членности речевой цепи #АБВ#, — цепь членится на АБ+В... сочетание АВ невозможно»⁷¹.

Однако поскольку Б, в данном случае — связанная синтаксическая форма, может быть заменена лексически другим Б, определяющим то же А, то Б рассматривается как отчленяемая единица, но лишь в пределах организации компонента А, на том уровне, чем выделение А и В. В данном применении корректнее можно записать эту формулу как АБ+В или даже, что больше соответствует обычному расположению компонентов, А+Бв.

Неконструктивность связанных синтаксических форм проявляется, естественно, и в том, что употребление их, в отличие от других видов синтаксических форм слова, не связано с теми или иными типами предложений. Их участие в предложении регламентируется целиком свойствами определяемого ими слова. Для структуры же предложения имеет значение только синтаксическая форма определяемого, вне его отношений с определяющим.

Таким образом, характеризующим признаком связанных синтаксических форм слова служит их способность употребляться в единственной, III синтаксической функции.

⁷¹ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1968, стр. 196.

СВОБОДНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМЕНИ

1. Самостоятельностью морфологического облика и структурно-смыслового значения свободных синтаксических форм слова определяется многообразие способов их синтаксического функционирования.

1. 1. Самостоятельность эту, независимость от синтаксического контекста свободные формы имени проявляют в I синтаксической функции, но ярче всего она обнаруживается, когда свободные формы употребляются в качестве заголовка, что и позволяет считать заголовочную позицию своего рода критерием выделения свободных форм.

Выдвижение заголовочной позиции в качестве синтаксического аргумента вызывает сомнение у некоторых лингвистов. Действительно, заголовок — разносторонний объект филологического изучения. Совмещение в нем назывательно-информативных, рекламно-эстетических, пропагандистско-побудительных функций делают правомерной постановку таких вопросов, как поэтика заглавия, символика заглавий, заголовок и текст, развитие языковых средств озаглавливания, различия языковых средств озаглавливания в разных видах, стилях и жанрах речевой деятельности (в поэзии и прозе, в газете и научной литературе и т. п.). Естественно, что поэтика и техника заглавия исторически изменяются не только как языковые построения, но и в связи с развитием художественных принципов литературных направлений и техники газетного дела, журналистского искусства. Могут быть изучены типичные для того или иного периода способы и приемы строения и оживления заголовков, среди которых в журналистике нашего времени популярны использование крылатых слов, скрытых цитат, строк из известных песен, сочетания слов по смысловому контрасту и по созвучию, метафорический перенос слов из смежных семантических областей и т. п.

С точки зрения синтаксиса представляют интерес по крайней мере три подхода к заголовкам:

1) Описание разновидностей синтаксических конструкций, употребляемых в заголовках (с большей или меньшей полнотой дано в ряде работ последних лет)⁷².

2) Решение теоретического вопроса о синтаксической природе заголовков: является заголовок номинативной или коммуникативной единицей (об-

⁷² См., например: Б. И. Фоминных. Синтаксическая структура заглавий. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», № 148, 1960, вып. 10; А. С. Попов. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие. — В сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966; С. П. Суворов. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам «Daily Worker»). — В сб.: «Язык и стиль». М., 1965; В. М. Ронгинский. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи. Автореф. канд. дисс. Киев, 1965; А. С. Дубовая. Типы газетных заголовков по синтаксическим особенностям их структуры. Автореф. канд. дисс. Л., 1966; Н. П. Харченко. Заглавия, их функция и структура (научный стиль). Автореф. канд. дисс. Л., 1968; L. Zimková. Funkce a celková syntaktická charakteristika novynových titulů. «Sborník prací pedagogické fakulty University Palackého v Olomouci», 1969.

суждение выявило противоположные точки зрения; по-видимому, требуется более гибкое признание особой синтаксической природы заголовка в связи с его многофункциональностью, с учетом разной степени близости к номинативному и коммуникативному «полюсам» разных построений)⁷³.

3) Анализ одного из типов заголовков, а именно — падежных или предложно-падежных форм — для решения вопроса о первичной синтаксической единице (предпринимается в настоящей работе).

Существует мнение, что в позиции заголовка может употребляться любая синтаксическая форма слова. Между тем, синтаксические формы имени распадаются на две группы: одни способны употребляться в качестве заголовков, другие — не способны. Этот несомненно синтаксический факт требует объяснения и находит его в противопоставленности свободных синтаксических форм, располагающих самостоятельным обобщенно-номинативным значением, несвободным синтаксическим формам, самостоятельно, вне синтаксического контекста, не функционирующим.

В позиции заголовка свободные формы слова служат для номинации, типовых обозначений более высокой абстракции, чем отдельное лексическое значение. Приведем примеры как нераспространенных, так и распространенных синтаксических форм имени в заголовках, главным образом газетных, с разными значениями.

Пространственное, локальное значение свободных форм: *На дрейфующей льдине; На рисовых плантациях; В мастерских и лабораториях; В открытом море; В степи; Перед закрытой дверью; Между Бульварным и Садовым; За поворотом; Под водой; У кубанских овощеводов.*

Временное, темпоральное значение синтаксических форм имени: *В свободное время; В ожидании старта; В новом сезоне; Июньским днем; Накануне пуска; Перед штормом Нила; Перед смотром; За четверть века; После выборов; После Ташкента; Ко дню космонавтики.*

Значение направления движения: *В глубины вещества; Во тьму веков; За тридевять земель; К подземным сокровищам; К местам славы; Вокруг земного шара; На сторону партизан; Против течения.*

Значение пути движения: *По свежей лыжне; По следу «Кон-Тики»; Через пустыни; Через пять морей; Сквозь скалы; По ступеням эскалации; Прежним курсом; Морскими дорогами; Весенними тропами.*

⁷³ При этом надо учитывать и жанрово-функциональные различия заголовков. Ср., например, заголовок газетной заметки «Новый гоночный велосипед», сообщающей о разработке, освоении или выпуске новой модели, и заголовок рассказа «Новый гоночный велосипед» М. Барышева («Неделя», 1970, № 48). Большая степень информативности и, следовательно, большая близость к коммуникативному «полюсу» первого заголовка обнаруживается и в легких, но очевидных интонационных различиях между ними.

Значение цели действия и назначения: *В фонд помощи; В помощь Вьетнаму; В защиту испанских писателей; В знак протеста; На приз «Советского спорта»; На тетеревов; На охоту за мамонтами; За экономию и бережливость; За мирный космос; По грибы; Для удобства трудящихся; Ради процветания Африки; Против эскалации войны; За советом; В целях экономии; В интересах мира в Европе; С официальным визитом; С повинной; Для обмена опытом.*

Значение адресации действия или предмета: *Друзьям в Алжир; Советской женщине; Городу-герою; Любителям спорта; Для острова свободы; Для школьников; Для сельских строок; К молодым лауреатам 1969 года.*

Значение причины—основания действия: *За доблесть; По велению сердца; По рассеянности; По случаю праздника; Согласно приказу; По приговору трибунала; Под давлением общественности.*

Значение источника информации или восприятия: *Из писем; Из зала суда; Из застенок Ресифи; Из окна вагона; С телеграфной ленты; Глазами вратарей.*

Значение средства—способа действия (в том числе материала): *Без дополнительного оборудования; В несколько строк; В две смены; За счет резервов; Огнем и мечом; Языком цифр; Любыми средствами; Из советской нефти; Из сэкономленных материалов; Чужими деньгами.*

Значение характеристики предмета по наличию—отсутствию признака: *С иллюстрациями Кукрыниксов; С гарантийным паспортом; Без заглавия; Без имени.*

Значение характеристики обстановки, условий: *В новых условиях; В обстановке сердечности; На глазах полиции; Под вой сирен; При пустых трибунах.*

Значения делиберативные: *О молодоженах; О любителях кактусов; О пользе истории; Вокруг премии; К положению в Гане; По поводу письма в редакцию; К вопросу о морфологической категории; На темы дня и т. д.*

В позиции же заголовка проявляется способность свободных синтаксических форм имени объединяться друг с другом, создавая своеобразное «агглютинативное» построение, которое не является ни словосочетанием, ни аналогом словосочетания, поскольку ни одна из форм не определяет, не распространяет другую. Вместе они образуют некий заголовочный комплекс: *Над пропастью в гололед; Всей семьей на лыжне; Автобусом по столице; На яхте вокруг света; Четыре часа за бортом; У Енисея без воды; С дипломом на родную шахту; С русской песней по планете; В гостях у журналистов; В пещеру за письмами; Под водой без акваланга; Под парусами через Сахару; В воскресенье на выборах; К чабанам через перевал и т. п.*

Семантический состав этих комплексов дает интересный ма-

териал для наблюдений над сочетаемостью смыслов (обычные сочетания, обозначающие место и время; путь движения и способ движения; направление движения и цель движения, местонахождение и наличие—отсутствие предмета, характеризующее субъект или ситуацию, и т. п.).

«Агглютинативность» подобных комплексов становится очевиднее, если сравнить их с двукомпонентными заголовками другого типа, где две свободные синтаксические формы находятся в отношениях «определяемое — определяющее», т. е. представляют собой одну из форм аналога словосочетания, или свободную синтаксическую форму первого слова, распространенную на семантической основе другой свободной формой слова. Так, в заголовках *В поход за химический всеобуч*; *В поход против вирусов*; *Из путешествия во Вселенную*; *На охоту за мамонтами*; *На пути в Антарктику*; *После визита за океан* синтаксические формы со значением цели — направления движения распространяют слова со значением движения, причем могут сопровождать их во всех их формах (ср. заголовки *Поход против смерти*; *Путешествие в завтра*; *Путь в неизвестное*; *Охота за ведьмами* и под.). В заголовках *Перед премьерой на льду*; *На переговоры в Осло*; *Перед выборами в Бразилии* можно видеть одну из форм аналогов словосочетаний *переговоры в Осло*, *премьера на льду*, *выборы в Бразилии*, где слово со значением события определяется формой, обозначающей место его совершения.

Ср. двукомпонентные заголовки, которые представляют собой одну из форм собственно словосочетания: *В расчете на два выходных*; *Верность театру*; *Игрок в крокет* (ср. *рассчитывать*, *расчет на что*; *верить чему*, *верный*, *верность чему*; *играть*, *игра*, *игрок во что*).

1. 2. Принято считать средством поминания форму именительного падежа, но она оказывается лишь одной из класса свободных синтаксических форм имени, объединяемого способностью к самостоятельной номинации⁷⁴.

На той же основе форма именительного падежа взаимодействует с другими свободными формами имени еще в некоторых синтаксических позициях.

1.2.1. В разных жанрах современной литературы, очевидно, под влиянием стиля драматургических ремарок и киносцена-

⁷⁴ Показательно в этом смысле редкое, но возможное соединение в заголовках формы именительного падежа с другими свободными синтаксическими формами как однородных членов: *О прекраснейшей из планет и чуть-чуть истории* («Правда», 19 окт. 1967); *«Париж и вокруг него»* — заглавие книги А. Гофмейстера, о выходе которой сообщает «Литературная газета» (25 янв. 1967). О сочинительной связи как критерии однофункциональности см.: Р. И. Аванесов. Второстепенные члены предложения как грамматические категории. — РЯШ, 1936, № 4, стр. 58.

рия, распространяется с конца XIX в. употребление свободных синтаксических форм имени со значением времени и места в роли своеобразных номинативных предложений, составляющих экспозицию повествования. Характерные для киносценариев и для жанров типа дневника и записных книжек, эти предложения встречаются у разных авторов в прозе и в поэзии. См. примеры ⁷⁵:

В театре. Господин просит даму снять шляпу, которая мешает ему. Ропот, досада, просьба (Чехов, Из записных книжек); *На другой день утром.* Погода дачная, то есть температура ниже нуля, резкий холодный ветер, дождь, грязь (Чехов, Из записок вспыльчивого человека); *В четвертом классе.* Первый урок геометрии. Геннадий Николаевич объяснил, что... (В. Вересаев, Воспоминания); *У царя.* Слово берет от имени бояр Борис Годунов (К. Станиславский, Царь Федор Иоаннович, киносценарий); 134 (номер кадра). *У мельницы.* Катина бабушка упрашивает мельника смолоть полпуда ржи... 239. *В яслях...* 247. *У рояля...* 424. *В уголке зала...* (Я. Протазанов, Его призыв. Режиссерский монтажный сценарий); *На пароходе, на пути из Палестины в Одессу.* Среди палубных пассажиров — множество русских мужиков и баб... (И. Бунин, Паломница); *На Каменно-островском.* Панели стоят на ходулях (Б. Пастернак, 1905 год); *В кабинете Мурашко.* Закинув голову, говорит Мурашко... *В чертежной...* (И. Бабель, Старая площадь, киносценарий). *В тумане.* Улиц река дымит (В. Маяковский, Революция); *За столом.* Сияние. Надежда Сияет глупому (В. Маяковский, Надоело); *В парикмахерской.* — Как вас постричь? (И. Ильф, Записные книжки); *В долине реки Колорадо.* В далекой и страшной долине реки Колорадо. Какой черт меня туда занес? (Там же); *За городом,* четыре часа дня. К деревьям вернулась их прошлогодняя гибкость. Ветер (Л. Леонов, Дорога на океан); *В вагоне.* Темно от вещей и людей (В. Панова, Валя). *У двери дома.* Слышу нежный детский голосок (Н. Амосов, Мысли и сердце); 23 октября. *На правом берегу Днепра.* Старуха стоит на дороге, крестит идущие вперед наши части (Из дневника В. Гусева, «Лит. газ.», 5 мая 1970) ⁷⁶.

Функционируют в качестве экспозиционных предложений не любые свободные синтаксические формы, а лишь некоторые ряды их, но это вытекает из жанрово-тематической ограниченности самого этого типа предложений, связанного с определен-

⁷⁵ Подобные материалы см. также: С. Г. Ильенко. О специфике второстепенных членов в неполных предложениях. Л., 1958; Б. И. Фоминых. Синтаксическая структура заглавий. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. 148, 1960.

⁷⁶ Аналогичные конструкции отмечены в современном латышском языке: *Только что на днях.* Я иду посмотреть, где Дудинский в первый раз запряг в борону молодую кобылу; *В классе.* Они троим стоят у окна (из произведений А. Упита). См.: Л. Цеплитис. Бессоставные конструкции в современном латышском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Рига, 1963.

ными, статически-описательными частями повествования. Точно так же семантически ограничены разряды имен существительных, образующих экспозиционные номинативные предложения.

Репертуар драматургических авторских ремарок, комментирующих особенности речи персонажей, местонахождение или позу говорящего, временное соотношение реплик, их адресованность и т. п., создается также свободными синтаксическими формами имени, но не формами других типов: [после паузы], [у двери], [перед зеркалом], [за сценой], [сквозь слезы], [со слезами], [тонким голосом], [с досадой], [в умилении], [в дверь], [в окно], [Вере], [Ирине], [мужу], [денщику] и т. д.⁷⁷

Не составляя самостоятельных коммуникативных единиц, синтаксические формы слов, образующие подобные ремарки, вместе с тем не являются элементами, непосредственно включающимися в синтаксическое окружение, форма их не выражает зависимости от того или иного слова, но определяется их собственным структурно-смысловым значением.

Синтаксические формы с делиберативным значением (указывающим на содержание, предмет речи) выполняют в контексте роль тематическую, образуя предложения, в которых обозначается тема, развиваемая в последующем изложении:

О картине Куинджи. Это целая история... (Тургенев, письмо 1881 г. Д. В. Григоровичу); *Относительно нелепости содержания.* Le sire de Roze-Eric может быть сравнен... (Салтыков-Щедрин, *Дневник провинциала в Петербурге*); *О профессорах старших курсов.* Преподавание в Дерпте велось в то время на немецком языке... (В. Вересаев, *Воспоминания*); *По поводу участия в безгонорарном номере.* Обе руки поднимаю, я — за! («Звезда Востока», 1967, № 3); *Вот и с куревом.* Баловался — бросил. (Н. Почивалин, *Чистый тон*); *Вот, например, с этим вечером.* Глупее моего поведения трудно было выдумать (И. Грекова, *Дамский мастер*); *Кстати, насчет вашей осведомленности:* у вас тоже имеется вадемекум под рукой?... (Л. Леонов, *Evgenia Ivanovna*); *Опять же насчет придирчивости и простоты.* Тут как с кем (М. Жестев, *Проводили*); *Прежде всего о сроках уборки трав.* По данным Ленинградской опытной станции, при уборке клевера... («Изв.», 13 июля 1967).

Ср. примеры употребления формы именительного падежа в подобной тематической функции:

У рапиристов безусловными участниками Олимпиады будут чемпионы мира Виктор Путятин, Герман Свешников... *Шпага.* Здесь мы также располагаем очень сильными спортсменами. Команду *саблистов* сформируют Марк Ракита, Умар Мавлиханов... («Труд», 1 окт. 1968); 17 мая 1969 г. *Абро Антараули.* Ему под шестьдесят, но на вид не дашь столько... *Гарсо Чоли-*

⁷⁷ Примеры из статьи: Л. Н. Санжаров. Из наблюдений над синтаксисом авторских ремарок. «Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та», 1970, вып. 22.

кадзе, молодой, крепко сбитый парень. Он не из этой бригады.. (Из дневника Г. Чубабрия, «Комс. правда», 7 дек. 1969).

Так же, как и номинативные предложения, экспозиционные и тематические предложения, образованные свободными предложно-падежными формами, выполняют особую роль в построении сложного синтаксического целого, в этом смысле отличаясь меньшей независимостью от контекста, чем другие типы предложений⁷⁸.

Контекстная привязанность предложений, образованных предложно-падежными формами имени, дает иногда повод рассматривать их как части, осколки, остатки какой-либо модели предложения. Против такого толкования следующие доводы:

1) Контекстная привязанность не является собственно синтаксической. В рассматриваемых конструкциях не содержится никаких указаний на тип модели, чтобы по части судить о ее характере и самом существовании этой модели.

2) Независимый от синтаксического окружения и достаточный для соответствующего функционирования объем значения выражается в этих конструкциях своими собственными средствами: взаимодействием категориально-лексического значения и грамматической формы.

Очевидно, предложно-падежные формы в качестве предложения не составляют системных моделей предложения, они в известном смысле остаются «заместителями» номинатива; по-видимому, так же, как и в номинативе, в них есть что-то среднее между собственно предложением и заголовком. Здесь важно показать, что употребление свободных предложно-падежных форм как своеобразных номинативных предложений наряду с формой именительного падежа свидетельствует о возможностях их самостоятельного, независимого функционирования, вопреки распространенным представлениям о зависимости любой формы косвенных падежей. Естественно, что связанные формы имени в подобной позиции невозможны.

Следует отметить различную стилистическую природу рассмотренных двух разновидностей конструкций: если предложения с экспозиционным значением принадлежат описательному, собственно книжному типу речи, то в предложениях с тематическим значением можно видеть результат взаимодействия книжно-монологического типа речи с разговорно-диалогическим: здесь и стремление к логической расчлененности, обозначенности композиционных частей целого, и отражение вопросо-ответной формы диалога.

⁷⁸ О связи номинативных предложений с контекстом см.: Н. С. Поспелов. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка АН СССР», вып. 2. М.—Л., 1948; см. также: А. С. Попов. Изменения в употреблении номинативных предложений.— В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 74.

1. 2. 2. В то время как предложения экспозиционного и тематического типа развиваются на фоне номинативных, как бы беря на себя часть их значений, в разговорной речи тот же процесс взаимодействия свободных предложно-падежных форм имени с формой именительного падежа дает разнонаправленные результаты.

1.2.2.1. С одной стороны, активно проявляет себя в разговорной речи именительный падеж в обстоятельственных и атрибутивных значениях, потесняя таким способом другие синтаксические формы. Нормативно-стилистический диапазон соответствующих фактов чрезвычайно широк: от конструкций некодифицированных, составляющих специфику устно-разговорной речи, может быть, составляющих норму для разговорной подсистемы общенародного русского языка⁷⁹, но неприемлемых для литературно-книжной речи, до активно внедряющихся в литературный язык. Некоторые из них имеют давнюю традицию отражения в художественной литературе. Ср.:

Он будет *вторник* и *пятница* теперь бывать (Разг., 1966)⁸⁰; А скажите, *Дом преподавателей* бывает боржом? (Разг., 1965); Люся, а где вы живете? — *Бронная* (Разг., 1966); У нас комбинат устранивает *сентябрь месяц* дом отдыха (Разг., 1965); Вот *зимний период* у нас комбинат снимает базу на Трехгорке (Разг., 1965); Он работает *почтовый ящик* (Разг., 1965); — Шестьдесят шесть, пожалуйста. — Куда? — *Колбаса* (Разг. в магазине, 1965); А скажите, *угол Ленинского и Кравченко* идет? (Разг. в автобусе, 1964); Музей не работает *понедельник и вторник* (Рукоп. объявление, 1967).

Ср. примеры из литературы: [Митрофан] Вон у чулана *шеста неделя* дверь стоит не навешена (Фонвизин, Недоросль); К те-тушке Марфе Николаевне езды было четверть часа. *Минут пять* она опоздает, не больше (Боборыкин, Китай-город); Когда мы [с Суриковым] жили в Москве. Я — *Смоленский бульвар*, он — *Зубово*. Это очень близко, и мы видались всякий день (Репин, письмо Чуковскому, 1926 г.; по книге: К. И. Чуковский, Из воспоминаний); — Где живешь? — *Жилплощадка...* («Сов. Россия», 1 марта 1967); Можно, например, разместить их [товары] так: *одни этаж* — все для женщин... *Другой этаж* — все для детей, *третий* — все для мужчин («Правда», 11 июля 1970)⁸¹.

⁷⁹ См. об этом: О. А. Лаптева. О структурных компонентах разговорной речи. — РЯНШ, 1965, № 5; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966; Е. А. Земская. Русская разговорная речь (проспект). М., 1968.

⁸⁰ Материалы с пометой *Разг.* — главным образом записи устной речи, сделанные автором, частично — из магнитофонных записей разговорной речи, проведенных сотрудниками Института русского языка в 1965—1966 гг.

⁸¹ О том, что подобное явление свойственно не только русскому языку, свидетельствуют наблюдения ряда авторов. См., например: «Очень типична

«Несклоняемость» существительного в конструкциях подобного типа Н. Ю. Шведова объясняет тенденцией разговорной речи к «склсиванию слов в их исходной форме»⁸². Конечно, «исходная форма» — довольно условное обозначение именительного падежа. Возникают вопросы, в каких функциях и значениях форма именительного падежа конкурирует с формами других падежей, ведь не все падежные формы вступают в соотносительность с именительным падежом и не все уступают ему место.

Выше отмечено, что соотносительность именительного падежа с обстоятельственными предложно-падежными формами становится возможной на основе самостоятельного номинативного значения, локального или темпорального, выражаемого категориально-лексическим значением слова и падежной его формой — в одном случае, предложно-падежной — в другом.

Исследования Н. Ю. Шведовой и Н. А. Янко-Триницкой показали, что в литературный язык все более глубоко проникает взаимодействие формы именительного падежа с другими формами несогласованного и согласованного определения, с преобладанием именительного атрибутивного одиночного и именительного атрибутивного кратного в выражении отношений пространственных, количественных и социативных. Однако остается вопрос: является ли этот процесс возобладания формы именительного падежа односторонним и равномерным для разных категорий слов? Нет ли лексико-грамматических факторов, корректирующих это движение? Требуются дополнительные исследования, чтобы определить ориентированность этого взаимодействия: направлен ли он по диахронической вертикали или по радиальным линиям соотношений между концентрическими кругами сосуществующих в системе общенародного языка подсистем литературной и разговорной речи.

Очевидно, для разных явлений могут быть установлены разные закономерности. Во всяком случае, было бы упрощением недооценивать и другую сторону дела, которая часто ведет к замене именительного падежа свободными синтаксическими формами имени.

1.2.2.2. Свободные синтаксические формы используются для

в небрежной разговорной речи беспредложные обстоятельства места — особенно в качестве эллиптических ответов на вопросы о местопребывании того или иного лица и т. п. *I live Fifth Avenue, 21. And where did you live before? Missouri.* (Ю. Скребнев. Из наблюдений над особенностями синтаксиса английской разговорной речи. «Уч. зап. Пятигорского пед. ин-та», т. 17, 1958, стр. 288); См. также: Л. М. Михайлов. Об экспансии номинатива в разговорной речи (на материале немецкого языка). Категория падежа в структуре и системе языка. Рига, 1971.

⁸² Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе, стр. 100. См. также: Н. А. Янко-Триницкая. Кратный именительный в функции определения. — В сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.

метонимического обозначения предмета и понятия по его признаку и в качестве такого «заместителя» названия предмета оказываются в самых разнообразных синтаксических позициях. Ср.:

[Бетси] (к артельщику). А, вы *от Бурдые*, с платьем?... [Барыня] Видела *от Бурдые*?... [Бетси] Что, здесь *от Бурдые*? [Федор Иванович] Здесь, на кухне сидит... [Василий Леонидыч] А *от Бурдые* ушел (Л. Толстой, *Плоды просвещения*); Мы говорим: зачем поминать?.. те страшные дела: палки, *сквозь строй* и другие — прошли уже; зачем поминать старое (Л. Толстой, Николай Палкин); Было *после обеда*, то время, когда по усадьбам и деревням дремлют куры и собаки, похрапывают люди... (А. Н. Толстой, *Петушок*); В рассказе Короленко — победа за гробом, но «*за гробом*» — конечно, условное место... (А. Платонов, «Лит. газ.», 3 сент. 1969); Что они помнят? *Перед войной*. Войну. И *после войны* (А. Рекемчук, *Молодо-зелено*); «*Во время войны*» — это целая эпоха («Изв.», 6 апр. 1970).

Ср. то же явление в обращениях, где свободная форма имени замещает метонимический названия лица: Здравствуй, *в белом сарафане Из серебряной парчи*! На тебе горят алмазы, Словно яркие лучи (Вяземский, *Масленица*)⁸³; — Эй, *у костра*! Пусти ночевать под небом (Г. Троепольский, *В камышах*); *С мороженым*! Отойдите от прилавка! (Разг., 1972).

Об определенной однородности формы именительного и свободных форм косвенных падежей свидетельствует также возможность соединения их сочинительной связью как в заголовках (см. выше), так и в текстах, например: Это все было *вздор и с похмелья* (Достоевский, *Преступление и наказание*); Явились гости, *соседи или из Петербурга* (Вл. Швейцер, *Диалог с прошлым*).

Подобные факты, приведенные в проспекте Е. А. Земской, квалифицируются дважды: как «специфичные для разговорной речи номинации, в которых словесно не выражен член, ясный из ситуации», и как специфические функции некоторых предложно-падежных форм, в которых проявляются специфические законы синтагматики разговорной речи и обнаруживается «типическая черта РР — закрепление за одним означающим большего числа означаемых, чем в КЛЯ» (стр. 58—59 и 90). Первое объяснение кажется бесспорным. Действительно, обозначение лица (предмета, понятия) по признаку — разговорный способ номинации, и даже в литературных примерах ясно ощущим его разговорный характер.

По существу, это явление родственно широко известной литературному языку субстантивации прилагательных и прича-

⁸³ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2, § 1185, прим. 1.

ствий, основано на том же метонимическом именовании предмета по признаку; рассматриваемые предложно-падежные формы однофункциональны с прилагательными как несогласованные и согласованные определения признаков предмета, разница между ними — в результативной закреплённости адъективных наименований и в ситуативности, окказиональности предложно-падежных.

Второе объяснение вызывает сомнения и оказывается в противоречии с первым. Если предложно-падежные формы выступают как обозначения предметов, то естественно, что им свойственны все предметные позиции в предложении. Однако, занимая эти позиции, они не изменяют «законов синтагматики», поскольку их форма не зависит от синтагматической связи, не определяется синтаксическим контекстом. Что же касается соотношения означающих и означаемых, не определено содержание соотносительных единиц. Если формы, означающие различные признаки, сводятся к обозначению предмета — носителя этих признаков, речь может идти, наоборот, об отнесённости некоторого числа означающих к одному означаемому. С этой точки зрения вопрос требует дальнейшего выяснения.

Здесь важно подчеркнуть, что «субстантивлируемые» в разговорной речи предложно-падежные формы — это свободные синтаксические формы слов⁸⁴.

В известном с древних времен способе топонимических обозначений посредством предложно-падежных конструкций также участвуют лишь свободные синтаксические формы имени⁸⁵.

Только свободные предложно-падежные формы служат в словообразовании базой для построения определенных типов существительных и прилагательных (*подберезовик, подсвечник,*

⁸⁴ В сущности, и так называемые «неоднословные номинации, включающие в качестве необходимого конструктивного элемента относительное местоимение (что, кто, где, куда и под.)» (Е. А. Земская, Русская разговорная речь. — ВЯ, 1971, № 5, стр. 79) представляют собой разговорные аналоги свободных синтаксических форм слова: падежная форма или семантика относительного местоимения содержат указание на соответствующую параллель (ср. *Живет где школа* — и синтаксическую форму предложного или другого падежа с локальным значением).

⁸⁵ Примеры подобных топонимов-ориентиров Приселигерья и Причудья: *Под вешала, К колю, Под огороды, В угол, К границе, Под еликой в углу, В ситно, Под сосну, У копки, Сверх заяминой, На свои пожня;* и производных от них: *Подситье, Подборовье, Подгорье, Залуцкий Мыс, Сугревская берега (с Угрева), Заяминная грива* — см. в дисс.: А. В. Никитин. Названия рыболовных угодий Калининской, Новгородской и Псковской областей. М., 1967. Интересны также наблюдения автора над парадигмой подобных топонимов — названий тоней: в большинстве случаев она «ограничена тремя ситуативными падежами: именительным, винительным и творительным». Отсюда беспредложное употребление: *Пойдем-ка Домнюю тону, а?* Там же см.: «Когда-то предложно-именные названия типа *В Межну(ю) тросту, В губе, Под гору или Под горой...* обозначали не

подоконник, подсумок, подпятничник; намордник, наушник, на-
рукавник; предбанник; загрибок; застолье, заречье, Приднеп-
ровье; бездорожье, безветрие, безлюдье, бесправие; прибреж-
ный, заплочный, подзаборный и т. п.). Ср. экслибрис. Ср. также:
Еще все дешево — и ямщицкий чай, и кабинет, и вдова Кли-
ко (А. Блок, К поэме «Возмездие»).

1.3. Реализация свободными синтаксическими формами
имени своей I синтаксической функции — в заголовках, в пред-
ложениях номинативного типа, в обозначениях предмета, в раз-
личных соотношениях с формой именительного падежа — не
представляет основных функций свободных форм в построении
речи, она только показывает номинативность свободных форм,
способность выражать понятие, в котором лексическое значе-
ние слова поднято на более высокую ступень обобщения аб-
страгирующей силой грамматического оформления. Эта спо-
собность, реализуемая внутренними языковыми средствами,
заключенными в самой синтаксической форме слова, не зави-
сит от синтаксического окружения, следовательно, существует
вне предложения, до предложения. В этой своей способности
свободные формы имени вполне сопоставимы с так называе-
мой независимой формой именительного падежа, которая
также представляет собой в основных своих значениях сво-
бодную синтаксическую форму. Как форма именительного
падежа имени существительного служит обозначением пред-
мета, так и другие свободные синтаксические формы обозна-
чают, называют понятия времени, места, направления, при-
чины, цели, адресата и т. п., и в этом качестве они исполь-
зуются в связной речи как смысловые единицы, элементы
смысла.

Номинативные значения свободных синтаксических форм
имени существительного близки к наречным, но круг их разно-
образнее, разнообразнее и их синтаксические возможности. Но-
минативность, независимость от синтаксического контекста не
свойственна другим типам синтаксических форм — связанным
и обусловленным.

2. Во II синтаксической функции свободные синтаксические
формы имени выступают как компоненты модели предложения,
затем как ее распространители.

2.1. Вопрос о разных подходах к выделению предикативно-
го минимума будет рассмотрен в следующей главе, здесь

только рыболовные или земельные участки, но и селения. В Новгородских
и Псковских писцовых книгах подобные названия нередки. Сейчас такого
рода топонимы встречаются, как правило, только в названиях угодий.
Возникший у славистов интерес к топонимическим образованиям типа Pod-
góra, Załas, ссылаясь на работы М. Караса, И. Роспоида, В. Ташицкого,
К. Дейны и др., отмечал проф. С. А. Копорский (см. ВЯ, 1959, № 3, стр.
146).

же, исходя из данного во Введении определения модели предложения, выясним, какова роль свободных форм в организации модели.

2.1. 1. В тех же свойственных им независимых значениях, в каких они выступали в заголовках, свободные синтаксические формы имени функционируют как вторые, предиктирующие компоненты моделей предложения.

В моделях со значением пространственного соотношения предметов, локализованного наличия предмета, явления: *Кавказ подо мною; Глаза — на рогах, а дом — на спине; Комната князя Андрея в среднем этаже; Лес — за рекою; Гавана — в тропиках; Тихо. Дети — в школе, женщины — в кухнях, в огородах, мужчины — на службе, на работе (Горький, Орел); Я под Москвою эту зиму (Б. Пастернак, На ранних поездах); Аэродром, на котором проходили испытания, был через забор (М. Громов, «Смена», 1969, № 12). Ср.: Глупец кричит: куда? куда? Дорога здесь (Пушкин, Езерский); Он далеко, он не узнает, не оценит тоски твоей (Лермонтов, Демон).*

В моделях со значением временной приуроченности события, явления: *Начало — в семь часов; Продолжение — в следующую среду; Отправление — через пять минут; Отпуск — в декабре; Экзамены — после каникул; В 7 часов человеческий прилив, в 17 часов отлив (Маяковский, Бродвей); Пойдем к Охотному ряду. Метро до часу (Ю. Бондарев, Тишина).*

В моделях, обозначающих адресованность, назначение предмета, действия: *Газета вам, а письмо соседям; Подарки — для школьников; Хлеб — Родине; Эта нежность — тебе, Эта песня — тебе (А. Сурков); Знаю одно, что до самой могилы помыслы, чувства, и песни, и силы, — все для тебя (А. Апухтин); Нет, Федя, те каштаны не про нас! (Крылов, Два мальчика).*

В моделях, обозначающих состояние лица или предмета: *Долина в мертвой тишине (Пушкин, Руслан и Людмила). В надежде, в страхе я (Крылов, Сонет к Нине); Душа в смятении и панике (А. Вознесенский, Ода дубу); Весь сад в качании и шелесте (Г. Николаева, Наш сад); Весь горизонт в огне (Блок).*

В моделях, обозначающих причину, источник, мотивировку явления: *Вся ссора — из-за пустяка; А гордость его — от самолюбия; Не верьте отчету! Эта цифра — с потолка («Сов. спорт», 11 апр. 1962); От раннего Шостаковича — суховатость, рационалистичность отдельных тем (И. Нестьев, 4 симфония Д. Шостаковича); Из-за чего разговор? — подумал Кирилл (А. Битов, Такое долгое детство); Категоричность и резкость ее тона — от молодости и неопытности («Аврора», 1972, № 10).*

В моделях, характеризующих предмет, ситуацию наличием — отсутствием признака: *Агитатор же я был с краснеющими щеками, с бегающими от смущения глазами (Ив. Евдокимов, Автобиография); Другой же, встречный эшелон из Ртищева был с мукой («Новый мир», 1964, № 1); Вероятно, захоронения го-*

ляди — без курганов (Б. Рыбаков, «Неделя», 1963, № 28); Ларец — с секретом; он и без замка (Крылов, Ларчик); У огородника взросло все и поспело: Он с прибылью, и в шляпе дело, А Философ — Без огурцов (Крылов, Огородник и Философ).

В моделях, сообщающих о содержании явлений из области информации: Андреева не умирает. Фильм — о живой Андреевой («Комс. правда», 1 июля 1967); Последняя фраза — о помощи Ленинграду (И. Андроников, «Лит. газ.», 1968, № 8); Этот рассказ — о комиссии по народному образованию и культуре («Изв.», 2 марта 1970); Сегодняшний репортаж, конечно же, прежде всего, о матче СССР — Канада («Комс. правда», 7 дек. 1969); И большинство вопросов — о подготовке нашей сборной к мировому чемпионату («Изв.», 6 мая 1966).

В моделях, сообщающих о направлении движения или движущегося предмета, а также о направленности, позиции лица или лиц: Дорога — к Ленину; Поезд — на Саратов; Мы — за мир, за дружбу, за взаимопонимание («Лит. газ.», 3 февр. 1962); Все против меня, ... полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня (Гоголь, письмо Щепкину, 1836); Ветер мне в левый бок был, а теперь в морду (Л. Толстой, Хозяин и работник); Ветер в нашу сторону (В. Некрасов, В окопах Сталинграда); Со скоростью более семисот километров в час мы летим домой. Курс — на Москву («Неделя», 1962, № 14); Но курс весны — на север! На север, как всегда (В. Луговской, Гуси).

Не продолжая перечня моделей, можно сделать обобщение, что позиция предиктирующего компонента модели типична для свободных синтаксических форм имени⁸⁶.

По-видимому, любая свободная форма может быть вторым организующим центром модели предложения при том условии синсемантической, которому отвечают в русском языке безглагольные двусоставные предложения: без помощи глагола выражаемые синтаксическими формами имени понятия могут быть предикативно соотнесены на семантической оси «тождества», целого и части, общего и конкретного, рода и вида и т. п. Иными словами, первый организующий центр модели своими категориально-лексическими свойствами предопределяет до известной степени круг возможных предиктирующих компонентов, а второй центр, свободная синтаксическая форма, в свою очередь в своих предиктирующих потенциях ограничен объемом своего структурно-смыслового значения. Очевидно, что у раз-

⁸⁶ См. также: Я. И. Рословцев. Предложно-падежные формы в предикативной функции в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», № 148, М., 1960; П. А. Лекант. Об одной из форм сказуемого в современном русском литературном языке (предложный падеж существительного с предлогом «в»). «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 138, 1963, вып. 8; Ю. Н. Кан. Предикативное употребление предложно-падежных сочетаний в современном русском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1965.

ных форм объем значения различен, различны, следовательно, и сочетательные возможности. Так, наиболее широкими семантико-синтаксическими возможностями располагают синтаксические формы слова с местным, пространственным значением. И действие, и состояние, и признак предмета, и наличие — отсутствие предмета могут обнаруживаться, осуществляться в том или ином месте, поэтому с пространственным предикативом могут сопрягаться первые компоненты различной семантики: имена лиц, предметов, действий, событий, явлений (*Книга на полке; Иванов у директора; Репетиция в зале; Гроза за лесом*).

Широкий характер семантики пространственной соотнесенности служит также базой для выражения разного рода переносных, отвлеченных значений: *В этой песне* — дума о нашей судьбе. *В этой песне* — верность нашей борьбе (А. Сурков); *Опять я у этой темы*. Со мною ее лучи (С. Щипачев).

Темпоральные свободные формы диктуют значительно более строгие условия. В названиях лиц, предметов нет семантических оснований предикативно сопрягаться с временными формами; на семантическую ось с временными формами нанизываются существительные, содержащие «сему» времени в своем значении действия, события: *Митинг — в три часа; Следующая передача — в воскресенье; Консультация — после праздников*.

Естественно, что лишь слова, содержащие «сему» движения, направленности сочетаются с формами, обозначающими направление движения, так же как лишь слова, относящиеся к кругу информативных явлений, предикативно сопрягаются с формами делиберативного значения и т. д.

2.1.2. Возникает вопрос, возможны ли другие свободные синтаксические формы, кроме именительного падежа, в позиции первого, предиктируемого компонента модели предложения? Случаи метонимического замещения именительного падежа названия предмета свободными формами, называющими предмет по признаку (*В курточке прошла, а с ракеткой оглянулась*), не дают еще основания для положительного ответа, в них заметно ощутим эллиптизм непринужденной речи (хотя с синтаксической точки зрения здесь важнее не признание эллиптизма, а определение типа возможных в этой позиции форм).

По-видимому, ответ предопределяется природой самих предикативных отношений. Предикация состоит в приписывании того или иного признака какому-то предмету, субстанции. Семантика свободных форм скорее соответствует понятию признаков, чем понятию предмета, субстанции.

Впрочем, непреходимой грани между ними нет. Те же свободные формы с пространственным значением, которые обычно выступают как предиктирующий компонент модели, в определенных семантико-синтаксических условиях участвуют в организации модели в качестве первого, предиктируемого компонента.

Наблюдения над порядком компонентов показывают, что у каждой модели есть свой нейтральный порядок. Перемещение компонентов, изменение нейтрального порядка обычно связано с требованиями композиционно-синтаксического строения текста, так называемого актуального членения моделей, обозначающих пространственную соотнесенность двух предметов. Ср.:

<i>Тетради — на столе</i>	<i>На столе тетради</i>
<i>Зонтик под диваном</i>	<i>Под диваном зонтик</i>
<i>Аптека на углу</i>	<i>На углу аптека</i>
<i>Магазины — на площади</i>	<i>На площади магазины</i>
<i>Лес — за рекой</i>	<i>За рекой лес</i>
<i>Лодка на воде</i>	<i>На воде лодка.</i>

Смысловые акценты меняются: если предложения с препозицией именительного сообщают о местонахождении предмета, то предложения с постпозицией именительного скорее характеризуют то место, которое названо предложно-падежной формой⁸⁷. Если же в именительном — отвлеченное существительное или на его месте другие формы со значением обстоятельственного состояния⁸⁸, то предложение приобретает значение характеристики места, обозначенного предложно-падежной формой имени. В этой модели название места нормально стоит в препозиции, обозначение характеризующей его ситуации — после него:

В комнате беспорядок; *В лондонском Сити* — переполох; *У входа* толчея; *На бесконечном, на вольном просторе* Блеск и движение, грохот и гром (Тютчев); *В доме Ростовых* было не весело (Л. Толстой); *В хлеву* покой и дрема (Есенин); *В поле* выюга-завируха (Твардовский); *Вокруг меня* — ни звука, ни души (Б. Ахмадулина); *В театре* — яблоку негде упасть (М. Булгаков); *В железных ночах Ленинграда* Осадной поры тишина (Н. Тихонов).

Таким образом, свободные синтаксические формы с пространственным значением в определенных моделях могут занимать позицию первого, предиктируемого компонента двусоставной модели.

Ср. в «Сказке о рыбаке и рыбке» разные модели, характеризующие море: *Море* слегка разыгралось... *Неспокойно синее море...* *На море* черная буря...

⁸⁷ Отметим здесь также различия с точки зрения определенности/неопределенности предмета, названного в именительном. См. об этом: Н. С. Поспелов. О синтаксическом выражении категории определенности/неопределенности в современном русском языке. — В сб.: «Исследования по современному русскому языку». М., 1970; Д. И. Фурсенко. Порядок слов как одно из средств выражения неопределенности/определенности имен существительных. «Русский язык за рубежом», 1970, № 4.

⁸⁸ Термин «обстоятельственное состояние» удачно найден чехословацкими лингвистами. См., например: M. Zatořkařuk. Neosobní predikativa a útvary přibuzné, zvláště v ruštině. Praha, 1965.

Ср. также синонимические варианты: *Долина в мертвой тишине* («Руслан и Людмила») и *В долине мертвая тишина* (*А в долине — затишье*. Бунин, Костер), — где формы именительного и предложного падежа, называющие место, остаются первыми, предпосредуемыми компонентами, а формы предложного и именительного падежа, обозначающие состояние, остаются предикативами.

Привычная точка зрения, с которой форма именительного падежа в последнем предложении квалифицируется как подлежащее или как единственный главный член односоставного предложения, а предложно-падежная форма — как распространяющее его обстоятельство. Нельзя не видеть, что существительные типа *Тишина*; *Буря*; *Блеск и движение* сами по себе достаточны для организации односоставного предложения, хотя в других примерах характеристика ситуации коммуникативно недостаточна без обозначения места действия или субъекта состояния (*Было невесело* — кому? или где?; *Яблоку негде упасть* — где?). Вопрос, очевидно, заключается в том, видеть ли в предложениях типа *Тишина* и *В долине тишина* одну и ту же модель, с факультативным распространителем во втором случае, или разные модели, каждую со своим типовым значением, с предикативными отношениями между компонентами во втором случае. В пользу последнего толкования говорит то, что, сочетаясь в одной из форм времени и модальности, они способны к реализации той же модели в других временных и модальных планах (*В долине была тишина*, *В долине будет тишина*, *В долине была бы тишина*...).

Можно было бы отнести к собственно семантике различия в типовых значениях: констатацию действия, состояния природы в одном случае и характеристику места посредством обозначения действия, состояния, заключенного в нем. Но с позиции синтаксической, т. е. структурно-смысловой, нельзя не учитывать регулярности объединения определенных синтаксических форм слова для выражения определенного типового значения, регулярности их функциональных соотношений с коррелятивными формами в синонимичных моделях и фиксированности определенного порядка компонентов модели.

Вместе с тем нельзя, конечно, отрицать известной переходности в значении рассматриваемых предложно-падежных форм. Участие глаголов в рассматриваемых моделях значительно усложняет квалификацию их: *А в доме стук, ходьба, метут и убирают* (Грибоедов).

Этот пример подводит и к другому случаю, где предложно-падежная форма пространственного значения приближается к роли предпосредуемого компонента. Ср.: *На работе* его встретили новостью; *В школе* об этом не знали; *На собрании* обсуждали это событие; *На аэродроме* ему сказали, что... и т. п. И пять ночей в Москве не спали (В. Инбер).

Подобные предложения трактуются как неопределенно-личные с намеренно, за ненадобностью опущенным названием действующего лица (лиц). Между тем препозитивная свободная предложно-падежная форма не только обозначает место действия, но содержит в себе косвенное указание на действующих лиц (*≈ те, кто на работе, в школе, на собрании, которые там были, кому там положено быть*)⁸⁹.

Можно остановиться на признании некоторой двойственности, синкретичности предложно-падежных обозначений места в подобных позициях, — здесь нас интересуют структурные возможности свободных синтаксических форм имени в организации модели предложения.

Привлекает внимание также способность синтаксических форм имени становиться конструктивным элементом сложного предложения. Н. Ю. Шведова приводит следующие примеры: *Отвори дверь, потому что к тебе; Без нее, а веселятся*, квалифицируя выделенные части как функциональные аналоги собственно грамматических структур⁹⁰.

Требуется, конечно, накопление материала и специальное исследование его, но, по-видимому, можно утверждать, что в качестве части сложных предложений (и главным образом, очевидно, в разговорной речи) способны выступать свободные формы имени, но не связанные и обусловленные. Ср.: *Мне хорошо здесь, потому что с тобой; В очках, а не видит; Как не стыдно, а еще в шляпе!* Ср. параллельные конструкции:

Письмо — от отца	Письмо берегу, потому что от отца
Письмо — из дому	Письмо берегу, потому что из дому
Письмо — с родины	Письмо берегу, потому что с родины
Письмо — маме	Письмо берегу, потому что маме
Письмо — для сестры	Письмо берегу, потому что для сестры
Письмо — со стихами	Письмо берегу, потому что со стихами
Письмо — на гербовой бумаге	Письмо берегу, потому что на гербовой бумаге

⁸⁹ Ср. в указ. проспекте Е. А. Земской, стр. 60. На регулярность соотношения «место — те, кто находится в этом месте» для определенных типов лексем (ср. *Класс встал*) указано в статье: Ю. Апресян, А. Жолковский, И. Мельчук. О системе семантического синтеза. — НТИ, 1968, № 11, стр. 12. — Системность соотношения локального детерминанта в неопределенно-личных предложениях с падежом субъекта действия (*На пленуме обсудили... — Пленум обсудил... В колхозе начали сеять — Колхоз начал сеять* и т. п.) отмечает Н. Ю. Шведова (ВЯ, 1968, № 2, стр. 46—47).

⁹⁰ «Основы построения описательной грамматики», стр. 154.

Письмо о тебе
Письмо — от седьмого
июля
Письмо — без мыслей

Письмо берегу, потому что о тебе
Письмо устарело, потому что от
седьмого июля
Письмо скучное, потому что без
мыслей и т. п.

2.2. Еще более обычной для свободных синтаксических форм является позиция распространителей модели предложения. Разнообразные синтаксические формы со значением места, времени, причины и другими обстоятельственными значениями могут дополнять и конкретизировать модели предложений разных типов:

Все утро тоска... (Чехов); *По приезде на станцию* первая забота была поскорее переодеться (Пушкин); *Марья Матвеевна была в страшном горе по поводу происшествия с тестом* (Н. Лесков); *Много было в этот год перелетной птицы* (М. Шолохов); *Над скудной глиной желтого обрыва В степи грустят стога* (Блок); *Под зноем флорентийской лени* еще беднее чувством ты (Блок).

Когда в предложение включается не один, а несколько свободных распространителей, каждый последующий относится к сумме предыдущих с предикативным минимумом, например: *Теперь (((на даче ((вечерами (тишина))))*; *После этого случая ((из-за своей бестактности (разонравился он мне)))*; *Кстати, (((за отсутствием новых фундаментальных трудов ; у Ивана Матвеевича (((в печати ((давно (не появлялось и разгромных статей ; о нем))))* (Леонов, Русский лес); *Как-то раз ((перед толпою Соплеменных гор (у Казбека с Шат-Горою Был великий спор))* (Лермонтов, Спор); *А потом (((за столом ((на прохладной и тихой террасе ((рядом с ним и женою (тяну я сухое вино))))* (Е. Евтушенко, На велосипеде).

Возможности распространения той или иной модели предложения теми или иными свободными формами подчиняются правилам сочетаемости смыслов, о которых говорилось выше и к которым еще обратимся в следующей главе.

«Несомненно, что в процессе исторического развития языка круг синтаксических явлений, связанных с так называемым слабым управлением, с более или менее самостоятельным употреблением предложных конструкций, все расширяется и приобретает все более значительную роль в построении разных видов современного распространенного предложения»⁹¹.

3. В III синтаксической функции свободные формы слова употребляются в присловной позиции как распространители или

⁹¹ В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 30.

«определители» слова, образуя с определяемым аналог словосочетания, или распространенный компонент предложения. В качестве определяющего, внутреннего члена распространенного компонента они утрачивают конструктивную роль в структуре предложения. Участие их в предложении регламентируется теперь не их собственными свойствами, а свойствами определяемого ими слова или формы слова. См. примеры, в которых свободная форма внутри компонента предложения отделена пунктирной линией:

По крайнему : к степи : проулку | январским вечером 1930 года | въехал : на хутор Гремячий Лог | верховой (М. Шолохов, Поднятая целина); В нем есть, неизвестная : до поры, своя менделеевская таблица (С. Щипачев, Русский язык); Свет : в комнате | был снежно-белый (А. Н. Толстой, Детство Никиты); Она | слушала звуки : в передней (Л. Толстой, Война и мир).

Как явствует из последнего примера, свободная синтаксическая форма может определять и связанную форму, создавая внутри распространенного компонента предложения третью ступень членения. В таком случае участие свободной синтаксической формы слова в предложении определяется не свойствами определяемой формы, а свойствами глагольной формы, определяемой связанной формой. В принципе это не меняет существа III синтаксической функции в отношении к процессу коммуникации.

Собственные структурно-смысловые свойства свободной формы проявляются теперь только в отношениях ее с определяемым словом, во взаимном выборе их друг другом на основе тех же правил сочетаемости смыслов.

Отмечаемое исследователями развитие словосочетаний на основе слабоуправляемых связей⁹² есть по существу развитие сочетаемости, активизация неуправляемых свободных форм слова.

Правила построения предложения в литературном языке допускают целые именные цепочки, состоящие из имени и нескольких свободных форм, определяющих его с разных точек зрения или даже с одной и той же:

Они полюбили дальний путь на колхозные поля, песни во весь голос на ветру с грузовиков в степи... (А. Фадеев, Молодая гвардия);... Вспомнился парикмахер из Москвы на свадьбе у дяди-мужика в деревне (Горький, Лев Толстой); Месяц на ущербе за окном над крышами на востоке — страшный, острый серп (А. Блок, Дневник).

⁹² См.: В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 51—54, 57—58, 94 и др.; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе; Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском языке. М., 1966. Ср. также: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, Синтаксис, § 9—30.

Сочетания имен существительных и прилагательных с определяющими их предложными формами других существительных в современном русском языке «все возрастают по числу и многообразию конструкций. Богатство и разнообразие значений предлогов обуславливают широту и разнообразие определительных функций сочетающихся с ними форм косвенных падежей существительных, нередко с яркой примесью обстоятельственных оттенков места, времени, причины и цели»⁹³.

В процессе развития именных словосочетаний видят обычно результат влияния и переноса глагольных связей на именные: «Предложно-именные конструкции, первоначально связанные с глаголами и зависевшие от них, с развитием и усложнением грамматического строя языка стали присоединяться непосредственно к именам существительным, напр.: *мандарины, доставленные или привезенные из Грузии — мандарины из Грузии; рамки, сделанные из сосновых шишек — рамки из сосновых шишек*»⁹⁴. «На основе словосочетаний типа *идти в город, ехать в Киев, путешествие в Африку, поездка в Бахчисарай* и т. п. развиваются однородные синтаксические связи у имен существительных с предметным и отвлеченным значениями, способных передавать оттенки направления, движения, протяженности, типа *дорога в Казань, путь в Дамаск, дверь в комнату, окно в сад* и т. п.»⁹⁵

Выявление структурно-смысловой самостоятельности свободных синтаксических форм существительного (а именно они фигурируют под именем «слабоуправляемых» в работах, посвященных развивающимся формам распространения существительного и прилагательного) позволяет думать, что не стоит преувеличивать влияние глагольных сочетаний на развитие именных. Если в диахроническом плане дополнительные исследования могут еще дать доказательства непосредственного вывода некоторых типов именных сочетаний из глагольных, то по отношению к современному русскому языку можно полагать, что именные связи со свободными синтаксическими формами в большинстве своем независимы от глагольных: свободные формы в своем значении на равных основаниях соединяются как с глаголами, так и с именами, если нет к тому семантических препятствий.

Разная степень регулярности и продуктивности тех или иных видов именных сочетаний с неуправляемыми формами опирается не на отношения их с глагольными сочетаниями, а на принадлежность имен к тем или иным семантическим классам (в свою очередь, имена разных семантических классов находятся в раз-

⁹³ В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 51—52.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 58.

ных отношениях к глагольной семантике). Естественно, что вступать в сочетания, например, с пространственной предложно-падежной формой свойственно существительным со значением действия, состояния, события, временного отрезка (*встреча на берегу, игры на берегу, ночевка на берегу, ночь на берегу*), конкретного предмета (*дом на берегу, сосны на берегу, камень на берегу*), менее свойственно существительным личным (*человек на берегу* — это, видимо, более поздний и развивающийся тип сочетаний) и вряд ли возможно для некоторых отвлеченных имен со значением логических понятий **аксиома на берегу, сущность на берегу, признак на берегу* и т. п.

В соответственном порядке убывает и стойкость подобных сочетаний: возникающие в предложении одной структуры, они распадаются в других. Например: Около костра сидели и двигались люди... Тедди... попытался подойти к палаткам с другой стороны... *Люди у костра* вскочили... (Ю. Казаков, Тедди).

Экспериментальная попытка сохранить сочетание *люди у костра* в другом предложении, например: *Людей у костра не было*, терпит неудачу, свободная форма *у костра* «вырывается» из внутренней позиции формы, определяющей существительное *люди* и становится конструктивным компонентом предложения. Ср. еще: Взгляд генерала упал на подводу впереди, и вдруг он узнал *среди людей на подводе* ту одинокую *девушку на шоссе*, над которой неслись немецкие пикировщики (А. Фадеев, Молодая гвардия). Ср. аналогичное «распадение» именного сочетания в конструкциях: *Встретил девушку|на шоссе; Людей|на подводе |не оказалось; Девушки| на шоссе| не было*.

Перемещение свободной формы в разные позиции в данном случае является чисто экспериментальным приемом, который не доказывает никакой последовательности в отношениях конструкций между собой, а лишь подтверждает возможности перемещения свободной формы, регулируемые потребностями выражения смысла и композиции предложения.

Подобные сочетания названия предмета с определяющей его пространственной или темпоральной свободной формой имени отражают восприятие говорящего субъекта (или персонажа, «глазами которого» видится изображаемое), в его восприятии эти сочетающиеся понятия объединены неким временным или пространственным единством, часто не совпадающим с временем и местом, к которому относится основное содержание предложения: *узнал ту девушку на шоссе — узнал девушку, которая была тогда, раньше, на шоссе. Девушка на шоссе и люди на подводе* — соединения понятий разных временных планов: *девушка, которая тогда была на шоссе, теперь — среди людей на подводе*. В самих аналогах словосочетаний эти различия не выражены. Но это говорит в пользу того, что отношения со свободными формами не укладываются в рамки словосочетания, они возникают в предложении, и анализ их связан с предложенческими

субъективно-объективными категориями. См. еще подобные примеры: Она придет... заговорит о *новостях там*, на берегу (Горький, Мальва); Что может быть приятнее *первых минут в нагретой палатке после трудового дня на жестком морозе* (И. Ефремов, Голец Подлунный).

Попытка разграничить виды именных сочетаний со «слабоуправляемыми» формами по отношению к глагольным сочетаниям предпринята Н. Ю. Шведовой в ее книге, содержащей ценные материалы об активных процессах в современном русском синтаксисе. Н. Ю. Шведова предлагает различать два рода явлений: «В одних случаях падежная форма одинаково свободно соединяется как с именем, так и с глаголом, и при этом не обнаруживается никаких зависимостей именных связей от глагольных, например: *ходить в пальто — человек в пальто; довести до слез — красноречивый до слез; сидеть у столика — женщина у столика* и т. п. В других случаях именная связь непосредственно соотносится с глагольной». Так, сочетания типа *мех на воротник, подарок для бабушки, письмо другу* Н. Ю. Шведова считает производными от соответствующих глагольных *купить мех на воротник, приготовить подарок для бабушки, написать письмо другу*, объясняя их образование переразложением связей: «соседствующая с именем предложно-падежная группа как бы отходит от глагола и срастается с именем, становясь предложно-падежным определителем»⁹⁶.

Такое разграничение двух родов явлений не кажется надежным обоснованным. Трудно доказать, что функционирование предложно-падежных форм в таких, например, предложениях, как *Подарок для бабушки всем понравился, Этот подарок — для бабушки, Мех на воротник стоит дорого, Не подобрали меха на воротник, Этот мех на воротник не годится* и т. п., объясняется существованием в системе языка трехкомпонентных глагольных сочетаний: *купить мех на воротник, приготовить подарок для бабушки*. Вероятнее, рассматриваемые предложные формы во всех позициях — при глаголе, при имени, в предикативе — функционируют как свободные синтаксические формы, со своим значением (в данном случае — назначения), так же, как свободные формы в сочетаниях *женщина у столика, красноречивый до слез* и т. п.

Реальный, чрезвычайно богатый языковой материал приводит Н. Ю. Шведову почти к признанию свободных синтаксических форм слова: «Формальная зависимость «управляемой» (речь идет о «слабом управлении») словоформы или предложно-падежной группы от глагола или имени является здесь во многих случаях мнимой» (стр. 23); «Не следует забывать о наречном характере примыкающих предложно-падежных групп и,

⁹⁶ Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе, стр. 24—25.

следовательно, об их почти свободном существовании» (стр. 25).

Не разграничив функциональные типы падежных форм имени, трудно провести убедительное разграничение между видами сочетаний, в которые они входят.

Нестойкость легко распадающихся связей между определяемым именем и «слабоуправляемой» формой не оправдывает и применения к этим связям термина «срастание».

Еще А. М. Пешковский справедливо отмечал, что отнесение слабоуправляемых членов к тому или иному слову часто зависит от порядка слов, что на расстоянии эти связи распадаются, в отличие от сильноуправляемых, связи которых с управляющим словом не угрожает никакая дистантность⁹⁷.

Сущность этого критерия в том и заключается, что «слабоуправляемые члены» — это неуправляемые, свободные синтаксические формы слова, которые участвуют в предложении каждая со своим значением. Предложение, смысловые его потребности соединяют или разъединяют эти компоненты в тех или иных комбинациях. Связь же «сильноуправляемой», т. е. связанной формы слова существует вне предложения, до предложения, внутри одного компонента, и предложение, даже поставив управляемое и управляющее в дистантное положение, не властно над этой связью, над ее существом.

4. В отличие от связанных синтаксических форм слова, в которых предлог формализован, в свободных предложно-падежных формах предлог выступает в реальном, лексически мотивированном значении, подкрепляющемся связями предлогов с именами определенных семантических групп. На этой основе между свободными формами имени возникают отношения антонимичности и синонимичности, которые создаются соответствующим сопоставлением падежа и предлога при сохранении лексического тождества имени: *в школе, в доме — вне школы, вне дома; в воду — из воды; в гору — с горы; с умом — без ума; в науке — в сфере науки — в области науки; у околицы — возле околицы — близ околицы* и т. п. Связанным формам антонимические отношения не свойственны, синонимические их возможности весьма ограничены.

Яркое лексически мотивированное значение позволяет предлогам выступать без падежной формы имени как бы представителем свободной синтаксической формы в разных ее функциях. Такое употребление окказионально, и даже в письменной речи сохраняет оттенок разговорной непринужденности. Существенно, что такая «контекстная неполнота» возможна лишь для свободных форм. См. примеры:

С ним хорошо было сидеть поздно вечером за вином или *без* и слушать его (В. Инбер, Место под солнцем); Опять где-то что-то всем раздают, а он как всегда остается *без* (А. и Б. Стру-

⁹⁷ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 270.

гацкие, Улитка на склоне); Боролся не с беспорядками вообще, а с носителями, авторами их — людьми с должностями и без («Комс. правда», 20 апр. 1967); Тут тебе гусь во всех видах — с потрохами и без, и даже живой («Изв.», 30 янв. 1970); Разумеется, позиция эта не *«между»*, а в стороне, — это выжидательная позиция мародера (Горький, Дружеская переключка); Вместе с тем они стыдливо умалчивали о фальсификациях, подтасовках, грубом шантаже и применении силы *до* и *во* время «референдума» («Изв.», 4 февр. 1963); Мы говорим: *до* или *после* события («Изв.», 6 апр. 1970); *До* и *после...* («Правда», 21 июля 1969, заголовок); Решить должен коллектив шахты, взвесив все *«за»* и *«против»* («Изв.», 7 февр. 1970); В селах и *около* («Лит. газ.», 1 ноября 1966, заголовок); И слышит шепот гордый вода и *под* и *над* (Маяковский, Рассказ о Кузнецкстрое); Между боями — *до* и *от...* Поэт окопный просит слова (В. Урин, Мед); Кто любимым дарит пути, кто седло, Мне подарены маршруты *«от»* и *«до»* (Р. Вдовина, «Аврора», 1972, № 10); [Лилька] Наташку мать выгнала! [Феликс] Это что, в связи с новой любовью? [Лилька] *В связи* (Э. Радзинский, 104 страницы про любовь); — Скажи, пожалуйста, когда ее лучше принимать — *до* «Нафтуси» или *после*? — Я лично употребляю *до*. — А я *после*. Но чаще всего ее, сорокаградусную, принимают *вместо* («Здоровье», 1966, № 4, фельетон); А что есть *вместо*? (Разг. в кафе, 1965); Начиная с 7 февраля 1962 года, запрещается импорт в Соединенные Штаты кубинских товаров и всех товаров, импортированных *из* или *через* Кубу («Комс. правда», 4 февр. 1962); Придется переписать. *Во избежание* (Разг., 1963); Непрерывные ссоры, взаимные оскорбления, скандалы *по поводу* и без повода доходили подчас до рукопашных схваток («Комс. правда», 16 мая, 1968); Совет к прямому проводу *По случаю, по поводу, По хлебу и покосу, По срочному вопросу* (А. Яшин, Елена Фомина)⁹⁸.

На ту же мотивированность предлога в свободной синтаксической форме опирается и другая окказионально-разговорная возможность — замещение имени при предлоге формами других частей речи:

— Да вот... О чем это мы? — *Насчет грезится*, — быстро сказал проводник и хохотнул почему-то, завозился (Ю. Казаков, Северный дневник); — ...Мускульное вооружение как у борца тяжелого веса, а вот *по линии высказаться* — слаб (В. Кожевников, Под синим небом); — Тогда финансирование пойдет не через президиум, а *через здесь* (Из выступл., 1966); Живите *при сейчас*. Любите *при всегда* (А. Вознесенский, Вальс при свечах); А ежели *насчет выпить*, то почему не выпить (Чехов, Свадьба).

⁹⁸ Ср. аналогичные примеры в книге Н. Ю. Шведовой «Активные процессы...», стр. 93.

Следует заметить, что случаи употребления предлогов без имени существительного не должны способствовать утверждению распространенного взгляда, согласно которому в свободных (обстоятельственных) формах имени основную семантическую нагрузку несет на себе предлог⁹⁹.

Подобное употребление только окказионально, обычно заключает в себе известную «игру словами», и мотивирован предлог здесь не только своим лексическим значением, но также семантикой и падежной формой отсутствующего имени (нельзя не заметить также в качестве обычной контекстной опоры антонимичные или синонимичные предложно-падежные формы), т. е. всей совокупностью компонентов синтаксической формы, единственным представителем которой выступает данный предлог.

Изложенное понимание предложно-падежных форм свободного типа как синтаксических единиц, структурно-смысловое значение которых создается их собственными средствами, приводит к необходимости внести уточнения в принятые определения предлога.

Например, § 62 Академической грамматики определяет предлоги как «служебные слова, выражающие различные отношения существительных к разным словам, от которых они зависят»; отсюда и представление о «двусторонних связях» как критерии формирования предлога¹⁰⁰.

Поскольку выяснено, что для функционирования свободной предложно-падежной синтаксической формы не обязательна ни двусторонняя связь, ни зависимость от другого слова, вернее было бы рассматривать предлоги как служебные слова, помогающие имени существительному стать синтаксической формой, приобрести возможность вступить в те или иные отношения с другими словами. Роль предлогов представляется, таким образом, более морфематической¹⁰¹, хотя от морфемы они отличаются богатой и тонкой семантической дифференцированностью и неограниченной пополняемостью.

ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ИМЕНИ

1. Разграничение свободных и связанных форм имени в общих чертах сближается с тем делением падежей на грамматические и неграмматические, конкретные (соответственно с «синтаксическими» и «семантическими» функциями), которое связывается в современной лингвистике с именами А. В. Гроота и Е. Кури-

⁹⁹ Ср., напр., в интересной статье: Вл. Кучера. Заметки о синтаксисе русских местоимений. — *CsR*, 1969, № 3, стр. 111.

¹⁰⁰ Е. Т. Черкасова. Переход однозначных слов в предлоги. М., 1967.

¹⁰¹ Ср. трактовку предлога как «агглютинативного префикса» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 677).

ловича¹⁰², хотя в русском языкознании столетием раньше то же по существу разграничение проведено А. Х. Востоковым¹⁰³ на основе установленных им функций предлогов и, следовательно, типов предложно-падежных конструкций.

Однако этими двумя разновидностями не исчерпывается типология синтаксических форм имени в русском языке, что также было замечено русскими лингвистами. Еще в «Синтаксисе» Овсяннико-Куликовского находим деление «глагольных дополнений» на три разряда:

1) «К первому принадлежат те, которые находятся в зависимости от лексического значения глагола...

2) Второй... образуют все те, которые не зависят, или, по крайней мере, не находятся в прямой зависимости от лексического значения глагола, а обуславливаются либо залогом, либо характером целого оборота» (творительный субъекта в страдательном обороте, дательный субъекта при инфинитиве и безличных глаголах)...

3) Третий... — те, которые, отличаясь характером относительной независимости, только примыкают к глаголу, состоят при нем, а не управляют им непосредственно, не обусловлены ни лексическим значением глагола, ни его залоговой формой, ни характером целого оборота. Эти дополнения можно назвать относительно независимыми, и они образуют переход от дополнений к обстоятельствам»¹⁰⁴.

Установление трех основных синтаксических функций позволяет с большей определенностью выделить три типа синтаксических форм слов по их дифференциальным признакам.

Для третьего типа синтаксических форм имени, которые мы называли обусловленными, характерной является II функция — способность выступать в качестве организующих модель предложения компонентов.

I функция — независимое синтаксическое употребление — им не свойственна, в этом отношении они вместе со связанными формами противопоставляются свободным.

¹⁰² См.: A. W. de Groot. Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et de cas. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939; Е. Курилович. Основные структуры языка: словосочетание и предложение. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962; Он же. Проблема классификации падежей. — Там же. Ср.: «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 142.

¹⁰³ См.: А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831. Ср.: «Востокову... принадлежит глубокое, вполне оригинальное и все еще не нашедшее полного отклика и развития в последующей русской синтаксической литературе разграничение свободных, самостоятельных значений предлогов и их вспомогательных, формальных функций, состоящих в том, что предлоги являются лишь грамматическим средством выражения управления» (В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958, стр. 182).

¹⁰⁴ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр. 238—240. Ср.: И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. V, 1941, вып. 1.

Как и связанные формы, обусловленные формы обладают лишь потенциально структурно-смысловым значением, которое проявляется только в определенных синтаксических условиях. Подобно тому, как черная пленка, на которой не видно изображения, проявляется в определенной химической среде, так связанные и обусловленные формы проявляют себя, выступают со своим значением в той или иной синтаксической среде, в синтаксическом контексте (контекстом служит для связанных форм словосочетание, для обусловленных — модель предложения).

Возьмем форму *молока*. Можно сказать о ней, что в независимом номинативном употреблении она не встречается¹⁰⁵. Для того чтобы ее квалифицировать, введем ее в возможные синтаксические контексты. В словосочетаниях *купить молока, принести молока, попросить, налить молока* и т. п. форма *молока* является связанной, соотносительной со связанной формой винительного «прямого объекта». В предложениях *Молока — мало, Молока — вволю, Молока — целое ведро* форма *молока* является одним из двух взаимообусловленных центров модели, содержащей количественную характеристику названного именем в родительном падеже предмета. Ср.: *Знакомых — тьма; Забот по горло; Совести — ни грамма; Мальчиков было четыре; Дел не пересть; Цветов — множество; Миров — как песчинок в Гоби* (А. Вознесенский, Фиапка). В таком употреблении форма *молока*, так же как формы *знакомых, забот, совести, мальчиков* и т. п. (единственное число — для несчитаемых предметов, множественное — для считаемых), представляют обусловленные формы.

Объединенные несвойственностью им I синтаксической функции, обусловленные и связанные формы противопоставляются друг другу по своему отношению ко II и III синтаксическим функциям. Для связанных форм III функция — присловное употребление в качестве компонента словосочетания — является единственной, для обусловленных типична II функция, употребление в III функции вторично.

Таким образом, обусловленные формы объединяются со свободными в противопоставлении связанным как неуправляемые, неподчиненные другому слову — управляемым, подчиненным.

¹⁰⁵ Употребление форм типа *Молока! Хлеба и зрелищ! Чаю! Карету!* в заголовках или диалогах неотделимо от побудительной, «требовательной» интонации, которая на письме выражается обычно восклицательным знаком. Ср. заголовки *«Милосердия!»* (А. Н. Толстой), *«Тишины!»* (А. Вознесенский). Подобные случаи не могут рассматриваться как проявление способности связанных форм родительного и винительного падежа к независимому употреблению. Обозначая «требуемый или желательный предмет» (Акад. грамматика, § 1146), они представляют собой разновидность неполных предложений определенной модальности (ср. те же формы с частицей *бы*: *Табачку бы! Дождя бы!* и под.). Вне побудительной или желательной модальности такие формы употребляются только при управляемых ими глаголах.

2. В качестве компонентов структуры предложения обусловленные синтаксические формы имени делятся на центральные и периферийные.

2.1. Центральные составляют один из взаимообусловленных компонентов модели, предикативного минимума предложения.

В независимом употреблении форма *у кого* выступает в ряду форм, обозначающих место (*У сестры; У шахтеров; У космонавтов* — там, где названные лица живут, работают). В обусловленном употреблении значение этих форм — иное. В моделях, где второй организующий центр выражен существительным в именительном падеже, обозначающим объект владения (посессивный объект) или состояние, признак, форма «*у+род. п.*» (в родительном чаще всего название лица, индивидуального или коллективного) выступает как первый организующий центр со значением субъекта владения (посессора) или носителя состояния, признака: *У соседей сад; У нее сын; У сестры отпуск; У шахтеров радость; У ребенка грипп; У спутниц бессонница* (П. Васильев, Дорога)¹⁰⁶.

Форма *кому* (тот же круг имен, связанных с широким пониманием личности) в свободном употреблении служит обозначением адресата, в обусловленном же выступает одним из двух компонентов модели в значении субъекта состояния или субъекта — носителя признака (в модели, сообщающей о возрасте субъекта): *Отцу нездоровится; Саше не спится, но весело ей; Ему за сорок; Сыну год*¹⁰⁷.

Свободная форма «*с+тв. п.*» для определенных групп имен существительных в основном своем комитативном значении называет наличествующий предмет или признак: *С углем; С кубком* (ср.: *У нас есть уголь; У нас — кубок*); *С усердием...*

В обусловленном употреблении форма «*с+тв. п.*» в двусоставных моделях со значением оценки положения выполняет роль первого компонента, называющего тему, предметную привязанность положения: *С углем туго; Со снабжением перебои;*

¹⁰⁶ Косвенным подтверждением организующей роли в предложении синтаксической формы родительного падежа с количественным значением и синтаксической формы «*у+род. п.*», обозначающей субъект действия — состояния, может служить их широкое употребление в русских народных говорах (северновеликорусских) соответственно литературному номинативу: *Комаров налетят; В сумке было пшена; Было у меня сыновей; Есь у нас рек, озер, лесу; Роят-то есь у его?; Редко к нам таких людей является; У пса убежено куда-то; У меня надевши валенки; У него было жоненось; У волков идено корову; У него простуженось; У него цехатчи в лес и под.* (см. работы А. Б. Шапиро, Е. В. Немченко и И. Б. Кузьминой и других диалектологов).

¹⁰⁷ В речи данная модель, как и всякая другая, может быть представлена неполным предложением (*Четвертый год. Глаза — как лед. М. Цветаева*). Понимание предложения возможно только на фоне модели при условии отнесенности возрастного признака к дательному субъекта, хотя в конкретных речевых условиях стихотворной строки «подстановка» названия субъекта невозможна.

С пьесой не ладится; С арифметикой хорошо; С родителями все в порядке и т. п.¹⁰⁸

К обусловленным синтаксическим формам имени принадлежат и именительный // творительный предикативный: *Он врач; Он здесь врачом; Он был врачом; Грушинский — юнкер; Но мне порукой ваша честь; Это — барский дом, и я в нем гувернером* (Б. Пастернак), и творительный субъекта в страдательных конструкциях: *Сочинения просматриваются директором; Проект разработан инженерами; Нами ты была любима;* и т. п.

В двусоставных именных предложениях, выявляющих содержание отвлеченного понятия, обусловленной является предикативная форма «в+предл. п.», соотносительная с именительным: *Сила — в единстве; Главное — в организации дела; Критерий — действительность (в действительности).*

2.2. Периферийные обусловленные формы имени дополняют модели определенного типового значения структурно не обязательным, но необходимым семантически компонентом. Так, в двусоставные предложения с оценочным или квалифицирующим значением часто включаются формы подобного типа со значением аспекта оценки или критерия: *Для трусливого Афоньки и заяц — волк; У сильного всегда бессильный виноват; Пугать людей для них отрада; На взгляд-то он хорош; Без товарища и радость нам не в радость; Все великолепье труб — лишь только лепет трав перед тобой; Синтаксис в таком понимании — система правил сочетаемости слов; С точки зрения рентабельности этот метод не оправдывает себя; 12 дней воды — это хорошо для рыб и для профессионалов открывателей, а для сухопутных это много* (Маяковский, письмо 1925 г.).

Ср. употребление формы «по+дат. п.» со значением критерия в предложениях, содержащих сравнительную оценку предмета, явления: *По числу библиотек и количеству книг в них Москва — первый город мира; По всем плановым показателям Днепропетровский завод идет впереди многих других радиопредприятий; Новый трактор оставляет далеко позади старые модели по производительности; Киргизия по поголовью овец занимает 3-е место после РСФСР и Казахстана; [Куклин (Платонову)] Ты и по огневым и по тактическим первач* (А. Штейн, Океан).

И центральные и периферийные обусловленные синтаксические формы не вступают в словосочетания с другими формами,

¹⁰⁸ См. примеры омонимического обыгрывания свободной и обусловленной формы «с+тв. п.»: — Плохо дело, товарищи. Совсем никуда. И сталь не подвозят, и цветные металлы на исходе, и со «швейцией» дрянь, вы не хуже меня знаете. Колобков подождал, пока директор все скажет, потом вставил словечко: — Со «швейцией» было бы ничего, Пал Палыч. Без «швейции» полная дрянь, это точно... — Я и говорю, дело швах, — не понял шутки директор (В. Тельпугов, Красный камень; «швейция» здесь — шведский точильный камень); — Так вот, с ленью и распущенностью в моей больнице благополучно, это у нас есть, а вот насчет достижений — маловато или их почти нет (Ю. Герман, Я отвечаю за все).

образующими модель предложения, сами по себе составляя его компоненты. Естественно, они могут быть определяемыми членами словосочетания (для *Афоньки* — для *трусливого Афоньки*), выступая как нераспространенный или распространенный компонент предложения, но от этого не меняется существо их отношений с другими компонентами.

3. С точки зрения III синтаксической функции обусловленные формы ведут себя по-разному. Форме дательного падежа со значением субъекта — носителя состояния или признака употребление в присловной позиции, в качестве внутреннего члена компонента предложения, не свойственно. Не включается в словосочетания также форма «*в+предл. п.*» из двусоставных именных предложений.

Другие же обусловленные формы имени так же, как и свободные формы, могут занимать позицию распространителя слова, создавая с определяемым словом аналог словосочетания.

Впрочем, и здесь приходится преодолевать привычные представления.

Так, Академическая грамматика, признавая «нестойкость словосочетаний с предлогом *у*», выражающих отношения принадлежности, возможность связи формы «*у+род. п.*» не только с существительным, но и с глаголом, конечное слово в выражении одной из двух возможностей оставляет за порядком слов: «*в предложении Ножки у кресла шатались слова ножки у кресла образуют словосочетание, а в предложении У кресла шатались ножки те же слова не образуют словосочетания, так как у кресла (...)*» относится ко всему предложению в целом» (§ 234).

Однако роль порядка слов в качестве «распорядителя», составляющего пары, ограничивается характеристиками компонентов. Сочетания *ножки у кресла*, так же как *сад у дедушки* (ср. *В саду у дедушки росли вишни*), *книжка у мальчика* (*Книжка у мальчика была с картинками*) не обладают системой форм — одним из основных признаков словосочетания как синтаксического единства докоммуникативного уровня. Это даже не сочетания, а соседства, возникающие в одних предложениях и исчезающие в других. Ср.: *принес ножки кресла*, а не *у кресла*, *прибил ножки к креслу*, *ножки от кресла к своему сооружению*; *взялся за ножки кресла*, а не *у кресла* и т. п.; *пришел в сад к дедушке*, а не *у дедушки*, *подарил книжку мальчику*, а не *у мальчика*, *отдал книжку мальчика его маме* и т. п.

Очевидно, и в положении после существительного форма «*у+род. п.*» не вступает с ним в отношения «определяемое — определяющее», а сохраняет позицию компонента предложения с тем же значением посессора, «хозяина», с каким образует и соответствующую модель предложения. Препозитивное или постпозитивное положение этой формы определяется композиционно-синтаксическим строением контекста (т. е. принадлежит синтаксису речи) и не меняет существа отношений ее с

другими компонентами предложения. Условия же участия ее в предложениях более сложной структуры будут рассмотрены в следующей главе.

Здесь остается констатировать, что и обусловленная форма «у+род. п.» в определяющей роли в состав других компонентов предложения не входит.

Относительно прочих обусловленных форм можно сказать, что они способны выступать в атрибутивной позиции, в аналоге словосочетания, при тех же семантически ограниченных разрядах слов, с которыми они вступают и в предикативные отношения (*Павшим героям слава. Славу павшим героям поем; Дню конец. Онегин вновь часы считает, вновь не дожидется дня конца*¹⁰⁹; *Между братьями — ссора. Ссора между братьями огорчила мать; Народу — масса. Масса народу собралась на площади*) и т. п.

Творительный субъекта входит в трехчленные сочетания, образованные отглагольными именами: *ратификация договора парламентом, подписание коммюнике послом, утверждение отчета бухгалтером*; при этом форма родительного падежа — связанная, управляемая, аналогично винительному прямого объекта при переходных глаголах; форма творительного — неуправляемая, переносная в аналог словосочетания свое обусловленное страдательным оборотом структурно-смысловое значение.

Обусловленная форма творительного предикативного в присловной позиции выступает редко, см., например, сочетания типа: *Работа слесарем; Избрание секретарем; В бытность комиссаром*. Нельзя не заметить, что в присловном функционировании обе формы творительного падежа строго ограничены потребностями деловой речи.

Многообразнее других обусловленных форм в своих синтаксических связях форма «с+тв. п.» из двусоставных оценочных предложений. Она выступает в присловной позиции при глаголах и при существительных определенных лексических групп, так что условием сочетаемости остается то же значение оценки положения, на котором основана и модель предложения: глаголы и имена обозначают успех или неуспех, благоприятное, неблагоприятное состояние или изменение дела, названного формой «с+тв. п.» Ср.: *С рукописью вышла неприятность — неприятность с рукописью; С занятиями неудача — неудача с за-*

¹⁰⁹ М. Затовканюк, представивший на большом материале конструкции с дательным присубстантивным, показывает, что несмотря на ограниченность этих конструкций в современных славянских языках на их базе возникают новые конструкции там, где имеются для этого семантические и стилистические предпосылки (см.: М. Затовканюк. Dativ adsubstantivní ve východní slovanštině. «Sborník pedagogické fakulty University Karlovy v Praze». Filologické studie, II. Praha, 1970). См. также: Ю. Эльзбута. Употребление дательного падежа в современном русском языке. — РЯШ, 1967, № 6; П. И. Рогов. Роль дательного в усложненных словосочетаниях. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 160, 1966, вып. 11.

нятиями; С графиком неблагополучно — неблагополучно с графиком; С ремонтом проволынили — волынить с ремонтом, волынка с ремонтом; С пьесой не повезло — невезенье с пьесой; С продовольствием дело улучшилось — улучшение с продовольствием; Отстают с посадкой картофеля — отставать с посадкой и отставать с картофелем, отставание с посадкой; Затянули с отправкой письма — тянуть с отправкой и тянуть с письмом и т. п.

Для глаголов и существительных, вступающих в сочетание с конструкцией «с+тв. п.», это сочетание не является необходимым для реализации их значения, а форма «с+тв. п.» не является управляемой, подчиненной. При известных различиях в характере смысловых и синтаксических отношений в подобных аналогах словосочетаний¹¹⁰ обусловленная форма «с+тв. п.» сохраняет то же значение темы оцениваемого положения, с которым она образует и предикативную модель.

В присловной позиции употребляются и периферийные обусловленные формы, при создании аналога словосочетания соблюдающие те же семантические условия, которые определяют их участие в модели. Поскольку они участвуют в предложениях главным образом с квалифицирующе-оценочным значением, постольку и в аналогах словосочетаний они обычно встречаются при прилагательных, наречиях, отадъективных именах¹¹¹:

Она прошла, мучась любопытством и волнуемая чувством, для нее совершенно новым (Пушкин, Пиковая дама); Слезы, неведомо для него самого, текли по его щекам (Писемский, Тюфяк); Сенсационные для всех опыты Даниэле Петруччи для ученых не были неожиданностью, хотя в научных журналах Петруччи не публиковал своих работ («Комс. правда», 31 окт. 1964); Соединенные Штаты направят вторую по величине группу («Веч. Москва», 5 мая 1964); Бесцветные на первый взгляд глаза странно мерцали (Горький, Дело Артамоновых).

В целом об обусловленных синтаксических формах имени можно сказать, что они несколько менее податливы к несению III синтаксической функции, чем свободные формы.

СХЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЕНИ

Обзор способов синтаксического функционирования падежных и предложно-падежных форм имени существительного показывает, что именно функциональные свойства этих форм составляют

¹¹⁰ Подробный анализ см. в статье: Г. А. Золотова. К развитию предложно-падежных конструкций (сочетания с существительным в творительном падеже с предлогом с). — В кн.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.

¹¹¹ См.: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке, стр. 246—253.

их дифференциальные признаки и позволяют представить отношения между разными типами синтаксических форм слова системно упорядоченными. Функциональные признаки синтаксических форм слова, отражающие их конструктивные возможности в построении предложения, служат основой деления на три основных типа синтаксических форм, представленных в соотношении с функциями в следующей таблице:

Синтаксические формы слова	Синтаксические функции		
	I (самостоятельное употребление)	II (компонент предложения)	III (компонент словосочетания)
Свободные	+	+	(+)
Обусловленные	—	+	((+))
Связанные	—	—	+

Скобки в третьей графе указывают, что формы участвуют не в собственно словосочетании, а в аналогах словосочетаний, двойные скобки дополнительно отмечают, что III функция свойственна не всем обусловленным формам.

В III главе будут рассмотрены синтаксические формы имени, несущие в предложении дополнительные функциональные нагрузки.

ВОПРОС О «ДЕТЕРМИНАНТАХ»

Круг вопросов, связанных с разграничением роли падежных и предложно-падежных форм в словосочетании и предложении, поднят Н. Ю. Шведовой в статье о так называемых детерминирующих членах предложения¹¹², после которой термин «детерминанты» получил широкое хождение в литературе.

Статья ознаменовала этап в развитии современной синтаксической науки, на котором синтаксическая теория ищет выхода из ограниченности парного членения предложения, и в этом ее важное значение. На обширном материале подтверждено сделанное ранее разными лингвистами наблюдение, что некоторые падежные и предложно-падежные формы, не вступая в словосочетания, определяют все предложение в целом, описаны разные типы смысловых отношений между детерминирующими членами и предикативной основой предложения. Однако решение поставленной автором задачи «предложить некоторые

¹¹² Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.— ВЯ, 1964, № 6.

методы ограничения детерминирующего объекта и детерминирующего обстоятельства от совпадающих с ними по форме компонентов словосочетания» не бесспорно.

Дело в том, что задавшись целью ограничить детерминанты от словосочетаний, автор все же преувеличивает роль парного словосочетания. Объяснения известной независимости в функционировании детерминантов автор ищет не в их собственных свойствах и возможностях, а в том, что они «опираются на структуру простых двучленных словосочетаний с необязательной связью». Таким образом, чтобы вывести детерминанты из сферы словосочетания в сферу предложения, надо сначала ввести их в словосочетания, хотя они там и не обязательны. Автор предлагает ряд критериев выделения детерминантов, не все из них достаточно убедительны¹¹³.

Определение функциональных свойств наблюдаемых падежных и предложно-падежных форм дает основания для дальнейшей дифференциации синтаксических форм слова, объединяемых под именем детерминантов.

а) Одни из них соответствуют нашим центральным обусловленным формам, участвуя в организации предикативного минимума предложений, той предикативной основы с данным типовым значением, которую они составляют вместе с другим обусловленным компонентом: *Грубиянам* не место в футболе; *Артисту* удалось захватить зрителя своей игрой; *Мне* больно; *Между друзьями* недоразумения; *С женщиной* обморок; *С кадрами* неблагополучно; *У ребят* радость; *Ленинградскому эксперименту* около пяти лет и т. п. Если исключить так называемый детерминант из приведенных и других подобных примеров, предикативного минимума с данным типовым значением не останется. Большинство форм, квалифицируемых Н. Ю. Шведовой как детерминирующий объект, соответствуют в нашей классификации обусловленным синтаксическим формам имени и представляют собой не распространители, а основные компоненты моделей соответствующих типов предложения. Кстати, прием трансформации «детерминирующих объектов» в подлежащее (стр. 88) может быть этому подтверждением.

¹¹³ К примеру, чисто лексический аргумент представляет собой установление «системной» связи групп в первом действии, во втором действии с глаголами *выступать, петь, играть* (стр. 86). Непонятно, изменится ли синтаксический характер отношения этих групп к предложению, если субъект его будет не *бледнеть*, а *петь*. Неубедительный показатель «несвязанности падежной формы с глаголом» — соединение этой формы с частицей: *частьца* может быть и при сильноуправляемой форме, например: *прочел даже статью, прочел еще и статью, прочел только статью...* Неверно, что детерминанты не трансформируются в синонимическую конструкцию (стр. 88), надо только, чтобы синонимы были действительно соотносительны по значению, ср.: *Моя забота ничто рядом с заботами радиста — в сравнении с заботами радиста — перед заботами радиста. Рядом с чем — здесь не пространственный определитель, поэтому и не может соотноситься с *возле, около*, это форма, выражающая критерий оценки.*

б) Другие «детерминанты» соответствуют нашим обусловленным периферийным формам, которые выражают семантическое условие, основание предикативного соотношения двух основных компонентов моделей: *Для родителей* ты опять мальчишка; *В представлении неискушенных* лесник — это сторож с берданкой; *Без глубокой идеологической работы партии* невозможны были бы победы советского народа; *Для миллионов пар* регистрация брака — не канцелярская бумажка, и т. п. Выделенные формы здесь представляют компоненты второй ступени членения предложения, не обязательные структурно, но необходимые семантически.

в) Детерминирующие члены третьей разновидности представляют собой собственно распространители предикативной основы предложения, дополняющие ее факультативно добавочным смыслом, обычно обстоятельственного характера: *В честь юбиляра* был устроен банкет; *На часах* было начало одиннадцатого; *После техникума* ее послали на ферму; *Мы в юности* часто мечтали о полетах на другие планеты; *Снова и снова* гремят овалы; *В виде опыта* подписка проводится по новой системе и т. д.

Таким образом, если за критерий синтаксической квалификации той ли иной формы слова примем ее реальную роль в организации предложения, то синтаксические различия в функционировании так называемых детерминантов окажутся настолько существенны, что в «детерминантах» трудно признать единое синтаксическое явление. Их отношение к словосочетанию не определяет равнозначного отношения к предложению: не являясь компонентами словосочетания, они не обязательно оказываются свободными распространителями предложения; и с другой стороны, одни из них способны быть компонентами словосочетаний (вернее — аналогов словосочетаний), создавая неиссякаемый источник спорных вопросов для исследователей так называемого слабого управления, другие вообще в присловной позиции не выступают.

Если признать необходимым принятие термина «детерминанты» для компонентов предложения, свободно распространяющих его предикативный минимум, то целесообразно отнести его лишь к третьей из перечисленных разновидностей. Но это — не что иное как свободные синтаксические формы в одной из собственных им функций. Нет надобности опираться в их изучении на словосочетания со слабой связью: их участие и в структуре предложения и в аналогах словосочетания определяется одними и теми же их структурно-смысловыми свойствами. Изучение смысловой координации, на основе которой они вступают в синтаксические связи, не только ведет к пониманию возможностей и правил распространения моделей предложения того или иного значения, но может и способствовать разграничению позиций распространителя предложения и распространителя слова. Если

сопоставить два примера из названной статьи: *Со стороны центрального здания доносится свисток* и *В Москву ожидается приезд команд США и Финляндии*, то можно заметить, что в первом между детерминантом со значением направления и предикативной основой, сообщающей о направленном движении, имеется семантическая координация; ее нет во втором примере, где предикативная основа не содержит значения движения, направления, поэтому не может присоединить к себе форму, обозначающую направление (ср.: *В Москве ожидается теплая погода; В Москве ожидается большое оживление*). Форма *в Москву* здесь может быть только распространителем слова *приезд*, поэтому она является не детерминантом, а компонентом аналога словосочетания, вынесенным в препозицию по требованиям композиционно-синтаксического строения контекста.

Что касается термина, то, учитывая многозначность и недостаточную информативность слова «детерминант», целесообразнее использовать для обозначения свободных синтаксических форм, распространяющих предикативный минимум, термин *ситуанты*, предложенный Пр. Адамцем и Вл. Грабе¹¹⁴, как более соответствующий обстоятельству семантике названных компонентов.

ОМОНИМИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЕНИ

Из приводимых выше примеров видно, что среди синтаксических форм имени много омонимических совпадений. Общность предложно-падежного оформления при лексическом тождестве и различие функциональных признаков создает омонимичность синтаксических форм слова.

Так, в формах *лесом, полем, лугом, селом, морем* и т. п. совпадают связанная форма, выступающая в качестве подчиненного объектного распространителя при глаголах *любоваться, восторгаться*, и свободная форма со значением пути движения. *Над деревней, над ромашкой, над тетрадкой* — омонимы, соединяющие связанные формы (управляемые глаголами *насмехаться, издеваться* и под.) и свободные, с пространственным значением. В формах *на прогулку, на праздник* совпадают связанные формы, управляемые глаголами *рассчитывать, надеяться*, и свободные, со значением цели — направления движения (ср. «На тетеревов» — рассказ Ю. Нагибина).

¹¹⁴ См.: Вл. Грабѣ, Пр. Адамec. Transformační syntax současné ruštiny, 1, стр. 25, где ситуантами называются «автономные компоненты адвербиального значения, которые не вытекают из валентности предиката и которые позже определяют предложение». См. также: П. Адамec, В. Грабe. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. «Slavia», XXXVII, 1968, 2, стр. 191.

В форме дательного *сыну, женщине, друзьям* совпадают все три функциональных типа: свободная форма со значением адресата (ср.: Вверху четкими буквами стояло: *тетушке и благодетельнице*.—Тургенев), связанная (из словосочетаний *верить, завидовать кому*) и обусловленные со значением субъекта состояния (*Друзьям весело; Сыну не спится*) и субъекта — носителя признака (*Сыну пять лет; Женщине за тридцать*).

От омонимии синтаксических форм, разделяемых границами функциональных типов, целесообразно отличать явление, родственное полисемии. Полисемией синтаксических форм слов можно назвать совпадение форм, различных по структурно-смысловому значению внутри одного функционального типа. Выше приведен пример двух обусловленных форм дательного субъекта. Различие между ними определяется их сочетаемостью с различными способами выражения второго состава модели и, соответственно, различным типовым значением моделей.

Как в лексике неодинаковы расстояния между разными значениями слова в пределах омонимии и полисемии, так и между синтаксическими формами слова в одном и том же морфологическом оформлении возможна различная степень внутренней связанности значений. Ср., например:

- (1) Луч солнца скользнул *по книге*.
- (2) Пеку пирог *по книге*.
- (3) Стукнул кулаком *по книге*.
- (4) Соскучился *по книге*.
- (5) Дали детям *по книге*.

Здесь между двумя свободными формами — пути движения (1) и основания — соответствия (2), двумя связанными формами из соответствующих семантически замкнутых словосочетаний (3), (4) и последней формой особого типа, замещающей связанную форму винительного падежа, добавляя к ее объектному значению свое распределительное (5), — между всеми этими омонимичными и полисемичными формами смыслового единства для современного языкового сознания нет¹¹⁵.

Пучок полисемичных синтаксических форм связан обычно общностью значения предлога или общностью падежного значения, которая в большей или меньшей мере принадлежит истории языка и не всегда достаточно ощутима в его современном состоянии. Ср. совмещение трех свободных значений в формах типа *за доктором, за родителями, за подснежниками*: предметной цели движения (*поехали за доктором, за подснежниками*), временной последовательности (*За доктором в комнату вошел священник*),

¹¹⁵ Ср.: «Омонимия функционирует как языковая действительность синхронного порядка... Омонимия, функционирующая как целесообразный регулятор единиц данного уровня языка в согласии с оперативностью человеческого памяти, реализуется как результат и последствие внутренних активных языковых закономерностей» (Л. Горалик. Некоторые выводы относительно проблематики омонимии в языке и речи.—*ČsR*, 1969, № 3).

пространственной соотнесенности (*За родителями сидели прежние выпускники; За подснежниками пряталась полусонная ящерица*). Ср. связанную омонимичную форму в словосочетаниях (*наблюдать за подснежниками, следить за доктором, уход за родителями*). Процесс развития вторичных, отвлеченных, переносных значений на основе первичных, конкретных значений предположительно-падежных форм сам по себе составляет объект исторического изучения; сложность и недостаточная изученность самого процесса, диахроничность его результатов создают определенные трудности в разграничении и полисемичных и даже омонимичных явлений в типологии синтаксических форм имени.

Так, например, в связанном объектном значении форм «на + вин. п.», управляемых глаголами *сердиться, обижаться, жаловаться* и под., не прервана семантическая общность с свободным значением формы «на + вин. п.», обозначающей направление движения. В. В. Виноградов, давший детальную классификацию значений предлога *на* в современном русском языке, помещает оба случая в одном пункте, лишь отделив вертикальной чертой переносное употребление при отвлеченных глаголах¹¹⁶. Обращаясь к критерию самостоятельного употребления формы «на + вин. п.» со значением направления, мы должны ответить на вопрос: является ли эта форма представителем обоих случаев, — тогда для функционального противопоставления их не было бы основания. Здесь решению способствует семантическая дифференциация имен существительных: в обоих случаях участвуют разные лексические группы, лексические совпадения редки. (Именно поэтому нельзя представлять себе символическую формулу какого-то падежа с предлогом или без предлога как сумму всех возможных синтаксических омонимов: разные семантические группы имен в пределах того же морфологического оформления располагают различными комплексами омонимичных и полисемичных употреблений.) Но даже и при лексическом совпадении (ср. *на медведя — отправиться и обидеться, надеяться*) в самостоятельном употреблении эта форма выражает лишь направление движения и не воспринимается как объект действия эмоционального. Это последнее значение форма «на + вин. п.» получает только в словосочетаниях с соответствующими глаголами и вне этих сочетаний его не представляет. Различие функциональных форм подтверждается иногда и расхождением предлогов: ср. *надеяться на отъезд, на поход, на атаку*, но направление движения выражается этими словами с помощью предлога *в*: *в отъезд, в поход, в атаку*.

Те же сомнения вызывает смысловая близость между свободными формами «в + вин. п.» и «за + вин. п.», обозначающими направление движения, и теми же формами объектного значения, составляющими словосочетания с глаголами семантически замк-

¹¹⁶ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 693.

нутых групп (ср. *в дверь* — *войти и стучать, бить; за дерево* — *спрятаться и уцепиться, держаться*). И в этих случаях вопрос, по-видимому, решается тем, что в самостоятельном употреблении данные формы обозначают лишь направление движения и не содержат тех дополнительных объектно-контактных значений, которые они выражают в сочетаниях с соответствующими глаголами.

Все три омонимичные формы «у кого» объединены общностью значения субъекта-посессора. В свободном употреблении эта форма называет место через посессора: *У космонавтов; У сибиряков; У дедушки*; в обусловленном — служит компонентом моделей, утверждающих посессивное наличие (предмета, признака, состояния — полисемичные формы): *У космонавтов радость; У сибиряков лучшие показатели; У дедушки очки*; в связанном — при глаголах *отнять, отобрать, просить (что)* и под. форма *у кого* обозначает того же посессора в роли объекта действия¹¹⁷. Несмотря на смысловую общность, каждая из форм реализует свое значение только в определенных, соответственно своему функциональному типу, синтаксических условиях, что и дает основание считать их синтаксическими омонимами.

Опорой для разграничения синтаксических омонимов могут быть и синонимические ряды, в которых состоят синтаксические формы. Так, синонимичность обусловленных форм, обозначающих субъект состояния в соответствующих моделях (*Его знобит, тошнит, ломает* — *У него озноб, тошнота, ломота* — *Ему тошно*), позволяет отделить обусловленную форму винительного субъекта от омонимичной связанной формы винительного объекта в глагольном словосочетании *ломать стулья*¹¹⁸. Синтаксическим дифференциатором здесь служит также порядок слов: нормальная препозиция для субъектной формы и постпозиция для объектной. К грамматическим разделительным признакам относится также то обстоятельство, что конструкция с субъектным винительным в отличие от объектного не преобразуется в пассивную, а при отрицании винительный не чередуется с родительным¹¹⁹.

Омонимическая противопоставленность синтаксических форм слова влечет за собой существенные различия в их синтаксическом окружении, в составе компонентов соответствующих моде-

¹¹⁷ Анализ каузативных конструкций (см. ниже, гл. III) дает основания видеть в последнем случае более сложное явление.

¹¹⁸ Ср. точку зрения В. Л. Георгиевой, которая также полагает, что обороты с глаголами состояния типа *его лихорадит, его тошнит* «...не содержат члена с истинным значением объекта как предмета, подвергшегося действию», считая целесообразным в подобных случаях, так же как и в типе *в лесу шумело*, именную форму определить как носитель признака (В. Л. Георгиева. Вопросы развития безличных предложений в истории русского языка. Автореф. докт. дисс. Л., 1969).

¹¹⁹ На аналогичные признаки субъектного аккузатива в чешском языке указывает проф. Вл. Шмилауэр (Vl. Šmilauer. *Novočeská skladba*. Praha, 1969, стр. 200).

лей. Ср.: *Хозяин развозит гостей в такси и В такси гостей развозит.*

Компоненты первого предложения: обозначения субъекта действия, действия и его объекта, средства-способа действия (где возможен ряд синонимических форм: *в такси, на такси, самолетом, автобусом* и т. п.).

Компоненты второго предложения: обозначения места-условия, субъекта состояния и состояния. В этом значении синтаксическая форма *в такси* синонимична формам *в самолете, в автобусе*, но не формам *на такси, самолетом*. Формы, обозначающие субъект и состояние, могут варьироваться взаимообусловленно: *В такси (гостей развозит — гостей укачивает — гости чувствуют себя плохо — гостям становится плохо — с гостями делается плохо — у гостей начинается недомогание* и т. п.)

Очевидно, в разграничении омонимичных и полисемичных синтаксических форм возможны и переходные случаи, относительно квалификации которых остаются сомнения. Но они не колеблют действенности принятых здесь функциональных принципов разграничения.

СИНОНИМИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЕНИ

Современным языкознанием накоплен довольно обширный материал о синонимических отношениях в области падежных и предложно-падежных форм имени существительного.

В литературе по грамматической синонимике приняты в основном два подхода к сопоставлению форм: логико-синтаксический (сопоставляются способы выражения того или иного члена предложения, например, синонимика выражения сказуемого) и логико-семантический (например, синонимика способов выражения причинных отношений).

Представляется более плодотворным функционально-синтаксический принцип изучения синонимии в области синтаксических форм, при котором учитывается собственно синтаксическая роль сопоставляемых элементов в построении словосочетания и предложения. Введение в изучение синтаксической синонимии предлагаемого в настоящей работе функционального критерия помогает более четко очертить границы самого понятия синтаксической синонимичности и установить направленность синонимичных взаимодействий тех или иных синтаксических явлений.

За общее условие синонимического сопоставления синтаксических форм слова принимается их структурно-смысловая близость, с возможностью взаимозамены, в одной и той же синтаксической функции, следовательно, в одинаковых типах конструкций. Для каждого типа синтаксических форм это условие конкретизируется.

1. Для связанных синтаксических форм условие синонимичности — в выполнении разными формами одной и той же объектной функции при одном и том же управляющем слове, которым «задается» зависимая форма, например: *наблюдать развитие растения, наблюдать за развитием растения, наблюдать над развитием растения; контроль выполнения, контроль за выполнением, контроль над выполнением; оперировать известными понятиями, оперировать с известными понятиями; курировать промышленные предприятия, курировать над промышленными предприятиями; смеяться его неловкости, смеяться над его неловкостью; слушаться бабушки, слушаться бабушку; ждать ответ, ждать ответа; поражаться красоте, поражаться красотой и т. п.*

Выбор одной из ряда синонимичных форм определяется соответствием контексту, ситуации тех стилистических или смысловых оттенков, которыми отличается данная форма от своих «конкурентов»¹²⁰.

2. Чтобы различить синонимические возможности связанных и обусловленных синтаксических форм, сравним ряд предложений:

Жилья придется подождать.

С жильем придется подождать.

Насчет жилья придется подождать.

В отношении жилья придется подождать.

В смысле жилья придется подождать...

Форма родительного падежа из этого ряда исчезает, как только изменится лексический состав второй части, потому что родительный падеж вступил в предложение «по требованию» глагола *подождать*, как его распространитель. Все остальные продолжают функционировать в качестве первого организующего центра модели, называющего тему положения, если второй центр разными лексическими средствами выразит оценку этого положения: *С жильем (насчет жилья и т. д.) туго; С жильем (насчет жилья и т. д.) наладилось; С жильем (насчет жилья и т. д.) все в порядке и т. п.*

Синтаксические формы *с жильем, насчет жилья, в смысле жилья, в отношении жилья, в части (по части) жилья* выступают как обусловленные синонимические формы.

Условием их синонимичности, таким образом, является их однозначное функционирование и, следовательно, способность замещать друг друга в роли одного из организующих центров модели предложения с определенным типовым значением, за пределами которого синонимичность этих форм утрачивается,

¹²⁰ Общей для синтаксиса и лексикографии трудностью остается разграничение смысловых оттенков одного значения, реализующихся в разных словосочетаниях, и разных значений конструктивно-обусловленных слов-омонимов. Эта трудность практически, видимо, не имеет значения для носителей русского языка, но существенна для овладевающих им нерусских.

они вступают в другие ряды (например, *вспомнить, сказать насчет жилья, о жилье, про жилье*, но не *с жильем* и т. п.)

Еще примеры синонимичных обусловленных форм: *Картошки* у нас небогато — *С картошкой* у нас небогато; *Нервы* не в порядке — *С нервами* не в порядке; *Ей* сделалось дурно — *С ней* сделалось дурно; Он был *летчик* — Он был *летчиком*; Море было *спокойно* — Море было *спокойное* — Море было *спокойным*; Наша задача — *объединение...* — Наша задача — *в объединении...* — Наша задача — *объединить...* и др.

Смысловые и стилистические оттенки, которыми различаются синонимы, подлежат определению для каждого ряда.

Поскольку организующие модель предложения компоненты взаимообусловлены, изменение синтаксической формы одного из них, в одних случаях происходящее при сохранении формы второго, в других влечет за собой изменение второго. Ср., например: *Они веселятся, У них веселье, Им весело; Его лихорадит, У него лихорадка* и т. п. Таким образом, синонимические замены обусловленных синтаксических форм обозначают либо частичное, либо полное изменение модели предложения в пределах того же типового значения. В этом отличие синонимии обусловленных форм от синонимии связанных форм: последние не являются самостоятельными компонентами предложения, поэтому синонимические замены их не связаны с изменениями модели предложения. Заметим, что соотношение моделей типа *Вы едете — Вам ехать* не расценивается здесь как синонимическое, поскольку вторая модель противопоставляется первой не только способом выражения компонентов, обозначающих субъект и его действие, но еще и новым смысловым элементом — модальным отношением необходимости, долженствования в отношении между субъектом и действием. Это модальное значение ставит названные модели на линию иных соотношений, чем синонимические, о чем речь будет в III главе. Синонимия моделей предложения будет также подробнее рассмотрена в III главе.

3. Если синонимичность связанных форм реализуется в синонимичных словосочетаниях, синонимичность обусловленных форм — в синонимичных предложениях, то синонимичность свободных синтаксических форм не лимитируется синтаксическим контекстом.

Поскольку свободные синтаксические формы являются структурно-смысловыми элементами с самостоятельным значением более высокой абстракции, чем лексическое значение, на этой основе они и сопоставимы и взаимозаменяемы.

Так, синтаксические формы *за ягодами* и *по ягоды*, обозначающие предметную цель движения, являются синонимами в любой синтаксической ситуации: как независимые заголовки, как распространители глагола или имени в аналоге словосочетания, как распространители предложения. Выбор определяется различием в их стилевой окраске.

Синонимичность свободных форм *горной дорогой* и *по горной дороге*, обозначающих путь движения, также не зависит от синтаксической позиции этих форм. Вне синтаксического контекста синонимичны формы с делиберативным значением (значением содержания речи, мысли) *о лагере, про лагерь, по поводу лагеря, относительно лагеря*, формы со значением времени *во время каникул* и *в каникулы*, формы со значением причины *по рассеянности, из-за рассеянности* и т. п.

Неправильно было бы расширительно понимать рубрикационные детерминации, приведенные для примера. Синтаксическое значение свободной формы не равно логической категории, которую оно представляет. В пределах общей логической категории (время, причина, цель и т. п.) синтаксические формы дифференцируются по более частным рубрикам, в которых выражается именно синтаксическая специфика их употребления. Так, например, неправомерно считать синонимичными формы «от + род. п.» и «из + род. п.» с причинным значением. Первая обозначает состояние как источник другого состояния и способна распространять и глагольные, и безглагольные, в том числе безличные предложения. Вторая обозначает состояние, свойство как активный стимул к действию, к проявлению свойства и способна распространять предложения глагольные, некоторые адъективные, но не безличные. Даже при идентичном лексическом наполнении эти формы не способны замещать друг друга. Ср., например: *от ревности стал больным, страдал от ревности; из ревности стал хитрым, убил из ревности* ¹²¹.

Сочетания *усталый от ходьбы* и *утомленный ходьбой*, о которых В. П. Сухотин пишет, что их «нельзя не признать синонимичными, поскольку ими выражаются однородные или однопорядковые причинно-следственные отношения» ¹²², на мой взгляд, не обнаруживают синтаксической синонимичности. Здесь имеется лексическая синонимичность первых слов сочетаний и лексическая тождественность вторых, однако синтаксические формы их функционально различны и поэтому не являются взаимозаменяемыми: *от ходьбы* — свободная синтаксическая форма (ср. *устал от ходьбы, усталость от ходьбы, уставший от ходьбы*), *ходьбой* — обусловленная страдательным значением причастия и невозможная при других формах того же глагола (ср., напр., **утомился ходьбой*) так же, как и при слове *усталый*. Если же

¹²¹ Согласно наблюдениям Р. Я. Калиберзинь, общих слов, с которыми могут употребляться все три причинных предлога (*от, из, с*), в современном русском языке почти нет. В исследованных ею материалах языка М. Горького встречается с этими предлогами только слово *страх*: *Обезумев от страха* перед неизбежным будущим; *Сболтнул из страха* перед революцией; *Бунтует именно со страха* перед завтрашним днем (Р. Я. Калиберзинь). Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке. Канд. дисс. М., 1958, стр. 319).

¹²² В. П. Сухотин. Из материалов по синтаксической синонимике. — В сб.: «Исследования по синтаксису». М., 1956.

нет взаимозаменяемости — нет проблемы выбора, следовательно, поиски синонимичности бесплодны.

Дальнейшее изучение значений и условий употребления синтаксических форм может сделать возможным и создание более точной терминологии и построение более полной и строгой картины синонимических рядов.

Функциональный критерий позволяет установить, что неуправляемые синтаксические формы слов, свободные и обусловленные, в основной своей функции — компонентов предложения — вступают в синонимические отношения только в рамках своего типа, за пределами которых синонимичность, как правило, не возникает: структурно-смысловая специализация синтаксических форм служит тому препятствием.

Вторичное же употребление этих форм в III синтаксической функции создает predisposedность к взаимодействию и конкуренции их как между собой, в аналогах словосочетаний, так и со связанными формами, подчиненными элементами словосочетаний. Например: *упрекать в легкомыслии* — словосочетание с управляемой связанной формой, *упрекать за легкомыслие* — синонимичный аналог словосочетания со свободной формой в приглагольной позиции; *затягивать перестройку управления* — форма винительного — связанная, задана глаголом, *затягивают с перестройкой* — форма «с+тв. п.» — обусловленная, в приглагольной позиции. То же соотношение связанной и обусловленной форм в следующих примерах: *Проблему доски решили быстро* — *Проблему с доской решили быстро*; *Обождите ответа до среды* — *Обождите с ответом до среды*¹²³ и т. п.

Синонимическое соотношение связанной и свободной форм — в следующей паре: *Представил свои наблюдения над изменением состава* — *Представил свои наблюдения об изменении состава...*; свободной и обусловленной форм: *Обсудили вопрос о кадрах* — *Обсудили вопрос с кадрами*; *Принято решение об улучшении...* — *Принято решение по улучшению...* и т. д.

Синтаксическим результатом замены связанной, управляемой формы неуправляемыми, или, другими словами, замены словосочетания в предложении аналогом словосочетания, оказывается большая потенциальная членимость синтаксической структуры, большая автономность, подвижность ее элементов. См., например, предложение из Паустовского: *Об улучшении судоходства на этих реках у него были свои простые и неожиданные планы* («Золотая роза»). Сочетание слова *планы* со сво-

¹²³ Признавая справедливым замечание Л. Ю. Максимова о возможном несовпадении значений сопоставляемых конструкций (*подождать ответа и подождать с ответом* — РЯНШ, 1969, № 3, стр. 89), тем не менее приведем пример, где значение их совпадает: *Управляющий просил рабочих обождать с ответом до понедельника. Собрание старост нашло возможным обождать до понедельника ответа администрации* («Правда», 10 авг. 1912).

бодной делиберативной формой «о чем» вместо связанной формы родительного падежа (ср. *планы улучшения — планы, мечты, идеи об улучшении*) дает возможность вынести форму «о+предл. п.» в препозицию по требованию композиционно-синтаксической структуры контекста, что невозможно было бы с формой родительного падежа.

Ср. также: Министерство получило задание ...*О чем?* о том, чтобы новые машины... проектировались и строились в 4—5 раз быстрее (А. Бек, «Лит. газета»).

См. пример из письма А. Белого М. Цветаевой 16 мая 1922 г.: «Позвольте мне высказать глубокое восхищение перед совершенно крылатой мелодией Вашей книги „Разлука“». По свидетельству М. Цветаевой, слово *перед* вставлено потом. В результате вставки, изменившей управляемую форму творительного падежа на свободную, слово *восхищение* из семантически открытого стало закрытым, приобрело большую семантическую самостоятельность, весомо заканчивая первую часть (синтагму, по терминологии Щербы — Виноградова) предложения, которое без этого изменения было бы сплошным, односинтагменным. Этим достигается также подвижность свободной формы, возможность в случае надобности вынести ее в препозицию, при неподвижности связанной в синонимичных конструкциях: *Я испытываю восхищение вашей книгой, Я испытываю восхищение перед вашей книгой — Перед вашей книгой я испытываю восхищение —* при невозможности: **Вашей книгой я испытываю восхищение.*

См. еще аналогичный пример из рукописной рецензии: Главный упрек автору надо сделать *за то*, что он часто не достигает ясности... Сравнив синонимичные сочетания со связанной формой *упрек в том* и свободной формой *упрек за то*, можем констатировать меньшую подвижность связанной, которая не допустила бы подобной дистантности. Ср. еще: Прочитал ли он письмо жены? Не знаю. Во всяком случае *за ложь* он меня не *упрекнул* («Изв.», 20 февр. 1968).

СООТНОШЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ТИПОВ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЕНИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Задачи исторического, диахронического изучения развития синтаксических форм слова в данной работе не ставятся, но наблюдения над взаимодействием разных типов синтаксических форм с функциональной точки зрения позволяют оценить «соотношение сил» в ходе развития. Протекающий в русском литературном языке XIX—XX вв. процесс дифференциации разновидностей синтаксических форм, становление все более четкого

их значения и условий их употребления выявляет известную неравномерность в развитии разных типов синтаксических форм.

В сфере межфункциональных взаимодействий позиция свободных и обусловленных форм оказывается более активной, позиция связанных форм более слабой¹²⁴.

Связанные, управляемые формы, служащие для распространения слова в составе словосочетания, являются наиболее консервативным элементом синтаксиса. Зависимость их позиции, обусловленность их форм присутствием другого слова делает понятной большую прочность связи в этом звене речевой цепи. Словосочетания, включающие в качестве зависимого элемента связанные синтаксические формы, составляют устойчивый фонд синтаксических средств, сохраняющий историческую преемственность русского синтаксиса, и служат опорой нормативных установлений, грамматической кодификации.

Однако развитие свободных и обусловленных синтаксических форм подвергает связанные формы известному воздействию, в результате которого они обнаруживают некоторые признаки ослабления своей устойчивости.

Естественно, что расшатывание «словосочетательных устоев» начинается в сфере разговорной речи, которой свойственна большая свобода выбора возможных форм. Параллельно книжным, строго нормированным, в разговорной речи употребляются менее строгие варианты форм связи, возникающие в результате контаминаций, действия аналогии и под. Менее строгие, разговорные варианты словосочетаний из разговорной речи проникают в книжную, письменную, прежде всего в небрежный журналистский язык и в неофициально-деловые жанры. Нестрогость их или даже ненормативность говорящими и пишущими осознается в разной степени или не осознается совсем, иногда с течением времени утрачивается вообще. «Все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накапливаются в кузнице разговорной речи», — писал Л. В. Щерба¹²⁵.

Функциональный анализ взаимодействия синонимичных форм в разговорной речи и под влиянием ее показывает явное тяготение к обобщенным и семантически мотивированным синтаксическим связям, а не к индивидуальным, обусловленным лексико-грамматически¹²⁶.

В приводимых ниже примерах свободные формы с делиберативным значением, мотивированность которых лексически

¹²⁴ Подробнее см. главу автора «Развитие синтаксических форм слова» в кн.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, § 9—19.

¹²⁵ Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 116.

¹²⁶ Ср. наблюдения Д. Н. Шмелева над действием «принципа синтаксического „раскрепощения“ глаголов в связи с их семантическим, наоборот, закрепощением» в статье «Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка» («Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1962, вып. 5, стр. 423).

подкреплена производными предложениями, вытесняют управляемые, связанные формы с их «законных» позиций при словах, обозначающих явления речи, мысли, чувства:

Он *настаивает по поводу этого оппонента* (Разг., 1967, ср.: *настаивать на чем*); Мне трудно *дать объяснение на этот счет* (Разг., 1968; ср.: *дать объяснение чему*); Я сама с ней дома *занималась по этому поводу* [по поводу дробей] (Разг., 1968, ср.: *заниматься чем*); *Озабоченность* широкой японской общественности *по поводу усиливающейся смычки* официального Токио с агрессивными действиями США понятна и оправданна («Изв.», 3 фев. 1968; ср.: *озабоченность чем*); Обнаружение этой частицы *устранило бы сомнения физиков относительно полной симметрии электромагнетизма* («Комс. правда», 10 окт. 1964; ср.: *сомнение в чем*)¹²⁷.

Другая группа примеров показывает наступление свободной формы «для+род. п.» со значением цели и назначения на формы управляемые или заданные лексико-грамматической структурой определяемого слова:

Речь идет об активном *привлечении*, как писала газета, большого числа шведских ученых *для выполнения работ по прямому заказу различных военных ведомств США* («Изв.», 24 фев. 1968; ср.: *привлечение к чему*); Колхозники *вложили много труда для улучшения дел в колхозе* (Телепередача, 4 янв. 1963; ср.: *вложить труд во что*); Нам приходится много *уделять времени для воспитания граждан* (Радиопередача, 23 окт. 1963; ср.: *уделять время чему*); Председатель месткома *много времени и сил уделяла для того, чтобы помочь нам в работе* (Устн. выст., 1963); Первая площадка *рассчитана для ребятиншек* ясельного возраста (Н. Пашенко, Главный застройщик столицы; ср.: *рассчитана на кого-что*); Для женщин *предоставлен* хорошо оборудованный родильный дом («Знамя труда» Курганской обл., 6 фев. 1964; ср.: *предоставить кому*); *Выносятся для обсуждения* (Заголовки, «Правда», 23 фев. 1967, ср.: *на обсуждение*); Часть работников может быть *переключена для работы над словом* (из протокола, 1960, ср.: *переключить на что*).

Не следует переоценивать значительности всех этих и подобных отступлений от синтаксической нормы, но нельзя и не заметить, что за ними скрывается та же тенденция к семантизации синтаксических отношений. В какой мере говорящие, носители языка сознательно проявляют свое предпочтение семантизированным связям, поддаются ли они действующим независимо от их воли внутренним законам развития языка — это вопрос специальных исследований. Однако во всех подобных случаях обнаруживается как бы недоверие говорящего к собственно

¹²⁷ Ср. у Чехова в «Злоумышленнике» использование подобного «разложения словосочетания» как приема, характеризующего простонародную речь персонажа: А ежели вы насчет *недоимки сомневаетесь*, ваше благородие, то не верьте старосте...

грамматическим средствам выражения требуемых смысловых отношений и стремление подкрепить эти отношения «более надежными» формами, самостоятельно выражающими необходимый смысл заключенными в них средствами, в том числе и особенно лексическим значением предлога¹²⁸. Возникает избыточность средств, но тем не менее нельзя не признать подобные нарушения нормы семантически оправданными.

В сущности, такие распространенные нарушения нормы как *участвовать на конференции, на фестивале* и пресловутое *оплачивать за проезд* живучестью своей и обязаны тому, что находятся в русле той же тенденции к замене собственно грамматических, немотивированных для языкового сознания форм связи, формами свободными, семантически мотивированными¹²⁹.

В разговорно-деловой речи активно протекает процесс, проявления которого названы разными исследователями упрощением, стяжением, включением¹³⁰ и т. п.

Содержание этого процесса определяется взаимодействием книжно-делового и разговорно-делового синтаксиса. Усложнение синтаксического ряда, развитие параллельных видов словосочетаний, отмеченное Н. Ю. Шведовой, по существу, отражает два разнонаправленных движения.

В книжно-деловом типе речи стремление к логически четким, последовательно грамматически развернутым соединениям слов приводит к росту многочленных, иерархически громоздких словосочетаний. Для разговорно-деловой речи, влиянием которой часто определяется и становление профессионально-технической речи, характерно стремление преодолеть сложность книжного синтаксиса. В результате появляются «опрошенные», экономные, лаконичные сочетания. Ср.: *дело по обвинению Иванова в подлоге* > *дело с Ивановым, дело с подлогом*; *заявление с просьбой о предоставлении ребенку места в детском саду* > *заявление на детсад*; *испытания с целью определения сопротивления грунтов сдвигу* > *испытания на сдвиг*; *установка для испытания грунта на сдвиг* > *установка на сдвиг*; *пробы для определения влажности* > *пробы на влажность*; *разведочные ра-*

¹²⁸ Ср. примеры аналогичных проявлений избыточности в сочетаниях *служить чему — служить для чего, предназначить что кому — предназначить что для кого* и экспансии предлога *о* при глаголах речи и мышления: К. Флекенштейн. Некоторые замечания о глагольном управлении в современном русском языке. — РЯШ, 1970, № 3, стр. 81.

¹²⁹ Ср.: З. Д. Попова, В. Д. Стрижененко. Наблюдения над употреблением некоторых падежных и предложно-падежных форм в нелитературной речи. — В кн.: «Материалы по русско-славянскому языкознанию». Воронеж, 1972.

¹³⁰ См., например: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе; Д. Н. Шмелев. О семантических изменениях в современном русском языке. — В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964; Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексику и в словообразование. — Там же.

боты с целью обнаружения руд, содержащих вольфрам > разведочные работы на вольфрам; помочь в решении задачи > помочь с задачей; посодействовать в получении разрешения на установку телефона > посодействовать с телефоном; перебой в снабжении кирпичом, в подвозке кирпича > перебой с кирпичом; играть в соревнованиях на первенство > играть на первенстве; идти смотреть передачу по телевизору > идти на телевизор и т. д.

— Люсенька, принесите, пожалуйста, проект приказа на Самохина (В. Войнович, Хочу быть честным); Может быть, сочиняет в уме заявление на расчет (Там же); Поставили в исполком на улучшение жилищных условий (Разг., 1964); — К нам обращаются граждане на конкретную площадь (Там же); Снова придется идти к соседям по квартире на телевизор («Юность», 1962). Только на первенстве района играют 36 команд (Радиопередача, 1962); А между тем в России как будто нет руд на металлический алюминий (В. И. Вернадский, Об использовании химических элементов в России); Было бы интересно попробовать на галлий морские конкреции марганцевых, железных и бариевых соединений (В. И. Вернадский, Заметки о распространении химических элементов); Разведочные работы на вольфрам, на молибден (Ф. Чухров, Минералогия и зональность Восточного Коунрада); Испытания с целью определения сопротивления грунтов сдвигу... установка для испытания на сдвиг... установка на сдвиг (А. Коган, Влияние условий изменения глинистых грунтов); Вечером он заявил, что подал на развод («Комс. правда», 2 апр. 1964); Вам я тоже кое в чем сумел помочь с диссертацией (Д. Гранин, Искатели); Вот, в частности, как решается вопрос с крымским виноградом («Огонек», 1963, № 38).

Информативные качества «опрошенных» сочетаний остаются достаточными благодаря разговорной ситуации и привычности тех или иных сочетаний для данной профессиональной или бытовой среды. Но главным образом, по-видимому, потому, что синтаксические формы, замещающие собой многочленное распространение слова, остающиеся после «опрошения», — это формы либо свободные, либо обусловленные, т. е. формы с самостоятельной или обусловленной семантикой. Нет надобности искать между развернутыми и «опрошенными» сочетаниями прямую генетическую связь. Они могут существовать параллельно, принадлежа к разным стилям или типам речи. Сочетания «опрошенного» типа могут возникать и самостоятельно, независимо от наличия развернутого словосочетания, в силу самостоятельности и активности свободных и обусловленных синтаксических форм.

В некоторых случаях вытеснение управляемых форм в словосочетании формами обусловленными можно наблюдать не только за пределами или на грани литературной нормы. Ср.:

<i>откладывать отъезд</i>	> <i>откладывать с отъездом</i>
<i>закончить уборку</i>	> <i>закончить с уборкой</i>
<i>оттягивать ответ</i>	> <i>оттягивать с ответом</i>
<i>задерживать ремонт</i>	> <i>задерживать с ремонтом</i>
<i>обождать оплаты</i>	> <i>обождать с оплатой</i>
<i>разобраться в финансах</i>	> <i>разобраться с финансами</i>
<i>помочь в поливке</i>	> <i>помочь с поливкой, и т. д.</i>

В подобных парах, сосуществующих в современном русском языке, второй вариант является более поздним образованием, развивающимся и стилистически связанным с разговорно-деловой речью.

Приведенные факты позволяют заключить, что в области словосочетания намечается движение в сторону ослабления «связанности», управляемые формы обнаруживают склонность уступать место формам с более отдаленной связью, неуправляемым, не обусловленным присутствием другого слова¹³¹.

На основании изложенных наблюдений можно с известной осторожностью констатировать наметившуюся в русском синтаксисе тенденцию к ослаблению связей внутрикомпонентных, внутри словосочетания, к высвобождению слова из «принудительных», допредложенческих связей, к развитию морфолого-синтаксической, а следовательно, и семантической замкнутости, отдельности слова в словесном ряду. Высвобождение слова (синтаксической формы слова) из грамматически мотивированной цепочки связей обеспечивает ему большую подвижность в структуре предложения в роли одного из его компонентов.

Другая сторона этого процесса — отшлифовывание компонентов предложения, условий их сочетаемости — может быть показана после следующей главы.

Важно, что в целом предложение как сборная (собираемая

¹³¹ Материалы более раннего периода свидетельствуют о том, что аналогичный процесс разложения части адъективно-именных словосочетаний с недифференцированностью разных типов отношений происходил в русском языке на протяжении XIX в. При этом отношения соответствующего типа получили специализированное выражение в падежных и предложно-падежных формах имени: субъектно-объектные (*палатное строение, телесное украшение — строение палат, украшение тела; стук каретный, дубравный шум — стук карет, шум дубравы*); инструментальные (*кулачные удары, силковая ловля — удары кулаками, ловля силками; мячные игры — игры в мяч, каретное гуляние — гуляние в каретах*); пространственные (*московское пребывание — пребывание в Москве, водные и земные сражения — сражения на воде и земле*); целого и части (*столовая ножка — ножка стола; крылечный спуск — спуск с крыльца*); назначения, происхождения (*ламповое стекло — стекло для лампы, от лампы; камзолные пуговицы — пуговицы для камзола, от камзола и т. п.*). Функционально-синтаксическое содержание этого процесса, по-видимому, и заключается в замене грамматической связи согласования семантической связью соединения. Ср. раздел В. А. Белошапковой в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетания». М., 1964, стр. 148—152 (примеры оттуда же).

из компонентов по требованиям смысла высказывания) конструкция делается более гибкой и подвижной в сочленениях, в «шарнирах» между компонентами.

Можно полагать, что объяснительная способность функционального подхода к синтаксису, обнаруживающаяся не только в отношении статической структуры его элементов, но и в отношении движения, процессов развития их, подтверждает известную его адекватность природе изучаемых явлений.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

До сих пор речь шла в основном о синтаксических формах имени существительного, им отведена большая часть II главы настоящей работы. Оправдывается это и тем, что функции именных синтаксических форм особенно сложны и разнообразны, и тем, что именно с падежными и предложно-падежными формами связан целый комплекс синтаксических вопросов, которые представляется необходимым решить, пересмотреть или уточнить.

Образовавшаяся диспропорция ни в коей мере не свидетельствует о приуменьшении роли глагола и других частей речи в синтаксической системе русского языка. Глагол и в излагаемой концепции остается конструктивным центром русского синтаксиса, предикативным компонентом большинства моделей предложения. Однако синтаксис глагольных форм изучен в большей степени, здесь накоплено много положительных сведений, не вызывающих споров и сомнений, так что остается лишь соотнести имеющиеся сведения с системой принятых здесь понятий.

Известно, что глагол не вообще, а в конкретных синтаксических формах служит компонентом организации предложений разных типов: личные формы — одних типов, инфинитив — других; у причастия и деепричастия совсем иные функции и возможности.

Среди глагольных форм спрягаемые формы и инфинитив могут быть рассматриваемы как свободные синтаксические формы, способные к синтаксическому функционированию в независимой позиции. Существующее мнение о «зависимости» личных окончаний глагола от «подчиняющего» его себе путем согласования личного местоимения легко опровергается существованием безместоименных вариантов глагольных предложений (ср.: *Я сижу у огня* — *Сижу за решеткой в темнице сырой; Ты взойди, солнце красное!* — *Пора, красавица, проснись!* и т. п.), где значение лица и числа выражается глагольной флексией, не нуждаясь для этого в местоимении¹³². Если отвлечься

¹³² Ср.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 23—24.

от синтаксического существа предикативных отношений между личным глаголом и сопряженным с ним местоимением и посмотреть на них с точки зрения только морфологического оформления, очевидно, что справедливо видеть здесь не согласование, а синсемантическую координацию значений лица и числа. Свободным, обстоятельственным значением, как и обстоятельственные наречия, располагают деепричастия. что подтверждается широко распространенным употреблением их в позиции заголовка.

Употребление глаголов в страдательном залоге обусловлено определенной синтаксической конструкцией, поэтому страдательная форма глагола в отличие от других спрягаемых форм относится к обусловленным, так же как причастия и прилагательные в краткой, сказуемой форме и полные в именительном и творительном предикативных.

Полные прилагательные и причастия, форма которых задается определяемым именем, а роль в предложении заключается во внутрикомпонентном распространении (III синтаксическая функция), принадлежат к связанным синтаксическим формам. Свободное употребление им не свойственно, а в заголовочной позиции (ср., например, «Кроткая», «Униженные и оскорбленные») они выступают как заместители существительного, с той или иной степенью субстантивации, поскольку самостоятельной морфологической формы они вообще не имеют. Отличие связанных адъективных и причастных форм от связанных форм имени существительного в том, что они подчиняются словам не относительного, а абсолютного значения, в результате чего возникают словосочетания необлигаторные, без необходимой связи. Однако статут связанных форм последовательно проявляется в том, что в предложении они лишены конструктивной роли: даже будучи распространенными, создавая причастные и обособленные обороты, они остаются средствами внутрикомпонентного распространения, усложняя строение именного компонента, но не структуру предложения в целом (вернее сказать, только тем самым — и структуру предложения). Соответственно, возможности включения в предложение адъективных и причастных определителей, одиночных или распространенных, не зависят от структуры предложения, не регламентируются его моделью, определяясь лишь наличием имени в любой синтаксической позиции.

Категория прилагательных демонстрирует еще одно различие между понятиями морфологической и синтаксической формы слова.

В своем стремлении выявить типовые отношения между словами и понятиями, которые выражаются в синтаксисе зачастую вопреки морфологическим формам, Л. В. Щерба решительно возражал против объединения в категории определения значе-

ний качества или свойства и значения принадлежности¹³³. В самом деле, значения эти находят общее выражение в форме прилагательного. Но одна ли это синтаксическая форма? Они различаются не только семантически, словообразовательно, частично даже морфологически — различием в характере флексий, но и системно-синтаксически. Это значит, что прилагательные, выражающие качество-свойство, и прилагательные, выражающие принадлежность, входят в разные парадигматические ряды синтаксических форм, существующих в языке для выражения этих значений.

Вопрос о синтаксических свойствах наречий требует еще специального изучения, однако специфика этого класса слов, заключающаяся в их «бесформенности», бесфлексийности, не объединяет их все же в общую синтаксическую категорию. Граница между синтаксическими подклассами наречий соответствует, по-видимому, разделению их на качественно-определятельные и обстоятельственные. Подобно тому как прилагательные определяют имя, качественно-определятельные наречия служат внутрикомпонентным определением глагола (ср. *быстрая езда* — *быстро ездить*), не выходя из этой роли даже при дистантном расположении, хотя в словосочетании именно позиция такого наречия служит грамматическим средством выражения связи между элементами. Наречия этого подкласса неспособны относиться к предикативному минимуму в целом, т. е. выступать в роли детерминанта. В отличие от определятельных, обстоятельственные наречия — свободные синтаксические формы и, соответственно этому, могут употребляться и в качестве заголовков, и в качестве детерминантов, и в роли предиката, и в присловной позиции, функция их зависит как от их собственных качеств — характера и объема значения, так и от конструктивно-смысловых потребностей предложения.

Сравнительная степень прилагательного — обусловленная синтаксическая форма — участвует в организации трехкомпонентной модели с компаративным типовым значением (*Волга длиннее Дона; Петя выше Васи; Петя выше, чем Вася*).

Сравнительная степень определятельного наречия не выходит из приглагольной позиции; создав аналог словосочетания с обусловленной формой родительного компаративного, остается распространенным определением глагола (ср. *Петя быстро бежит* — *Петя быстрее Васи бежит; Гарун бежал быстрее лани* (Пушкин)).

Представляя сложную систему морфологических форм и категорий, глагол размещает их по разным линиям их отношений к синтаксису. Не все морфологические формы глагола являются синтаксическими формами слова, но лишь те, которые

¹³³ Л. В. Щерба. О второстепенных членах предложения. — В кн.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Изд. ЛГУ, 1958.

различаются синтаксическими функциями, участием в различных синтаксических конструкциях. Так, по функциям противопоставляются спрягаемые синтаксические формы глаголов, синтаксические формы инфинитива, причастия и деепричастия. Но видоизменение личных форм по морфологическим категориям времени, наклонения, вида, лица, числа, рода дают не новые синтаксические формы слова, а морфологические варианты тех же синтаксических форм слова. Соответственно предложения, образованные с помощью морфологических вариантов синтаксических форм слова (ср.: *Я пишу, Ты пишешь, Он пишет, Мальчик пишет, Мы пишем, Они пишут, Пиши, Пишите, Пусть он пишет* и т. д.), представляют не разные синтаксические модели, а грамматические варианты, модификации одной и той же модели.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Модель предложения.— Синтаксическое поле предложения.— Взаимодействие моделей предложения.— К типологии синтаксических форм именн.— Формы слова и компоненты предложения.— Некоторые наблюдения над историческими изменениями в структуре предложения.— Простое и сложное предложение.

МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

К ПОНЯТИЮ МОДЕЛИ

1. Синтаксические формы слова, разные виды которых рассмотрены в предыдущей главе, являются теми единицами, из которых создается структура предложения: синтаксические формы со свободной или обусловленной семантикой осуществляют при этом конструктивную функцию, они образуют компоненты предложения, составляющие предикативный минимум предложения и распространяющие, усложняющие его; функция синтаксических форм связанных, подчиненных,— неконструктивная, они служат не компонентами предложения, а распространителями компонентов. Конструктивные синтаксические формы слова, вступая по правилам сочетаемости смыслов в предикативную связь для выражения того или иного типового значения, образуют модель предложения.

Модель предложения — центральное понятие синтаксиса предложения. Мы определили ее как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением. Это определение может быть снабжено некоторыми пояснениями.

2. Прежде всего их требует слово «модель», широко распространившееся в научной терминологии.

Модель здесь — не формализованная схема, не символизированная абстракция, отвлеченная от языковых фактов¹.

¹ Ср., например, определение Т. П. Ломтева: «Структура предложения, представленная в виде специальных символов, является формулой структуры предложения, или иначе моделью предложения» (ФН, 1969, № 5, стр. 61).

Существующие способы записи синтаксических структур в виде формул и схем, как следует из изложенного в I и II главах, не отвечают нашим представлениям о сущности синтаксических связей и содержат скорее морфологическую характеристику объектов. Это не означает отрицания удобства формализованных записей. Но различия семантического объема разных синтаксических форм слова чрезвычайно затрудняют поиски формул и символов; поиски эти должны иметь в виду адекватность символа единице собственно синтаксического уровня с ее структурно-смысловым и функциональным значением.

Под моделью предложения, таким образом, понимается здесь живой образец, готовый к употреблению и наблюдаемый в употреблении, но взятый в существенном (в его предикативном минимуме) и в типическом, т. е. в аналогическом ряду, образованном моделями, состоящими из синтаксических форм того же типа и выражающими то же типовое значение.

✓ Так, предложения *У деда сад*, *У Маши кошка*, *У друга мотоцикл*, *У нее сын* и аналогичные представляют модель с типовым значением посессивного наличия (в ней сочетаются обозначения субъекта и объекта владения). Символическая запись «*y* + род. п. + им. п.», или $y N_2 + N_1$, или $y N_{ген} + N_{ном}$, не удовлетворяет потому, что зафиксированный в ней морфологический облик словоформ может скрывать и иное семантико-синтаксическое содержание. Ср. модель с типовым значением локализованного наличия (пространственной соотнесенности предметов): *У лукоморья дуб*; *У ворот скамья*; *У стены диван* и т. п. Два ряда моделей, совпадающих в морфологической записи, образованы разными синтаксическими формами и выражают различные типовые значения.

Регулярность сочетаемости одноименных синтаксических форм с тем же семантическим результатом, точнее, ради того же результата, типового значения модели, делает модель в изложенном понимании центральным объектом синтаксической системы.

3. Разными терминами — предикативный минимум, формула предложения, модель предложения, структурная основа, схема предложения, кондоминация, ядерное предложение, базисное предложение — назван тот искомый многими синтаксистами минимум предложения, его структурное существо, которым определяются и основные свойства данного построения и типологическое соотношение его с другими.

Важно, что роль предикативного минимума как опоры синтаксической системы признана разными направлениями, и это знаменует определенную ступень в развитии синтаксической науки. Вместе с тем естественно, что разные термины — это не только лексические вариации: за ними кроются известные расхождения в понимании объема предикативного минимума и принципов его выделения.

Не вдаваясь в обсуждение каждого понятия из обозначенных приведенным рядом терминов, остановимся на некоторых разногласиях, которые представляются принципиальными. Н. Ю. Шведова, сопоставляя выдвинутое ею понятие структурной основы предложения с понятием формулы предложения, принятым в чешском языкознании, отмечает два существенных различия²:

1) В систему «формул предложения» включаются лишь предложения, конструируемые личным глаголом; неглагольные предложения выводятся за пределы грамматической системы. По отношению к русскому языку такой подход неоправдан, поскольку разнообразные безглагольные модели являются частью русской грамматической системы.

2) В «формулах предложения», включающих облигаторные объекты и обстоятельства, не разграничиваются синтаксические свойства слова и синтаксические свойства предложения, которые выявляются на разных ступенях грамматической абстракции.

Целиком поддерживая критическую и конструктивную позицию Н. Ю. Шведовой в этих двух пунктах, можно добавить следующее.

3. 1. Разнообразие форм безглагольных предложений в русском языке, особенно в его разговорной разновидности, известно. Тенденции грамматик квалифицировать их как неграмматические обедняют представления о реальной грамматической системе, так же как признание их исполными, эллиптическими — соотносительно с полными двусоставными глагольными предложениями, принимаемыми за эталон, — обедняет представление о конструктивных возможностях русского синтаксиса.

Не вызывают сомнений ни широкая употребительность, ни экспрессивно-стилистические достоинства безглагольных типов предложений, ни их независимость от контекста коммуникативная достаточность. Приемы подстановки, восстановления «опущенных» или «нулевых» членов, возведения безглагольных построений к глагольному образцу помогают исследователям в конструировании идеального объекта, облегчая создание логических схем, но при этом уводят от реальной языковой действительности. Нельзя не признать, что, обладая некоторыми преимуществами, эти приемы не снимают стоящей перед языкознанием задачи поисков действительных структурных основ реального предложения, во всем, без теоретической «дискриминации», многообразия его конкретных воплощений.

Еще столетие назад русскими лингвистами было признано, что глагол, *verbum finitum*, не является необходимым структур-

² «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка», М., 1966, стр. 131—133.

ным элементом всякого русского предложения, не является единственным носителем предикативности³. Это отмечали и зарубежные исследователи. Ср., например, сопоставительные наблюдения В. Матезиуса: «Тогда как в некоторых языках тип безглагольного предложения выражает самую сущность грамматической системы... например, в русском языке, где безглагольные предложения являются нормальным типом для выражения некоторых видов оценочных и притяжательных предикаций,— в других языках, например в чешском, безглагольные предложения, не находясь в такой тесной связи с самой сущностью грамматической системы, являются типом окказиональным»⁴.

Разграничение глагольных и неглагольных предложений — одно из оснований структурной классификации типов предложений. Однако в понимании глагольности/неглагольности предложения синтаксисты исходят из разных критериев.

Для одних наличие в предложении формы личного глагола, вне зависимости от его значения, служит достаточным признаком глагольности структуры предложения. Граница неглагольности/глагольности проходит в таком случае между грамматическими разновидностями одной модели: *Зима, Ночь темна* трактуются как предложения именные; *Была зима, Ночь была темна*, так же как *Волки воют, Мороз трещал*, — глагольные. Нельзя не заметить, что такое представление о типах структур не считается со структурным единством модели.

Признание «нулевых» глагольных позиций ведет еще дальше: если в предложениях *Зима, Ночь темна* видеть нулевую глагольную позицию, выводимую из парадигматического ряда *Была зима, Будет зима* и под., то противопоставление именных и глагольных типов моделей вообще снимается, почти все предложения оказываются «глагольными».

Более адекватным языковой действительности и более последовательным с точки зрения систематизации синтаксических фактов представляется другое, структурно-смысловое понимание типов предложения.

Глагольные предложения не могут быть единственным типом и потому, что в предложении отражаются многообразные связи и отношения действительности, а каждой части речи свойственно отражать лишь определенные категории явлений. Если глагол служит для обозначения действий, состояний, процессов изменения состояния или признака и употребляется для организации моделей соответствующих значений, то модели предложений, утверждающих наличие предмета, свойства предмета,

³ См. об этом: В. В. Виноградов. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.

⁴ В. Матезиус. О системном грамматическом анализе. — В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 237—238.

пространственное соотношение предметов, организуются синтаксическими формами других частей речи, служащих для обозначения предметов, качества и т. п.

Разумеется, в грамматике не воспроизводятся непосредственно внеязыковые отношения, ей свойственны опосредованные, абстрагированные способы отражения действительности. Но «закрепленность» тех или иных моделей за определенными типами связей действительности очевидна и не может не быть предметом изучения в синтаксисе.

Именно обобщенность и закрепленность, стандартизированность типовых значений и моделей, их выражающих, обеспечивает коммуникабельность на линии «говорящий — воспринимающий».

Глагол, как и слово другой знаменательной части речи, соединяет в себе вещественное и грамматическое значение: вещественное связано с обозначением действия, процесса, грамматическое — с выражением категорий времени, наклонения, лица и т. д. В глагольных предложениях, сообщающих о действии, процессе, глагол выполняет роль структурно-смыслового компонента, при этом «работают» обе стороны его значения, и вещественная и грамматическая.

В предложениях, сообщающих о наличии предмета, о пространственных его ориентирах, о качествах, свойствах его, вещественному значению глагола нет места, поскольку речь идет об отношениях и связях совсем иного характера. Моделям неглагольных значений нужно лишь грамматическое значение глагола для отнесения своего содержания в разные временные и модальные планы, поэтому они пользуются либо «пустыми» глаголами, связками, лишенными вещественного содержания, либо вспомогательными глаголами, не обозначающими действия предмета.

Но включив в свой состав в качестве служебного грамматического средства связку или вспомогательный глагол (которые, кстати, и по традиционной грамматике не являются отдельными членами предложения), неглагольные модели не становятся глагольными⁵.

Так, предложения *Ночь темна, Ночь была темной, Ночь будет темной...* представляют одну и ту же адъективно-именную модель с типовым значением утверждения признака предмета в разных ее грамматических (временных) модификациях. *Брат учитель, Брат был учителем, Был бы брат учителем...* — грамма-

⁵ Ср.: «Как в русском, так и в других языках атрибутивные отношения выражаются не только причастием, т. е. отглагольным прилагательным, но также существительными и всякого рода прилагательными, эти атрибуты, переходя в предикаты, не превращаются в глаголы, а остаются существительными и прилагательными, следовательно, они являются такими же естественными и необходимыми сказуемыми, как и глагол» (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М.—Л., 1941, стр. 179).

тические (временные и модальные) модификации той же двусоставной именной модели со значением квалификации предмета. *Морозно, Было морозно, Было бы морозно* — грамматические модификации одной и той же безглагольной адъективной (или адвербиальной) односоставной модели, сообщающей о состоянии среды.

Поэтому нельзя согласиться с тем, что в подобном ряду грамматических модификаций одной и той же модели (структурной основы предложения) следует видеть регулярные парадигматические соотношения неглагольных предложений с глагольными. Выводимый из такого понимания «тип смешанной парадигмы», присущий будто бы в русском языке односоставным предложениям, как представляется, противоречит понятию структурной основы предложения⁶. Если полагать, что структура предложения меняется при грамматических видоизменениях модели, что односоставные безглагольные модели *Ночь, Темно* становятся двусоставными, глагольными (*Была ночь, Было темно*), понятие структуры предложения, его модели теряет определенные очертания.

Из сказанного вытекает необходимость по-иному представить соотношение структуры предложения (модели) и ее грамматических видоизменений.

В синтаксической форме сочетающихся предикативной связью компонентов модели предложения или отнесенного к действительности единственного компонента находит свое выражение характер тех внеязыковых реалий, которые становятся содержанием речи-мысли, констатирующей явление, обстоятельство, состояние (*Ночь; Темно; Морозно; Светает*) или соотносящей два необходимых компонента, предмет и признак, процессуальный или непроцессуальный, динамический или статический (*Грачи прилетели; Письмо подписано; Письмо без марки; Марок не хватило; Ответа не получено; Дел по горло; Народу толпы; Все веселы; Всем весело; Им не до вас; Обоим за сорок; Вопросов немного* и т. п.). Односоставность/двусоставность, неглагольность/глагольность, выраженные в синтаксической форме сочетающихся предикативной связью компонентов модели предложения, — это постоянные признаки структуры предложения, сохраняющиеся во всех ее грамматических

⁶ Подобное противоречие, имевшее место в «Основах построения описательной грамматики», снято в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. (см. § 1313). Ср. замечания Пр. Адамца о непоследовательности разграничения односоставных и двусоставных предложений («Парадигматика простого предложения». Рец. на сб. «Русский язык. Грамматические исследования». — CsR, 1968, № 3). Отсутствие последовательности в разграничении глагольных и неглагольных предложений и значение этого вопроса для синтаксической теории и преподавательской практики отмечает М. Кубик («К вопросу классификации предложений в русском языке». — CsR, 1968, № 2).

и структурно-семантических (о которых ниже) модификациях. Грамматические значения времени, модальности — признаки структуры предложения необходимые, но переменные, в том смысле, что одна и та же структура может представлять в одном из двух модальных значений (реальность/нереальность), в одном из трех временных⁷, в одном из трех личных значений (личные предложения, о понимании безличных см. ниже). Перемешанные признаки структуры предложения можно представить себе как ось, которая держит на себе постоянные компоненты, составившие модель предложения. Ось может поворачиваться разными грамматическими гранями, строение ее может усложняться, основные компоненты модели остаются неизменными и в неизменных структурно-смысловых отношениях друг с другом. Если считать, что предложение как коммуникативная единица формируется взаимодействием категорий синтаксического времени и объективной модальности, это означало бы сформулировать представление об оси без самой структуры, которую она на себе держит.

Собственно, к тому же ведут попытки изолировать грамматическое значение предложения от его семантической структуры.

Поскольку так называемые «семантические формулы» типа «агенса — действие», «субъект состояния — состояние», «предмет — его качество», «предмет — его количество» и под. выражаются в языке определенными синтаксическими формами слов, сочетающимися в модели предложений определенных типовых, инвариантных значений, на долю так понимаемого «грамматического значения» осталась бы предикативная ось без структуры.

Таким образом, расхождения в понимании глагольности предложения вытекают из различных решений проблемы соотношения синтаксиса и семантики, и еще шире — языка и внеязыковой действительности, и влекут за собой различия в принципах описания и анализа структурных схем (моделей) предложения.

При возможных различных решениях этих проблем принципиально важно, несмотря на трудность подобной задачи, ориентироваться не на избранные схемы, а пытаться систематизировать подлинные, во всем их многообразии модели, которые служат коммуникативными единицами русского языка.

3.2. Необходимость разграничения в теории синтаксических свойств слова и синтаксических свойств предложения, яв-

⁷ Заслуживает внимания попытка В. Остроумова разграничить и определить, хотя не вполне удачно терминологически, понятия предикатности как референционного отношения, выражаемого предикативной единицей, и предикативности как модально-временной характеристики предикатности (В. Остроумов. О лингвистической абстракции содержательной стороны предложения. — В кн.: «Международная конференция преподавателей русского языка и литературы». Тезисы докладов и выступлений. М., 1969).

лений разной природы, обоснованная трудами В. В. Виноградова, убедительно развивается Н. Ю. Шведовой и должна быть подтверждена также содержанием II главы.

Аргументом исследователей, рассматривающих номинативно-глагольную формулу предложения как трехкомпонентную, включающую облигаторный комплемент (распространитель) глагола (Е. Кржижкова, П. Адамец, Р. Зимек и др.)⁸, является обязательность, облигаторность третьего элемента. Но его участие в предложении опосредованно, оно обусловлено релятивностью значения слова, распространителем которого является этот элемент, а не структурой предложения. Предложения *Отец работает* и *Отец пишет книгу* представляют одну и ту же модель с типовым значением «субъект и его действие». Символическая запись структуры могла бы выглядеть как А+Бв (ср. выше, стр. 68), где компоненты модели обозначены заглавными буквами, строчные обозначают внутрикомпонентное распространение.

Предложение *Отец находится в саду*, с так называемым облигаторным обстоятельством, как вытекает из вышеизложенного, также рассматривается здесь как двухкомпонентная модель, но с иным соотношением элементов. Модель с типовым значением локализованного наличия организуется сопряжением двух синтаксических форм, называющей предмет и место: *Отец в саду*. Глагол *находиться* здесь необязателен, более того, он противопоставлен нейтральной литературно-разговорной речи. Введение этого глагола создает письменно-книжный стилистический вариант основной модели. Если форма *книгу* не может участвовать в предложении без управляющего глагола *пишет* или под., то форма *в саду* не нуждается в глаголе, она не является зависимой, она только допускает при себе синсемантический вспомогательный глагол *находиться* или под., который сам по себе неполнозначен.

Чтобы сопоставить формулы, обозначим вспомогательный глагол буквой «г», в отличие от «в», — синтаксически связанной, но лексически самостоятельной формы слова (ср. выше). *Отец в саду* и *Отец находится в саду* могут быть записаны как А+Б и А+гБ.

Установив однородность строения двухкомпонентной модели типа А+Б и А+Бв, можно ли утверждать, что наличие и отсутствие «в», внутрикомпонентного распространителя, нерелевантно для модели предложения? Очевидно, все-таки нет. Наличие прямого дополнения в глагольном предложении сигнализирует

⁸ «Этот комплемент может реализоваться в отдельных типах предложения как дополнение, как обстоятельство, как предикативный детерминант, или может быть нулевым, его позиция будет незанятой» (Р. Зимек. Основные структурные типы простого предложения в современном русском литературном языке. «Melbourne Slavonic Studies», 2, 1968, стр. 41).

не только количественные различия между предложениями, но и более существенные.

«Вопрос о переходных и непереходных значениях <...> — одна из центральных проблем глагольной семантики»⁹.

Переходность — непереходность глаголов связана со смысловыми различиями, которые ведут к разграничению типовых значений по линии действие субъекта — состояние, свойство субъекта. Ср.: *Он пишет письмо, Он говорит речь, Он слышит, топот, Он видит всадников* — как сообщение о действии субъекта, процессе восприятия и *Он пишет, Он говорит, Он слышит, Он видит, Он ходит*, — как сообщение о постоянном занятии субъекта, о способности к действию, о свойстве. См., например: *Слезы не моют, слезы жгут* — отвечала она (Тургенев, Роза); *И советских специалистов встретишь всюду* — в Азии, в Америке, в Африке. *Они строят, лечат, учат...* *Читает на стоянке московский шофер такси, читают в метро, в трамвае, в троллейбусе* («Правда», 6 нояб. 1970).

Семантика словообразовательных классов непереходных глаголов связана в основном со значениями состояния, изменения состояния, занятия, в отличие от переходных, большей частью обозначающих конкретные действия¹⁰.

Эти семантические различия глаголов ставят их в разные ряды синонимических компонентов предложения, и сами предложения, сообщаящие о действии, и предложения, сообщаящие о свойстве, состоянии, занимают различные места в системных соотношениях моделей.

3.3. В пределах общего понимания предикативного минимума можно отметить еще некоторые расхождения, оставляющие нерешенными ряд вопросов, связанных с оценкой роли в структуре предложения так называемых детерминантов (ср. выше, стр. 102). Статус многих падежных и предложно-падежных форм в отношении к предикативной основе в системе Н. Ю. Шведовой не определен с достаточной последовательностью. Заслуживает безусловной поддержки мысль о несовпадении понятия структурной основы с понятием нераспространенного предложения на том основании, что «в состав структурной основы во многих случаях входят такие элементы, которые традиционно

⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 646.

¹⁰ Наблюдения показывают, что семантические различия между переходными и непереходными значениями глаголов связаны с определенными грамматическими их свойствами, например: 1) глаголы, обозначающие способность, умение, оказываются одновидовыми, в отличие от глаголов конкретного действия — двувидовых (*мальчик уже читает — читать, прочесть книгу*); 2) они же, в отличие от переходных, способны к количественному определению (*мало, много читаю, курю*, — ср. *мало, много сплю, гуляю, болею*); 3) они же трансформируются в безличные (*читаю — не читается, танцую — не танцуется, пою — не поется*, ср. *не спится, не сидится*). См.: Г. И. Румянцева и Г. П. Пантыкина. К вопросу о переходности русского глагола. «Уч. зап. Латв. гос. ун-та», т. 83, 1967.

определяются как «второстепенные члены предложения...», однако в составе структурной основы играют роль ее обязательного компонента»¹¹. Например: *Директору не до разговоров; Грубиянам не место в футболе; С чистописанием незадача* и под.

Затем в ряде аналогичных примеров падежная форма трактуется как обязательный детерминант. Остается неясным, является ли он компонентом структурной основы, поскольку детерминант определен как самостоятельный распространитель предложения, примыкающий к его структурной основе.

Очевидно, что требуются более определенные критерии отграничения структурной основы от примыкающих к ней распространителей. Функциональное деление синтаксических форм имени помогает в этом. Обусловленные формы имени, образующие замкнутую модель, несомненно, являются компонентами структурной основы (*У него беда; Войне конец; Ему семь лет; Их трое; Дел много; С женщиной обморок* и т. п.). Показательно то, что без предложной формы в этих случаях формы именительного падежа *Беда, Конец, Семь лет, Трое, Обморок* не образуют номинативных предложений, в которых утверждалось бы наличие предмета¹²; не всякое существительное способно выступать в этом качестве, здесь тоже действуют семантические ограничения¹³.

Возникает вопрос о соотносительности конструкций типа *Много цветов* — и *Нас трое, Их два брата, Дел много*. Можно ли рассматривать их как односоставные номинативные предложения,

¹¹ «Основы построения описательной грамматики...», стр. 146.

¹² Ср.: Е. Кржижкова. Проблемы простого предложения. — *CsR*, 1967, № 2, стр. 81. Известный пример из Грибоедова: «Смятение! обморок! поспешность! гнев! испуг!» Так можно только ощущать. Когда лишаешься единственного друга» не опровергает сказанного, поскольку содержит не номинативные предложения, сообщающие о событиях, наблюдаемых говорящим «в момент речи», а так называемые «именительные представления», восстанавливающие прошедшие события в сознании говорящего.

¹³ Коммуникативно-стилистическая специфика номинативных предложений такова, что они субъектно обусловлены: они возникают как отражение наличествующего «кусочка действительности» в восприятии субъекта речи, наблюдателя, чаще не названного, но очевидного из контекста. Настоящее время номинативных предложений тем и объясняется, что это точка пересечения бытия предмета (явления) и восприятия его «в данный момент» наблюдателем (ср. близкую трактовку в работе: С. Н. Цейтлин. Субстантивные предложения в современном русском языке и их темпоральная характеристика. Автореф. канд. дисс. Л., 1972).

Не образуют номинативных предложений существительные со значением опредмеченных понятий, не поддающихся непосредственному наблюдению (*студенчество, туризм, шпионаж, приоритет, диагноз, условие* и т. п.). Это семантическое ограничение опирается на физические (денотативные) основы сочетаемости десигнагов, по наблюдениям Вайнрайха, вслед за Кассирером, присущие многим или всем языкам: зрительному или слуховому типу восприятия здесь должны соответствовать чувственная восприимчивость/невосприимчивость, пространственная и временная приуроченность денотатов (см. «Новое в лингвистике», V. М., 1970, стр. 194).

различающиеся лишь порядком слов в количественно-именном сочетании?

Представляется, что аналогичную роль порядок слов играет в паре: *Черные сапоги* // *Сапоги — черные*. Если *Много цветов* — количественно — именное сочетание, то *Цветов много*, *Дел много*, *Нас трое* и под. — не сочетания с инверсированным порядком слов, а модели предложений с типовым значением количественной характеристики предмета, названного обусловленной формой родительного падежа. Сопряженность форм, называющих предмет и количество, предикативной связью, двусоставность структуры формально подтверждается местом связочного глагола в грамматических модификациях модели: в односоставной модели его нормальное место в препозиции: *Было много цветов* (ср.: *Была зима*; *Было холодно*; *Были приветствия, аплодисменты*), в двусоставной — между двумя составами или перед предикатом: *Цветов было много*; *Дел было много*; *Нас было трое*; *Их было два брата* и т. п. Постановка связки в препозиции здесь либо маловероятна (*Было цветов много*), либо вызывается особыми требованиями контекста, либо связана с стилистически прикрепленной интонацией эпического рассказа (*Было нас трое*). См. пример: *Гостей было пропасть, человек тысяча, музыка, генералы, и я танцевал* (Л. Толстой, *Отрочество*), где *гостей было пропасть* — представляет двусоставную предикативную модель со значением количественной характеристики, а *человек тысяча* — инверсированное количественно-именное сочетание в роли уточняющего компонента к количественному предикату *пропасть*.

Сложность вопроса о роли свободных форм имени в отношении к предикативному минимуму до конца здесь не преодолевается: вопрос о том, входят ли предложно-падежные формы в модель или распространяют ее в предложениях типа *В долине тишина*, *На углу аптека*, где номинатив достаточен для образования предикативного минимума, обсуждался выше (см. стр. 83—85). По-видимому, целесообразно признание предложений *Тишина* и *В долине тишина* близкими по общему значению, но разными моделями, односоставной в первом случае и двусоставной — во втором, поскольку во второй можно видеть предикативную сопряженность синтаксических форм для выражения иного типа отношений объективной действительности, которые преломляются как приписывание признака его носителю¹⁴.

Представляется очевидным, что приближаясь к реальным языковым фактам, грамматика идет через признание предикатом не только личных форм глагола, к признанию предикатируемым не только именительного падежа имени.

¹⁴ «Носителем предикатируемого признака» называет М. Грель аналогичную предложно-падежную форму и в безличных глагольных предложениях типа *V horách hučí* («К сущности типов предложений в славянских языках». — ВЯ, 1967, № 5, стр. 64).

Два главных состава, два компонента, организующих модель, сопряжены связью определяемого и предикативно определяющего в предложениях, подобных следующим: *Провожжающих толпы; Забот по горло; Хлеба не хватило; Ответа не получено; У Маши сын; У него корь; Саше не спится; Ему больно, Ему за сорок; С кадрами туго; С водой перебои* и т. п.¹⁵

За компоненты модели двусоставного предложения или его предикативного минимума принимаются, таким образом, реально соотнесенные синтаксические формы слов, существующие в русском языке для взаимообусловленного обозначения предикативного признака и его носителя.

4. Хотя модель и ее типовое значение составляют неразрывное единство, одна сторона которого оправдывает свое существование наличием второй, между этими сторонами, представляющими план выражения и план содержания, нет однозначного соответствия. Принято считать, что отсутствие симметричного параллелизма между двумя этими планами порождает явления синонимии и омонимии в моделях предложений¹⁶. По-видимому, действенность этого положения различна на разных уровнях языковой системы. В самом деле, синонимичность моделей предложения, создающая для говорящего—пишущего возможность выбора средств выражения соответствующих смысловых и стилистических оттенков, свойственна всякому развитому языку. Разграничение модели и типового значения может составить основу определения синтаксической синонимичности как отношений между несколькими моделями с общим типовым значением.

Омонимичность моделей предложения означала бы совмещение двух или нескольких типовых значений в одной модели. Практически возможность такой ситуации чрезвычайно редка. Признавая омонимичность синтаксических форм слова, мы исходили из общности морфологического и лексического их облика при различии синтаксических функций. Но из различия синтаксических функций вытекает различная сочетаемость их с другими формами в структуре предложения, так что вероятность сочетания в модели двух или нескольких форм из двух или нескольких одноформенных омонимичных рядов слишком мала. По-видимому, омонимия в синтаксисе в основном остается лишь на уровне строевых элементов, синтаксических форм слова,

¹⁵ Ср. половинчатую позицию Ю. М. Костинского, на большом материале убедительно показавшего, что роль «подлежащего» свойственна формам родительного падежа, но остановившегося перед признанием той же роли для форм других косвенных падежей (Ю. М. Костинский. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971).

¹⁶ См.: S. Karcevsky. Du dualisme asymétrique du signe linguistique.— TCLP, I, 1929. Ср.: Фр. Данеш. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии.— ВЯ, 1964, № 6; Л. Н. Иорданская. Синтаксическая омонимия в русском языке.— НТИ, сер. 2, 1967, № 5.

обычно разрешаясь, исчезая на уровне синтаксической конструкции.

Проиллюстрировав идею об асимметрическом дуализме языкового знака примерами употребления морфологической формы глагола в разных синтаксических условиях (*Молчи!* — *Смолчи он* и т. д. — омонимия, *Молчи!* — *Молчать!* — синонимия), С. Карцевский не рассматривал вопрос о соотношении морфологической и синтаксической единицы¹⁷, вместе с тем некоторые сообщения его звучат как предостережение против механического применения его идеи ко всем уровням языка.

«Лингвистический знак по своей внутренней структуре соответствует скрещению координат различных степеней обобщения в зависимости от семиологического плана, которому он принадлежит», — говорится в статье С. Карцевского. И далее: «Следовало бы..., чтобы в «синтаксисе» не только изучались омонимические и синонимические сдвиги каждой формы (что, впрочем, является единственным средством для понимания значения функции каждой формы), но и были сделаны попытки определить, в какой конкретной ситуации и в зависимости от каких понятий значимость знака приходит к своей противоположности»¹⁸.

Можно думать, что включение категориально-семантической и функциональной характеристики в понятие синтаксической формы слова и разграничение на этом основании морфологических и синтаксических языковых единиц должно способствовать выяснению того места в скрещении синонимических и омонимических координат, которое занимают синтаксические единицы разного уровня с соответствующей степенью обобщения.

Понятию типового значения предложения свойственна иерархическая структура, соответственно разностепенности обобщающей абстракции. Так, например, под общей рубрикой «существование, наличие предмета» (сопоставляемой с рубриками «свойства предмета», «деятельность предмета» и др.) объединяются типовые значения, утверждающие:

1) Наличие, существование предмета, явления: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека; Темень; Дождь* (ср. синонимичные модели: *Темно; Стемнело; Дождь идет; Ночь наступила; Стоит фонарь* и т. п.).

2) Локализованное наличие предмета, явления: *У лукоморья дуб; За домом сад; Библиотека внизу; Собрание в зале; Между деревьями тропинка* (ср. синонимичные модели: *У лукоморья стоит дуб; За домом простирается сад; Библиотека расположе-*

¹⁷ Ср. решение этого вопроса применительно к категориям времени и наклонения в «Грамматике современного русского литературного языка» (Изд. АН СССР. М., «Наука», 1970, § 1283—1284).

¹⁸ Цит. по русскому переводу, помещенному в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 86—89.

на, находится внизу; Собрание проходит (состоится, имеет быть) в зале.

3) Темпоральное наличие явления: Собрание после работы; Прием по вторникам; Дождь с утра; Солнце весь день; В три часа обед, ужин в семь.

4) Квантитативное наличие: Нас много; Цветов масса; Птицы видимо-невидимо; Знакомых тьма; Дел по горло; Мальчиков четверо; Собак с десятков.

5) Посессивное наличие: У них сын; У нее коса; У него радость. В свою очередь в этом типовом значении могут быть разграничены разновидности:

а) собственно наличие предмета у субъекта-посессора: У них сын; У соседей сад (синонимические модели: Они имеют сына; Соседи имеют сад, Соседи владеют садом, Соседи — владельцы (хозяева) сада);

б) наличие признака у субъекта: У нее коса; У него доброе сердце (синонимические модели: Она с косой; Он с добрым сердцем, Он добрый, добр);

в) наличие внутреннего состояния у субъекта: У него тоска; У него лихорадка (синонимические модели: Он тоскует, Ему тоскливо, Он в тоске; Он в лихорадке, Его лихорадит);

г) наличие события или состояния в более широком смысле, характеризующего субъект: У него экзамены; У нас каникулы; У сестры отпуск (синонимические модели: Он сдает экзамены; Мы на каникулах; Сестра в отпуске).

Вероятно, можно разновидности типа «а», «б», «в», «г» считать полисемичными моделями, но если лексикологические термины способствуют дифференциации явлений на уровне синтаксических форм слов, то целесообразность их применения к моделям предложения не очевидна.

Таким образом, двусторонность языкового знака, каким является предложение, диалектическое единство в нем содержания и способа выражения, предполагает двусторонние контакты между моделями в системе синтаксиса. По линии формы, способа выражения в группе моделей с общим значением наличия, существования объединены все так называемые номинативные предложения; в группе со значением посессивного наличия объединены модели, состоящие из синтаксической формы «у+род. п.», обозначающей субъекта-посессора, и форма именительного, обозначающей посессивный объект (признак, состояние субъекта). По линии значения эти группы расслаиваются. Номинативные предложения со значением действия оказываются синонимичными глагольным предложениям действия: Пенье птиц, Скрип уключин — Птицы поют, Скрипят уключины. Ср.: А в доме стук, ходьба, метут и убирают (Грибоедов).

Номинативные предложения со значением признака предмета выстраиваются в синонимичный ряд с другими моделями того же значения, хотя и с разными структурно-смысловыми

оттенками: *Зелень полей — Зеленые поля — Поля зеленые, зеленые; Густота хвои — Густая хвоя — Хвоя густая, густа.*

Аналогичный ряд создают разные модели со значением состояния среды (обстоятельственного состояния): *Мороз, Морозно, Морозит; Вьюга, Вьюжно, Вьюжит* и т. п.; состояния субъекта: *Им весело, У них веселье, Они веселы, Они веселятся; Ей тревожно, Она в тревоге, Она тревожится, Она встревожена* и т. п.

Таким образом, система моделей предложения представляет собой находящиеся в регулярных связях ряды, объединенные и сопоставленные как в плане структурной организации, так и в плане типовых значений на разных ступенях их абстрагированности.

ПРЕДИКАТИВНАЯ ОСЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Каждому предложению, независимо от состава и строения, присуща предикативность, т. е. отнесенность к действительности, которая и делает его средством формирования и сообщения мысли. Как установлено В. В. Виноградовым, в русском языке предикативность находит свое выражение в категориях модальности, времени и лица. Это означает, что каждое данное предложение характеризуется одним из модальных значений, одним из временных и одним из личных (либо безличностью).

Релевантность для синтаксической характеристики предложения того или иного набора модальных, временных и личных значений, при известном лингвистике многообразии их смысловых, грамматических, экспрессивно-стилистических аспектов, требует особого рассмотрения.

Кроме того, должен быть решен вопрос о соотношении между названными тремя категориями, формирующими предикативность, с одной стороны, и структурным типом предложения, определяемым составом сопряженных компонентов его модели, с другой стороны. Принципиально важные для изучения системных отношений в синтаксисе работы Е. А. Седельникова, Н. Ю. Шведовой и других авторов привлекли внимание к тому, что в русском языке между предложениями того же состава, но с иными грамматическими характеристиками предикативности, существует регулярная взаимосвязь, что совокупность таких предложений составляет своего рода систему форм, или парадигму предложения. Было показано, таким образом, что при сохранении того же состава предложения грамматические показатели предикативности (модальный, временной; относительно личного между авторами не было единства) могут изменяться, модифицироваться. В связи с этим представляется целесообразным, как сказано выше, признание состава компонентов модели предложения, сохраняющихся в различных грамматических мо-

дификациях, постоянным признаком структуры предложения, а грамматических значений времени и модальности — необходимыми, но переменными в их частных значениях признаками структуры предложения. Статус категории лица будет рассмотрен ниже.

Итак, переменные признаки структуры предложения представим как ось, повертывающуюся разными гранями или разными наклонами в каждой из грамматических модификаций и несущую на себе постоянный состав компонентов.

Так, в пушкинской строке *Все тихо. Светит ей луна* модель первого предложения — двусоставная адъективная со значением характеристики среды, организованная сопряжением обобщенного местоимения и краткого прилагательного, модель второго предложения — глагольно-именная, со значением предмета и его функционирования, организованная сопряжением существительного в именительном падеже и личного глагола (дательный адресата факультативен). Это постоянные структурные признаки данных предложений. Необходимыми, но переменными признаками их являются грамматические значения реальной модальности, настоящего времени и личности (3-го лица), в которых находит свое выражение категория предикативности. Ср. пример из I главы «Евгения Онегина»:

Все было тихо. Лишь ночные

Перекликались часовые,

где предложение той же структуры повернуто иным грамматическим значением — прошедшего времени. Ср. другие грамматические модификации: *Все будет тихо, Все было бы тихо...*; *Светила луна, Будет светить луна, Пусть светит луна* и т. д., в которых состав данной модели «не перестает быть равным самому себе»¹⁹.

2. Сказанное позволяет уточнить понимание формы и содержания в тезисе о диалектическом единстве формы и содержания в предложении как двустороннем знаке языковой системы.

Понятие формы предложения не может быть сведено к одному из его модально-временных видоизменений. Такое употребление терминологически удобно в некотором отношении (одна из форм, исходная форма, совокупность форм в парадигме), но противоречиво по существу, ибо форма предложения не может быть понята без постоянных структурных признаков его²⁰.

Форма предложения в нашем понимании синонимична понятию «модель предложения» и складывается из постоянных структурных признаков (состава) предложения и переменных признаков, модально-временных и личных характеристик предикативности, потенциально — в их совокупности, реально — пред-

¹⁹ Ср. формулировку Вл. Грабе (CsR, 1966, № 2, стр. 83).

²⁰ В Грамматике 1970 г. термин «форма» употребляется двузначно: и как обозначение члена парадигмы и в смысле типа предложения (см., например, стр. 544).

ставляя каждую характеристику в одном из ее частных значений. Значение предложения — его семантическая структура, но семантика предложения не составляет какой-то нематериальной надстройки и не растворяется в лексике, она глубоко грамматична — потому что это не индивидуальное, а абстрагированное типовое значение предложений и потому что выражается оно грамматическими средствами, синтаксическими формами слова, закрепленными в системе языка за теми или иными значениями и существующими для их выражения. Способностью выражать типовое значение, свойством быть носителем этого значения и обусловлено функционирование предложения в процессе коммуникации.

В таком понимании тезис о единстве формы и значения, формы и функции в синтаксисе, как представляется, приобретает реальный смысл, ибо очевидным становится подлинная неразрывность, диалектичность этого единства, каждая из сторон которого не существует без другой.

Рассмотрим в отдельности каждую из категорий, которыми характеризуется предикативная ось предложения.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ

Модальность — понятие сложное и многопланное, включающее разнородные модальные характеристики, которые проявляются в разных аспектах структуры предложения, зачастую наслаиваясь одна на другую.

Ср.: Все недоброе в сердце человека *должно бы, кажется*, исчезнуть в прикосновении с природой (Л. Толстой). В этом предложении находим три показателя модальных отношений: частицу *бы* как выражение ирреальности, *должно* — как выражение долженствования, *кажется* — как выражение предположительности. Какая из этих модальностей характеризует предложение?

Интерес к модальности, оживившийся в последние годы, особенно у чехословацких славистов, в связи с работой над трансформационной грамматикой, отличается стремлением полнее охватить все языковые явления, которые с разных точек зрения могут трактоваться как модальные²¹.

«Модальные трансформации покрывают широкую область изменений индикатива в непрямые наклонения, выражение возможности, необходимости и долженствования путем включения в конструкцию модальных глаголов и предикативов, трансформацию повествовательных конструкций в вопросительные и

²¹ См. материалы международного симпозиума «Модальность высказывания в славянских языках», состоявшегося в Брно в сентябре 1971 г. («Otázky slovanské syntaxe», III, 1973).

утвердительных в отрицательные», — пишет Вл. Грабе²².

Разнородность модальных характеристик: ср. «утверждение — вопрос — побуждение, реальность — достоверность — вероятность — нереальность, утверждение — отрицание, необходимость — возможность — намерение и т. д.», — отмечает Пр. Адамец²³.

В ряде работ наблюдается также тенденция распространить понятие модальности и на те языковые явления, которые связаны с выражением авторской экспрессии, эмоционально-стилистических оттенков речи и т. п. В живом языке, действительно, тесно взаимодействуют, переплетаются оттенки модальные с экспрессивными и даже эмоциональными, и этим в значительной мере определяется трудность изучения модальности.

Ограничение и дифференциация понятия модальности продолжает оставаться актуальной задачей.

В. В. Виноградов еще в 1950 г. в работе, положившей начало активному изучению модальности в русском языкознании²⁴, писал об «известной перспективе модальных отношений», создающейся в результате сочетания в предложении разных модальных средств. «Различия в способах выражения этой категории (модальности), — говорилось там же, — отчасти связаны с внутренними различиями в самих ее синтаксических функциях, в ее функционально-синтаксическом существе».

Не установив модальную «перспективу», иерархию модальных значений на основе их внутренних функционально-синтаксических различий и соотнесенности их с определенными средствами выражения, нельзя, очевидно, решить вопрос о модальной характеристике предложения.

Дифференциация модальных значений, однако, предполагает однозначное решение проблемы основного, инвариантного значения категории модальности. Понятие инвариантного модального значения должно отвечать следующим условиям:

1) оно должно обнаруживаться в одной из организующих его противоположностей, в любом предложении;

2) с ним как со стержневым должны быть соотнесены вторичные виды модальных характеристик.

Представляется, что этим условиям отвечает понимание инвариантного значения модальности как противопоставленности реального // ирреального отношения высказывания к действительности.

²² Вл. Грабе. Общее значение синтаксической конструкции и трансформация. — *СsR*, 1966, № 2, стр. 74.

²³ Пр. Адамец. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях) со значением необходимости и возможности. — *СsR*, 1968, № 2, стр. 88.

²⁴ В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка АН СССР», вып. II, 1950.

Трактуя понятие модальности как выражение отношения в плане достоверности — недостоверности, реальности — ирреальности, не всегда с достаточной четкостью определяют, отношение чего к чему у имеется в виду²⁵. Между тем ответ на такой вопрос помогает дифференцировать три типа отношений, действительно различных по своему семантико-синтаксическому существу: во-первых, это отношение содержания высказывания (точнее, предикативного признака)²⁶ к действительности с точки зрения говорящего, во-вторых, отношение говорящего к содержанию высказывания; в-третьих, отношение между субъектом — носителем признака и предикативным признаком.

1. Модальную характеристику предикативной оси предложения определяет отношение первого типа.

Модальность предложения — это субъективно-объективное²⁷ отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности.

Содержание предложения может соответствовать реальной действительности или не соответствовать ей, чем и определяется противопоставление двух основных модальных значений — модальности реальной (прямой) и модальности нереальной (ирреальной, косвенной, гипотетической, предположительной).

Главным грамматическим средством выражения основной, или предикативной модальности является категория наклонения: изъявительного — с одной стороны, условно-желательного и побудительного — с другой. «Сходство между наклонением условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего»²⁸.

Условное и желательное значения могут быть отделены друг от друга, но не всегда; зачастую эти значения выступают во

²⁵ Нечеткая дифференциация характера модальных отношений обнаруживается и в Грамматике 1970 г. (см., например, § 1284). Как разновидности объективно-модального значения ирреальности рассматриваются здесь побудительность (*Работай лучше*), условность (*Работай он лучше, бригада бы выполнила план*) и долженствовательность (*Трудно ему: он и работай, он и учись*). Но побудительность означает отношение высказывания к действительности, условность здесь — отношение между частями сложного предложения, а долженствовательность — отношение между субъектом действия и действием. Причисление последнего случая к ирреальной модальности вообще сомнительно. Ср.: *Ему приходится и работать и учиться, потому и трудно ему* (а не: *трудно было бы*).

²⁶ Уточнением формулировки автор обязан Пр. Адамцу.

²⁷ «В конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к выражаемому в предложении «кусочку» действительности» («Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 80).

²⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. т. IV. М.—Л., 1941, стр. 179.

взаимодействии, недифференцированно: *О, если б голос мой умел сердца тревожить!* (Пушкин); *Я бы в летчики пошел* (Маяковский); *Да, пожалуй, я поел бы и утки* (Чехов); *Ах, если бы — двери настежь — Как ветер к тебе войти!* (М. Цветаева).

Модальные значения долженствования, необходимости, возможности выявляются в отношениях между действием и его субъектом, а не в отношении содержания высказывания к действительности, поэтому они не представляют собой разновидностей основного модального значения предложения, а составляют особый круг явлений, который будет рассмотрен ниже.

Способ выражения основной модальности предложения посредством категории наклонения является морфолого-синтаксическим. В случаях так называемого переносного употребления наклонений, «замены» наклонения типа *Случись тут мухе быть; Шел бы ты спать; Пошел, пошел, Андрюшка!* (ср. *Существование — будто сестра, не совершай мы волшебных ошибок* — А. Вознесенский, *Заповедь*), противоречие между морфологической формой глагола и значением наклонения в условиях синтаксического контекста решается в пользу значения.

Таким образом, значение категории наклонения как показателя основной модальности предложения шире собственно морфологического²⁹.

Доминирующий способ выражения основной модальности предложения дополняется некоторыми другими.

Особенностью русского языка является выражение реальной модальности и настоящего времени конструктивно — синтаксическим способом³⁰ в целом ряде безглагольных и бессвязочных типов предложений: номинативных (*Ночь. Улица. Фонарь*), безличных (*И тихо, и светло, До сумерек далеко*), двусоставных со значением локализованного наличия, посессивного наличия и под. (*У лукоморья дуб зеленый; Кавказ подо мною; У вас товар, у нас купец*). В подобных предложениях утверждается наличие предмета, явления в настоящее время, следовательно, в плане соответствия реальной действительности. Подобные конструкции выражают значение времени и модальности без помощи глагола, самим составом образующих их форм слов, в соответствующем интонационном оформлении, что подтверждается и местом этих предложений в системных парадигматических рядах.

В условиях определенных синтаксических конструкций значение ирреальной модальности может выражаться лексико-синтаксическим способом, с помощью некоторых частиц. Известна способность частицы *бы* функционировать в качестве знака ирреальности и самостоятельно, не в составе условно-желательного наклонения, напр. *Табачку бы!; Мне бы неводской воды*

²⁹ Ср. понятие синтаксического наклонения в Грамматике 1970 г.

³⁰ См.: В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. стр. 82.

глоток! (А. Ахматова) (ср.: *Табачку*. Это может быть и утверждение и побуждение).

Вне морфологической категории наклонения частица *бы* выражает ирреальную модальность инфинитивных предложений.

Частицы *да, пусть* оформляют побудительное значение для 3-го лица: *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький); *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (Пушкин); *Да голос мой душе твоей Дарует то же утешенье* (Пушкин).

Приглагольная частица *-ка* может определить основную модальность предложения, придав форме 1-го лица ед. числа изъявительного наклонения значение побудительное («призыв к действию, мысленно высказанный говорящим и относящийся к нему самому»³¹): *Заеду-ка я в самом деле к Ноздреву!* (Гоголь); *Поплетусь-ка дале, Со станции на станцию шажком* (Пушкин)³².

Интонация, поскольку она является формой выражения, существования всякого предложения, постольку служит и выразителем, носителем той или иной модальности. Но в одних случаях интонация лишь сопровождает прочие модальные средства, в других — она оказывается конструктивным средством, определяющим основную модальность предложения³³. Так, по отношению к инфинитивным предложениям можно говорить об интонационно-синтаксическом способе выражения модальности.

Интонационно-синтаксическим способом выражается основная модальность и в тех случаях, когда синтаксическая конструкция допускает двоякое интонационное прочтение. Такие «неполные» предложения, как *Воды, К двум часам, Наверх, Завтра, Молоток, Терпение* и т. п. с повествовательной интонацией воспринимаются как реплики в плане сообщения о фактах действительности, а с императивной, повелительной, — в плане побуждения к действию.

Интонация может менять основное модальное значение предложения, выраженное морфолого-синтаксическим или конструктивно-синтаксическим способом, преобразовывать значение наклонения. Предложение *Вы принесете эту книгу к трем часам*, произнесенное в императивном тоне, переходит из модальности реальной в модальность побудительную³⁴. Ср.: *Вы*

³¹ А. В. Исаченко. К вопросу об императиве в русском языке. — РЯШ, 1957, № 6.

³² Однако при соединенная к форме повелительного наклонения та же частица *-ка* не изменяет его модального значения, но вносит новый стилистический оттенок: фамильярности, непринужденности, смягчения требования.

³³ См. замечания о роли интонации в системе средств выражения модальности в статье: М. Dokulil. K modální výstavbě věty. — В сб.: «Studie a práce lingvistické», I. Praha, 1954, стр. 259.

³⁴ «Глагольные предложения, содержащие индикатив... нередко подвергаются интонационному преобразованию» (В. В. Виноградов. О категории модальности..., ср. также «Русский язык», стр. 590). Соответствующие наблюдения см.: А. Г. Малюткина. Выражение модального значения должностования. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 164, 1958, стр. 108.

обязаны явиться к 5 часам. Необходимо доставить груз на платину.

Таким образом, доминирующий способ выражения основной модальности предложения — морфолого-синтаксический — дополняется конструктивно-синтаксическим, лексико-синтаксическим и интонационно-синтаксическим способами, сфера действия которых весьма ограничена.

Вопрос о правомерности признания повествовательных, вопросительных и побудительных предложений представителями основных модальных типов³⁵ приходится решить отрицательно, поскольку коммуникативная целенаправленность высказывания не совпадает с модальным отношением к действительности, выраженным в этом высказывании.

Из этих трех типов только побудительные предложения отличаются единством модального значения, они представляют одну из основных разновидностей ирреальной модальности.

Что касается повествовательных предложений, то они отчетливо распадаются на два модальных типа: с реальной модальностью и с нереальной.

а) *Весна идет* (Некрасов); *Тиха украинская ночь* (Пушкин); *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана* (Лермонтов).

б) *Он бы сам к вам явился, да побоялся* (Тургенев); *И не пил бы и не ел, все бы слушал да глядел* (Пушкин); *Я бы на вашем месте бросил живопись* (Чехов); *Туда б, сказав прости ущелью, Подняться к вольной вышине!* (Пушкин).

Наибольшая сложность модальных значений присуща вопросительным предложениям. Вопросительная форма предложения не является средством выражения отношения высказывания к действительности, поскольку познавательная установка не представляет разновидности модального значения.

Вопросительные предложения в их отношении к категории модальности могут составлять несколько типов:

а) предложения, вопросительные только по форме, а не по существу (риторический вопрос и другие виды экспрессивного утверждения), по-видимому, в модальном плане должны рассматриваться так же, как и повествовательные; б) предложения, вопросительная форма которых является экспрессивным средством побуждения к действию, по своему модальному значению примыкают к побудительным; в) в основе собственно вопросительных предложений, как предпосылка, лежит определенное знание, представление о реальности или нереальности

³⁵ Ср.: «Различением интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений — предложения повествовательные, вопросительные и побудительные» («Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 77). Ср. также: Г. В. Валимова. Функциональные типы предложений в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1967.

нского, поэтому в вопросе может быть использована форма как изъявительного, так и условного наклонения.

Ср.: *А вы что сказали?* и *А вы что сказали бы?* (Возможны два понимания второго предложения: это или вежливая, осторожная форма побуждения, или вопрос, предпосылкой которого является знание говорящим и слушающим того, что факт, о котором идет речь, не имел места в действительности, поэтому разговор о нем ведется в плане заведомо недействительном, нереальном, условном).

Ср.: *А вы что бы сказали на его месте?* (При построении вопроса говорящий исходит из того, что вопрошаемый не был, не мог быть на месте лица, о котором идет речь).

Ср.: *А вы написали такое письмо?* *А вы написали бы такое письмо?* *А вы не написали бы такое письмо?* *О чем вы написали в этом письме?* *О чем бы вы написали в этом письме?*

Таким образом, в специфическом виде противопоставление основных модальных значений находит свое выражение и в форме вопросительного предложения.

В целом же повествовательные, вопросительные и побудительные типы предложений не могут считаться основными модальными типами предложений, ибо они не отличаются единством модальных значений. Деление предложений на повествовательные, побудительные и вопросительные основано на принципе коммуникативной целенаправленности высказывания, но не на модальном.

Аналогичным представляется отношение к категории модальности предложений, противопоставленных по признаку утвердительности — отрицательности. Это противопоставление принимается рядом исследователей за основное модальное значение предложения⁸⁶. Оно отвечает первому условию инвариантности, поскольку в своих противоположностях — утвердительности или отрицательности — обнаруживается в каждом предложении. По второму условию оно не соответствует: другие виды модальных характеристик не организуются вокруг утвердительности — отрицательности, потому что само это противопоставление — собственно смысловое, оно накладывается на выраженное в предложении модальное значение реальности или нереальности.

Внутри следующих пар предложений: *Я сказал* и *Я не сказал*, *Он беспомощен* и *Он не беспомощен* различия — в содержании выражаемых в предложении отношений объективной действительности, но с точки зрения реальности этих содержаний

⁸⁶ См., например, точку зрения В. Г. Адмони: «Положительные и отрицательные предложения являются... важнейшими видами предложений, которые различаются, однако, не по содержанию выражаемых в предложении отношений объективной действительности как таковых, а по своему модальному характеру, по оценке реальности этих содержаний» (В. Г. Адмони. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955, стр. 164).

данные предложения равноценны: в них утверждается говорящим реальность фактов³⁷.

С вышеприведенными примерами ср.: *Я сказал бы об этом на вашем месте — Я не сказал бы об этом на вашем месте. Скажи об этом! Не говори об этом; Он был бы беспомощен без вас. Он не был бы беспомощен без вас* и т. п. Эти предложения, и с утвердительной и с отрицательной формой сказуемого, выражают ирреальную модальность³⁸.

Если за исходную модель принимать повествовательное утвердительное предложение, то вопросительные предложения, так же как и отрицательные, можно рассматривать как регулярные структурно-семантические модификации модели.

Не признавая, таким образом, вопросительность и отрицательность признаками, определяющими основную модальность предложения, отметим вместе с тем, что вопросительная интонация и другие конструктивные средства вопросительных предложений, так же как средства выражения отрицания³⁹, могут в сочетании с другими средствами участвовать в создании дополнительных модальных оттенков, о чем речь ниже.

Итак, основное модальное значение предложения — реальности/ирреальности — является его необходимым конструктивным признаком, одним из компонентов категории предикативности⁴⁰.

2. Отношение говорящего к содержанию высказывания составляет иной аспект категории модальности.

Содержание терминов «объективная модальность» и «субъективная модальность», принятых многими исследователями (М. С. Гурьева, Н. Ю. Шведова, М. Докудил, А. Б. Шапиро,

³⁷ «Говоря *он не ходит*, я утверждаю, что *он не ходит* (и этим отрицаю, что *он ходит*)», — писал А. А. Шахматов («Синтаксис русского языка», стр. 482).

³⁸ Ср. точку зрения на отрицательную и утвердительную форму предложений в статье: И. П. Распопов. К вопросу о модальности предложения. «Уч. зап. Благовещенского гос. пед. ин-та», 1957, т. VIII, стр. 186—188. Ср. также: St. Jodłowski. Istota, granice i formy językowe modalności. «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego». Kraków, 1953, стр. 101—103.

³⁹ Ценные наблюдения о взаимодействии отрицания с другими модальными и экспрессивными средствами содержатся в работах: В. В. Виноградов. Русский язык; А. В. Исаченко. О синтаксической природе местоимений. — В кн.: «Проблемы современной филологии». М., 1965; Е. Н. Прокопович. Стилистика частей речи. М., 1969; Е. Кржижкова. Заметки о месте негации в языковой структуре. — В кн.: «Языковые уровни и их взаимодействие». М., 1969; П. Адамец. К вопросу о модификациях (модальных трансформациях)...; В. И. Чернов. Заметки об отрицании и синтаксических свойствах безлично-инфинитивных предложений. — CsR, 1966, № 2; Д. Н. Шмелев. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке. — ВЯ, 1958, № 6.

⁴⁰ Ср.: А. Б. Шапиро. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке. — ФН, 1958, № 4; Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон. Теория современного немецкого языка. Синтаксис. М., 1959.

Ю. С. Маслов, В. А. Ицкович и др.), несмотря на известные различия во взглядах авторов, сводимо в основном к разграничению первого и второго рассмотренных аспектов модальности (отношение содержания высказывания к действительности и отношение говорящего к содержанию высказывания).

Основным средством выражения второго, субъективного аспекта модальности служат вводные (модальные) слова. О функциях вводных слов и сочетаний В. В. Виноградов писал: «Модальность, выражаемая... вводными синтагмами... совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката»⁴¹. И далее: «Очевидно, что модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение»⁴².

Среди вводных слов, определяющих разного рода отношения говорящего к содержанию высказывания: эмоциональную реакцию, стремление к логическому упорядочению речи, к квалификации ее стилевых особенностей и т. д., — с категорией модальности связаны только те вводные слова, которые, по выражению А. Н. Гвоздева, «характеризуют, насколько ответственно говорящий относится к делаемым им заявлениям»⁴³. Это 1) слова, (и сочетания слов), вносящие в высказывание значение уверенности, убежденности говорящего в том, что высказывается: *конечно, разумеется, несомненно, безусловно, действительно, в самом деле* и др.⁴⁴; и 2) слова (и сочетания слов), вносящие в высказывание значение предположительности, неуверенности говорящего в том, что высказывается: *может быть, возможно, по-видимому, вероятно, должно быть, очевидно, пожалуй* и др.⁴⁵

Если основное модальное значение, или объективная модальность, является необходимым конструктивным признаком каждого предложения, то модальность субъективная, выраженная вводными словами, — признак необязательный, факультативный.

В соответствии с тем, что вводные слова могут относиться как ко всему предложению, так и к его части, можно различать общую и частную субъективную модальность.

⁴¹ «О категории модальности...», стр. 55.

⁴² Там же, стр. 59.

⁴³ А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II. М., 1958, стр. 164.

⁴⁴ Модальные слова *действительно, в самом деле*, обычно включаемые в эту группу, по существу обозначают не соответствие высказывания действительности, а соответствие ранее высказанной мысли, поэтому они занимают промежуточное положение между указанной группой и той, в которую входят вводные слова, близкие к союзам, обозначающие логические отношения между мыслями.

⁴⁵ Ср.: Е. М. Галкина-Федорук. Модальные слова. — В кн.: «Современный русский язык. Морфология». М., 1952.

Каковы отношения между объективной и субъективной модальностью? Могут ли вводные слова изменить основное модальное значение предложения? Например, слова, вносящие значение предположительности, способны ли перевести предложение из модальности реальной в нереальную, предположительную? По-видимому, нет, поскольку это значения разных модальных планов, разных аспектов⁴⁶. Вместе с тем нельзя, конечно, полагать, что модальные слова как-то внешне накладываются на предложение, добавляют что-то несущественное для его структуры. Включенные в предложение вводные модальные слова становятся элементом его структуры, объективное и субъективное модальные значения тесно взаимодействуют между собой.

Итак, предложением *Отец пришел* говорящий сообщает о реальном факте, утверждает факт. Предложением *Отец, должно быть, пришел* говорящий высказывает предположение, допущение реального факта. Ср.: *Отец, конечно, пришел* — говорящий подтверждает своей субъективной уверенностью реальный факт.

Но: *Отец пришел бы, если бы ему что-то не помешало* — высказывание в нереальной модальности о возможном осуществлении действия при определенном условии. Ср.: *Отец, должно быть, пришел бы, если бы ему что-то не помешало* — предположение говорящим неосуществленного действия (модальность нереальная); *Отец, конечно, пришел бы ...* — подтверждение субъективной уверенностью высказывания о неосуществленном действии.

Ср.: *Некоторые заметили бы прелесть поэтических описаний в его повестях ... но, без всякого сомнения, этого было бы недостаточно для того, чтобы сделать прочный успех и славу писателю* (Добролюбов); *Человека-то, возможно, и забыли б* (Б. Горбатов); *Кажись, сам бы погиб, лишь бы товарища спасти* (Ф. Гладков).

Таким образом, субъективная модальность, выраженная вводными словами, не меняя основного модального значения предложения, подает это значение в особом ракурсе, в особом освещении. Объективная и субъективная модальности взаимодействуют, но не перекрещиваются. Требуют дальнейшего изучения закономерности в связях определенных модальных слов с определенными типами предложений⁴⁷.

⁴⁶ Ср. мнение специалистов по немецкому языку: «Модальные слова или словосочетания, выражающие предположение, вероятность, изменяют модальность предложения, выраженную изъявительным наклонением» (Е. В. Гулыга и М. Д. Натанзон. Указ. соч., стр. 16).

⁴⁷ Ср. пример: *Отчего ж Пузич трусит его, кажется?* (Писемский), из которого явствует невозможность включения вводного слова *кажется* в местоименное вопросительное предложение; эта конструкция — контаминация двух предложений: *Пузич трусит его, кажется; отчего это?*

См. наблюдения норвежского исследователя П. Рестана об употреблении модальных слов в презумптивно-вопросительных предложениях рус-

С вводными модальными словами соотносятся и наряду с ними служат средством выражения субъективной модальности многие модальные частицы, связанные со значением достоверности высказываемого (*вряд ли, едва ли, чай, небось, группа сравнительно-сопоставительных частиц: будто, как будто, словно, точно, как бы и др.*).

Определяя их значение, их сопоставляют как с синонимами с вводными модальными словами (ср., например, у В. В. Виноградова такие формулы: *едва ли = вряд ли, вероятно не; едва ли не = очень вероятно...* («Русский язык», стр. 672).

В самом деле, предложения *Едва ли он придет, Вряд ли он придет* синонимичны предложениям *Вероятно, он не придет; Должно быть, он не придет*. В том и другом случае основная модальность — реальная, сообщение о факте, но говорящий в модальных словах и частицах выражает свою субъективную неуверенность в том, что этот факт осуществится.

В чем различия между этими синонимическими высказываниями? Во-первых, в разных, хотя и очень тонких, экспрессивных оттенках субъективного отношения говорящего к высказываемому. Во-вторых, это разные, хотя и близко расположенные, точки на линии между «да» и «нет», на линии между утверждением и отрицанием, но не на линии между реальностью и нереальностью. Ср. *Едва ли он пришел бы без вас; Вряд ли он пришел бы без вас; Вероятно, он не пришел бы без вас* и т. д.

Как и вводные слова, эти частицы могут выражать и общую субъективную модальность (если относятся к предикату): *Ты меж сестер словно горlinkа белая промежду сизых простых голубей* (Некрасов), и частную (если относятся к одному из остальных компонентов предложения): *Бежит и слышит за собой как будто грома грохотанье* (Пушкин); *По тебе от ветру, Словно в синем море, Волны так и ходят...* (Кольцов).

Должен быть изучен вопрос об употреблении этих групп частиц в разных модальных типах предложений. Если эти частицы, так же как и вводные модальные слова, широко употребляются в предложениях с утвердительной, реальной модальностью и с условно-желательной модальностью, то в предложениях побудительных частицы этих групп, в отличие от вводных слов, вряд ли возможны (ср.: — *Сходи, пожалуйста, за хлебом! — Конечно, сходи!; Ты, безусловно, не приезжай* (Н. Островский)).

Многие частицы, часто в сочетании с другими средствами, используются для выражения модальных оттенков, вносящих

ского языка (Пер А. Рестап. Вопросительное предложение, его формы и функции. «Scando-Slavica», t. XII. Munksgaard, Copenhagen, 1966). Американский русист Ф. Гладней утверждает, что «обороты типа *мне кажется, может быть, очевидно* и т. п. могут сопровождаться только предложениями повествовательной модальности» (CsR, 1970, № 4, стр. 184). Ошибочность этой констатации лишь подтверждает необходимость исследований в этой области.

дополнительные краски в основное модальное значение. Об этом ниже.

3. Третий аспект модальных отношений — отношений между действием (предикативным признаком) и его субъектом — выражается чаще всего посредством модальных слов, включаемых в состав предиката: глаголов *мочь, хотеть, желать* и т. д., из категории состояния: *можно, возможно, желательно, нужно, надо, необходимо*, кратких прилагательных *должен, намерен* и др. под., некоторых модальных существительных: *Нет, нет, не должен я, не смею, не могу* Волнениям любви безумно предаваться (Пушкин); *И выпить не дурак, и пошутить охоч, и сплясать может* (Салтыков-Щедрин).

Модальные значения возможности, желательности, необходимости, долженствования рассматривают обычно как разновидности ирреальной модальности. Но это значения иного плана, не совпадающего с отношением высказывания к действительности.

Предложения *Он хочет учиться, Он может учиться, Он должен учиться* не отличаются друг от друга с точки зрения основной модальной характеристики: в них содержится сообщение о реальном факте. Разница между этими предложениями — не в модальном значении, а, по существу, в содержании: в одном содержится сообщение о желании субъекта осуществить действие, в другом — о возможности, в третьем — о необходимости. И возможность осуществить действие, и желание, и необходимость оформлены в данных предложениях как факт реальной действительности.

Противостоят они соответственно следующим предложениям с нереальной модальностью: *Он хотел бы учиться, Он мог бы учиться, Он должен был бы учиться*.

В другом ряду предложения *Он учится, Он красивый* противостоят предложениям *Он хочет учиться, Он должен учиться, Он хочет быть красивым* как утверждение реальной связи между субъектом и его действием (признаком) утверждению реальной связи между субъектом и его модальным отношением к действию (признаку). Ср. модальные различия следующих пар предложений: *«Видь ко мне» — Царевна хочет Выйти к ней и хлеб взяла* (Пушкин, Сказка о мертвой царевне); *Фалалея ли я люблю? Захочу ли я полюбить Фалалея?* (Достоевский, Село Степанчиково).

Модальное отношение субъекта к действию (признаку) как испытываемое им внутренне, так и устанавливаемое извне, и составляет содержание третьего плана модальных отношений в предложении.

Эти модальные отношения — между субъектом и действием — можно назвать внутрисинтаксическими модальными отношениями, в отличие от внешнесинтаксических модальных отношений (отношения содержания высказывания к

действительности и отношения говорящего к содержанию высказывания).

Те же внутрисинтаксические модальные отношения, хотя и с меньшей очевидностью, обнаруживаются в так называемых безличных предложениях с модальными словами из категории состояния и глаголов на -ся: *Можно ехать, Мне необходимо ехать, Хочется спать* и под. Значения возможности, необходимости здесь — это не модальное значение предложения (в предложениях утверждается реальность факта), а внутрисинтаксические модальные отношения между действием и его субъектом — названным в безличном предложении именем в дательном падеже или потенциальным⁴⁸.

В плане основной модальности и приведенные безличные предложения противопоставляются соответственным безличным предложениям со связкой, указывающей на условно-желательное наклонение: *Можно было бы ехать ... Необходимо было бы ехать...* Ср. также: *Вам необходимо ехать!* с повелительной интонацией.

Из того, что внутрисинтаксическая модальность выражается главным образом лексическими средствами, было бы неправомерно делать вывод, что модальные слова составляют объект лишь лексикологического изучения. Лексическая модальность, т. е. модальное значение, заключенное в словах определенных разрядов, как и всякое модальное значение, реализуется только в синтаксических отношениях. При этом модальные слова остаются лексически неполнозначными, неспособными быть самостоятельными компонентами предложений, функционирующими лишь в роли регулярных модификаторов определенных синтаксических построений.

Разграничивая планы основной, предикативной и внутрисинтаксической, лексической модальности, было бы неверно также отрицать всякую роль слов с модальным значением в формировании основной модальности. Выше уже отмечалось, что наличие в предложении слов с модальным значением долженствования создает предпосылки для интонационного преобразования основной реальной модальности (ср. стр. 144).

Если основная модальность предложения лишь выявляет одно из модальных значений, совокупность которых заложена в исходной, инвариантной модели предложения, в структуре его предикативной оси, то лексическая модальность усложняет предикативную ось, прибавляя к ней некоторый семантический *x*, равный лексическому значению модального слова. Исходная модель свободна от модальных отношений как второго, так и третьего типа, она характеризуется модальной однозначностью. Взаимодействия, наложения модальностей — признаки осложненности модели.

⁴⁸ «Инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу» (В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 604).

В результате модального усложнения предикативной оси получается уже не грамматическая, а семантическая модификация предложения, точнее — семантико-грамматическая, потому что вне одной из грамматических модификаций предложение не существует. Грамматическая модификация предложения обязательна, а семантическая лишь возможна, она возникает из потребностей общего смысла высказывания и из способности данной модели принять этот смысловой элемент соответственно своему семантико-синтаксическому строению. Поскольку лексическое модальное значение выражает отношение между субъектом и его действием (процессуальным признаком), то общим условием принятия такой модальности должно быть наличие в предложении синтаксических значений субъекта и действия (процессуального признака). Предложение *Татьяна бежит* примет такую модальность, ср. *Татьяна силится бежать; Он ревнует, он мрачен, он кажется мрачным* — ср. *Как рано мог он лицемерить, Таить надежду, ревновать, Розуверять, заставить верить, Казаться мрачным...* (Пушкин). Однако предложения иной семантики, например, сообщения о событии, явлении и их признаках: *Редает сумрак, Теплеет, Морозна ночь* и под. — лексической модальности не примут. Если в них включаются модально-волеятативные слова, то они приобретают другое значение: в предложениях *Должно потеплеть, Ночь может быть морозной* они выражают не отношение между субъектом и признаком, а модальное отношение говорящего к сообщаемому (ср.: *По-видимому, потеплеет; Ночь, наверное, будет морозной*). Таким образом, функции вспомогательных модальных слов сближаются в предложениях определенной семантики с функциями вводных модальных слов, т. е. служат выражению модальности не третьего, а второго типа.

3.1. С внутрисинтаксической модальностью безличных предложений, выраженной лексически, сопоставима модальность инфинитивных предложений, хотя и не выраженная лексически. Сравнивается, например, модальность таких синонимических пар: *Нам ехать* — *Нам надо ехать; Тебе идти* — *Тебе следует (нужно и т. п.) идти; — Посмотреть бы* — *Хочется посмотреть*⁴⁹. Обычно видят в инфинитивных предложениях модальность долженствования, необходимости, желательности, невозможности и т. п., недостаточно учитывая при этом, что это частные модальные значения на фоне общего противопоставления инфинитивных предложений реальной модальности (без частицы *бы*) инфинитивным предложениям нереальной модальности (с частицей *бы* и с побудительной интонацией). Ср. *Быть грозе великой* и — *Быть*

⁴⁹ «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, § 1052. Ср. также: К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. — В сб.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.

бы дождю, кабы не ветер; Всем быть на местах! (К. Тренев).

О Сопоставления с безличными предложениями помогают понять природу модальности и в инфинитивных предложениях: значения возможности, необходимости — это те же внутрисинтаксические отношения между действием и его субъектом (выраженным формой дательного падежа или потенциальным), которые проявляются как в плане реальном, так и в плане нереальном. В отличие от безличных, внутрисинтаксическая модальность в инфинитивных предложениях выражается не модальными словами, а самим строем предложения и интонацией, а также частицей *бы*, когда она есть.

Ср.: *Мне еще коня поить* (Фадсев) — Мне надо, предстоит поить коня; *Но курам никогда до облак не подняться* (Крылов) — Куры не могут, не способны подняться до облак; *Мне ль нежным чувством управлять?* (Пушкин) — Я не могу, не умею, не способен управлять; *До крепости мне не дойти* (Л. Толстой) — Я не могу, не в состоянии дойти.

Во всех этих примерах необходимость, невозможность действия для субъекта утверждается как реальный факт.

В инфинитивных предложениях ирреальной модальности (повелительных и с частицей *бы*) исследователями отмечалось характерное сочетание двух значений — долженствования и желательности, с перевесом то одного, то другого⁵⁰. Разграничение модальных аспектов позволяет дифференцированно оценить взаимодействие этих значений. Они не одноплановы: долженствование проявляется в плане отношений между действием и его субъектом (модальность третьего типа), а желательность — в плане отношения высказываемого к действительности с точки зрения говорящего, оформляющего предложение как одну из двух разновидностей ирреальной основной модальности: как побуждение или пожелание.

Так, в предложении *Принять его, позвать, просить, сказать, что дома* (Грибоедов) инфинитивы обозначают действие, которое должно быть выполнено его субъектом, слугой, а для говорящего оно является желательным, основная модальность предложения — побудительная, ирреальная. То же в предложении *К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам* (Грибоедов). Ср. *Вам надо бы съездить, Вы должны бы ...* долженствование — в плане отношений между действием и субъектом, желательность — в плане отношения высказываемого к действительности с точки зрения говорящего, в целом модальность ирреальная, условно-желательная.

То же соотношение долженствовательности и желательности в предложении: *Ему бы покориться и не стоять за эту кобылу, ну,*

⁵⁰ К. А. Тимофеев. Указ. соч., стр. 284 и др.

а он, сам знаешь, характерный старичок был (Шолохов, Тихий Дон).

С основным значением ирреальности, желательности действия для говорящего может сочетаться значение возможности действия для его субъекта: *Жить бы тебе со мной на веселии до конца дней* (Тургенев).

Эти два плана: внешнесинтаксический и внутрисинтаксический — совмещаются, когда говорящий субъект и субъект действия совпадают, т. е. субъект выражен формой 1-го лица: *Мне бы только один разочек пройтись с Вами на гору* (Чехов, Письмо); *Чайку мне, хоть чашечку, согреться бы мне* (А. Островский). Совмещение двух значений субъекта в подобных случаях способствует недифференцированной трактовке модальных значений в инфинитивных предложениях.

Общепризнанная модальная специфика инфинитивных предложений, по-видимому, заключается в том, что в отличие от всех других типов предложений, в которых внутрисинтаксические модальные отношения выражаются через лексическую модальность, с помощью модальных слов, в инфинитивных предложениях внутрисинтаксические модальные отношения выражаются тем же способом, что и внешнесинтаксические, т. е. интонационно-конструктивным способом. Предложения, в которых важную роль играет интонация, всегда более экспрессивны. Сравним инфинитивное предложение, утверждающее реальность факта, который осуществится в будущем, с предложением, в котором то же значение выражено с помощью будущего времени изъявительного наклонения: *Не догнать тебе бешеной тройки и Ты не догонишь бешеную тройку; Быть грозе великой и Будет гроза великая*. Очевидно, что инфинитивные предложения отличаются большей выразительностью, в то же время в них заключается большая степень уверенности говорящего в том, что действие осуществится, ср. *Ты не сможешь догнать... Ты, конечно, не догонишь... Ты, несомненно, не догонишь* и т. п. Ср.: *Листьям последним шуршать! Мыслям последним томиться!* (А. Ахматова).

По-видимому, можно утверждать, что интонационно-синтаксическим способом в инфинитивных предложениях выражаются все три модальных аспекта, именно потому инфинитивные предложения выделяются среди других особой модальной нагрузкой.

Вместе с тем, установленное в инфинитивных предложениях наличие третьего плана модальных отношений — между действием и субъектом, хотя и выраженного интонационно-синтаксически, а не лексически, составляет тот семантический элемент, тот *х*, которым инфинитивное предложение отличается от исходной модели, где тот же глагол употреблен в одной из спрягаемых форм.

В силу этого инфинитивные предложения не рассматриваются нами в числе первичных моделей предложения, а находят

свое место среди регулярных структурно-семантических, экспрессивно-модальных модификаций моделей.

Такая оценка положения инфинитивных предложений в системе типов простого предложения в русском языке смыкается с их интерпретацией на основе трансформационного метода. Ср. утверждение А. В. Исаченко: «Инфинитивные предложения в русском языке не могут считаться первичными („ядерными“) предложениями. Они являются результатом простейших трансформаций и свободно выводятся из „личных“ предложений. Смысл инфинитивных трансформаций состоит, очевидно, в придаче данному высказыванию модальных оттенков»⁵¹.

Сопоставление результатов, полученных разными методами исследования, может быть их взаимопроверкой.

4. Представление о модальности предложения было бы неполным, обедненным, если бы сводилось к трем рассмотренным аспектам.

Но в предложениях основное модальное значение обогащается, уточняется, дифференцируется разнообразными дополнительными модальными значениями или оттенками. Для выражения этих дополнительных модальных значений на фоне основной модальности используются самые разнообразные средства, в том числе интонационные оттенки, частицы, порядок слов, логическое ударение, формы времени и вида глаголов, лексические значения модальных слов и т. д. Складываются целые комплексы таких средств, выражающие определенные модальные оттенки. Так, например, предложения с побудительной модальностью с помощью интонационных оттенков, частиц и видовых форм глагола выражают дополнительные модальные значения допущения, позволения, запрета, предостережения, совета и т. д.

Сочетание частиц *не* и *ли* и вопросительной интонации передает оттенки колебания, сомнения, опасения. Оттенок опасения выражается также сочетанием частиц *как бы* и *не*, *не* и *бы*, *ну как*, *а что если* и *не* и некоторых других при соответствующей интонации.

Частицы *разве*, *неужели* в предложениях с вопросительной интонацией служат для передачи оттенков сомнения, недоверия, неуверенности и т. д.

Именно на этом уровне — дополнительных модальных значений — тесно переплетаются, взаимодействуют значения модальные и экспрессивные.

Так, например, в предложениях с глаголами в форме повелительного наклонения со значением изъявительного (*Путают, путают, а я распутывай*) общая модальность реальная, вместе с

⁵¹ А. В. Исаченко. О синтаксической природе местоимений. — В кн.: «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 164.

тем можно отметить внутрисинтаксическое значение долженствования, необходимости в отношениях между действием, обозначенным данным глаголом, и его субъектом, эти же отношения окрашены экспрессивно: необходимость представляется субъекту неприятной обязанностью, навязанной против его воли, вызывающей его протест.

Думается, что не модальным, а экспрессивным является значение внезапного, мгновенного осуществления действия в прошлом, выраженное с помощью частицы *как* при глаголе будущего времени совершенного вида (*как закричит!*) и значение немотивированной, внезапной произвольной связи действия с его производителем в конструкциях типа *взял да удавился, взял да рассказал*⁵².

В некоторых случаях собственно модальные средства используются в целях создания экспрессивно-стилистических эффектов. Так, например, вводное модальное слово «кажется» в сочетании с определенной интонацией может служить средством выражения иронии: *Вы, кажется, собирались уходить?*

Конструкции с формой условно-желательного наклонения модальных глаголов *хотеть, желать* часто не имеют модального значения нереальности, а служат для экспрессивно-стилистического выражения говорящим реального желания.

Хотел бы очень сам я посудить, Твое услышав пенье, Велико ль, подлинно, твое уменье? (Крылов) (ср.: *Очень хочу посудить...*); *Что бы я хотел пожелать молодежи моей Родины, посветившей себя науке?* (И. П. Павлов) (ср.: *Что я хочу пожелать...?*).

В лингвистической литературе содержится много интересных наблюдений над условиями возникновения тех или иных дополнительных модальных значений и оттенков, и много еще предстоит изучить.

Однако здесь для нас важна задача систематизировать разные проявления модальности в их отношении к предикативной оси предложения.

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Понятие лица (личности) применяется к разным языковым явлениям.

Во-первых, это категория лица как один из компонентов, наряду с категориями времени и модальности, понятия предикативности.

Во-вторых, категория личности, противопоставляемая категории безличности и, в свою очередь, представленная категориями

⁵² Ср.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 589 и 601.

определенности, неопределенности, обобщенности, — как основание классификации простых предложений.

В-третьих, система личных форм глаголов, взаимосвязанных с формами местоимений, содержащая иерархию противопоставлений трех лиц друг другу, 1-го и 2-го лица — 3-му, внутри 3-го — личной и безличной его форм; используется некоторыми авторами для построения синтаксической парадигмы простого предложения.

В-четвертых, категория лица в противопоставленности нелицу в именах существительных.

Необходимо выяснить соотношение этих явлений и роль их в структуре предложения и в типологии предложений.

1. Категория лица как компонент предикативности опирается на то же противоположение соучастников речевого общения: говорящего субъекта и собеседника (адресата) друг другу и «третьему лицу», постороннему предмету речи, что и система личных форм глагола и местоимения.

Однако, обосновывая понимание предикативности как отнесенности содержания предложения к действительности, В. В. Виноградов подчеркивал несводимость синтаксических категорий модальности, времени и лица, выражающих эту отнесенность, к соответствующим морфологическим категориям глагола. Способы выражения синтаксического лица, времени и модальности могут быть морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими⁵³.

Синтаксическая категория лица, наряду с категориями модальности и времени, выражает отнесенность высказывания к действительности через ситуацию речевого общения, создаваемую соотношением его участников, поэтому под синтаксической категорией лица следует, очевидно, понимать соответствие субъекта — носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников — неучастников общения⁵⁴.

Из этого следует, что предложения *Дитя мое, ты нездорова; Карету мне, карету! Молчать!* и *Ваш выход*, несмотря на морфологические, структурно-синтаксические и модальные различия объединены синтаксической категорией 2-го лица: субъект действия, состояния в них тождествен адресату речи. Именно обращенностью, адресованностью этих предложений определяется их место в процессе коммуникации.

⁵³ «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 82.

⁵⁴ Ср. близкое понимание категории синтаксического лица как форм, определяющих отношение действия и его субъекта к говорящему: С. Г. Ильенко. Персонализация и синтаксическая категория лица как средство формирования и реализации предикативности предложения. — В кн.: «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Л., 1971.

Точно так же синтаксической категорией 1-го лица (обозначающей тождество говорящего субъекта и субъекта действия, состояния) объединяются предложения: *Я вас любил; Еду, еду в чистом поле; Мне грустно* и т. п., синтаксической категорией 3-го лица предложения: *Ночь тиха; Татьяна в лес; Ему и больно и смешно; Да здравствует солнце!* и т. д.

В таком понимании синтаксическая категория лица оказывается не только шире морфологической категории глагольного лица, она поднимается над морфологическими и синтаксическими различиями глагольных и неглагольных типов предложений, прямых и косвенных способов обозначения субъекта, над традиционным противопоставлением личных и безличных форм, о котором ниже.

2. Изложенное понимание категории синтаксического лица не является, однако, общепринятым. Разделяемая большинством синтаксистов теория предикативности В. В. Виноградова в части синтаксического содержания категории лица оставляет место различным трактовкам.

Согласно иной трактовке, синтаксическая категория лица организуется противопоставлением личность/безличность⁵⁵, при этом за критерий безличности принимается невозможность введения в безличное предложение подлежащего.

Противопоставление категорий личности — безличности, а в пределах личности — определенного, неопределенного и обобщенного ее значений, — положено традиционной грамматикой в основу типологии простых предложений. Между тем, в литературе не раз отмечалась неудовлетворительность существующей классификации, отсутствие единого принципа деления, пересекаемость рубрик⁵⁶. Трактовка категории лица, предлагаемая в «Основах построения описательной грамматики...», устремлена к тому, чтобы сделать типологию предложения более последовательной, — поскольку противопоставление личности/безличности прямо соотносится с противопоставлением двусоставности/односоставности. Однако представляется дискуссионным критерий определения безличности.

Сопоставим предложения: (1) *Я пою*; (2) *Мне поется*; (3) *Смеркается*.

⁵⁵ См.: «Основы построения описательной грамматики...», стр. 147. Ср. также: М. И. Вич. Оппозиция «односоставное предложение — двусоставное предложение».— ФН, 1965, № 4, стр. 183.

⁵⁶ См., например, в материалах обсуждения Академической грамматики (ВЯ, 1955, № 4, стр. 148—151; РЯШ, 1955, № 5); ср. также: С. И. Сятковский. Неопределенно-личные предложения в русском и польском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1966, и др. публикации того же автора; Ю. М. Костинский. О двусоставности предложения.— РЯШ, 1970, № 4; И. П. Распопов. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке.— ФН, 1967, № 3. См. также сноски на стр. 129.

Традиционная грамматика объединяет предложения (2) и (3) как односоставные безличные, противопоставляя их предложению (1) как двусоставному личному по признаку отсутствия/наличия подлежащего.

Между тем, возможно иное основание деления. Если исходить из отсутствия/наличия субъекта действия, состояния, то предложения (1) и (2) объединяются наличием компонента, обозначающего субъект или лицо, т. е. по признаку личности, и противопоставляются предложению (3), сообщающему о состоянии, лишенном субъекта в самой действительности, а следовательно, и в структуре предложения. Различиям между явлениями внеязыковой действительности соответствуют здесь различия в синтаксических конструкциях.

Предложения, сообщающие о некоторых явлениях природы, воспринимаемых языковым сознанием как бессубъектное состояние, состояние само по себе, не связываемое ни с каким носителем, в русском языке принципиально односоставны. Есть разные синтаксические модели, обозначающие подобное состояние (*Морозит. Мороз. Морозно; Темнеет. Тень. Темно; Смеркается. Сумерки; Дождь; Весна* и т. п.), но ни в одну из них не включается обозначение субъекта состояния ни в одной из форм, существующих для этого в языке⁵⁷. Вслед за Д. Н. Овсянко-Куликовским⁵⁸ можно назвать эти предложения абсолютно безличными, хотя состав этой группы представлялся ему несколько иначе⁵⁹.

Иное дело предложения, сообщающие о состоянии субъекта. Они по природе своей личны и двусоставны (двухкомпонентны), потому что в них в тех или иных языковых формах должны найти выражение обозначение субъекта и обозначение состояния.

⁵⁷ В предложениях *Наступили сумерки, Идет дождь, Началась весна* неправильно видеть обозначение субъекта и его действия. Это осуществление того же бессубъектного состояния, в его фазисном развитии, выражаемое посредством вспомогательного глагола в пределах одного компонента предложения (ср.: *Начинает смеркаться, Стало темно*). См. об этом: Г. А. Золотова. О регулярных реализациях моделей предложения. — ВЯ, 1969, № 1, стр. 72—73. Ср. также: Т. Б. Алисова. Семантико-коммуникативный субстрат безличных предложений. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 29; С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 60 и др.

⁵⁸ Д. Н. Овсянко-Куликовский. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. СПб., 1901.

⁵⁹ Ср. также: «Собственно безличные предложения характеризуются не только односоставностью, но также и тем, что в них устранен субъект» (В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 4). Р. Мразек среди односоставных предложений различает деагентивные (*Сегодня мне пишется*) и безагентивные (*Уже рассветает*) — см. его статью «Модели русских конструкций с возвратной глагольной формой» (CsR, 1968, № 2).

О предложениях *Неможется мне, Спится мне* А. А. Потебня писал: «Сказуемое означает здесь явление психологическое или физиологическое, происходящее в том, что означено дательным. Дательный здесь не *dativus commodi*, но среда действия, не безучастная к самому действию. Он синонимичен с именительным подлежащего: *неможется мне* = (я) *не могу ся*»⁶⁰.

Противопоставление именительного падежа субъекта косвенным падежам с тем же синтаксическим значением вряд ли может быть основой деления предложений на личные и безличные, потому что именительный падеж — лишь одна из форм в функциональном ряду обозначений лица, субъекта состояния, сочетания которых с теми или иными способами обозначения состояния семантически и конструктивно обусловлено⁶¹. Ср.:

И. Я веселюсь. Я нездоров. Я простужен. Я в тревоге

Р. У меня простуда. У меня тоска. У меня (у него) обморок

Д. Мне весело. Мне нездоровится. Мне тошно

В. Меня тошнит. Меня лихорадит

Т. Со мной (с ним) обморок

Синтаксический характер всех представленных форм, обозначающих субъект состояния, определяется тем, что это неуправляемые формы, не подчиненные другому слову в предложении, но являющиеся одним из двух организующих и взаимобусловленных центров соответствующих моделей. Обращает на себя внимание также препозиция субъектной синтаксической формы, в отличие от нормальной постпозиции для объектной формы⁶². Структурно-смысловая однородность моделей, представленных приведенными примерами, позволяет признать их моделями личных, двусоставных (или двухкомпонентных) предложений⁶³.

⁶⁰ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, стр. 336.

⁶¹ Ср. материалы обсуждения проблемы «иенонимативного строя» ряда славянских конструкций на международном синтаксическом совещании в Брно в 1961 г. в обзоре Я. Бауэра и Р. Мразека (ВЯ, 1967, № 3, стр. 134). См. также замечание А. М. Мухина о «недопустимости абсолютизации именительного падежа как показателя подлежащего в русском и других языках» (А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 135).

⁶² Трактую формы косвенных падежей в аналогичных случаях как подлежащее, С. Д. Кацнельсон также предлагает в качестве объективного критерия «во-первых, словопорядок, и, во-вторых, трансформации определенного рода» (указ. соч., стр. 62—63).

⁶³ Структурная обязательность дательного субъекта в так называемых «безличных» предложениях с вытекающими отсюда классификационными последствиями признается рядом авторов. См.: Л. А. Булаховский. Питание синтаксису простого предложения в украинській мові. — «Дослідження з синтаксису української мови». Київ, 1958, стр. 27; Е. А. Седельников. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений. — ФН, 1961, № 3, стр. 76; О. В. Озаровский. Безлично-предикативные слова в русском языке I половины XIX в. Автореф. канд. дисс. Л., 1967. — Аналогичные наблюдения на материале латышского

Нередкая в речи невыраженность субъекта в предложениях, сообщающих о состоянии субъекта, синтаксически значима⁶⁴. Если в абсолютно безличных предложениях невыраженность субъекта — за пределами воли говорящего, для говорящего там нет выбора, то невыраженность субъекта в личных предложениях — один из способов представления субъекта, находящихся в распоряжении говорящего, определяемых контекстными и стилистическими условиями. Ср.: *Не спится, няня* (Пушкин); *И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды* (Лермонтов); *Нигде не дышится вольней Родных лугов, родных полей* (Некрасов). В первых двух примерах невыраженность субъекта имеет определенно-личное значение 1-го лица, в третьем — обобщенно-личное.

Разные способы представления говорящим субъекта обобщаются в трех категориях — определенности, неопределенности и обобщенности, которые являются разновидностями категории личности⁶⁵. Разновидности эти не структурного, а семантического и стилистического порядка. Категория определенности представляет субъект действия, состояния как определенное лицо. Категория неопределенности представляет субъект действия как неопределенное (чаще — неопределенно-множественное) лицо, неизвестное или намеренно устраненное по незначительности его в содержании информации. Категория обобщенности представляет субъект как любое лицо, к которому может быть отнесено называемое в предложении действие, состояние.

Выражение этих категорий, как и всей категории личности, не ограничивается глагольными формами, хотя некоторые из них связаны преимущественно с выражением определенного способа представления субъекта: формы 2-го лица — с категорией обобщенности, 1-го и 2-го — с категорией определенности,

языка см. в работах: Ю. Ю. Карклинь. Роль дательного падежа в структуре простого предложения современного латышского литературного языка. «Тезисы докладов XXVI научно-методической конференции Латвийского гос. ун-та», вып. 10, 1966; J. Kārklīņš. Par dažiem sintagmātikas un paradigmātikas jautājumiem latviešu valodas sintaksē. «Материалы научн. конф. Латвийского гос. ун-та». Рига, 1970. См. также: J. Popela. K syntaktické podstatě tzv. dativu subjektu a v ruštině. «Bulletin VSRJL», III, Praha, 1959; V. Hrabě. K otázce nepřímého subjektu v ruské skladbě. «Bulletin URJL», VIII, Praha, 1964.

С укоренившимся разделением предложений на односоставные и двусоставные связывает «неспособность традиционного синтаксиса распознать субъект среди членов предложения, стоящих в косвенном падеже», Ф. Гладней (см.: CsR, 1970, № 4, стр. 183).

⁶⁴ «В живой речи лицо неопределенное всегда определяется тем или другим способом» (А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II, стр. 348).

⁶⁵ Ср. точку зрения чешских грамматистов, которые относят определенно- и неопределенно-личные предложения к личным двусоставным (см., например: V. Hrabě. O dvojčenných a jednočenných větách v současné ruštině. — CsR, 1970, № 4).

3-го лица мн. числа — с категорией неопределенности⁶⁶. Наряду с глагольными формами важнейшая роль в выражении этих категорий принадлежит местоимениям. Но одни и те же глагольные формы и одни и те же местоимения могут служить разным категориям.

Так, глагольная форма 3-го лица мн. числа с невыраженным (устраненным) субъектом, формирующая, по традиционной грамматике, односоставное неопределенно-личное предложение, может относить действие и к определенному лицу: *Вот там его узнали, махнули платком. Его ждут, может быть, давно* (Гончаров); *Не хочу я, говорю тебе!* (Писемский) — и к обобщенному: *Дни поздней осени бранят обыкновенно* (Пушкин); *Цылят по осени считают.*

Напротив, неопределенно-личное значение в смысле отнесенности действия к неопределенному, устраненному из сообщения субъекту, обнаруживается в предложениях различной синтаксической структуры: *Лошади были поданы* (Пушкин); *Уж послано в догоню* (Пушкин); *Его бить, его стрелять, а он — хоть бы что* (Горький); *Увеличивается продажа стекла и пиломатериалов* (Из газет).

Точно так же обобщенно-личное значение как отнесенность изображаемых действий, состояний, восприятия к обобщенному лицу выявляется в предложениях любого типа: личных, безличных, двусоставных, односоставных — по традиционной терминологии. Ср.: *Вы выходите на крыльцо... Вам холодно немножко... Вам дремлет... Вот наконец и ваша изба... Над вами, кругом вас всюду туман...* (Тургенев)⁶⁷.

С другой стороны, сама по себе глагольная форма 3-го лица мн. числа, например, с опущенным субъектом, не всегда достаточна для того, чтобы создать неопределенно-личное предложение. Ср.: *Вы выходите на крыльцо. — Выходят на крыльцо; Передние опять останавливаются. — Опять останавливаются.* Подобные эксперименты не подтверждают ни «чисто грамматического характера» неопределенности субъекта, ни грамматической регулярности неопределенно-личных и обобщенно-лич-

⁶⁶ Значения, оттенки и стилистические условия употребления личных глагольных форм подробно и тонко проанализированы в ряде исследований. См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1952; Д. Н. Шмелев. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке. «Вопросы культуры речи». М., 1961, вып. 3; А. В. Исаченко. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения. — ВЯ, 1963, № 2 и др.

⁶⁷ На неопределенно-личный, обобщенно-личный и определенно-личный характер неопределенного субъекта действия в страдательных конструкциях обратил внимание А. И. Зеленев («Возвратные глаголы страдательного залога в современном русском литературном языке». Автореф. канд. дисс. Л., 1967).

ных предложений как одной из форм существования структурной схемы N—Vf⁶⁸. Условия появления неопределенно-личного и обобщенно-личного значения в предложениях, системное место этих предложений пока еще не установлены⁶⁹.

Выход из классификационной непоследовательности видится в признании того, что семантико-стилистические разновидности категории личности, т. е. избираемые говорящим способы представления субъекта определенным, неопределенным, обобщенным лицом, к собственно грамматической классификации предложений отношения не имеют и принципом деления в типологии простого предложения служить не могут.

Выявляются способы представления субъекта из совокупности данных контекста, констатиции, и изучение их принадлежит речевому и стилистическому синтаксису. В этом плане может быть установлено, что тот или иной способ представления субъекта обуславливается коммуникативными типами речи, система которых почти не обследована: так, для сообщения о конкретных, единичных действиях, проявлениях характерна категория определенного лица, высказываниям обобщенного характера (сентенциям, афоризмам, пословицам и т. п.) свойствен, естественно, и обобщенно-личный способ представления субъекта.

Отмечалась связь обобщенно-личной категории с лирической поэзией и прозой, где она применяется как одно из средств интимизации, сближения читательского восприятия с авторским.

С другой стороны, должна выявиться роль различных способов представления лица в дифференциации синтаксических конструкций на стилистической оси разговорное — книжное. В той же мере, в какой определено-личность свойственна разговорным ситуациям и темам, устраненность субъекта, разобщенность агенса и грамматического подлежащего характеризует специфически книжную речь в ее деловых, официальных, научных жанрах⁷⁰.

Неопределенно-личное значение названного субъекта при имени действия отмечала также З. Скоумалова в содержательной статье «Синтаксические конструкции с глагольным существительным» (CsR, 1968, № 4, стр. 227).

⁶⁸ Ср. квалификацию неопределенно-личных предложений в работе: П. А. Лекант. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 11, и в Грамматике 1970 г.

⁶⁹ Одна из последних работ, посвященных этому вопросу: Г. Ф. Низяева. Неопределенно-личные предложения в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1972, — содержит свежие наблюдения над структурными особенностями этого типа предложений, но интерпретация материала не убеждает в том, что найдены именно грамматические признаки типа.

⁷⁰ Ср.: «Присоединяясь к мнению Ш. Морриса, Э. Бенвенист отмечает, что данные местоимения 1-го и 2-го лица встречаются в определенном жанре языка;

Способы представления субъекта смыкаются здесь со способами синтаксической организации субъектно-объектных отношений в категории активности/пассивности⁷¹. Синонимическая близость конструкций *Поле вспахали — поле вспахано*⁷² опирается на общий, неопределенно-личный способ представления субъекта действия, вместе с тем устраненность субъекта создает условия для его замещения объектом действия и «превращения» тем самым объекта в характеризуемый предмет. Ср. еще: *книгу читают с интересом* $\approx$ *книга читается с интересом* $\approx$ *книга интересна*⁷³.

Подытожим изложенное с точки зрения структурной роли категории лица в предложении. За вычетом семантико-стилистических категорий определенно-личности, неопределенно-личности и обобщенно-личности остается собственно структурным противопоставление по признаку отсутствия/наличия субъекта абсолютно безличных (бессубъектных) предложений и всех прочих, в которых сообщается о действии, состоянии, признаке субъекта, следовательно, личных. Исходя в определении состава модели предложения из минимально необходимого количества компонентов для организации предикативной основы с тем или иным типовым значением, признаем абсолютно безличные предложения односоставными, личные — двусоставными. Невыраженность субъекта в личных предложениях не дает оснований относить их к односоставным, так как сигнализирует либо об одном из способов представления говорящим субъекта, либо о контекстной неполноте. Так, например, предложения типа *Тоска, Грустно, Нездоровится*, как правило, сообщают о состоянии говорящего лица, поэтому представляют синтаксическую категорию 1-го лица, если же речь идет о состоянии другого лица, это лицо должно быть названо в контексте. Ср.: *И скучно, и грустно*, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды (Лермонтов); *Упрек!.. Скучно!* Но я его заслу-

можно представить обширный текст доклада, в котором они не употреблены ни разу, в диалогах же без них нельзя обойтись» (К. Е. Майтинская. Местонахождения в языках разных систем. М., 1966, стр. 142).

⁷¹ Смещение в традиционной грамматике признаков неопределенно-личности, безличности и пассивности отмечалось С. И. Сятковским (указ. соч.); см. также: Р. Ружичка. О трансформационном описании так называемых безличных предложений в современном русском языке. — ВЯ, 1963, № 3.

⁷² См.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 461.

⁷³ Аналогичные сопоставления встречаются в литературе. См.: «Эта книга читается всеми: в подлежащем страд. оборота «книга» еще виден производитель признака «читать»: она делает так, что все ее читают» (А. А. Потенбня. Из записок по русской грамматике, т. 1, стр. 94); «Так же и в предложении *он всеми любим* можно остановиться мыслью на том, что это «он» так поступает, является таким, отличается такими качествами, что его любят» (Д. Н. Овсянко-Куликовский. К вопросу о классификации бессубъектных предложений, стр. 37). Точнее кажется говорить не о производителе, а о носителе признака: *Книга такова, что ее все читают, что читается всеми; Он таков, что все его любят, что всеми любим.*

жил... (Лермонтов, Герой нашего времени); *Вам будет немножко скучно* (Там же); *В Москве было ему скучно* (Писемский, Тысяча душ); *Грустно, тоска*. Вот первая смерть мною оплаканная (Пушкин, письмо П. А. Плетневу); Все-таки ты увидишь кого-нибудь; *а то тебе скука, я думаю, с нами* (Л. Толстой, Война и мир); *И грустно было Ему* в ту ночь (Пушкин, Медный всадник).

Если субъект со значением 1-го или 2-го лица не назван в данном предложении, но ясен из контекста, такое предложение, как и в других подобных случаях, представляет разновидность двусоставных неполных, например: *Но на сей раз было не до игрушек*. Ему (Коле Красоткину) предстояло одно очень важное собственное дело (Достоевский. Братья Карамазовы). Ср. полное двусоставное предложение той же модели: *Но теперь тебе не до меня* (Пушкин, Моцарт и Сальери).

Выбор формы выражения субъекта состояния из существующих для этого средств, так же как и формы выражения состояния, определяется, таким образом, не признаком личности/безличности предложения, а различиями, лежащими на линии противопоставления действия — состоянию, зависимости — независимости действия, состояния от воли субъекта⁷⁴, большей — меньшей интенсивности состояния. Ср.:

<i>Я тоскую, Я в тоске</i>	<i>Я пою, работаю</i>
<i>Мне тошно, тоскливо</i>	<i>Мне поется, работается</i>
<i>У меня тоска</i>	

и т. п.⁷⁵

Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя (Пушкин); *Но я плачу не для вас: мне просто плачется* (Гончаров, Фрегат Паллада); *Плачет где-то иволга, Схоронясь в дупло, Только мне не плачется, На душе светло* (С. Есенин); *Люди спят — королю лишь не спится* (Пушкин, Видение короля).

3. Если принимать идею парадигмы форм предложения, то, по-видимому, нельзя не признавать, что системные отношения между предложениями *Я пою, Ты поешь, Он поет* и т. д. — это отношения грамматических модификаций одной и той же струк-

⁷⁴ Ср. замечание лингвиста: «Мы говорим обычно: «Я кашляю». Это, по существу, неверно, нашего участия в кашле нет, и точнее было бы сказать: «Меня кашляет». Хотя это выражено грамматически неправильно, но по смыслу оно верно» (Б. Е. Вотчал, «Здоровье», 1969, № 5, стр. 10). Ответ на вопрос: «Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего?» — Л. В. Щерба считал одной из задач активного синтаксиса см.: Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1947, стр. 87).

⁷⁵ Ср.: K. Pontoppidan-Sjövall. *Мне хочется — я хочу*. On the psychological background of impersonal constructions in Russian. «Scandoslavica», 9, 1963.

турной модели⁷⁶. Сфера действия личной парадигмы опирается на изложенное понимание категории лица:

1) Системой личных форм располагают не все предложения, а только сообщающие о действии, состоянии и других признаках личного субъекта:

Я пишу, Ты пишешь, Он пишет, Мы пишем...

Я веселюсь, Ты веселишься, Он веселится, Мы веселимся...

Я добр, Ты добр, Он добр, Мы добры...

Я за столом, Ты за столом, Он за столом, Мы за столом...

и т. п.

Противопоставление «личных» 1-го и 2-го лица «неличному» 3-го лица сохраняется в пределах этого типа: *Гости приехали*, с личным именем субъекта, представляет принципиально ту же схему, что и *Я, ты, мы, они приехали*. Но *Поезд пришел, Грачи прилетели* с неличным именем субъекта не имеют личной парадигмы.

Естественно, что категории определенности, неопределенности, обобщенности как способы представления лица присущи только предложениям с личным субъектом⁷⁷.

В классе предложений с неличным субъектом (лексически ограниченным названиями явлений природы и технических сил) наблюдается и вариативность моделей с субъектом в именительном и субъектом-орудием в творительном: *Град побил посевы* — *Градом побило посевы*, противопоставленных по семантико-стилистическому признаку большей — меньшей стихийности действия, большей — меньшей независимости его от производителя⁷⁸.

⁷⁶ Ср. разное отношение к личной парадигме в работах: Е. А. Седельникова. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений. — ФН, 1961, № 3; D. Worth. The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other Slavic languages. The Hague, 1963; Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967; см. также: Н. Ю. Шведова. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? «Русский язык за рубежом», 1971, № 4.

⁷⁷ Ср. наблюдения, сделанные А. В. Исаченко, о взаимодействии категории лица — не лица как выразителя субъекта действия и лексического значения глаголов (ВЯ, 1963, № 2, стр. 50): «Форма *говорят* может иметь неопределенно-личное значение только потому, что глагол *говорить* предполагает личный субъект. С другой стороны, конструкции типа *В роще журчат* или *Над дорогой клубятся* (без названия субъекта) невозможны, ибо глаголы *журчать*, *клубиться* предполагают неличный субъект». Ср. также: Б. А. Абрамов. О понятии семантической избирательности слов. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969. Следует отметить, что выделение антропонимов среди названий одушевленных предметов в принципе определяет границу между классами личных и неличных существительных, вместе с тем взаимодействие этих классов в пределах категории одушевленности делает границу между ними в известной мере подвижной.

⁷⁸ Ср.: Р. Мразек. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964. Ср.: K. Gabka und D. Radtke. Zur Synonymie persönlicher und unpersönlicher

Что касается безлично-глагольных предложений типа *Лодку унесло; Дорогу замело; Ты пришла — и светло, Зимний сон разнесло* (Блок), то они могут рассматриваться как переходные ступени между собственно бессубъектными односоставными типами и последней разновидностью (ср.: *Лодку унесло ветром, течением; Дорогу замело снегом*): «Безличные конструкции, в основе которых лежит употребление безличной формы глагола, служат средством преднамеренного изображения действий с неизвестным или неопределенным субъектом. Они являются заменой полных личных форм, внося во фразу свойственный им оттенок завуалированности деятеля, производителя»⁷⁹. Ср. пример В. В. Виноградова: *Кого раздавило? Ребята, человека раздавили* (Чехов, Брожение умов).

2) Личная парадигма предложения не ограничивается ни глагольной парадигмой, ни соответственно формой именительного субъекта:

У меня, у тебя, у него радость....

Мне, тебе, ему весело... и т. п.

Ср.: *Мне и тебе будет обидно* (Достоевский, Нечка Незванова); *Все — отцы. Бог — отец, царь — отец, я — отец* (Горький, Егор Булычев); *У тебя ль, у малой птицы, Незаменные три песни, У меня ли, у молодца, Три великие заботы* (Пушкин, Соловей).

Поскольку речь идет о модели предложения, парадигма ограничивается его структурным минимумом, включающим обозначение субъекта, но не другие синтаксические элементы, распространяющие предикативную основу. Вариации на тему лица возможны в объектных, атрибутивных, обстоятельственных компонентах предложения, но они принадлежат уровню словосочетания или факультативного распространения предложения, не вызывая модификации модели: *Он видел меня, тебя, его..., Он читает мою, твою, его книгу...; Он приехал ко мне, к тебе, к нему... и т. д.*

Личная парадигма является, следовательно, грамматическим признаком предложений определенных структурных типов, в которых тесно взаимодействуют категории лица глагольно-местоименные с категорией лица имен существительных.

Термины «лицо», «личность» в применении к существительным и в применении к глаголам-местоимениям, омонимичные на первый взгляд, обозначают явления, тесно сплетенные в синтаксическом употреблении.

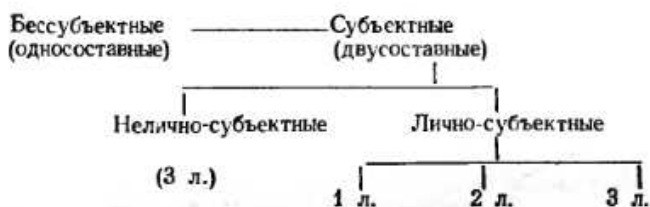
cher Sätze des Typs *Beter unes lодку: Ветром унесло лодку*. «Wiss. Ztschr. der E.-M.-A. Universität Greifswald», 1966, GSR, № 3; ср. также: В. А. Кириллова. О «конструктивных» элементах безличных предложений (типа *снегом занесет — занесло дорогу*). «Исследования по современному русскому языку». Изд. МГУ, 1970.

⁷⁹ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 465, и 463. См. там же о «разнообразных переходных формах безличного употребления».

Таким образом, выйдя за пределы лимитаций собственно морфологического характера, можно увидеть синтаксические аспекты категории лица, как представляется, системно взаимосвязанными.

4. Соответствие в формуле «личность: безличность//двусоставность: односоставность» может быть, следовательно, восстановлено, но ценой перераспределения некоторых привычных рубрик ради более последовательного принципа классификации. Вместе с тем, в согласии с изложенным пониманием синтаксического лица и во избежание терминологических столкновений, удобнее соотношение личность//безличность обозначить как субъектность//бессубъектность. Тогда, снимая нерелевантное, на наш взгляд, противопоставление именительного субъекта другим формам выражения субъекта, получаем следующее соотношение типов предложения с точки зрения синтаксической категории лица:

Бессубъектные, односоставные (или однокомпонентные) предложения (*Светаёт; Мороз; Темно*) противостоят всем остальным субъектным, двусоставным (или двухкомпонентным). Субъектные, в свою очередь, делятся на предложения нелично-субъектные, представляющие всегда только категорию 3-го лица⁸⁰ (*Грачи улетели; Морозна ночь; Письмо Татьяны предо мною*), и лично-субъектные (*Саше не спится; Мне в петлю лезть, а ей смешно; Открой окно; У беса праздник; Он засмеется: все хохочут*), располагающие личной парадигмой и способностью к определенному, неопределенному, обобщенному представлению лица.

Следует оговорить особое положение в отношении к категории лица большинства номинативных предложений.

Синтаксическое строение номинативных предложений вообще и с точки зрения категории лица в частности зависит от категориально-семантического значения главного члена. Соответственно номинативные предложения подразделяются на предметные, образуемые конкретными существительными (*Шоссе. Леса. Канавы*), и бытийные, образуемые отвлеченными существительными, в свою очередь представляющие зна-

⁸⁰ «Третье лицо в строгом смысле не лицо, а предмет вообще» (Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 108).

чение действия (*Шум, хохот; Свист зевак; Лай собак*), качества (*Густота хвои; Синь неба*), состояния субъекта (*Тоска*), состояния среды (*Прохлада, тишина и полумрак*)⁸¹.

В приведенной схеме заняла место лишь последняя разновидность номинативных односоставных бессубъектных предложений.

Предложения со значениями действия, качества, состояния лица не могут быть бессубъектными: эти признаки предполагают носителя, субъект признака. Невыраженность субъекта так же синтаксически значима, как в других типах субъектных предложений, так же может быть интерпретирована как проявление композиционно-стилистических категорий определительно-личности, обобщенно-личности, неопределенно-личности (ср. соотносительность к одному, очевидному или устраненному, неопределенно-личному субъекту действий, названных глаголом и отглагольным именем: *В доме хохот и стекла звенят, В нем шинкуют, и квасят, и перчат* (Б. Пастернак); *Травят зайца. Несутся суки. Травля! Травля!* (А. Вознесенский).

Однако в отличие от других типов субъектных предложений, в номинативных предложениях форма родительного падежа, выражающая субъект, наличный или потенциальный, не является предикативно противопоставленной названию действия, не является сопряженной с ним, а соединяется в аналоге словосочетания, поэтому к собственно двусоставным такие номинативные предложения не принадлежат (ср., однако: *У него грипп, С ней обморок*, где способ выражения субъекта выводит предложение в разряд двусоставных).

Что касается номинативных предметных предложений, то они сближаются с нелично-субъектными по синтаксическому значению 3-го лица, но само понятие лица, субъекта к ним применимо условно, ибо не находится в коррелятивном отношении с понятием признака.

Итак, отношение того или иного предложения к синтаксической категории лица определяется наличием — отсутствием признака личности (субъектности) и для субъектных предложений — значением одного из трех лиц, соответственно позиции субъекта в речевом общении.

С точки зрения постоянных и переменных признаков структуры предложения категория лица отличается двусторонней обращенностью:

1) к переменным признакам она относится как одна из грамматических предикативных категорий, образующих в частных

⁸¹ См. об этом: Г. А. Золотова. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. — В кн.: «Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова». М., 1971. Ср.: Н. Ю. Шведова. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения. — В кн.: «Славянское языкознание». VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.

своих значениях систему личных модификаций предложений определенных классов;

2) к постоянным признакам она относится как одна из структурных категорий, отражающих связь предложения с внеязыковой действительностью, расчлененность — нерасчлененность явлений действительности, которое становится содержанием речи-мысли; в ней же выражаются характер субъекта — носителя признака и — соответственно — парадигматические возможности предложения.

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

1. Вполне оправданной представляется позиция тех исследователей (Е. А. Седельников, Н. Ю. Шведова и др.), которые рассматривают предложения *Он работает*, *Он работал* и *Он будет работать* как системно связанные грамматические варианты одной и той же модели. Высказывавшиеся возражения, что различия между ними сводятся к морфологической противопоставленности глагольных категорий, не снимают вопроса о том, каково синтаксическое соотношение между приведенными тремя предложениями. Соотношение это — объективная данность, и квалифицировать его — компетенция уже не морфологии, а синтаксиса. Вместе с тем надо полагать, что категория времени в синтаксисе несводима к парадигматической противопоставленности морфологических форм глагола. Совокупность временных значений является необходимым компонентом предикативной оси предложения, а одно из временных значений — формой его существования. То, что синтаксическая категория времени шире морфологической категории глагольного времени, подтверждается, как об этом писала Н. Ю. Шведова⁸², большей сложностью и многообразием синтаксических временных значений, а также возможностью выражать временное значение конструктивно-синтаксическим способом в безглагольных предложениях.

Представления о категории времени русского глагола, сложившиеся на основе большой грамматической традиции (работы М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Н. П. Некрасова, Л. П. Размусена, А. А. Шахматова, А. Мазона, С. Карцевского, В. В. Виноградова, А. Белича, Н. С. Поспелова, А. В. Исаченко, Е. Кржижковой и др.), в последнее время получили четкую интерпретацию на языке современных грамматических терминов и понятий в работах А. В. Бондарко⁸³.

⁸² См.: «Основы построения описательной грамматики...», стр. 149.

⁸³ См.: А. В. Бондарко. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Докт. дисс. Л., 1968; А. В. Бондарко. Виды и время русского глагола. М., 1971. Ср.: А. В. Бондарко и Л. Л. Буланян. Русский глагол. Л., 1967.

А. В. Бондарко выделены семантические признаки, наличием которых определяются и дифференцируются видо-временные глагольные формы (темпоральные признаки предшествования, одновременности, следования — по отношению к грамматическому моменту речи, аспектуально-темпоральные признаки локализованности действия во времени и перфектности), разграничиваются — вслед за А. М. Пешковским — общие и частные значения форм времени, прямое и переносное их употребление, и убедительно показано, что грамматическая категория глагольного времени входит в системе языка в более широкую функционально-семантическую категорию темпоральности, в которой грамматический центр — глагольные формы времени — взаимодействует с многообразными средствами, составляющими ее периферию: лексическими показателями времени, конструктивно-синтаксическими, видовыми, модальными, экспрессивными значениями, элементами контекста.

Теория функционально-семантических категорий, в основу которой положен принцип, выдвинутый В. В. Виноградовым в исследовании модальности, надежно упорядочивает изучение явлений разноуровневых, «разнокалиберных», однако функционально связанных в реальной языковой действительности.

Вместе с тем систематизация значений и употреблений глагольных форм времени оставляет еще возможности для уточнения.

2. Можно разграничить два типа употреблений глагольных форм времени:

- 1) употребление, зависимое от точки отсчета времени и
- 2) употребление, не зависимое от точки отсчета времени.

2.1. Употребление первого типа опирается на основное грамматическое значение форм времени. «Грамматическое же значение форм времени, наклонения, лица, — как справедливо отмечает А. В. Бондарко, — устанавливается не в речи волей говорящего, а в грамматической системе языка, в зависимости от места данной формы в системе форм, связанных отношениями тождества или различия. Каждая форма времени является носителем определенного отношения к точке отсчета... Говорящий лишь выбирает ту или иную форму... и использует ее для выражения того или иного отношения действия к реальному, внеязыковому моменту речи, к действительности, к лицу»⁸⁴.

Следовательно, основным значением глагольных форм прошедшего, настоящего и будущего времени являются значения предшествования, одновременности и следования по отношению к точке отсчета. Но сама точка отсчета — понятие весьма подвижное. Классификация времени с точки зрения соответствия — несоответствия моменту речи говорящего во многом уязвима. Соответствие моменту речи может быть критерием исполь-

⁸⁴ А. В. Бондарко и Л. Л. Буланн. Русский глагол, стр. 4.

зования форм времени в бытовой речи, в обиходном разговоре, но для рассказа, повествования, особенно письменного, а тем более художественного, допущение этого критерия оказывается чрезвычайно условным. Роль говорящего — пишущего в выборе точки отсчета, по-видимому, значительно больше, чем это принято думать. Естественный реальный разрыв между моментом действия и моментом речи, будь это мгновения или века, в историческом, например, повествовании, ведет к тому, что говорящий, сообщая о событии в речи, должен воспроизвести его, «увидеть» в своем сознании, воображении. От воли говорящего зависит — поместить точку отсчета, «наблюдательный пункт» «напротив» происходящего, или «видеть» событие в предшествующей временной плоскости, как бы уже со стороны. Такую «синхронность» происходящего и его «видения» говорящим встречаем в следующих фразах:

Иду я сегодня по Кузнецкому и вижу...

Иду я вчера по Кузнецкому и вижу...

Иду я сейчас по Кузнецкому и вижу...

Ср. «разновременность» происходящего и воспроизведения его:

Шел я сегодня по Кузнецкому и видел...

Шел я вчера по Кузнецкому и видел...

Шел я сейчас по Кузнецкому и видел...

Можно ли утверждать, что выбор настоящего или прошедшего времени в этих примерах определяется объективным соотношением между моментом действия и моментом высказывания об этом действии? Очевидно, нет, потому что объективное соотношение, расстояние между этими двумя моментами в каждой из пар, связанных общим указанием на время действия и различающихся временной формой глагола, — одно и то же.

Реальное расстояние во времени между моментом речи, с одной стороны, и «сейчас», «сегодня», «вчера», с другой, не имеет грамматического значения, грамматически нейтрализуется. Бытовое представление о делении прошедшего — настоящего — будущего на «вчера» — «сегодня» — «завтра» не совпадает с грамматическим представлением. Глаголы в форме настоящего и прошедшего времени употреблены в приведенных примерах в полном соответствии с основным своим грамматическим значением: одновременности события и речи в первом случае (точка отсчета помещается внутри отрезка времени события) и предшествования события речи во втором (точка отсчета — вне отрезка времени события). Представляются наивными рассуждения, подобные тому, что в предложениях *Пирует Петр* или *Царь Салтан сидит в палате*, поскольку нам известно, что рассказ идет о событиях исторического прошлого, форма глагола имеет особое значение, настоящее историческое. В любом авторском повествовании совпадение времени событий с реальным

моментом речи исключается⁸⁵. Принцип композиционного построения любого повествования, высокохудожественного или естественно-обиходного, в том, что искусно в одном случае и неосознанно в другом говорящий, автор передвигает «наблюдательный пункт» по линии событий, останавливает его в нужных ему местах и делает эти остановки точкой отсчета грамматического времени, размещая глагольные формы в соответствии с их основным значением одновременности, предшествования, следования по отношению к данной точке отсчета. Ср.:

Татьяна, милая Татьяна! С тобой *теперь* я слезы *лью*; Ты в руки модного тирана Уж *отдала* судьбу свою. *Погибнешь*, милая... (Пушкин, Евгений Онегин); В это время, из толпы народа, *вижу*, *выступил* мой Савельич, *подходит* к Пугачеву и *подает* ему лист бумаги. Я *не мог придумать*, что из того *выйдет* (Пушкин, Капитанская дочка).

Употреблением настоящего времени в повествовании достигается эффект живописности⁸⁶, но это не дает основания противопоставлять такое употребление «подлинному настоящему времени»⁸⁷. Категория настоящего исторического времени оказывается фикцией, возникшей из смешения понятий реального и грамматического времени⁸⁸.

Еще А.М. Пешковский отметил: «В плане прошедшего могут устанавливаться те же три точки зрения, что и в общем плане. Если определенные прошедшие факты образно утверждены в сознании как настоящие, то предшествующие им должны представляться прошедшими, а следующие за ними — будущими»⁸⁹. Но развиваемая им идея «замены времен», оказавшая большое влияние на грамматическую традицию, вытекает именно из этого смешения грамматического и неграмматического времени.

⁸⁵ Ср. предложенное Э. Бенвенистом разграничение в зависимости от разных планов высказывания, времени говорения (*discours*) и времени повествования (*récit*) и близкое к нему различие плана непосредственной коммуникации и плана односторонней информации, сформулированное Н. С. Поспеловым в его статье «О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке» («Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 221); ссылку на Э. Бенвениста см. там же.

⁸⁶ «Выбор актуальной временной перспективы, связанной с эксплицитным описыванием того, что как будто в данный момент происходит на глазах рассказчика», К. Кожевникова отмечает как один из условных сигналов устной речи и непосредственности, способствующих субъективизации произведения, созданию эффекта присутствия читателя (К. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1971, стр. 150).

⁸⁷ Д. Н. Шмелев «настоящее историческое» также относит «скорее к области стилистических возможностей формы, чем к ее собственно грамматической характеристике» (Д. Н. Шмелев. Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола.—РЯШ, 1960, № 6, стр. 7).

⁸⁸ Ср.: А. В. Бондарко. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках. Автореф. канд. дисс. Л., 1958, стр. 20.

⁸⁹ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 210.

Если отвлечься от композиционно-стилистического эффекта, можно сказать, что настоящее и прошедшее в повествовании в силу реальной однозначности принципиально взаимозаменяемы, что было показано выше на эксперименте с предложениями *Иду и вижу...—Шел и видел...*⁹⁰ Только волею говорящего, его выбором точки отсчета определяется предпочтение одной из временных форм, важно отметить, что перед ним — возможность выбора. Сознывая неловкость экспериментирования над строками классической литературы, рискуем привести возможные варианты лишь для иллюстрации их однозначности в отношении реального времени. Ср: *Редела тень. Восток алеет. Огонь казачий пламенел* (Пушкин, Полтава) и *Редет тень. Восток алеет. Огонь казачий пламенеет; Горит восток зарею новой... Дым багровый кругами всходит к небесам...* (Там же) и: *Горел восток зарею новой... Дым багровый всходил кругами к небесам.*

Если речь идет о действии лишь имеющем быть, воображаемом, перед говорящим — три возможности соотносить точку отсчета с воображаемым событием. Например: *То я воображаю себя уже на свободе, вне нашего дома. Я поступаю в гусары и иду на войну* (Л. Толстой, Детство). Здесь два предложения в настоящем времени, но каждое при этом ориентировано на свою точку отсчета. Для первого предложения, сообщающего о реальном событии, есть два способа временного оформления: *То я воображаю себя на свободе...—То я воображал себя на свободе...* Для второго предложения, сообщающего о воображаемом событии вне зависимости от времени, оформляющего первое предложение, но в зависимости от мысленной позиции говорящего, с которой он видит воображаемое действие,— в распоряжении говорящего все три времени. Ср.: *Я поступлю в гусары и пойду на войну; Я поступил в гусары и пошел на войну; а также: Я поступил бы в гусары и пошел бы на войну.*

Вопроса о соотношении основных временных планов с видовыми формами здесь не касаемся.

Изложенное приводит к следующему выводу. Содержание грамматической категории времени, выражаемой глагольными формами, и шире — конструктивно-синтаксическим способом, составляет отношение времени названных в речи действий, событий к точке отсчета. Но точка отсчета не совпадает с реальным моментом речи. За точку отсчета принимается избираемый говорящим воображаемый момент восприятия событий и воспроизведения их в речи по отношению к самим событиям. Следовательно, если считать точкой отсчета момент речи, то надо и здесь отграничить от понятия реального момента понятие грамматического момента, который устанавливается только в

⁹⁰ Именно этим примером А. М. Пешковский (указ. соч., стр. 208), а вслед за ним А. Н. Гвоздев («Очерки по стилистике», стр. 139) и А. В. Бондарко (автореф. докт. дисс., стр. 11) иллюстрируют «настоящее историческое».

сознании говорящего, волею говорящего. Грамматическое значение каждого из трех времен — настоящего, прошедшего, будущего — определяется синхронностью события так понимаемому грамматическому моменту речи, предшествованием или следованием.

Для текстов художественной литературы возникает сложный вопрос о соотношении лица говорящего и воспринимающего, поскольку автор часто «видит» события глазами своих персонажей, но этот вопрос относится к проблематике композиции художественного произведения, структуры образа автора.

В грамматике этот вопрос возникает в связи с так называемым относительным, релятивным или, по В. В. Виноградову, соотносительным значением времени⁹¹.

2.1.1. Соотносительное значение — разновидность основного значения времени, опирающегося на противопоставленность признаков одновременности, предшествования и последовательности действия по отношению к точке отсчета, с тем отличием, что за точку отсчета принимается не момент восприятия говорящим, а другое действие. Соотносительное значение времен — элемент структуры определенных типов сложного предложения: Девочка воротилась, объявляя, что барышня *почивала-де* дурно, но что ей-де *теперь легче* и что она-де *сейчас придет* в гостиную (Пушкин, Метель); Я *узнал*, что станция, над которой он *начальствовал*, уже *уничтожена* (Пушкин, Станционный смотритель).

В случаях соотносительного значения времен возникает и вопрос о соотношении субъекта речи и субъекта того действия, которое становится точкой отсчета. Субъект этого действия обычно оказывается и субъектом восприятия, определяющего настоящее время в изображении воспринимаемых им событий. При соотносительном употреблении времен, как писал еще А. Добняш, «современность, преждевременность и послевременность... представляют собою... времена, измеряемые не говорящим, а тем, от имени кого говорящий передает мысль»⁹². Такое соотношение субъектов и времен может реализоваться не только в сложном предложении, но и в структуре сложного синтаксического целого, например: В ворота вошла она, *На подворье*

⁹¹ Ни принципы разграничения, ни объем понятий абсолютного и относительного, индикативного и релятивного глагольного времени, несмотря на обширную литературу, им посвященную, не получили однозначного решения (ср. точки зрения А. Белича, М. Стевановича, Н. С. Поспелова — Л. Андрейчина — Г. М. Милейковской — Е. Кржижковой — М. Ивич — А. В. Бондарко и др.; см. А. В. Бондарко. Вопросы глагольного времени на IV Международном съезде славистов. — ВЯ, 1959, № 3).

⁹² А. Добняш. Опыт семаснологии частей речи и их форм. Прага, 1897, стр. 152. О соотношении субъекта речи S_1 и субъекта действия, принимаемого за точку отсчета, S_2 , см.: Е. Кржижкова. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, № 3; А. В. Бондарко и Л. Л. Буланин. Русский глагол.

тишина (Пушкин, Сказка о мертвой царевне); Под окном за пряжу села Ждать хозяев, а глядела Все на яблоко. Оно Соку спелого полно, Так свежо и так душисто, Так румяно, золотисто, Будто медом налилось! (Там же).

Следует заметить, что понятие субъекта действия — восприятия здесь не ограничивается совпадением с подлежащим, а имеет широкое синтаксическое значение, в согласии с изложенным выше о синтаксической категории лица. Ср.: *Ей снится*, будто бы она Идет по снеговой поляне (Пушкин, Евгений Онегин); Так решено: не окажу я страха (Пушкин, Борис Годунов); Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце (Пушкин, Метель); Мысль, что тайна ее сердца известна отцу ее, сильно подействовала на ее воображение (Пушкин, Арап Петра Великого); Слышно, как тяжело дышат копающие бойцы (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

2.2. От употребления форм времени, зависящих от точки отсчета, принципиально отлично употребление форм времени, не зависящих от точки отсчета. Если в первом случае употребление глагольных форм времени мотивировано их основным грамматическим значением, то во втором между формой времени глагола и грамматическим значением времени нет соответствия, это форма немотивированная, закреплённая, связанная⁹³. Обычно такая закреплённая глагольная форма является носителем определенных дополнительных, экспрессивно-стилистических или модальных оттенков значения.

Так, за выражением побудительной модальности закреплёны формы *Пошел! Поехали! Идем! Споем! Поговорим о старине* (ср. ...кричим: *Пошел, пошел!* (Пушкин) и: крикнем: *Пошел!*; крикнул: *Пошел!*); с выражением иронического, презрительного отказа связаны (при определенном интонационном рисунке и порядке слов) конструкции с прошедшим или будущим временем глагола *Стал (стану) я на него работать! Так я и пошел (пойду) к нему!* Модальный оттенок потенциальности, возможности — невозможности действия выражается формой будущего совершенного: *В игре ее конный не словит, В беде — не сробеет — спасет, Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет* (Некрасов); *Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой* (Грибоедов). В значении сменяющихся и повторяющихся действий «форма будущего времени совершенного вида может обозначать, что время совершения процесса безотносительно к моменту речи»⁹⁴: *Заглянет в облако любое, Его так пышно озарит И вот уж перешла в другое* (Пушкин); *Татьяна то вздохнет, то*

⁹³ Ср. понятие связанной синтаксической конструкции в статье: Д. Н. Шкелев. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке. — ВЯ. 1960, № 5.

⁹⁴ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 576.

охнет (Пушкин); Она сначала обожжет, Как ветерок студень, А после в сердце упадет Одной слезой соленой (А. Ахматова, Песня о песне). С усилительными частицами та же форма и форма, омонимичная с императивом, служат выражению внезапности, неожиданности действия: Как царица отпрыгнет, Да как ручку замахнет... (Пушкин); И приглянись ему эта наша принцесса (А. Островский). Ср. также: А он вдруг возьми да пригласи меня к себе на вечер (Тургенев).

По-видимому, сложность временного значения перфекта (действие совершилось в прошлом, а результат действителен для настоящего) позволяет и в перфектном употреблении формы прошедшего совершенного видеть дополнительные оттенки и отнести его ко второму типу употреблений, поскольку перфектное значение формы прошедшего времени, в отличие от имперфектного и аористного, незаменимо формами другого времени при переводе в другой временной план⁹⁵. Ср.: Я узнаю окрестные предметы — Вот мельница! Она уж развалилась; Веселый шум колес ее умолкнул; Тропинка тут вилась — она заглохла, Давно-давно сюда никто не ходит (Пушкин, Русалка); Свечи нагорели, долог зимний вечер... Брови ты приподнял, грустен тихий взгляд... (Бунин); Как щеки запали, бескровны уста, Лица не узнать моего; Ведь я не прекрасная больше, не та, Что песней смутила его (А. Ахматова).

Вряд ли правомерно считать связанное употребление обуславливающим относительное значение глагольной формы⁹⁶. Понятие связанного и относительного употребления требует более четкого разграничения.

Относительным (или соотносительным) называем употребление форм в их основном временном значении, свободном, «переводимом», но ориентированном как на точку отсчета, не на момент восприятия, а на другое действие; связанное же употребление, в том числе перфектное употребление прошедшего совершенного, неперебиваемое и не зависимое от точки отсчета, не считаем относительным.

Во всех приведенных случаях не зависимо от точки отсчета, связанного употребления временных форм, поскольку форма глаголов не сигнализирует грамматического значения времени, встает вопрос о том, каким способом определить временное значение предикативной оси. В соответствии с тем, что речь идет не о морфологической категории времени, а о более широкой синтаксической категории, конфликт между формой и содержанием, как и в отношении категории модальности (см. выше, стр. 143), решается в пользу содержания. Временная характеристика подобных предложений определяется, с учетом показате-

⁹⁵ Возможность отнесения перфектного значения и к плану настоящего и к плану прошедшего отмечал Д. И. Шмелев в статье «Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола».

⁹⁶ См. там же, стр. 7.

лей контекста, отношением содержания к принятой говорящим точке отсчета времени.

Разграничив зависимое от точки отсчета и не зависимое от точки отсчета употребление глагольных форм времени, мы разграничили тем самым функционирование глагольных форм в основном грамматическом значении времени и особые случаи употребления временных глагольных форм.

Анализ всей сложности видо-временных отношений в системе русского глагола не входит в задачи настоящей работы, однако предложенное разграничение могло бы, как представляется, послужить фоном для дальнейшего анализа.

3. Для типологии простого предложения важным оказывается признак, который вслед за А. В. Бондарко назовем аспектуально-временной локализованностью, хотя в конкретном понимании его обнаружатся несовпадения.

Речь говорящего содержит некую информацию об объективной действительности. Предметы действительности могут привлечь его внимание своими качествами, свойствами, отношениями, состоянием, действием, действием в его процессуальном осуществлении или в его результативной осуществленности, действием как единичным явлением в его индивидуальной конкретной длительности или как явлением типичным, отвлеченным от конкретного временного проявления. Говорящий может сообщать о том или ином явлении как о единичном факте или поднимать этот факт на ту или иную ступень абстракции. Ср.: *Один на ветке обнаженной трепещет запоздалый лист* (Пушкин); *Там день и ночь кружится желтый лист, Стоит туман на волнах охладевших* (Пушкин); *И каждый раз, как желтый лист кружится, Все кажется, и помнится, и мнится, Что осень прошлых лет была не так грустна* (Блок).

Изображение, воспроизведение, описание, информация, по-видимому, соответствуют и разным видам, ступеням мышления:

1) отражение мышлением впечатления, непосредственного восприятия действительности;

2) знание о действительности;

3) познание действительности⁹⁷.

Таким образом, речь идет о соотношении объективной действительности и приемов ее субъективного отражения и изображения.

В. В. Виноградов указывал на необходимость определить функции разных типов предложений и высказываний, на необходимость изучить вопрос о типизованных в системе данного языка ситуациях, определяющих употребление разных типов предложений⁹⁸. «Синтаксические конструкции, кроме своей схе-

⁹⁷ См.: Г. П. Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ.— ВЯ. 1967, № 1.

⁹⁸ См.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 89—91 и др.

мы или общей абстракции, имеют и абстракцию всевозможной реализации», — писал А. Белич⁹⁹.

Рассмотрим текст газетной заметки «Изв.», фев. 1962).

В гости к друзьям

На перроне — группа людей с чемоданами в руках. Цветы, дружные напутствия друзей, прощальные поцелуи.

Отъезжающие — колхозники из Белоцерковского района Киевщины: передовая доярка..., бригадир тракторной бригады... и другие. Они едут путешествовать. Посетят Болгарию, присмотрятся к опыту тружеников сельского хозяйства, познакомятся с достопримечательностями страны.

Незадолго до белоцерковцев поехали в Чехословакию 32 колхозника Бориспольского района. На днях по тому же маршруту выедут передовики сельского хозяйства Березанского района, а в ГДР — колхозники Гребенковского района.

Поездки трудящихся в страны народной демократии способствуют укреплению дружбы между братскими народами, упрочению дела мира.

Абзацы этого текста представляют разные коммуникативно-синтаксические приемы речи:

1) изображение, воспроизведение непосредственно наблюдаемой в момент речи ситуации, действия, состояния в их конкретной длительности, в аспектуально-темпоральной локализации (уровень наблюдения);

2) информация о действующих лицах, об их намерениях и целях, отвлеченная от конкретного момента времени (уровень знания);

3) информация, содержащая сопоставление данного факта с аналогичными (экскурсы в план прошлого и будущего времени), обобщение данного факта как типичного (уровень знания);

4) следующая степень абстракции — умозаключение (уровень познания), характеризующее значение данного факта в обобщенном, постоянном временном плане.

Очевидно, что абстракция предложения как схемы невозможна без учета композиционно-коммуникативных условий его реализации. Только композиционно-коммуникативные условия реализации предложения *Великая русская актриса Нежданова пела перед матросами и солдатами, штурмовавшими Зимний дворец* (Радиопередача) снимут двусмысленность глагольной формы, обозначающей либо конкретный факт, происходивший в определенный момент прошлого, либо неоднократность действия в отвлечении от конкретного времени.

Те или иные комбинации коммуникативных типов могут быть изучены как композиционно-синтаксические приемы построения контекста в разных речевых ситуациях, в разных функционально-речевых стилях, в разных жанрах и направлениях. В целом это

⁹⁹ А. И. Белич. Природа языка и его изучение. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 5, стр. 427; ср.: Он же. О језичкој природи и језичком развитку. «Лингвистичка испитивања». Београд. 1941.

вопрос синтаксиса речи. Здесь он нас интересует с точки зрения языковых средств, обеспечивающих «абстракцию реализации» и находящихся в пределах категории темпоральности.

Видо-временная система русского глагола представляет возможность говорящему, в зависимости от характера его высказывания, избрать способ отражения явления действительности — как явления единичного, конкретного, как явления обычного, повторяющегося, типичного или как явления обобщенного, возведенного в степень абстракции.

По степени конкретности — абстрактности, или по признаку локализованности действия во времени, принято различать, с разными вариациями, значения актуального действия (наличного, конкретного), узуального (обычного) и постоянного (вневременного, обобщенного, абстрагированного, гномического) в формах настоящего времени. Отмечались случаи параллелизма между формами разных времен по степени конкретности — абстрактности действия. Представляется, однако, что то же соотношение значений актуального (наличного), узуального (обычного) и вневременного (обобщенного, гномического, абстрагированного), которое выявлено в настоящем времени, сохраняется также и в других временах, поддержанное видовыми значениями и лексическими средствами¹⁰⁰. В схематическом виде это соотношение можно проиллюстрировать таблицей (см. стр. 182).

В актуальном значении отражается единичное конкретное явление действительности, наблюдаемое в определенный момент времени (настоящего, прошедшего или будущего).

В узуальном значении действия предстают отвлеченными от конкретного времени. Это уже уровень знания — знания того, что наблюдаемое явление — не единичное, а обычное, непрерывно длящееся или многократно повторяющееся в настоящем, прошедшем или будущем.

В обобщенном, постоянном значении действие, целиком абстрагированное от времени, поднимается на уровень познания: связи между явлениями действительности предстают не как данные непосредственному наблюдению, а как установленные человеческим интеллектом¹⁰¹ и имеющие вневременную силу.

Установленное соотношение показывает, что собственно темпоральный признак — отношение к точке отсчета времени — оказывается подвижным, изменяемым, в отличие от устойчивой аспектуально-темпоральной характеристики предложения по сте-

¹⁰⁰ Мысль о применимости понятия актуальности/неактуальности не только к формам настоящего времени, но и ко всему глаголу, высказывал французский славист Марк Вэ (M. Vey), см.: «Slovo a slovesnost», 1958, № 3. См. также: И. В. Воскресенская. Вневременное значение в современном русском языке. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. 228, 1969.

¹⁰¹ Ср.: Г. Г. Сильницкий. Семантические классы и типы предложений. «Рефераты и тезисы докладов XII научной конференции Смоленского гос. пед. ин-та». Смоленск, 1961, стр. 206 и др.

по отношению к точке отсчета	Время		
	по степени абстрагированности (локализованности)		
	актуальное	узусальное	обобщенное (постоянное)
Настоящее	<i>Склонившись над доской, они играют в шахматы</i>	<i>Всю зиму они играют в шахматы</i>	<i>Лучше других играют в шахматы люди с математическими способностями</i>
Прошедшее	<i>Склонившись над доской, они играли в шахматы</i>	<i>Всю зиму они играли в шахматы</i>	<i>Всегда играли и будут играть в шахматы лучше других люди с математическими способностями</i>
Будущее	<i>И завтра снова, склонившись над доской, они будут играть в шахматы</i>	<i>И всю следующую зиму они опять будут играть в шахматы</i>	

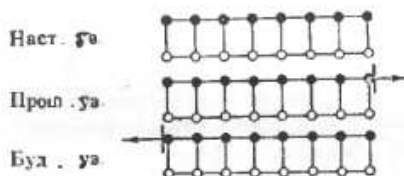
пени абстрагированности (локализованности) действия: характер действия, его единичная конкретность, длительность или абстрагированность, не меняется, если изменяется временная характеристика действия с изменением позиции наблюдателя, — синхронной по отношению к действию настоящего, «постпозитивной» по отношению к действию прошлого, «препозитивной» по отношению к действию будущего.

Если с темпоральным признаком связано перемещение позиции наблюдателя, то с аспектуально-темпоральным признаком локализованности связано изменение характера этой позиции. Актуальное действие наблюдатель воспринимает с точки, расположенной «напротив» действия. Это точка и отсчета времени и грамматического момента речи. Актуальное прошедшее и будущее наблюдатель должен воспринять с той же точки (будущее он должен увидеть мысленно, в воображении, но тоже «увидеть»), но момент речи отделен от момента восприятия, он выносится за пределы времени действия, как сказано выше, в постпозицию и в препозицию. Схематически соотношение актуального действия и позиции наблюдателя в трех временах можно изобразить так:

(светлый кружок символизирует действие, черный — позицию наблюдателя, стрелка — направленность момента речи за пределы времени действия).

Узуальное действие воспринимается не с точки, а с линии, параллельной действию, или с множества точек на этой линии, с выходом за пределы линии в направлении к моменту речи для представления действия в форме прошедшего или будущего времени. Изменение точки в линию — известная ступень обобщения, создающая уровень знания.

Линия синхронного восприятия узуального действия несоизмерима с реальным моментом речи, а часто и вообще исключает совпадение времени действия и момента речи (*Сирень цветет в мае, Он играет в теннис, И снится ей все, что в пустыне далекой...*). Поскольку речь идет об обычном занятии, состоянии, свойстве предмета, роль восприятия ослабевает, усиливается роль знания.

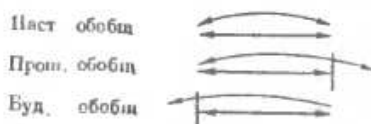
Специфическим показателем в русском языке узуального времени, по-видимому, является глагол *бывало* в его и полнозначном и связочном употреблении: *Бывало грустно им, а скучно не бывало* (Крылов, Два голубя); *Бывают странны сны* (Грибоедов, Горе от ума); *Станным сном Бывает сердце полно* (Пушкин, Домик в Коломне); *...Ты, от кого я пьян бывал* (Пушкин, Евгений Онегин).

Одна из форм этого глагола *бывало*, стабилизовавшаяся в роли частицы, придает узуальное значение различным глагольным формам и безглагольным синтаксическим конструкциям. Ср.: *Бывало, он еще в постеле: К нему записочки несут* (Пушкин, Евгений Онегин); *Я вспомнил о старушке, о невесте, Бывало, тут сидевших под окном* (Пушкин, Домик в Коломне).

Обобщенное, постоянное действие отличается отсутствием временной лимитации, обращенностью в прошедшее и будущее, нейтрализацией временных противопоставлений. Говорящий должен подняться над бесконечной протяженностью действия, аккумулировав опыт наблюдателей всех времен на уровне познания вневременных связей и отношений. Графически представим обобщенное действие как линию с устремленной в обе стороны протяженностью, а позицию говорящего — как дугообразную линию над ней, также с обоюдонаправленной протяженностью. В сравнительно редких случаях употребления прошедшего и будущего обобщенного говорящий выносит момент речи за преде-

лы протяженности действия, тем ограничивая ее с одной стороны:

Конечно, восприятие, знание, познание — категории не лингвистики, а психологии или гносеологии. Но они находят свое выражение в языке, языковыми средствами. Поэтому перед лингвистикой остается вопрос: если в языковых построениях мы различаем соответствующие значения, но они не располагают собственным инвентарем специальных грамматических категорий, — через какие языковые средства мы их воспринимаем, в пересечении каких координат языковой системы можем их обнаружить? Представляется, что изучение соотношений темпоральных и актуально-темпоральных признаков открывает путь к лингвистической интерпретации данных явлений.

Ждут исследования с этой точки зрения соотношение единичного, конкретного — и общего, собирательного в значении имен существительных (ср. *лист*; *человек*; *Лошадь ест сено*); категория определенности — неопределенности; сочетаемость лексических показателей — местоименных, наречных — с теми или иными типами высказываний и т. д. Соотнесение с названными категориями позволит вскрыть неизученные структурно-смысловые возможности языка, новые пласты взаимодействия в нем разных элементов.

Возвращаясь к категории времени, проиллюстрируем экспериментальным материалом отмеченные соотношения темпоральных и актуально-темпоральных признаков как подвижных и устойчивых.

Перемещением позиции наблюдателя изменяем время актуального действия: *На столе, блистая, Шипел вечерний самовар* (Пушкин, Евгений Онегин); ср.: *На столе, блистая, шипит вечерний самовар*; *На столе, блистая, будет шипеть вечерний самовар*; *Татьяна любопытным взором На воск растопленный глядит* (Пушкин, Евгений Онегин); ср.: *Татьяна любопытным взором глядела (будет глядеть) на растопленный воск*.

Тем же приемом изменяем время узувального действия: *Губернские чиновники трепетали при его имени* (Пушкин, Дубровский); ср.: *Губернские чиновники трепещут (будут трепетать) при его имени*; *Целый день бродил я по бесчисленным переходам* (Пушкин, Путешествие в Арзрум); ср.: *Целый день брожу я (буду бродить) по бесчисленным переходам*; *Здесь ночью нега и покой, А днем и шум и пированье* (Пушкин, Руслан и Людмила); ср.: *Здесь ночью были нега и покой..., Здесь ночью будут нега и покой...*

То же соотношение, определяемое позицией наблюдателя,— в сообщениях о постоянном, обобщенном действии: *Волхвы не боятся могучих владык* (Пушкин, Песнь о вещем Олеге); ср.: *Волхвы не боялись (и не будут бояться) могучих владык*; *Голове ума не придадут места* (Крылов, Парнас); ср.: *Голове ума не придают (и не придавали) места*; *У сильного всегда бессильный виноват* (Крылов, Волк и ягненок); ср.: *У сильного всегда бессильный был (и будет) виноват* и т. п.

С точки зрения функционально-синтаксической типологии предложения важно, что из соотношения аспектуально-темпоральных признаков выводится следующая закономерность: соответственно усилению степени абстрагированности действия от конкретного времени обнаруживается ослабление степени активности действия, ибо понятие действия и понятие времени — две диалектически слитые стороны одного явления: активное действие, активная деятельность субъекта проявляется в актуальной форме времени; постоянное, обычное действие в узуальной форме приближается к состоянию; вневременное, обобщенное действие становится способом выражения свойства, качества предмета. Деление глагольных форм по степени абстрагированности от конкретного времени (линия «конкретно-временное проявление — вневременное») и взаимодействующее с ним деление по степени активности действия (линия «действие — недействие») составляют один из языковых критериев структурно-семантической классификации моделей предложения. Однако нуждается в дополнительном изучении вопрос о том, какое место занимает признак аспектуальной локализованности в отношении к категории предикативности: составляет ли он четвертый грамматический компонент этой категории (или функционально-семантический, по А. В. Бондарко), либо представляет аспекты категории времени, либо, может быть, он должен рассматриваться среди структурно-семантических модификаций моделей, поскольку проявления этого признака связаны с регулярными изменениями в семантике предложения.

СОСТАВ МОДЕЛИ

Минимальная достаточность для разных типов значений реализуется в разном количестве обязательных компонентов модели. При этом, как говорилось выше, важно разграничить обязательность той или иной неконструктивной синтаксической формы при слове относительного значения, распространяющей это слово внутрикомпонентно, и обязательность синтаксической формы конструктивной, составляющей компонент данной модели.

В русском языке различаются однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные модели.

1. Для предложений, констатирующих наличие, существование предмета, явления, время, место, бессубъектное состояние

среды, достаточно одного компонента, непосредственно отнесенного к действительности: *Зимний вечер; Ночь; Улица; На площади; Светает; Морозно; Тишина; Ни звука* и т. п.

2. Большинство моделей предложений русского языка двухкомпонентно, в них сопрягаются предикативной связью компонент, обозначающий предмет, и компонент, обозначающий признак предмета в широком смысле: действие предмета, состояние, качество или свойство, количество, принадлежность, пространственную отнесенность, принадлежность к классу и т. п.

Понятие двухкомпонентной модели отличается от школьного понятия «нераспространенного предложения» тем, что допускается не только выражение второго компонента другими лексикограмматическими средствами, кроме личного глагола, но и выражение первого компонента другими синтаксическими формами, кроме именительного падежа имени. Форма именительного падежа является наиболее типичным выразителем первого компонента, но не единственно возможным.

3. Для определенных типов предложений, сообщающих об отношении одного предмета к другому, минимально достаточным является трехкомпонентный состав, взаимообусловленные компоненты соответственно содержат названия первого предмета, отношения и второго предмета. Можно выделить несколько разновидностей таких предложений.

3.1. Модель *Матери понравилась картина* (Горький) состоит из: 1) дательного субъекта отношения (в форме дательного — личное существительное), 2) названия отношения, по форме переменного (глаголы определенной семантики, краткие прилагательные, фразеологизированные предложно-именные формы), 3) именительного объекта отношения. Примеры:

Всем дамам | совершенно не понравилось | такое обхождение Чичикова (Гоголь, *Мертвые души*); *Лаврецкому | такое множество народа | было не по нутру* (Тургенев, *Дворянское гнездо*); *Ей | скучен был | и звонкий смех, | И шум их ветреных утех* (Пушкин, *Евгений Онегин*); *Некраденый кусок | приелся | скоро | ей* (Крылов, *Крестьянин и Лисица*); *Нет, вам | наскучили | нивы бесплодные, | Чужды | вам | страсти | и чужды | страдания* (Лермонтов, *Тучи*); *Опостыли | мне | кони легкие* (Лермонтов, *Песня про купца Калашникова*); *И разгул непогод | С ранних лет | ему | люб* (Никитин, *Встреча зимы*); *И по сердцу | эта картина | всем любящим русский народ* (Некрасов, *Мороз — Красный нос*); *Никому уж | он | давно | был не нужен, | всем | уж давно | он | был в тягость* (Л. Толстой, *Холстомер*).

Несмотря на различия в способах выражения второго компонента, в порядке слов, в степени распространенности каждого из трех компонентов, — перед нами предложения одного типового значения, представляющие одну и ту же трехкомпонентную модель.

Необходимость синтаксической формы дательного падежа в этих предложениях не вызывает сомнений, без нее нет и самих предложений, отсутствие ее свидетельствовало бы о неполноте предложения (ср.: ...и чужды страдания). Но возникает вопрос: на каком основании дательный здесь принимается за конструктивный компонент модели предложения, а не за распространение глагола *нравиться* и других подобных слов на уровне словосочетания? ¹⁰²

Основания для этого следующие.

В словосочетании глаголы распространяются падежными формами с объектным значением, но не с субъектным. Сочетание глаголов, обозначающих действие, состояние, отношение с обозначением субъекта этого действия, состояния, отношения происходит в структуре предложения (на докоммуникативную ступень, в аналог словосочетания, выводят субъектную связь отвлеченные существительные, ср.: *обхождение Чичикова, отношение дам к Чичикову* и под.). В структуре предложения дательный субъекта не только необходимый, но и постоянный по форме компонент, тогда как отношение может выражаться разными способами, ср.:

Матери нравится картина
по душе
надоела
безразлична
не нужна и т. п.

Маловероятно, чтобы форма постоянного компонента зависела от переменного. Немаловажно и то обстоятельство, что при нейтральном порядке слов, не зависящем от контекста, именно дательный субъекта, а не именительный объекта занимает первое место в предложении. По-видимому, следует признать, что форма дательного здесь составляет независимый от какого бы то ни было слова, но обусловленный структурой предложения его компонент. Встречающиеся в литературе указания на управление дательным соответствующих глаголов и прилагательных происходят из наблюдений над их коокуренностью (совстречаемостью) в структуре предложения при недостаточной дифференцированности представлений о предложенческих и словосочетательных связях.

Ср. двухкомпонентную модель, где субъект отношения выражен формой именительного падежа, а объект — разными связанными формами, избираемыми глаголом, входящими в предложение только со «своим» глаголом и потому не составляющими от-

¹⁰² Вопреки прежней точке зрения автора (ср.: Г. А. Золотова. Беспредложные глагольные словосочетания с зависимым дательным. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», т. С. 1961, вып. 6, стр. 7—8).

дельного компонента: Он|любуется картиной; Он|разочаровывается в картине; Он|издевается над картиной и т. п.

3.2. Модель *Татьяне снится сон* также состоит из трех взаимообусловленных компонентов: 1) дательного субъекта восприятия (при этом дательный субъекта, в отличие от именительного субъекта, всегда употребляется в конструкциях, которым присущ оттенок пассивности, независимости происходящего от воли субъекта)¹⁰³; 2) обозначения восприятия; 3) именительного объекта восприятия. Примеры:

И снится чудный сон Татьяне (Пушкин, Евгений Онегин); *И в молчаливом кабинете Ему припомнилась пора...* (Там же); *Мне памятно другое время!* (Там же); *Давно завидная мечтается мне доля* (Пушкин, Пора, мой друг); *То чей-то шорох, то шептанье, То крики чудятся ему* (Пушкин, Бахчисарайский фонтан); *И все-то мне грезится — снег и равнина* (Огарев, Свобода); *Мне вспоминается бывшее счастье, Былые дни...* (Бунин, В степи); *Так раненому снится враг, Изгнаннику — родной очаг, И капитану — океан, И деве — розовый туман...* (Блок, Надпись на сборнике «Седое утро»); *Я знала, Я снюсь тебе* (А. Ахматова, Сон).

Особенностью этой модели является часто реализующаяся возможность замещения позиции третьего компонента придаточным предложением, раскрывающим содержание воспринимаемого: *Ей снится, будто бы она Идет по снеговой поляне* (Пушкин, Евгений Онегин); *Показалось Ему, что грозного царя, Мгновенно гневом возгоря, Лицо тихонько обращалось* (Пушкин, Медный всадник).

Ср. также замещение формы именительного объекта восприятия дельберативной формой «о+предл. п.» со значением содержания воспринимаемого: *О ком ей снилось? что такое?* (Грибоедов, Горе от ума).

3.3. Отношения родства или другой социальной связи между двумя лицами выражает трехкомпонентная модель *Я им сосед* (Пушкин, Евгений Онегин), где два именительных называют одно лицо (одну сторону), дательный — другое:

Я ему больше не слуга (Лермонтов, Тамань); *А все-таки она ему сестра* (Тургенев, Ася); *Ведь он же кум ей* (М. Шолохов, Поднятая целина); *Тебе я буду сын и друг, Послушный, преданный и нежный, Твоим сыном кунак надежный, А ей — приверженный супруг* (Пушкин, Тазит); *И люди знали: мальчик им — Ровня в беде детской* (Твардовский, Дом у дороги).

¹⁰³ Конструкции *Мне вспомнилась сказка, Ему послышались шаги* Вл. Грабе и Пр. Адамец квалифицируют как демипассивную трансформацию предложений *Я вспомнил сказку, Он услышал шаги* («Transformační syntax současné ruštiny». Praha, 1969, стр. 34 и др.), но из приводимой нами группы не все предложения (с глаголами *снится, чудится*) имеют «активную» параллель.

Ср.: выражение отношения не вторым именительным, а наречием: *Ведь я ей несколько сродни* (Грибоедов, Горе от ума); ср. ту же модель с переносным значением: *Быстро бегут Дни. День колесу Сродни* (Есенин, Поэма о 36).

Близка к этой модель, где вторая сторона выражается формой «с+тв. п.» с комитативным значением, а отношение — различными, переменными способами:

Он с ними в родстве.

Он с ними дружит.

Он с ними дружен.

Он с ними на короткой ноге.

Он с ними в дружеских отношениях и т. п.

Форма «с кем» не управляется глаголом *дружит*, не зависит от него, а сочетается на основе синсемантичности значений, так же, как и с другими лексико-грамматическими способами выражения взаимных отношений: *Я ведь с театральными людьми на короткой ноге* (Федин, Необыкновенное лето); *Нет, с теми Пастуховыми мы не в родстве* (Федин, Первые радости); *С хозяйкой у ней наибеспрерывнейшие раздоры* (Достоевский, Преступление и наказание).

То, что в форме дательного и в форме «с+тв. п.» в трехкомпонентных моделях нет собственно объектного значения, подтверждается возможностями синонимических преобразований, где предмет, названный этими формами, выступает на равных структурно-смысловых началах с предметом, названным именем в именительном. Ср.: *Я им сосед ≈ Мы (с ними) соседи; Он им кунак, Он с ними дружит ≈ Они дружат, Они друзья, Они кунаки.*

3.4. Отношения соответствия или нерархии между двумя предметами выражаются трехкомпонентной моделью, где один предмет назван именем в именительном падеже, второй — именем в дательном или формой «с+тв. п.», а отношение выражено кратким прилагательным или глаголом соответствующей семантической группы (*равен, подобен, пропорционален, перпендикулярен, симметричен, сходен, противоположен, уподобляется, соответствует, противостоит*):

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру (Лермонтов, Фаталист); *Их улыбки противуречат их взорам* (Лермонтов, Княжна Мери); *Но вере теплой опыт хладный Противоречит каждый миг* (Лермонтов, Исповедь); *В мире, где столь Многого хотим, Знаю — один Мне равномогущен* (М. Цветаева, Двое); *Казалось, что такому напряжению радостно разъяренной силы ничто не может противостоять* (Горький, Мои университеты); *Слова Степана Михайловича: «Никого не будет» — равнялись запрещению приходить* (С. Аксаков, Семейная хроника); *Иностранное слово «журнал» совершенно равнозначительно русскому «дневник» или «ежедневник»* (Белинский, Русская литература в 1842 г.); *Но эти гипотезы противоречат ог-*

рольному числу других фактов (С. И. Вавилов, Экспериментальные основания теории относительности).

Возможность уравнивания позиций обоих сопоставляемых предметов, как и выше, может быть доказательством того, что конструкция носит характер двухсубъектный, а не субъектно-объектный. Ср.: *Треугольник ABC подобен треугольнику CDE* $\approx$ *Треугольники ABC и CDE подобны*.

Равны все музы красотой, несходство их в одежде (Боратынский); *Для бедной Тани все были жребии равны* (Пушкин).

3.5. Значение оценки соответствия между предметами может выражаться трехкомпонентной моделью, где субъект, в отношении к которому оценивается предмет, назван формой дательного, оцениваемый предмет — формой именительного, а оценка соответствия выражается несколькими глаголами (*подходит, идет, годится*) и фразеологизированными предложно-падежными формами, чаще с отрицанием *не*: (*не*) *по вкусу, по нраву, по силам, по плечу, по карману, по росту, к лицу, под силу, под стать*¹⁰⁴.

Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет мсье Грушницкому (Лермонтов, Княжна Мери); *Тема этого фоторепортажа под стать его размерам — она грандиозна и публицистична* («Неделя», 1963, № 26); *По плечу молодцу все тяжелое* (Никитин, Утро); *Вы баловник, к лицу ль вам эти лица?* (Грибоедов, Горе от ума); *Но скалы, и тайные мели, И бури ему нипочем* (Лермонтов, Воздушный корабль).

Приведенные группы трехкомпонентных моделей, границы между которыми в известной степени условны, организуются с участием синтаксической формы дательного субъекта — формы неуправляемой, конструктивно обусловленной.

3. 6. К трехкомпонентным принадлежит также модель с компаративным значением. Сравнение, сопоставление предметов по степени признака, присущего им обоим, естественно, предполагает в предложении наличие трех компонентов: названий обоих предметов — формой именительного и формой родительного — и названия признака, сравнительной формой прилагательного:

Ты счастливей меня (Лермонтов); *Дева на скале Прекрасней волн, небес и бури* (Пушкин); *Цветы последние милей Роскошных первенцев полей* (Пушкин); *Сноснее многих был Евгений* (Пушкин); *И нужнее насущного хлеба Мне единое слово о нем* (А. Ахматова); *Ночь не добрее дня, День не добрее ночи* (М. Цветаева).

Двусоставно ли предложение *Земля больше Луны?* — ставит вопрос Т. П. Ломтев, и отвечает на него положительно, считая, что в этом предложении такой же состав сказуемого, как в предложении *Петр видит Бориса*¹⁰⁵. Однако характер связи в обоих

¹⁰⁴ Ср. рубрику «дательный соответствия» в статье: О. А. Никитина. Синтаксис дательного падежа в современном русском языке. «Уч. зап. Рязанского пед. ин-та», т. 51, 1969, вып. 2, стр. 210.

¹⁰⁵ См.: Т. П. Ломтев. Принципы построения формулы предложения. — ФН, 1969, № 5.

случаях различен: *видит Бориса* — словосочетание, где связанной синтаксической формой винительного падежа распространяется глагол с относительным значением, причем во всех формах глагола: *видеть Бориса, видел Бориса, видевший Бориса, видя Бориса* и т. д. Форма винительного входит в предложение за «своим» глаголом, создавая распространенный предикатный компонент.

Синтаксическая форма родительного падежа не служит распространением прилагательного *большой*, она появляется лишь при одной форме, сравнительной степени, функционирующей в предложениях определенного типа. В трехкомпонентных моделях компаративного значения форма родительного падежа имени — обусловленный структурой модели один из ее компонентов. Представление о том, что сравнительная степень «управляет» родительным, основано на нерасчлененном, некритическом употреблении понятия «управление». Обусловленное, но не подчиненное положение формы родительного падежа в компаративной конструкции подтверждается возможностью «перемены мест» сопоставляемых предметов, с антонимической заменой названия признака: *Земля больше Луны = Луна меньше Земли* (выбор того или иного из синонимических вариантов определяется ролью каждого из предметов в движении контекста).

Второй предмет (третий компонент) может быть выражен формой именительного падежа с союзом *чем*: *Земля больше, чем Луна; Луна меньше, чем Земля; А глаза синей, чем лёд* (А. Ахматова, Рыбак).

Трехкомпонентной остается компаративная модель и при сопоставлении состояния двух предметов (лиц), первый из которых назван именем в дательном, второй — обычно союзной формой дательного или родительным притяжательного местоимения: *Мне легче, чем тебе* или *Мне легче твоего*, например: *Мне легче, чем всем. Я Маяковский* (Маяковский, Хорошо); *Мне, друг Замоткин, несравненно тяжелее твоего* (А. Н. Толстой, Хлеб).

Сопоставляемые предметы (понятия) в трехкомпонентной модели могут быть выражены инфинитивами: *Сорваться эффективнее, чем устоять, Разбить романтичнее, чем уберечь, Отречься приятнее, чем настоять...* (Н. Матвеева).

4. Приведенные образцы трехкомпонентных моделей не исчерпывают всех разновидностей, но должны послужить иллюстрацией самого положения о возможной трехкомпонентности состава первичных моделей предложения в русском языке. Здесь важно понятие о трехкомпонентности первичного, необходимого состава модели, когда самой модели не было бы без одного из компонентов, в отличие от трехкомпонентности вторичной, получаемой в результате факультативного распространения двухкомпонентной модели (*Чуден Днепр при тихой погоде; На ветвях зеленых качаются райские птицы*) или в результате взаимодействия, наложения моделей (*Своих князей у них довольно; У бога дней не решето* и т. п.). Об этих явлениях см. ниже.

Рассматривая приведенные разновидности первичных моделей как результат предикативного сопряжения трех необходимых компонентов, нельзя не видеть, что морфологическими средствами так называемого согласования в роде и числе оформляется связь между компонентом, выраженным формой именительного падежа, и компонентом глагольным (связочным): *Мне снился сон, Мне снились милые предметы; Шинель была ему не по росту* и т. п. Это и дает основание обычно относить третий компонент, в дательном или родительном падеже, к второстепенному составу. Но, как говорилось выше, согласование в роде и числе — лишь факультативный способ оформления предикативной связи в русском языке, свойственный далеко не всем типам предложений, и — что особенно важно — не в согласовании и не в категориях рода и числа существа предикативных отношений.

Высказывая мысль о тех или иных явлениях действительности, говорящий сопрягает компоненты речи — мысли, которыми обозначаются соответствующие явления или понятия. Сообщая о бессубъектном состоянии среды (*Дождь; Холодно; Светает*), говорящий соотносит обозначение соответствующего понятия с действительностью посредством предикативной интонации, интонации сообщения, определяющей вместе с тем место данного предложения в системных грамматических рядах. Сообщая о предмете и признаке, им производимом, ему присущем или присуждаемом, говорящий интонационно и грамматически сопрягает компоненты, называющие предмет и признак (*Пугачев нахмурился; Лес чернеет; Вид прекрасный; С ним беда; Ей весело*). Если же говорящий сообщает о признаке предмета, возникающем только из сопоставления одного предмета с другим, высказывание о таком признаке может быть построено сопряжением трех компонентов (*Волга длиннее Дона; Маша выше Пети; Шляпа ей к лицу*). Кроме этой, структурно-смысловой аргументации, подчеркиваем собственно синтаксические различия в статусе синтаксических форм слова неподчиненных, входящих в предложение на правах его компонентов, и подчиненных, входящих в предложение в качестве внутрикомпонентных распространителей.

5. Итак, предложение, осуществляя свое смысловое назначение, организуется не согласованием канонизированных подлежащего и сказуемого, а сопряжением выраженных определенными синтаксическими формами слов значимых элементов, которые во многих случаях не совпадают с тем, что традиционно называется главными членами предложения. При традиционном логико-грамматическом подходе к анализу предложения задача синтаксиса сводилась к отысканию в любом предложении подлежащего и сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. При этом игнорировались конкретные языковые формы разных типов предложения, своеобразия их структуры¹⁰⁶.

¹⁰⁶ См. об этом: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 67.

Хотя номинативно-глагольные предложения наиболее типичны для русского языка, однако «свидетельства самой живой русской речи», — писал В. В. Виноградов, — указывают на «разнообразие грамматического строения и грамматических функций так называемого главного члена господствующего состава в двусоставных несогласованных предложениях»¹⁰⁷.

К этому можно добавить, что с разнообразием семантико-синтаксических форм и функций главного члена одного состава в двусоставном предложении взаимообусловленно связано такое же разнообразие главного члена второго состава.

Останавливаясь перед фактом разнообразия семантических элементов, которые обычно выражаются подлежащим, исследователи понимают неизбежность возникновения вопроса: «почему под одним термином объединяется так много различных элементов, таких, как производитель действия (в активных конструкциях) и объект действия (в пассивных конструкциях), и почему именно эти элементы, а не другие»¹⁰⁸. И зачастую уходят от этого и подобных вопросов, утверждая нерелевантность семантических характеристик для компонентов предложения. Аргументация строится на том, что «имеются и другие лингвистические единицы», а именно фонемы, содержание которых раскрывается в совокупности асемантических признаков. Ради сохранения «грамматичности» синтаксических категорий предлагается разделение грамматических и семантических их признаков между параллельными линиями (Ф. Данеш: «необходима строгая дифференциация обоих уровней») или между перпендикулярными (синтагматической и парадигматической, см. Мухин).

Можно опасаться, что механическая аналогия синтаксических элементов с фонемой, единицей иной природы и иного функционирования, так же как искусственное разделение синтаксиса и семантики, способствуют сохранению не грамматичности синтаксических категорий, а грамматических предубеждений.

Если признается: а) многозначность подлежащего, б) разнообразие форм его выражения, включая косвенные падежи имени, то исследовательская мысль могла бы направляться двумя вопросами:

1) нет ли соответствия между значениями и способами его выражения?

2) нет ли соответствия, взаимообусловленности между определенными формами, выражающими те или иные значения подлежащего, и определенными формами, выражающими те или иные значения сказуемого, а также других компонентов предло-

¹⁰⁷ В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова. — В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 101.

¹⁰⁸ Fr. Daneš. A three-level approach to syntax. «Travaux linguistiques de Prague» (L'Ecole de Prague d'aujourd'hui), 1, 1964, стр. 225. Ср.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 126—127.

жения. Этот вопрос может быть сформулирован иначе: о соответствии определенных значений, выраженных теми или иными формами, определенным значениям других компонентов, выраженных теми или иными формами.

Решение этих вопросов показало бы, какие реальные языковые явления стоят за привычными терминами «подлежащее» и «сказуемое» и какие синтаксические формы служат в действительности организующими центрами предложений разных типов.

Отметив отсутствие в русском языке общей, единой грамматической формы для выражения предикативных отношений, В. Н. Мигирин резонно утверждает, что «различие в грамматических формах [предиката] и является объективным показателем того, что здесь имеется определенное различие и в грамматических значениях». Отсюда вытекает следующее обобщение: «Любые объективные отношения могут быть рассмотрены через призму модальности и соотношения со временем речи, поэтому в так называемой предикативной связи можно обнаружить все разнообразие грамматически выражаемых связей»¹⁰⁹.

В самом деле, если освободиться от предвзятого представления об универсальности номинативно-глагольной структуры и стремиться к осмыслению реального многообразия моделей, выражающих «сквозь призму модальности и времени» всевозможные связи и отношения действительности, с этим мнением нельзя не согласиться. Вызывает сомнение лишь возможность представить в предикативной связи объектные отношения. Пользуясь примерами страдательных конструкций (*Дом строится; Бланки подписываются бухгалтером; Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается*), недостаточно учитывают, что грамматические отношения действие — объект не переносятся автоматически из действительной конструкции в страдательную. В страдательной синтаксическая форма именительного падежа обозначает не столько объект действия, сколько субъект — носитель признака, состояния, свойства. Не случайно пассивные конструкции редко употребляются в сообщении о конкретном, актуальном действии, для них характерно узуальное временное значение длительности, обычности, постоянного свойства.

Наблюдая многообразие смысловых отношений и форм их выражения в предикативной модели, наблюдая взаимообусловленность содержания и формы — с одной стороны, взаимообусловленность между организующими центрами, компонентами модели — с другой, мы изучаем состав модели, ее структурные типы не на логической, а на лингвистической основе. Непредвзято рассмотреть, что и для чего имеется в языке, как призывал еще Л. В. Щерба, — этот путь кажется более надежным

¹⁰⁹ В. Н. Мигирин. Принципы изучения членов предложения. — ФН, 1961, № 3, стр. 44.

для определения взаимоотношений семантического и грамматического в синтаксисе.

В связи со сказанным можно полагать, что понимание структуры предложения как «набора членов предложения»¹¹⁰ нуждается в известной коррекции с учетом синтаксического существования форм, функций и отношений «набираемых» единиц.

В рамках трансформационной грамматики получила распространение трактовка базисной, ядерной синтаксической конструкции как набора лексем¹¹¹.

Вопрос о том, из каких единиц складывается, производится мысль — высказывание в сознании говорящего, остается задачей, стоящей перед психологами речи¹¹².

Но с точки зрения лингвистической, понимая синтаксис как организатора и процесса мышления и процесса коммуникации, можно предположить, что единицы синтеза речи и единицы анализа должны совпадать и что этими единицами, по-видимому, являются не лексемы.

Нетрудно заметить, что в приводимых примерах самым подбором лексических значений предопределено однозначное синтаксическое построение. В ряду *профессор — осмотр — пациент*¹¹³ первый компонент должен означать субъект действия, второй — действие, переходящее на объект, третий — объект. Замена корневых элементов значительно усложняет возможности реализации и преобразований. Ср., например: *Профессор — ид — пациент* (*Профессор идет к пациенту, от пациента, с пациентом, против пациента?*); *Профессор — наход — комнат* (*Профессор находит комнату, Профессор находится в комнате?*); *Книг — леж — стол* (*Книга лежит на столе, в столе, под столом?*). Все эти возможности являются ли реализацией одной базисной структуры?

И можно ли утверждать, что, строя сообщение, например, о местонахождении предмета, говорящий оперирует корневыми морфемами *комнат-*, *стол-*, а не структурно-семантически значи-

¹¹⁰ См., например: Фр. Данеши К. Гаузенблас. Проблематика уровней с точки зрения структуры высказывания и системы языковых средств. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 10.

¹¹¹ Ср., например: «Установив лексическую базу предложения, говорящий должен выбрать тот или другой способ грамматического оформления его» (П. Адамец, В. Грабе. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. «Slavia», XXXVII, 1968, № 2, стр. 187).

¹¹² Ср.: «...психологическое моделирование... должно выявлять характерные признаки производства речи с самого низкого уровня — с образования первичных значимых комплексов. Нам до сих пор неизвестно, чему изоморфны и/или гомоморфны эти комплексы: морфемам или словам, словосочетаниям или предложениям» (М. М. Копыленко. О различиях между производством, порождением и синтезом речи. — В кн.: «Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком». М., изд. МГУ, 1969, стр. 102).

¹¹³ См.: Ю. Д. Апресян. Идеи и методы структурной лингвистики. М., 1966, стр. 185.

мыми формами в комнате, под столом, на столе, которые в готовом виде предоставляет в его распоряжение синтаксис? По-видимому, смысловое назначение высказываемой мысли, типовое значение производимого предложения (допустим, как вопрос «что где?» или «где кто-то?») осознается говорящим прежде, чем морфологическая парадигма заданной лексемы, и потребность выразить этот смысл находит опору в тех значимых элементах синтаксиса, из которых и порождается предложение.

Очевидно, таким образом, что проблема порождения, организации предложения не может решаться в отрыве от потребности говорящего выразить и высказать мысль¹¹⁴.

«Предикативная функция заключается не в оживлении или соединении изолированных слов и понятий, а в речевом раскрытии реального содержания, связи и взаимодействия предметов и явлений действительности», — указывал В. В. Виноградов¹¹⁵.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ВОПРОС О ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СИНТАКСИСЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В синтаксических исследованиях все отчетливее обозначается стремление упорядочить типологию простого предложения на более строгой и вместе с тем реальной основе, стремление найти внутренние связи между основными типами предложений и их различными проявлениями, видоизменениями. Предложение оказывается не изолированным явлением в той или иной классификационной системе, а само представляет собой определенную систему, в которой исходная модель находится в регулярных отношениях со своими модификациями, соотносимыми по тому или иному грамматическому или семантическому признаку.

Этот новый подход к предложению, наметившийся в конце 50-х годов, позволил применить к синтаксису понятие парадигматических отношений. Два побуждения способствовали этому: во-первых, стремление, в известной степени априорное, увидеть изоморфность системы языка на разных его уровнях, во-вторых, стремление обобщить конкретные наблюдения над последовательностью, иерархичностью взаимоотношений определенных

¹¹⁴ Опыты разграничения понятий порождения, производства, синтеза речи (см., например: М. М. Копыленко. Указ. соч.; см. также: В. Г. Гак. О трех типах порождающих грамматик и моделировании речевых процессов. «Материалы второго симпозиума по психолингвистике». М., 1968) со всей очевидностью вскрывают нетерминологичность и нашего словоупотребления, но не опровергают того, что с какой бы точки зрения ни изучались процессы построения речи, будь то общение «человек — человек» или «человек — машина», нарушение связи между планами «мышление — язык — коммуникация» идет в ущерб изучению.

¹¹⁵ «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 50.

синтаксических структур. Естественно, что оправданность первого может быть установлена лишь в результате тщательного изучения второго.

Трансформационной грамматике, на которую опираются парадигматические концепции, принадлежит заслуга постановки вопроса о грамматическом ядре языка, содержащем простейшие структуры, из которых могут быть выведены остальные (или: с которыми остальные находятся в определенных системных отношениях). Однако, опираясь на критерий лексической и морфологической общности, разные представители трансформационного направления объединяют в трансформационных или парадигматических рядах явления, различные по своему синтаксическому существу.

Так, для авторов исследования «Основания порождающей грамматики русского языка» (М., 1968) С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой «существенна сама возможность преобразования некоторой грамматической структуры в целый ряд грамматических структур», поэтому «выводимость одних фраз естественного языка из других», основанная на грамматической и лексической инвариантности, иллюстрируется таким, например, трансформационным рядом: *Поэт посещает деревню* → *деревня, посещаемая поэтом; поэт, посещающий деревню; посещение поэтом деревни; Посетитель поэтизирует деревню; Поэтическая деревня посещается; посещаемый деревенский поэт* (стр. 241). Очевидно, что ни на функционально-синтаксическую, ни на смысловую инвариантность подобный трансформационный ряд не может претендовать, и в естественном языке, в системе языка подобные синтаксические конструкции не являются соотнесенными. Смысловая инвариантность ограничивается условием тождественности описываемой ситуации. Но ни синтаксическое, ни вообще лингвистическое содержание понятий «ситуации», «тождества ситуации» не устанавливается, в результате чего смысловыми вариантами оказываются синтаксические конструкции, не соотносительные ни по объему значения, ни по характеру синтаксических отношений (ср. *Вода наполняет бассейн* → *наполненный водный бассейн*), ни по уровню синтаксической абстракции (ср.: *Завод выпускает продукцию* → *выпуск заводской продукции* — там же).

В парадигматическом ряду Д. Уорта¹¹⁶ коррелирующими синтаксическими структурами также признаются разнородные конструкции, одни из которых являются предложениями, коммуникативными единицами, другие — распространенными названиями предметов, третьи — незаконченными фрагментами сложных предложений. «Гиперпарадигма», по терминологии автора, образуемая «гипертагмой» *Студент читает книгу*, представляет

¹¹⁶ D. Worth. The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other Slavic languages. The Hague, 1963.

следующую парадигму «тагм»: студенты читают книгу; книга читается студентами; книга, которая читается студентами; читающие книгу студенты; читаемая студентами книга; чтение книги студентами; книга, чье чтение студентами... и т. д. Признаки, по которым могут быть соотнесены отдельные члены такой парадигмы: сообщение — наименование; активность — пассивность; субъект — объект действия; единственное — множественное число субъекта или объекта; а далее — различия в значениях времени, вида глагола и т. д. — все эти признаки столь различны в отношении к синтаксису, что трудно увидеть синтаксическую коррелятивность в подобном ряду.

Многопланность соотношений между коррелирующими структурами в ряду, который без четкого разграничения называют в разных работах трансформационным, парадигматическим, синонимическим, функциональным, деривационным, объективно отражается в неоднозначности самого понятия парадигмы применительно к синтаксису, в различной трактовке основных категорий парадигматических концепций¹¹⁷.

Современное состояние синтаксической науки позволяет искать возможности дифференцированного подхода к соответствующему кругу явлений. Необходимость такой дифференциации осознается различными исследователями. Так, Дж. Катц и П. Постал, совершая трансформационный ряд, построенный «классиком» структурализма Н. Хомским, пытаются разграничить грамматические и семантические отношения в этом ряду, вводят семантически значимые элементы, в том числе модальные (повелительные, вопросительные и т. п.) в базисную структуру предложения, до трансформаций¹¹⁸.

Существенный шаг в упорядочении парадигматических представлений сделан на русском синтаксическом материале П. Адамцем, предложившим в иерархической сложности парадигматической структуры различать собственно трансформации, модификации и вариации¹¹⁹.

Немецкие русисты К. Габка и Д. Радтке приходят к выводу, что «трансформационные возможности не могут быть поставлены в ряд с системой конструкций, которые являются синтаксическими синонимами»¹²⁰.

Еще ранее Е. А. Седельников в упоминавшейся статье (1961 г.) различал трансформации внутренние и межмодельные.

¹¹⁷ См. об этом: Ю. М. Костинский. Вопросы синтаксической парадигматики. — ВЯ, 1969, № 5.

¹¹⁸ J. J. Katz, P. M. Postal. An integrated theory of linguistic descriptions. The M. I. T. Press. 1964.

¹¹⁹ Пр. Адамец. К вопросу о синтаксической парадигматике. — CsR, 1966, № 2; Vl. Hrabě, P. Adamec. Transformační syntax současné ruštiny, I. Praha, 1969.

¹²⁰ K. Gabka und D. Radtke. Zur Synonymie persönlicher und unpersönlicher Sätze... «Wiss. Ztschr. der E.-M.-A. Universität Greifswald», 1966, GSR, № 3.

В. С. Храковским предпринята попытка разграничить трансформации, перефразирование и деривации¹²¹.

Одновременно с попытками дифференцировать содержание понятия трансформации, пока еще не давшими однозначных результатов, происходит расширение его употребления, выходящее за пределы синтаксических построений одного языка. Так, трансформациями называют даже межъязыковые параллельные конструкции, выражающие при переводе с одного языка на другой аналогичное значение, но разными синтаксическими средствами¹²².

Представляется, что обозначение термином «трансформация» конструкции — результата преобразования (и соответственно — ряда конструкций) потеряло кредит, поскольку правила трансформационных преобразований не предусматривают единства синтаксических функций, и конструкции, связанные трансформационными отношениями, не соотносены по синтаксическому признаку. За трансформацией остается значение преобразовательного приема, синтаксического эксперимента, осуществляемого в разных лингвистических целях.

Важно при этом четкое определение синтаксической задачи эксперимента.

Полемизируя с Н. Хомским и З. Хэррисом о критериях первичности и вторичности трансформаций, С. К. Шаумян считает немотивированным направление трансформации от предикативной фразы к непредикативной (*Стол есть большой* → *Большой стол*). «Если мы хотим применить к определению классов слов строго формальные, дистрибутивные критерии, то, что касается прилагательных, именно позиция прилагательных перед существительными должна представляться первичной и существенной для характеристики прилагательных как отдельного класса слов. В связи с этим мы склонны считать первичной фразу *Большой стол*, а ее трансформом — фразу *Стол есть большой*»¹²³.

В этой полемике обе стороны оперируют понятием синтаксической конструкции, фразы, не разграничивая коммуникативных и некоммуникативных единиц синтаксиса. Между тем синтаксическая характеристика прилагательных, как и любого класса слов, не может быть дана без учета его синтаксических функций. Для прилагательного одна из функций — атрибутивная, с препозицией прилагательного, другая — предикативная, с постпозицией. Первичность или вторичность — понятия, производные от точки зрения исследователя, зависящие от того, изучается ли план коммуникативных единиц или некоммуникативных.

¹²¹ В. С. Храковский. Деривационные отношения в синтаксисе. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

¹²² См.: В. Г. Гак. Русский язык в зеркале французского. «Русский язык за рубежом», 1969, № 3.

¹²³ «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 410.

Представляется, что синтаксический критерий не определен ни той, ни другой стороной, и, следовательно, синтаксическая цель эксперимента с трансформациями не поставлена достаточно четко.

Приведенные примеры разнообразной трактовки трансформационных и парадигматических отношений в синтаксисе предложения, отнюдь не претендующие на обзор литературы вопроса, должны лишь подтвердить актуальность дальнейших поисков путей к унификации основных понятий и дифференциации их признаков и оснований.

Если считать общепризнанным понимание парадигмы как совокупности вариантов некоторого инварианта, связанных его тождеством и противопоставленных своими различиями¹²⁴, то отсюда вытекает важность двух задач:

а) определить тот инвариант, тождество которого сохраняется в его вариантах, и

б) систематизировать признаки, по которым варианты соотносятся с инвариантом и противостоят друг другу.

Чтобы установить системные взаимосвязи между множеством данных в речи предложений, представляется целесообразным за инвариант, или исходную структуру, принять модель предложения в изложенном выше понимании, имея в виду как двухкомпонентные (двусоставные) предложения, так и однокомпонентные, и трехкомпонентные, как глагольные, так и безглагольные (*Гости входят; Небо ясно; Ночь; Морозно; У детей радость; Он физик; Ему весело; Ему нравится песня* и т. п.).

Сгруппированное разнообразие признаков, по которым соотносятся варианты синтаксические структуры с исходной, инвариантной моделью, дает три основных типа вариаций модели: 1) грамматические модификации; 2) структурно-семантические модификации, 3) синтаксические синонимы.

В первом случае исходная структура находится в регулярных соотношениях с рядом вариантных структур, отличающихся грамматическими значениями времени и модальности (парадигма Н. Ю. Шведовой), а также — для определенного круга исходных структур — значениями синтаксического лица, т. е. категорий, составляющих компоненты предикативности (*Гости входили, Гости будут входить, Пусть гости входят...; У детей была радость, У детей была бы радость...; Он был физик, Он будет физиком, Пусть он будет физиком; Я был физик, Ты был физик, Они были физиками...* и т. п.). Структуры, различающиеся указанными грамматическими значениями, объединены в одном ряду тождеством модели и типового значения.

¹²⁴ Ср. определение Б. Н. Головина в его работе «К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса» (в кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 76).

Во втором случае исходная структура составляет основу ряда регулярных структурно-семантических модификаций моделей предложений по линиям модально-волеитативного отношения субъекта действия к действию (процессуальному признаку), фазисных значений, экспрессивного, вопросительного и отрицательного значений. При этом модификации разных линий могут сочетаться в пределах одной модели (*Он физик, Он стал физиком, Он хочет быть физиком, Он не хочет стать физиком, Разве он физик? Так он физик!* и т. п.).

И здесь варианты структуры сохраняют тождество модели и типового значения. Семантические отличия, создаваемые посредством служебных и вспомогательных слов, а также интонации, модифицируют, но не изменяют структурно-смысловую основу предложения-инварианта.

В третьем случае исходная структура составляет основу синонимического ряда. Здесь иной характер отношений: ряд связан тождеством типового значения, опирающимся на структурно-смысловые константы, но единство модели не сохраняется, противопоставление идет по способам выражения данного значения, с соответствующими смысловыми оттенками. (Ср. способы выражения типовых значений «предмет и его квалификация»: *Он физик, Его специальность — физика, Он специализируется по физике, Он занимается физикой...*; «субъект и его состояние»: *Он веселится, Он весел, Ему весело* и т. п.).

Каждая из рассмотренных разновидностей вариативных рядов может быть подведена под понятие парадигмы предложения, но разнообразие их делает неприемлемым для синтаксиса представление о парадигме как о вертикальной оси в противоположность горизонтальной синтагматической. Если пользоваться геометрическими образами, можно сказать, что исходная структура предложения оказывается точкой, через которую проходят разнонаправленные линии вариантов структур, перекрещиваясь и взаимодействуя. Сферу действия этих линий, с инвариантной, исходной структурой в центре, можно назвать синтаксическим полем предложения.

Иными словами, синтаксическое поле предложения — это система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и структурно-семантические модификации и синонимические преобразования¹²⁵. Способность

¹²⁵ Термин «синтаксическое поле» (das syntaktische Feld) в лингвистической литературе встречается у Л. Вайсгербера, который обозначает им совокупность структурных моделей предложений, объединяемых общностью семантического задания, в духе «активной грамматики», как понимал ее Л. В. Щерба. Например, в одном из полей объединяются все модели, способные служить выражением приказа (L. Weisgerber. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik, «Von den Kräften der deutschen Sprache», I. Düsseldorf, 1962, стр. 387 и след.; ср. изложение в ст.: Н. И. Филичева. Методика «семантического синтаксиса» и возможности ее применения при

разных типов предложений к тем или иным модификациям и преобразованиям определяется структурно-смысловыми свойствами предложения, т. е. местом данной структуры среди иных в синтаксической системе данного языка.

Синонимические преобразования исходной структуры, связанные с изменением модели, располагаются во внешнем круге, или внешнем слое поля.

Компоненты предложения, распространяющие и усложняющие его предикативный минимум добавочными смыслами, не изменяющими исходной структуры, составляют периферию поля.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Грамматические модификации, или грамматическая парадигма предложений разных типов, с достаточной полнотой описаны в работах Н. Ю. Шведовой. Отличия в нашем понимании категорий модальности, времени и лица как компонентов категории предикативности изложены выше в разделе, посвященном предикативной оси предложения. Добавим к этому некоторые иллюстрации.

В речи, в тексте нам дано множество синтаксических структур, осложненных, отягощенных различными регулярными и индивидуальными вариантными особенностями. Выделяя из конкретного, вариантного предложения его структурный инвариант, первичную модель, определяем, по какой линии, по каким признакам соотносится с моделью данный ее представитель.

Так, например, предложения из «Сказки о рыбаке и рыбке»:

- (1) *Старуха пряла свою пряжу.*
- (2) *Добро, будет старуха царицей.*
- (3) *У старухи новое корыто.*
- (4) *На море черная буря.*
- (5) *Неспокойно синее море*

представляют последовательно: (1) номинативно-глагольную модель со значением лично-субъектного действия (*Старуха прядет*), (2) двусоставную именную модель с квалифицирующим значением (*Старуха — царица*), (3) двусоставную именную модель со значением посессивного наличия (*У старухи корыто*), (4) двусоставную именную модель со значением локализованного явления (*На море буря*) и (5) двусоставную адъективно-именную со значением признака (состояния) предмета (*Море беспокойно*).

анализе языкового материала. «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. Мориса Тореза», т. 46, 1968). Не вполне ясно, но, по-видимому, близко к Вайсгерберу, понятие синтаксического поля, встретившееся в статье Д. Н. Шмелева «О значении синтаксических единиц»: «Можно представить известную совокупность требующих выражения отношений между словами и группами слов как некоторое синтаксическое поле» (сб. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 157). Очевидно, что оба эти значения с предлагаемым здесь понятием синтаксического поля не связаны.

Из совокупности грамматических значений, свойственных предикативной оси каждой модели, предложение (1) реализует прошедшее время реальной модальности и 3-е лицо, предложение (2) — будущее время реальной модальности и 3-е лицо, предложение (3) — настоящее время реальной модальности и 3-е лицо, предложения (4) и (5) — настоящее время реальной модальности (можно отметить в примерах (4) и (5) также значение 3-го лица, но для этих предложений, не располагающих личной парадигмой, оно является единственно возможным, в отличие от предложений (1) — (3)).

Следующие пары предложений, помимо нерелевантных конструктивных и лексических различий, противопоставлены как грамматические модификации одних и тех же моделей:

<i>Воротился старик ко старухе</i>	} по линии модальности и лица
<i>Воротись, дурачина, ты к рыбе</i>	
<i>Выпросил, дурачина, корыто</i>	} по линии модальности и лица
<i>Выпроси уж избу!</i>	
<i>Откуплюсь чем только пожелаешь</i>	} по линии времени и лица
<i>Откупалась чем только пожелаю</i>	
<i>Не посмел я взять с нее выкуп</i>	} по линии лица
<i>Не умел ты взять выкупа с рыбки</i>	

См. еще примеры предложений разных типов, представляющих грамматическую модификацию будущего времени:

Ты сидеть будешь на лавке, откинувшись к бревенчатой стене. Тебе будет семнадцатый год (Юр. Куранов. Юность); *И до полдня будут серебристые Хризантемы на моем окне* (Бунин, Хризантемы); *Будет буря: мы поспорим И помужествуем с ней!* (Языков, Пловец); *Ты дунешь в трубку дальнюю, и мой воротничок от твоего дыхания забьется, как флажок...* (А. Вознесенский, Автомат); *И снежинки по склонам оврага Заметут, заровняют края* (Блок, Пляски осенние); *При имени моем ты будешь вспоминать Внезапную тоску неназванных желаний* (А. Ахматова).

Важно подчеркнуть, что в вариантных предложениях, представляющих грамматические модификации модели, изменяются переменные признаки, избирается одна форма из заданного набора форм синтаксического времени, модальности, синтаксического лица, которые в совокупности своей служат выразителями предикативности, но эти изменения не касаются постоянных признаков предложения, состава синтаксических форм, сопряженных в модели (чередования «именительный предикативный//творительный предикативный», связанные с изменением значения времени: *Он маленький//Он был маленьким*, в пределах одного и того же компонента модели, не считаем изменением состава модели).

Признавая, таким образом, регулярность, системность отношений грамматических вариантов предложений к исходной модели (модель со значением реальной модальности и настоящего времени за исходную принимается чисто условно, может быть, по

принципу минимального расходования средств оформления), подходим к другой стороне дела — роли грамматической парадигматики предложения в решении типологических вопросов.

2. Н. Ю. Шведовой поставлена проблема выбора оснований для классификации простого предложения: по составу парадигм или по типам «структурных схем», моделей, при этом первоначально выбор был сделан в пользу парадигм¹²⁶. Грамматика 1970 г. предлагает двойную классификацию: и по структурным схемам и по составу парадигм. Не получившая, таким образом, решения дилемма, в соответствии с изложенным, может быть сформулирована так: классифицировать предложения по постоянным признакам, по составу модели, или по переменным, по совокупности грамматических модификаций, которыми располагает данная модель? Очевидно, что сама постановка проблемы предполагает наличие определенной обусловленности между составом модели и составом грамматических модификаций. Но какова направленность этой обусловленности, что от чего зависит? Ответом на этот вопрос и определяются, на наш взгляд, целесообразные основания выбора принципа классификации.

Само деление конструктивных признаков предложения на постоянные и переменные с логической точки зрения предопределяет приоритет постоянных. Он может быть подтвержден следующими наблюдениями.

Пытаясь выяснить, чем объясняется неполнота, недостаточность грамматической парадигмы разного рода предложений в Грамматике 1970 г., обнаруживаем, что за структурную схему в большинстве таких случаев принимается не исходная модель, а одна из ее модификаций. Модальная усложненность, в том числе экспрессивная побудительность инфинитивных предложений (*Не шуметь здесь! Сказать ему!*), желательность неполных (*Презний бы голос! Если бы деньги!*), так же как яркая экспрессивно-стилистическая окраска, выражаемая восклицательной интонацией, частицами, инверсивным порядком слов (*Так ему и надо! Туда ему и дорога! Мало ли куда меня будут звать! Народу-то! Ну и ночка! Экий бес девка!* и т. п.), очевидно, не отвечает условию грамматической первичности исходной модели¹²⁷. Большинство подобных предложений, если не представляют собой фразеологизированных формул разговорно-экспрессивной речи, могут быть обнаружены в соответствующей точке синтаксического поля, образуемого первичными моделями, ср.: *Они шумят (здесь) — Они не шумят (здесь) — Здесь не шумят — Не шумите здесь — Не шуметь здесь!; Они меня зовут —*

¹²⁶ Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 33.

¹²⁷ Ср.: исходная форма «практически всегда является простейшим, наиболее употребительным и стилистически нейтральным членом парадигмы» (Н. Ю. Шведова. Парадигматика..., стр. 25).

Меня всюду зовут — Меня всюду будут звать — Мало ли куда меня будут звать!; У меня (есть) деньги — У меня были деньги — У меня были бы деньги — Были бы деньги! — Если бы деньги! и т. п.

Перед нами, следовательно, вариантные конструкции с известным смысловым приращением, находящиеся в регулярном отношении и в той или иной степени близости к первичной модели (ср. предложенную выше, стр. 155, интерпретацию инфинитивных предложений).

При более строгом отборе первичных моделей список их значительно сократился бы, а вместе с тем, как следствие, сократилась бы и пестрота состава парадигм. Таким образом, грамматическая вариативность моделей подтверждает первичность постоянного состава модели в определении классификационных оснований.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ

1. Если грамматические модификации не касаются семантики модели предложения (мы не имеем в виду так называемую семантику грамматических категорий), лишь «поворачивая» его предикативную ось, то структурно-семантические модификации, регулярные смысловые преобразования, способность к которым заключена в моделях, вносят в предложение новый семантический элемент. При этом существенно, что постоянные признаки предложения — состав его исходной модели — не претерпевают изменений. Новый семантический элемент вносит усложнение в строение предикативной оси, как бы наращивая ее дополнительным смыслом.

Н. Ю. Шведовой выдвинуто чрезвычайно перспективное теоретически понятие «регулярных реализаций» предложения как ряда видоизменений его структурной схемы, наряду с грамматической парадигмой составляющих его синтаксическую характеристику¹²⁸.

Регулярные реализации предложения, по Н. Ю. Шведовой, предстают как результат неполноты схемы, введения в состав предложения так называемых ползузнаменательных глаголов, субъективно-модальных частиц, замещения одного из компонентов целым предложением, а также «конситуативно обусловленного снятия характеризующих схему лексических ограничений». Уже из этого перечня видно, что понятие регулярных реализаций объединяет очень разные языковые явления, отношения которых со структурной схемой (исходной моделью) могут быть уточнены,

¹²⁸ См.: Н. Ю. Шведова. Парадигматика...; Она же. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». — В кн.: «Мысли о современном русском языке». М., 1969; ср.: Г. А. Золотова. О регулярных реализациях моделей предложения. — ВЯ, 1969, № 1.

разновидности дифференцированы, а условия действительной регулярности еще требуют выяснения.

Прежде всего, представляется не имеющей значения грамматической характеристики предложения возможность конситуативно обусловленной неполноты его. Конситуативная неполнота — явление не языка, а речи, в речи же, в контексте, особенно диалогическом, обычно употребление в коммуникативной функции любого компонента любой синтаксической конструкции. Эти компоненты принадлежат языку только в том смысле, что они построены из языкового материала, но вне той или иной схемы предложения они не характерны для одной, определенной схемы, следовательно, не служат ее грамматическим признаком. Можно ли определить структурную схему предложения по реплике диалога вроде — *С братом. — В поле. — Другей. — Игрушки.* — и т. п.?

Замещение одного из компонентов схемы целым предложением изменяет состав модели, следовательно, не может считаться реализацией той же схемы, это — уже синонимическое преобразование схемы или модели, при котором варьируется форма компонента, но сохраняется инвариантное, типовое значение предложения. Идея регулярности в применении к таким замещениям не вполне ясна. Свойственны такие замещения не всем типам предложения, а моделям с определенными типовыми значениями, главным образом оценочными: оценка качества предмета (*Картошка — пальчики облизешь; Темень — глаз выколи*), предикативного состояния (*Быть учительницей — горло надорвешь*), количества (*Молока — залейся; Денег — кот наплакал*).

Регулярнее других проводятся реализации с полужнаменательными глаголами. С их помощью реализуются структурные схемы двусоставных именных предложений, односоставные именного и наречного типа, однако не все схемы в пределах этих типов, не все предложения, приводимые в качестве примеров данной схемы, и не со всеми полужнаменательными глаголами. Так, из примеров к схеме А2¹²⁹ с глаголами *становиться, делаться, оставаться* реализуются предложения *Отец учитель, День пасмурный* и др., но не реализуются *Боец ранен, Запасы все*; из примеров к схеме В1 с теми же глаголами не реализуются *Желание налицо, Он мне сродни, Отец дома*; из примеров к схеме В4 *Директор у себя, Я — от дирекции, Он со мной, Телеграмма от матери, Эта сабля отца, Письмо тебе* и др.

Ссылки на то, что последовательности в «регулярных реализациях» и в парадигмах препятствуют в отдельных случаях лексические и семантические значения, не служат объяснением, поскольку в синтаксисе «работают» не значения отдельных слов, а семантические категории как результат более высокой абстрак-

¹²⁹ Примеры и обозначения рубрик приводятся по соч. Н. Ю. Шведовой «Парадигматика...».

ции. Обобщенные, инвариантные семантические значения моделей предложения заключают в себе не отдельные помехи, а ключ к управлению регулярностью реализаций. Соответствие значения той или иной реализации типовому значению модели предложения — условие этой регулярности.

В самом деле, нельзя не видеть, что сами способы регулярной реализации и результаты, получаемые с их помощью, соотносятся с типовым значением предложения.

Полузнаменательный глагол *оказаться* вносит в предложение значение выявления, обнаружения признака, воспринимаемого наблюдателем, глаголы *становиться*, *делаться* — значение изменения состояния. Естественно, что глаголы *становиться*, *делаться* не вводятся в предложения, не содержащие сообщения о состоянии. Этим и объясняется, почему не поддаются данной реализации отмеченные выше примеры. Проверка на регулярность реализации показывает, что под одну рубрику подводятся различные типы структурных схем. Если регулярные реализации представляют собой семантические изменения модели на определенную, заданную величину, идея о регулярных реализациях не имеет достаточной объяснительной силы без признания роли семантики в организации структурных схем (моделей) предложения.

Понимание регулярных реализаций как структурно-семантических модификаций модели предложения представляется наиболее плодотворным.

Такой подход позволяет наметить некоторые контуры системы структурно-семантических модификаций моделей предложения, упорядочивающие, с одной стороны, возможности регулярных реализаций, с другой стороны, самое типологию простого предложения, выявляя таким образом внутреннюю структурно-смысловую обусловленность этой системы.

Начнем с рассмотрения модального и фазисного видов структурно-семантических модификаций. Эти явления частично описываются грамматиками в разделах о сложных и составных сказуемых.

2. Под модальной модификацией имеется в виду не та объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности, которая входит в общую характеристику предложения, или в его грамматическую парадигму. Семантические модификации выражают вспомогательными глаголами и другими известными средствами внутрисинтаксическое, III типа, модальное отношение субъекта действия к действию: значения желательности, возможности действия, способности, склонности, расположенности к действию. При сохранении структурной схемы, модели, предложение последовательно принимает модальные модификации, оставаясь при этом способным к изменениям по грамматической парадигме:

Я пою (пел, буду петь, пел бы . . .).

Я хочу петь (хотел, захочу, хотел бы петь).
Я умею петь (умел, сумею, умел бы петь).
Я пытаюсь петь (пытался, попытаюсь, попытался бы петь . . .).

Все слушают . . .

Все хотят слушать...

Все собираются слушать . . . ¹³⁰

Из глагольных предложений не принимают модальной модификации те, в которых нет значения действия и его субъекта (*Хлеб есть* — сообщается о наличии предмета; *Вопрос обсуждается*, *Дети не допускаются* — подлежащее обозначает не субъект, а объект действия или характеризруемый предмет).

Таким образом, способность/неспособность глагольного предложения принять модальные модификации оказывается формальным средством отграничения типовых значений «предмет и его действие» от иных, исключающих возможность волюнтаривного отношения субъекта действия к действию ¹³¹.

Для неодушевленных предметов модальное отношение к действию возможно в случае их олицетворения, в других случаях глагол при них обозначает не действие, а свойство, признак ¹³².

Типовое значение «предмет и его действие», выраженное не глагольной моделью, а номинативным предложением, состоящим из отглагольного имени и родительного или творительного субъекта, отличается той же способностью к модальной реализации. Модальное имя занимает при этом место главного члена, а отглагольное имя преобразуется в инфинитив: единственный организующий компонент предложения становится составным. Ср.: *Ржание лошадей. Стоны раненых. Попытки демонстрантов прорвать полицейскую цепь* (при исходной модели: *Прорыв демонстрантами полицейской цепи*).

К модальным модификациям способны также двусоставные именные модели, в которых утверждается процессуальное состояние одушевленного предмета. Под процессуальным состоянием понимается такое состояние предмета, пребывание в котором может быть ограничено временными пределами; оно противопоставляется статическому признаку, составляющему постоянное свойство предмета, исключающее временные пределы.

¹³⁰ Модальная модификация с глаголом *мочь* не показательна в силу своей двусмысленности: *могут прийти* означает и *способны прийти* и *им разрешено прийти* (ср. англ. глаголы *can* и *may*, нем. *können* и *dürfen*).

¹³¹ Об ограничении модальных возможностей у глаголов с предикативно-характеристическими, определительными значениями см.: В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, стр. 26.

¹³² Ср.: «Ведь „действовать“ могут только живые существа, все же остальные предметы не „действуют“, а только движутся. Живые же существа „действуют“ потому, что они движутся по своей воле, произвольно. И значит, в глаголе, раз он изображает действие, должен быть еще оттенок воли, намерения» (А. М. Пешковский и Я. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 99).

Теми же лексическими средствами, что и в глагольных предложениях, здесь выражается модальное отношение субъекта к признаку: *Отец учитель, Отец хочет быть учителем, Отец мечтает быть учителем; Девочка умна, Девочка хочет быть умной, Девочка старается быть умной; Он никто, Он хочет быть никем.*

По отношению к неодушевленному предмету допустимо олицетворение: *День и хотел бы быть солнечным, да тучи не дают...; Своей дремоты превозмочь Не хочет воздух* (Пушкин, Полтава). К такому олицетворению часто прибегают авторы в изображении душевного состояния героев: *Слезы из очей Хотят уж капать; уж готова Бедняжка в обморок упасть* (Пушкин, Евгений Онегин); *Как удержать негодование Уста упрямые хотят* (Там же)¹³³; *Как долго не хотела Рука предать огню все радости мои!..* (Пушкин, Сожженное письмо); *Душа хотела б быть звездой* (Тютчев).

Предложения *Запасы все, Мука вышла* не проходят этой реализации, потому что они иного значения: в них утверждается не признак и не действие предмета, а отсутствие предмета.

См. примеры модально-волекативных модификаций из пушкинских текстов: *Уж не хочет быть она царицей, Хочет быть владычицей морскою* («Сказка о рыбаке и рыбке») — в первом предложении модальная модификация сочетается с отрицательной: ср. *Будет старуха царицей; Старичок хотел заспорить* («Сказка о Золотом петушке»); *Он хочет быть как мы цыганом* («Цыганы»); *Старик не осмелился перечить, Не дерзнул поперек слова молвить* (во взаимодействии с отрицанием — «Сказка о рыбаке и рыбке»); *Ни ступить, ни молвить не умеешь* (ср.: *Голосом молвит человечьим, там же*).

Интерпретация категории синтаксического лица подтверждается наблюдениями над модальными модификациями. Из так называемых безличных предложений принимают модально-волекативную модификацию двухкомпонентные субъектные модели, сообщающие о состоянии лица, и не принимают бессубъектные однокомпонентные, сообщающие о состоянии природы: *А Варьке хочется спать* (Чехов, Спать хочется); *Мне давно гулять По траве степной Вдоль и поперек С ней хотелось* (Кольцов, Косарь); *Хотелось мне... но я туда Взойти не смел* (Лермонтов, Мцыри). Предложения типа *Варька хочет спать* соотносятся с типом *Варьке хочется спать* на линии большей/меньшей зависимости состояния от воли субъекта (ср. *Я плачу — Мне плачется*).

¹³³ В подобных конструкциях В. В. Виноградов видит «указание на близкое начало несовершившегося действия». Аналогичное употребление наблюдается В. И. Чернышев в диалектной речи (*На дворе хочеть морозить*). См.: В. И. Чернышев. Избранные труды, I. М., 1970; В. В. Виноградов. О трудах В. И. Чернышева по русскому языку. — Там же, стр. 35—36; ср. цит. там же замечание А. А. Потебни: «В *хочу* совершился переход от воли и намерения к близости самого события (действия), указываемого неопределенным [наклонением]».

2.1. Здесь следует признать допущенную автором в первоначальной публикации¹³⁴ ошибку, повлекшую за собой нежелательные последствия. По неизученности к тому времени проблемы синтаксического поля предложения среди прочих примеров типовых значений предложения было выдвинуто значение «осуществимости или осуществленности действия», выявляющееся в «модели, постоянный компонент которой — инфинитив, обозначающий возможность действия, а второй переменный компонент разными средствами выражает реальность или нереальность его осуществления»: *Погубить себя — не хочется, разойтись — нету волюшки и под.*

Выяснив, что первичные модели свободны от выражения внутрисинтаксических модальных отношений между двумя главными компонентами, выводим подобные предложения из состава первичных моделей на территорию синтаксического поля.

К сожалению, ошибочная трактовка подобных предложений успела получить применение. Так, М. Всеволодова, ссылаясь на мою статью, находит типовое значение «невозможности распространить действия на пассивный субъект» в следующих предложениях: *Москвы не узнать, Сестру уже не спасти, Сердцу не прикажешь, До него не дотянуться, К нему не притронешься, С тобой не сговоришься*¹³⁵.

Приходится возразить против такого определения типового значения, поскольку в соответствии с изложенным пониманием внутрисинтаксического значения возможности — невозможности относим его выражение не к типовому значению основной модели, а к регулярной реализации ее. Кроме того, синтаксическая форма имени с субъектным значением в нашем понимании не может быть управляемой глаголом, она обусловлена самой функцией определенного компонента в определенной модели, но не зависит от того или иного глагола. В примерах М. Всеволодовой формы препозитивного имени целиком зависят от глаголов, управляются ими и обозначают не субъект, а объекты действия. Вместе с тем автор справедливо обнаруживает в этих формах тему высказывания.

Как интерпретировать подобные случаи с нашей позиции? Предложения находятся в синтаксическом поле двусоставных моделей со значением лично-субъектного действия, переходящего на объект, ср.: *Узнаю (ты узнаешь, он узнает) Москву, Спасая сестру, Приказываю сердцу, Сговариваюсь с ним и под.*

Значимое устранение субъекта действия и модальная реализация, достигаемая переводом глагольной формы в инфинитив или второе лицо с отрицанием, дают обобщенно-личное значение субъекта и значение невозможности действия. Эти же глагольные формы, выражающие дополнительное модальное значение без помощи лексических средств (ср.: *Сестру невозможно спасти, Сердцу нельзя приказать*), создают известную экспрессивную напряженность. Экспрессивная реализация модели завершается взаимодействием структуры предложения

¹³⁴ См.: Г. А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6, стр. 93.

¹³⁵ М. В. Всеволодова. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. «Русский язык за рубежом», 1969, № 3, стр. 74—75.

с актуальным членением, при котором объект действия переносится в препозицию и принимает характер носителя признака. Ср.: *Москва такова, что ее не узнать: Сестра в таком состоянии, что ее уже не спасти; Он такой, что с ним не сговориться.*

Характеризующая функция отрицательной глагольной формы с обобщенно-личным значением в литературе отмечалась¹³⁶. Таким образом, в результате целого комплекса реализаций (модальной, отрицательной, экспрессивной) и выбора определенного способа представления субъекта (в данном случае — значимого устранения его) глагольное предложение, компонентами которого являются названия действия и его объекта, становится средством качественной характеристики предмета. Создается обобщенная схема с определенным структурно-модифицированным комплексом. Поскольку характеристическое значение не является основным, непосредственным значением глагольной модели, постольку и приведенные предложения, демонстрирующие эту схему, не принадлежат к первичным моделям, но находятся в их синтаксическом поле. Схематически последовательная соотносительность их может быть представлена таким образом:

Я сговариваюсь с ним > Я не могу сговориться с ним > Никто не может сговориться с ним > Невозможно сговориться с ним > С ним не сговориться (не сговориться).

3. Способность предложений к регулярным фазисным модификациям основана на том, что действие или состояние предмета, выраженное в той или иной структурной схеме, может быть зафиксировано на одном из этапов, фаз своего развития: в начальной точке (начинательное, или инхоативное, значение семантической модификации), в продолжении и в конечной точке (финитивное значение).

В моделях с глаголами несовершенного вида фазисные значения реализуются с помощью полузнаменательных глаголов *начать, стать, продолжать, кончить, прекратить*: *Он говорит—Он начинает говорить, стал говорить, продолжает говорить, кончает, прекратил говорить.* Для глаголов совершенного вида способом выражения начинательных и финитивных значений служат приставки.

Стал он кликать золотую рыбку (ср. в исходной модели: *Кличет царь другую рать*); *Почернело синее море* (Пушкин, Сказка о рыбаке и рыбке); *Туманный лес Заговорил. Вдали аул Куриться начал...* *Я сел и вслушиваться стал* (Лермонтов, Мцыри); *Он стал и слаб и хил* (Крылов, Бедный богат).

Из двусоставных именных моделей принимают фазисную реализацию те, в которых содержится сообщение о процессуальном состоянии предмета, и реализуется это значение также через эквивалент глагола *быть+ кем-чем, каким* с помощью полузнаменательных глаголов *стать, становиться, делаться* (= *начинать быть*), *оставаться* (= *продолжать быть*) и *перестать быть*.

¹³⁶ См., например: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 420.

Не принимают фазисных модификаций двусоставные именные модели, сообщающие о постоянном, неизменном признаке предмета (со значением классификационным, материала, происхождения, пространственного отношения, назначения: *Слон — млекопитающее, Дом — каменный, Дом из камня, Платье из бархата, Платье бархатное* (но ср.: *Ты стал какой-то каменный, Небо делалось бархатным*); *Масло — вологодское, Они из дворян, Он с Урала, Письмо от матери, Книги — детям* и т. п.), модели со значением результативного состояния (*Боец ранен, Клевер скошен*, так же, как глагольная модель с перфектным значением — *Пруд застыл*).

Система фазисных значений характеризуется тем, что в выражении ее участвуют средства разных уровней — лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические, создавая иногда вариативные способы тех или иных реализаций¹³⁷. Ср., например:

{ Он запел	Он поет	Он кончил
{ Он начал петь		петь ¹³⁸
{ Он забеспокоился	Он беспокоится	Он успокоился
{ Он стал беспокоиться	Он в беспокойстве	Он перестал
{ Он пришел в беспокой-		беспокоиться
ство		
{ Он бледнеет	Он бледен	
{ Он стал бледнеть		
{ Он становится бледным		
{ Он стал пенсионером	Он пенсионер	
{ Он вышел на пенсию	Он на пенсии	

Становится ясным, что некоторые модели, принимаемые иногда за самостоятельные структурные схемы, на самом деле представляют собой фазисные реализации с начинательным значением. Ср.: *Мать в слезы* — как начинательная реализация исходной модели *Мать в слезах*;

Он в залу — *Он в зале*
Мы на работу — *Мы на работе*
Секретарь к директору — *Секретарь у директора* и т. п.

Ср.: *Мать была в слезах, Мать будет в слезах; Он был в зале, Он будет в зале; Мы были на работе, Мы будем на работе* — при невозможности изменить синтаксическое время в их начинатель-

¹³⁷ Ср.: «Непризнание принципиальной способности лексических морфем передавать то же содержание, что и грамматические (и наоборот), автоматически влечет за собой отрицание возможности адекватного перевода с языка на язык» (Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 17).

¹³⁸ В интересах схематического изображения фазисных отношений отвлекаемся здесь от видо-временных значений, которые существенно усложняют и многообразят представляемые отношения и изучение которых в рамках данной схемы составляет особую задачу.

ных реализациях. Отсутствие временной парадигмы у предложений типа *Мать в слезы* можно объяснить тем, что эти предложения занимают периферийное место в синтаксическом поле в точке взаимодействия фазисно-начинательной и экспрессивной модификаций (ср. нейтрально-начинательные модификации *Мать заплакала, начала плакать, заплачет, начнет плакать*).

Ср. также фразеологически связанные способы выражения фазисных соотношений:

<i>Он упал в обморок</i>	<i>Он в обмороке</i>
<i>Он впал в отчаянье, в забытье</i>	<i>Он в отчаянье, в забыти</i>
<i>Он пришел в волненье, в негодование</i>	<i>Он в волнении, в негодовании</i>
<i>Он вышел в отставку</i>	<i>Он в отставке</i>
<i>Он ушел в партизаны</i>	<i>Он в партизанах, Он партизан</i> и т. п.

Отсюда прямая аналогия с моделями, сообщающими о движении предмета (с моторно-некратными глаголами, приставками и предложно-падежными формами): ту же трехфазисную схему составляет ряд предложений, где начинательная фаза сообщает о движении, направленном к указанному пункту, исходная (или средняя) фаза — о пребывании в этом пункте, финитивная — об удалении из пункта, окончании пребывания:

<i>Он вошел (пришел) в дом</i>	<i>Он (находится) в доме</i>	<i>Он ушел из дому</i>
<i>Он едет в Москву</i>	<i>Он (находится) в Москве</i>	<i>Он уехал из Москвы</i>
<i>Он лезет на дерево</i>	<i>Он (находится, сидит) на дереве</i>	<i>Он слез (слезает) с дерева</i> и т. п.

Впрочем, поскольку конечная точка движения может стать начальной точкой для его продолжения, отчетливым остается фазисное противопоставление движения, направленного в пункт (из пункта), и пребывания в этом пункте¹³⁹.

Конечно, аналогия действительна с существенной оговоркой: если в фразеологических оборотах лексическое значение глаголов движения ослаблено, почти сводится к выражению фазисного значения, то в сообщениях о движении глаголы сохраняют полное лексическое значение. Поскольку движение — это развитие действия и во времени и в пространстве, здесь важно обозначение способа преодоления пространства.

К фазисным модификациям способны не только двусоставные предложения, но и те из односоставных, содержанием которых

¹³⁹ Ср. сеть оппозиций пространственных предложно-падежных форм, образующих три ряда, противопоставленных по указанию на положение (начало пути, конец пути и место пребывания) движущегося или покоящегося предмета, в работе: З. Д. Попова. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Автореф. докт. дисс. Воронеж, 1970, стр. 17.

является утверждение состояния, события, явления, но не наличия конкретного предмета. В этом можно видеть свидетельство того, что способность к регулярным модификациям — свойство не просто сказуемого, а самой структуры предложения.

Большинство отвлеченных имен со значением действия, состояния, явления способны образовывать экзистенциальные номинативные предложения. Эти предложения реализуют начинательное и финитивное значения двумя способами:

а) фазисное значение выражается вспомогательным именем, которое, так же как вспомогательный глагол в глагольном односоставном предложении, как бы замещает грамматическую позицию номинатива, при этом модель остается того же грамматического типа, но ее единственный организующий компонент становится составным: *Зима > Начало зимы, Наступление зимы; 1932 год. Конец лета* (К. Симонов).

Ср. другие примеры аналогично образованных составных компонентов: *Светает > Начинает светать, Тучи сгущаются > Тучи начинают сгущаться; Вечера светлые > Вечера становятся светлыми;*

б) фазисное значение выражается вспомогательными глаголами *начинаться, кончаться, прекращаться, продолжаться*: *Наступило прохладное лето, словно новая жизнь началась* (А. Ахматова); *Ночь наступила, день угас* (И. Бунин); *Уже начались морозы* (Чехов, Дама с собачкой).

Наряду с названными глаголами или вместо них употребляются другие синонимичные им глаголы фазисного значения, сочетаемость которых с именами лексически ограничена¹⁴⁰:

<i>Началась</i>	} зима	<i>Зима.</i>	} зима	<i>Зима кончилась</i>
<i>Наступила</i>		<i>Ср. Стоит</i>		<i>Зима прошла</i>
<i>Пришла</i>		<i>Продолжается</i>		
<i>Настала</i> ¹⁴¹		<i>Была</i>		

¹⁴⁰ Ср. наблюдения над начинательным и финитивным «семантическими параметрами» в статье А. Жолковского и И. Мельчука «О системе семантического синтеза» (НТИ, сер. 2, 1967, № 2, стр. 51) и в их предшествующих публикациях в том же журнале (1965, № 6 и 1966, № 11). См. также: В. П. Сухотин. Из материалов по синтаксической синонимике. — В кн.: «Исследования по синтаксису русского литературного языка». М., Изд-во АН СССР, 1956.

¹⁴¹ Отметим необычность словоупотребления в стихах Е. Евтушенко

Люди, Вы недра вспластали	Но кажется мне,
До звезд Вы достали	Вы еще не настали,

М. В. Арапов и Ю. А. Шрейдер толкуют ее следующим образом: «Когда этот переходный (?) глагол *настать* употребляется без дополнения, он вступает в новую связь с группой непереходных глаголов... Естественно, что сдвиг в грамматической классификации этого глагола сопровождается и сдвигом в значении» (НТИ, № 1, 1965, стр. 43). Вряд ли можно согласиться с тем, что здесь меняется «грамматическая классификация» и значение слова *настали*; оно выступает в своей основной функции выразителя фазиса.

Начался	} шум	Шум.		Шум прекратился	
Поднялся		Стоит	} шум		
		Продолжается			
Началась	} рево-лю-ция	Революция.		Революция { закончилась совершилась произошла	
Вспыхнула		Происходит революция.			
		Революция продолжается			
Раздался звонок		Звонок.		Звонок прекратился	
		Звонок продолжается			
		Звонок звенит.			
Началась уборка		Уборка.		Уборка кончилась	
		Уборка продолжается			
		Происходит } уборка Проходит }			
Начался	} дождь	Дождь.		Дождь прекратился	
Пошел		Идет	} дождь		
		Льет			
		Продолжается			

В предложениях, представляющих глагольный способ фазисной модификации номинативов, создаются противоречивые отношения. С одной стороны, между глаголом и именем возникает предикативная связь, сопряжение, выражающееся даже согласованием форм рода и числа. С другой стороны, фазисный глагол по значению своему остается вспомогательным, он не обладает конструктивными свойствами, т. е. не способен образовать ни предложения, ни его компонентов без тех структурно-семантически полновесных слов, с которыми он сочетается. Фазисный глагол не вносит в предложение самостоятельной информации: обозначение явления, процессуальность явления в его фазисном осуществлении — все это заключено в самой лексико-грамматической структуре отвлеченного имени существительного, глагол лишь вербально фиксирует точку (отрезок) как одну из фаз развития действия (состояния).

Вспомогательный характер глагола в подобных предложениях вынуждает определить их как особую, промежуточную разновидность, или как квазидвусоставные предложения. Отличие их

своей реализации. Необычность строки создается тем, что место отвлеченного процессуального имени, при котором всегда употребляется фазисный глагол, занимает конкретно-предметное слово *люди*, которое в такой позиции как бы принимает значение процессуального состояния.

от обычных двусоставных предложений обнаруживается и в нормальной для них препозиции глагола при нейтральном порядке слов ¹⁴².

Аналогичным образом реализуются фазисные значения так называемых «безличных» предложений, сообщающих о состоянии среды или субъекта: наречных — как именных, и глагольных: *Становится светло; Делается грустно; Начинает светать; Начинает знобить; Ветром начало подгонять лодку к берегу* и т. п.

При этом предложения, сообщающие о бессубъектном состоянии среды, остаются односоставными (однокомпонентными): *К ночи в погоду становится очень холодно и росисто* (Бунин, Антоновские яблоки).

Предложения, сообщающие о состоянии субъекта, предстают как двусоставные (двухкомпонентные) полные при выраженности субъекта или как двусоставные же, но неполные — при невыраженности субъекта: *Вору-то стало совестно* (Пушкин, Капитанская дочка); *Евпраксеюшке сделалось совсем жутко* (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы); *В другое время мне бы очень мерзко стало* (Достоевский, Записки из подполья); *И перестало быть страшно* (В. Воеводин, Покоя нет).

Для финитивных значений в системном ряду и здесь остается законное место, но в речи часто оказываются предпочтительнее другие синонимичные модели. Ср., например:

{ <i>Начинает знобить</i>	<i>Знобит</i>	(<i>Кончило знобить</i>)
{ <i>Начинается озноб</i>	<i>Озноб</i>	(<i>Озноб кончился</i>)
{ <i>Начинает таять</i>	<i>Тает</i>	(<i>Кончило таять</i>)
{ <i>Начинается таяние</i>	<i>Таяние снега</i>	(<i>Кончилось таяние снега</i>)
{ <i>Снег начинает таять</i>	<i>Снег тает</i>	<i>Снег растаял</i>

¹⁴² См.: В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка». М., Изд-во АН СССР, 1954, т. II, ч. I, стр. 39; на особый характер отношений между именем и глаголом в фазисных реализациях предложений неизменно наталкиваются исследователи порядка слов и актуального членения. Интересно наблюдение И. И. Ковтуновой: «В нерасчлененных предложениях... сказуемое, выраженное глаголами со значением бытия, движения, начала, продолжения или окончания действия... образует с подлежащим более тесное синтаксическое объединение, чем сочетание подлежащего со сказуемым, выраженным глаголом с другим значением. По тесноте, синтаксической спаянности и устойчивости порядка слов эта конструкция приближается к составному сказуемому» (разрядка моя.—Г.З.). —В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования», стр. 118—119. Отмечая то же явление, Пр. Адамец по-иному оценивает взаимную роль компонентов этих предложений: «Между V и S, выступающими в данном типе, наблюдается некоторая семантическая связанность, или взаимообусловленность... Подлежащее в этих случаях фактически является обязательным пополнением глагола» («Порядок слов в современном русском языке». Прага, 1966, стр. 51). Ср. также признание этих предложений двусоставными, но одночленными, в статье: И. А. Попова. О «двусоставности» номинативных предложений. «Исследования по современному русскому языку». М., изд. МГУ, 1970.

Описанные в грамматиках так называемые трех-(четырёх)-членные, или сложносоставные сказуемые: *Озорник тяжело дышал и, судя по всему, хотел продолжать шалить* (Чехов); *Если бы он захотел, то мог бы стать настоящим ученым* (Чехов); *Аполлинария Петровна умудрялась всегда оставаться опрятной* (В. Саянов); *Он переставал стараться быть умником, отчего сразу становился и умнее и интереснее* (Горький), — представляют собой примеры взаимодействия модальных и фазисных регулярных модификаций. Важно, что при этом усложняется, как бы наращивается предикативная ось модели предложения, но сами модели, выражающие значения субъекта и его действия или предикативного состояния разными грамматическими средствами, остаются неизменными. Ср.: *Озорник шалил (продолжал шалить, хотел продолжать шалить)* — двусоставная глагольная модель; *Он — ученый (стал ученым, мог стать ученым)* — двусоставная именная модель; *Она — опрятна (оставалась опрятной, умудрялась оставаться опрятной)* — двусоставная адъективная модель и т. д.

4. Наблюдения над модальными и фазисными регулярными модификациями моделей предложения выявляют противопоставленность классов предложения с общим динамическим значением (значение действия, состояния в широком смысле) классам предложений с общим статическим значением (значение наличия в широком смысле).

В последней группе, кроме названного выше типа, утверждающего статический признак предмета, выделяются следующие типы предложений:

а) Утверждающие наличие конкретного предмета, воспринимаемого наблюдателем. Ср.: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок). Первое в ряду этих номинативных предложений выражает предикативное состояние и принадлежит к динамическому классу. Три следующих имеют статическое значение, следовательно, представляют другую модель с другими свойствами. Таким образом, здесь граница проходит внутри разряда номинативных предложений. Ср. отрицательную модификацию: *Ни огня, ни черной хаты* (Пушкин).

б) Утверждающие посессивное наличие, отношения субъекта и объекта принадлежности: *У них дом и сад; У нее есть дети; У старухи новое корыто*. Ср. отрицательную модификацию: *У нее нет детей; Нет у молодца молодой жены, нет у молодца друга вернова* (Кольцов); *Нет у вас родины* (Лермонтов).

в) Утверждающие локализованное наличие, наличие предмета в определенном месте: *Здесь есть грибы* (отрицание наличия: *Здесь нет грибов*), пространственные отношения предметов, локальную прикрепленность предмета, явления: *Грибы — на опушке; Маяк за мысом; Возле дома скамья; Комиссия в зале*.

Перечисленным типам предложений, в силу их структурно-смыслового значения, не свойственны регулярные модификации

модального и фазисного характера. Вспомогательный глагол *стать* может включаться в эти модели лишь тогда, когда в них вносятся динамические оттенки значения: переход от наличия к отсутствию или изменение количества: *Был фонарь, Не стало фонаря*, или *Стало три фонаря*; *У нее стало трое детей*; *Нас стало трое*; *На опушке стало много грибов*.

Вспомогательным средством выражения динамических (с оттенком неожиданности) переходов от неналичия к наличию (и наоборот) служат глаголы *появляться* ($\approx$ *начинать иметься*) и *исчезать* ($\approx$ *прекращать иметься*): *На опушке появились грибы*, *На опушке исчезли грибы*; *У старухи появилось новое корыто*, *У старухи исчезло корыто*.

У Рагозина очень скоро исчезло ощущение неполноты своего участия в боях (К. Федин, Необыкновенное лето), ср.: *У Рагозина появилось ощущение...*, *У Рагозина было ощущение...*; *После многих пасмурных дней над Берлином появилось солнце* («Изв.», 11 апр. 1970); ср. исходную модель *Над Берлином солнце*¹⁴³.

Соотносительность выявленных классов предложений с их модификационными свойствами подтверждает, что именно в структурно-смысловой организации предложения заключен механизм управления его регулярными модификациями.

5. По-иному группируются те же виды значений предложения с точки зрения способности к регулярным модификациям еще одного типа. С помощью полужнаменательного глагола *оказаться* в предложения регулярно вносится значение выявления, обнаружения признака, воспринимаемого наблюдателем. Этот тип реализации свойствен предложениям с общим статическим значением и не свойствен динамическим.

В этом случае к динамическим, не принимающим данной реализации, относятся все глагольные предложения разных значений и безглагольные с начинательным фазисным значением (*Татьяна в лес*, *Мы на работу*, *Мать в слезы*).

Принимают реализацию выявления признака все двусоставные именные модели с широким значением утверждения признака предмета (*Отец оказался учителем*; *День оказался пасмурным*; *Он оказался никем*; *Сын оказался умнее*; *Мальчик оказался без пальто*; *Брат оказался высокого роста*; *Телеграмма оказалась от матери* и т. п.), утверждения наличия предмета (*У нее оказались дети*; *У нее не оказалось детей*; *Ветра не оказалось*; *Запасов*

¹⁴³ Здесь не рассмотрены регулярные реализации моделей со значением темпа действия, образуемые усложнением предикативной оси вспомогательными глаголами *медлить*, *спешить*, *торопиться*: *Спешу объяснить во всем откровенно* (Пушкин); *Квашинин почему-то медлил сходиться вниз* (Куприн), а также со значением результативно-темповым: *Как много ты в немного дней прожить, прочувствовать успела* (Боратынский); *Он опоздал родиться* (Пушкин). Оба значения могут быть отнесены к разновидностям фазисных модификаций предложения.

оказалось мало; Здесь оказались грибы; Возле дома оказался сад; Татьяна оказалась в лесу; Рожь оказалась сжата и т. п.)

Заметим, что для одной из моделей, утверждающей локализованное наличие одушевленного предмета, возможно совпадение субъекта пребывания и наблюдателя: *Татьяна оказалась в лесу* — а) с точки зрения того, кто ее искал; б) неожиданно для себя, осознав себя находящейся в лесу. В обоих случаях в реализациях с глаголом *оказаться* предложение отличается от исходной модели тем, что признак предстает не открытым, не готовым для восприятия, а открываемым, узнаваемым в результате некоторого усилия наблюдателя или, вопреки его ожиданию, в преодолении какой-то грани между предметом и его признаком.

Не принимают реализации выявления собственно односоставные модели — номинативные и безличные, сообщающие о состоянии субъекта или состоянии среды, — именно потому, что в них нет расчлененности предмета и признака. Если и возможно *Оказалась полночь, Оказалось светло*, то лишь в контексте, как бы ставящем вопрос, ответом на который станет данное предложение (напр., *Он потерял представление о времени. Оказалась полночь*).

Односоставные предложения, воспроизводящие состояние среды или обстоятельственное состояние (*Рассвет; Тишина; Морозно; Вьюжит*), возникают как бы в точке пересечения линии бытия, существования во времени объективной действительности, и линии восприятия субъекта речи. Это «точечное» значение обуславливает их принципиальную односоставность, нерасчлененность.

Между тем с введением второго структурного компонента, создающего расчлененность предмета и признака, односоставное предложение приобретает способность к регулярной реализации выявления: *На дворе оказалась ночь; В комнате оказалось грязно; С утра оказалось тепло* и т. п. (ср.: *Комната оказалась грязной; Утро оказалось теплым* и под.).

Структурно-смысловое понимание двухкомпонентности (двусоставности) позволяет более последовательно представить систему регулярных модификаций, чем чисто морфологический подход к разграничению односоставности — двусоставности¹⁴⁴. Не случайно реализации с полужнаменательными глаголами регулярны лишь для тех структурных схем инфинитивных предложений, которые являются фактически двусоставными (*Его оказалось не узнать; Пойти оказалось некуда*), точно так же, как для двусоставных схем именного типа: *Нас оказалось трое; На обед оказались щи; Дела оказалось на полчаса* и т. д.

¹⁴⁴ «Вообще «морфологизм» в чистом виде как принцип построения теории предложения не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложений» (В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 78).

Модификации с полужнаменательными глаголами фазисными и выявления, кажущиеся на первый взгляд структурно однородными, по существу внутренне различны не только по смыслу, но и синтаксически.

Если фазисное развитие признака — имманентное его состояние, то с глаголом выявления в предложение вводится неназванный, но тем не менее структурно реализуемый субъект, через восприятие которого преломляется соответствующий признак. Ср., например: *Сын становился умнее* (чем был раньше); *Сын оказался умнее* (чем ожидал субъект восприятия).

Включение нового субъекта всегда влечет за собой усложнение структуры предложения, чреватость ее дальнейшими делениями и преобразованиями. Новое «субъектное начало» может быть вынесено за скобки из основной модели и образует само предикативную единицу, взаимодействующую с основной в структуре сложного целого: *Оказалось, что сын умнее* (при невозможности подобной операции с фазисной реализацией).

Выясняется, таким образом, что роль глагола *оказаться*, в отличие от *стать*, *становиться*, может быть не вспомогательной, а структурной. Значит, по существу, за реализацией выявления кроется взаимодействие двух моделей, одна из которых сообщает о признаке предмета, другая — о характере восприятия этого содержания субъектом речи.

Глагол *оказаться* находится в соотносительном ряду с другими средствами выражения характера восприятия. Различаются они между собою прежде всего по смыслу. Ср.: *Он кажется умным* (говорящий либо не уверен в адекватности своего наблюдения, либо знает о несоответствии между видимостью и действительностью); *Он считается умным*, *Он слывет умным* (говорящий сообщает о признаке предмета не на основании своего наблюдения, а ссылаясь на мнение других лиц, при возможности своего незнания, сомнения или несогласия).

Кроме смысловых различий, у каждого из этих глаголов различные конструктивные возможности. *Слывет* самостоятельным структурным значением не обладает. *Оказалось*, «вынесенное за скобки», не принимает обозначения субъекта восприятия; может быть, тем и объясняется широкая употребительность и «универсальность» этого глагола как средства реализации выявления, что оно выражает субъектное восприятие обезличенным способом. *Кажется* сочетается с субъектом (*мне казалось, тебе, ему кажется...*) *Считается* в самостоятельном предикативном употреблении тоже безлично (*Считается, что он умный*), но соотносительно с личным. Ср.: *Я считаю, она, они считают, что он умный...*

Далее обнаруживаем соотносительность конструкций *Он считается умным* и *Его считают умным*. Их объединяет неопределенно-личное значение субъекта восприятия (заметим, что субъект речи, говорящий и субъект восприятия здесь разошлись), а так-

же то, что обе конструкции представляют собой результат взаимодействия двух моделей (сообщение о признаке предмета и сообщение о характере восприятия)¹⁴⁵.

Конструкции, совместившие эти два значения, будем для удобства именовать авторизованными.

Однако различен способ взаимодействия этих значений в обеих конструкциях. В предложении *Он считается умным* глагол восприятия включается в двусоставную именную (адъективную) модель, не нарушая ее, уподобляясь вспомогательному глаголу (субъект восприятия принял бы форму «объектную»: *Он всеми считается умным*). Во втором предложении *Его считают умным* (ср. *Все считают его умным*), наоборот, грамматически господствует глагольная модель восприятия, а модель «предмет и его признак» включается в нее, причем субъект — носитель признака — принимает подчиненную форму «объекта».

Намечаются, таким образом, разнообразные пути развития, наращивания смысла и грамматического усложнения исходных моделей предложения, в том числе переходы от регулярной модификации одной модели к взаимодействию двух. Учитывая, что модификация выявления вносит в предложение дополнительное значение авторизованности, можно считать, что изменения эти происходят в пределах регулярной модификации до тех пор, пока сохраняется структурная схема, исходная модель предложения.

Описанные здесь структурно-семантические модификации нуждаются в дальнейшей разработке и не исчерпывают всех возможных реализаций моделей предложения. Выявлению новых аспектов преобразования моделей, в частности, могут способствовать упомянутые исследования Ю. Апресяна, А. Жолковского и И. Мельчука, если рассмотреть их с точки зрения собственно синтаксической проблематики.

6. Особые разновидности семантических модификаций представляют отрицательные и вопросительные реализации моделей. Несмотря на существенные функциональные различия, их объединяет между собой и с другими семантическими модификациями сохранение состава модели, предикативная ось которой усложняется добавочным смыслом или новым коммуникативным поворотом. Отрицательные и вопросительные модификации универсальны, их принимает любое предложение, но с типом модели связаны способы выражения отрицания. Ср., например:

Огонек. Черная хата > Ни огня, ни черной хаты; У нее коса > У нее нет косы, У нее не коса, а ...; Спой, светик > Не пой, красавица; Она слышит приветствия > Она приветствий двух друзей не слышит; Он в пальто > Он не в пальто, Он без пальто; Он с зонтиком > Он не с зонтиком, Он без зонтика; Он на лыжах >

¹⁴⁵ Ср.: D. Worth. The role of transformations in the definition of syntagmas in Russian and other Slavic languages. The Hague, 1963.

> Он не на лыжах, Он без лыж; Разговор был при свидетелях >
Разговор был не при свидетелях, Разговор был без свидетелей.

Он рад, но мы не рады (Грибоедов, Горе от ума); Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа (Гоголь, Мертвые души); Не в немецких ботфортах ямщик, борода да рукавицы (Там же); И чувства нет в твоих очах, И правды нет в твоих речах, И нет души в тебе (Тютчев); Ни писем, ни вестей (К. Симонов, Поручик); Ни церквей на холмах зеленых, Ни плакучих берез в полях — Только кедры на горных склонах (П. Комаров, На краю России); И тени нет. Повсюду искры, блески (К. Случевский); Не бездарна та природа, Не погиб еще тот край, Что выводит из народа Столько славных, то и знай (Некрасов, Школьник); Сегодня не будет поверки, Горнист не играет поход (В. Луговской, Курсантская венгерка); О, бурь заснувших не буди (Тютчев); Не без добрых душ на свете (Некрасов).

Таким образом, отрицательные и вопросительные предложения также занимают свое место на территории синтаксического поля вокруг той или иной исходной модели предложения.

7. Обширный слой синтаксического поля составляют экспрессивные модификации предложения, в которых дополнительный смысл создается введением экспрессивно-оценочных частиц при поддержке эмфатической интонации, а иногда и инверсивного порядка слов. Подвижность экспрессивных частиц, способность многих из них присоединяться к словам различных категорий и форм, придавая им с помощью интонации предикативно-оценочное значение (Ну и (вот так, ох и, уж и, то-то, какое) поет! Ну и... секретарь! Ну и... у себя! Ну и... все! Ну и... в беспокойстве! Ну и... интересно! и т. д.), создает фонд экспрессивно-стилистических вариантов многих конструкций, но прикрепленность их к тем или иным типам предложений еще требует выяснения. При этом, очевидно, следует иметь в виду различия между типами частиц по их синтаксической роли. Так, частицы одного типа служат в предложении субъективными квантификаторами, они подчеркивают интенсивность действия, качества, состояния, количества и других признаков, о которых сообщается в предложении через субъективное отношение к ним говорящего: Ну и смышлен! Эх морозит! Ох и надоела! Ну и красота! Вот смех-то! То-то радость и веселье, то-то детям воля! (Суриков, В ночном); Ну ж был денек! (Лермонтов, Бородино); А хвост такой пушистый, раскидистый и золотистый! (Крылов, Лиса); Как взмолится золотая рыбка!.. Так и вздулись сердитые волны, Так и ходят, так воем и воют (Пушкин); Как невозможна грусть, как тифетно ожиданье! (А. Ахматова).

Приведенные экспрессивные модификации помещаются в синтаксическом поле соответственно двусоставных адъективных или глагольных моделей, односоставных глагольных или номинативных. Частицы другого типа выполняют не только экспрессивную, но и конструктивно-синтаксическую роль, они служат средства-

ми выражения отрицательной оценки названного в предложении явления, экспрессивным отношением к нему говорящего, указывая на несоответствие предмета, явления тому понятию, которое обозначено его названием: *Ну бал! Вот так гости! Уж и фильм! Тоже герой! Ох и хозяйка! Вот так весна!*¹⁴⁶

В таких случаях возникает другая модель, по существу двусоставная, где второй состав выражает оценку названного явления экспрессивно-интонационным способом. Ср.: *Это не бал, а бог знает что; Ты не герой, а совсем наоборот; Она плохая, немелая хозяйка; Это и не гости вовсе.* По-видимому, правомерно считать такие предложения также экспрессивными модификациями, но только двусоставных моделей.

Аналогичным образом интерпретируются так называемые генитивные количественные предложения типа *Народу! Книг-то! Яблок, яблок-то! Ну и шуму!*

Это — экспрессивные модификации двусоставной модели, содержащей количественную характеристику предмета, названного обусловленной формой родительного количественного падежа, ср.: *Народу — тьма. Книг — тысячи. Яблок — множество.* Здесь роль второго состава выполняет, с частицами или без них, специфическая восклицательная интонация, графически изображаемая восклицательным знаком (без которого такие предложения не встречаются). Интонация экспрессивных модификаций количественных предложений резко отлична от интонации неполных побудительно-требовательных предложений, где родительный партитивный соответствует связанному винительному: *Воды! Халат! Чаю! Карету!*

8. Таким образом, объективно существующая в языке сгруппированность различного рода структурно-семантических модификаций — модально-фазисных, выявления, отрицательных, вопросительных, экспрессивных — вокруг исходной модели, состав которой сохраняется во всех модифицирующих преобразованиях, дает в руки грамматистов ключ к экономному и систематизированному описанию множества наблюдаемых в речи разновидностей предложений. Выявление указанных соотношений между структурами предложений существенно сокращает список основных моделей, вместе с тем ориентированный на изучение не идеальных схем, а живого многообразия синтаксических реалий русской речи.

Квалификация позиции тех или иных предложений как определенных модификаций первичной модели, расположенных в ее синтаксическом поле, объясняет некоторые явления «нерегулярностей» в синтаксической системе (отсутствие временной и модальной парадигмы у предложений типа *Мать в слезы, Татьяна в лес*) и позволяет установить вариативные синтаксические формы

¹⁴⁶ Ср.: Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; см. также: «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970, § 1317—1318.

слова, «позиционные чередования» которых не изменяют тождества модели. Таковы чередования форм:

а) именительного предикативного (в исходной модели) и творительного предикативного в ее временных модификациях (*Он моряк — Он был, будет моряком*);

б) именительного (в исходной модели) и родительного в отрицательной модификации (*Луна. Звезды. — Ни луны, ни звезд. У нее кольцо — У нее нет кольца*¹⁴⁷); в отрицательной же модификации винительный объекта чередуется с родительным объекта, но как внутрикомпонентный распространитель (*Он забывает прошлое — Он не забывает прошлого*);

в) предложного и творительного с предлогами в локальном значении (в исходной модели) и винительного, родительного с предлогами в фазисно-моторных модификациях (*Он в отпуске — Он в отпуск, из отпуска; Он за столом — Он за стол, из-за стола*).

Изложенные наблюдения подтверждают важность изучения единого и целостного синтаксического поля простого предложения, внутренних связей и системно выявляющихся видоизменений в этом поле.

В то же время эти наблюдения говорят в пользу классификации предложений не по типам парадигм, а по структурно-смысловым типам, которые в единстве грамматической модели и типового значения строятся из реально-необходимых значимых компонентов. Реальным составом и семантикой модели предложения обуславливаются как модально-временная парадигма — модификации грамматических значений предложения, так и регулярные реализации — его структурно-семантические модификации.

Каково соотношение между этими двумя видами модификации?

Схематически оно показано в таблице на стр. 225.

Принадлежность к модально-временной парадигме — непременное условие существования предложения; форма со значением настоящего времени и реальной модальности занимает одно из мест в соотносительном вертикальном ряду грамматических модификаций.

Структурно-семантические же модификации привносят элемент значения, которого нет в исходной модели, которое она лишь способна принять соответственно своим структурно-смысловым возможностям. Естественно, что этот семантический элемент может быть придан любой грамматической модификации модели, которая выступает в качестве исходной по отношению к регулярным реализациям в горизонтальном ряду. Или иначе:

¹⁴⁷ Ср. трактовку К. Гаузенбласом именного члена в предложениях типа *He было денег* как нейтрализации противопоставления подлежащего и дополнения (К. Hausenblas. *Vývoj předmětového genitivu v češtině*. Praha, 1958, стр. 115).

Исходные модели и их грамматические модификации	Структурно-семантические модификации (регулярные реализации)		
	модальная	фазисная	выявление
А. Динамического класса			
Отец работает	Отец хочет работать	Отец начинает работать	—
Отец работал	Отец хотел работать	Отец начал работать	—
Отец будет работать	Отец захочет работать	Отец начнет работать	—
Отец работал бы... и т. д.	Отец хотел бы работать... и т. д.	Отец начал бы работать... и т. д.	
Он инженер	Он хочет быть инженером	Он становится инженером	Он оказывается инженером
Он был инженером	Он хотел быть инженером	Он стал инженером	Он оказался инженером
Он будет инженером	Он захочет быть инженером	Он станет инженером	Он окажется инженером
Он был бы инженером... и т. д.	Он хотел бы быть инженером... и т. д.	Он стал бы инженером... и т. д.	Он оказался бы инженером... и т. д.
Б. Статического класса			
Клевер скошен	—	—	Клевер оказывается скошен
Клевер был скошен	—	—	Клевер оказался скошен
Клевер будет скошен	—	—	Клевер окажется скошен
Клевер был бы скошен и т. д.	—	—	Клевер оказался бы скошен... и т. д.

каждая из структурно-семантических модификаций основной модели может занимать одно из мест в соотносительном вертикальном ряду грамматических модификаций в пределах данной реализации. Здесь важно признать не приоритет одной из координат, а их пересечение.

Однопарадигменные грамматические модификации, естественно, отличаются несовместимостью, невозможностью соединить в одной форме противопоставленные временные и модальные значения. Разнопарадигменные значения модальности, времени и лица объединяются в одной структуре. Разнопарадигменные семантические модификации склонны к взаимодействию. Предложение *Неужели он не захочет стать инженером?* представляет собой комплексную реализацию модели *Он инженер*, результат взаимодействия вопросительной, отрицательной, экс-

прессивной, модальной и фазисной модификаций (ср. *Неужели он не хотел стать инженером? Неужели он не захочет стать инженером?* и т. д.).

Взаимодействие разных модификаций может быть проиллюстрировано еще некоторыми примерами:

Никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым (Лермонтов, Княжна Мери) — двойная модальная модификация и отрицательная, ср.: *Он — любим, Он хочет быть любимым, Он умеет хотеть быть любимым; Даже решимости выступить на прямую открытую борьбу в них нет* (Добролюбов, Луч света в темном царстве) — модальная и отрицательная модификации, ср.: *Они не решаются выступить..., Они выступают...; Только ты плакать-то перестань!* (Островский, Свои люди — сочтемся) — фазисная модификация грамматической ирреально-побудительной модификации, ср.: *Ты плачешь; Я не стараюсь сделаться лучше* (Л. Толстой, Живой труп) — отрицательная, модально-волеуказательная и фазисная модификации; *Почему я не могу ехать?* (Л. Толстой, Анна Каренина) — вопросительно-отрицательная и модальная модификации; *Твой недосказанный упрек Я разгадать вполне не смею* (Пушкин, Ответ А. И. Готовцевой) — отрицательная и модально-волеуказательная модификации.

СИНОНИМИКА МОДЕЛЕЙ

1. Отношения синтаксической синонимии создают синтаксические ряды на иных основаниях, чем грамматические и семантические модификации, но в центре ряда находится та же исходная модель предложения, которая остается инвариантом по отношению к синонимическим, вариантным преобразованиям. Если при грамматических и семантических модификациях изменения происходили в предикативной оси предложения, то в синонимических вариациях изменяется сам состав синтаксических форм, сопряженных в модели.

Отвлекаясь теперь от значений и способов организации предикативной оси (каждый из синонимических вариантов предложения сам по себе способен подвергаться соответствующим грамматическим и семантическим изменениям), обнаруживаем, что с точки зрения синонимических преобразований разделение постоянного и переменного в структуре модели предложения идет по другой линии.

Как постоянный признак предложения, на котором держатся отношения инвариантной модели к вариантным и вариантных между собой, теперь выступает типовое значение предложения, т. е. определенный тип отношений между определенными структурно-смысловыми компонентами предложения. Состав синтаксических форм, образующих эти компоненты, оказывается величиной переменной. Изменение формы компонентов модели в

рамках того же типового значения и составляет существо синонимических преобразований предложения¹⁴⁸.

Возможность выбора формы компонентов определяется:

а) существованием в синтаксической системе языка набора, инвентаря способов выражения того или иного компонента, в своего рода парадигматических рядах;

б) взаимной обусловленностью, сочетаемостью тех или иных форм в одной модели, в линейном, синтагматическом ряду;

в) коммуникативно-стилистической целесообразностью формы компонентов, а следовательно, самой модели, для выражения данного типового значения в данных речевых условиях¹⁴⁹.

Набор различных средств выражения одних и тех же синтаксических компонентов опирается на свойственную развитому литературному языку вариантность форм. Всякая синтаксическая форма, всякая синтаксическая конструкция в системе языка существует в ряду других форм, других конструкций, объединенных большей или меньшей близостью значений, противопоставленных смысловыми или стилистическими оттенками. «Ведь развитый литературный язык представляет собой сложную систему стилей, обладающих разными средствами выражения — соотносительными и нередко синонимическими»¹⁵⁰.

2. Объективно существующее в языке разнообразие вариативных синонимических форм отражает взаимосвязь и противоречивую сложность отношений между системой внеязыковых реалий и системой их представления языковыми средствами.

Для того чтобы выразить то или иное типовое значение, например «предмет и его признак», «субъект и его действие», «субъект и его состояние» и т. п., мы должны знать, какими способами располагает данный язык для выражения каждого из компонентов. Прежде всего, известна соотнесенность основного категориального значения каждой части речи с тем или иным типом явлений действительности. Так, для имени существительного основным является значение предмета, для глагола — значение действия, для прилагательного — значение признака и т. д. Вместе с тем известно, что существительное подводит под категорию предметности не только названия собственно предметов, но и названия действий, состояний, качеств. Глагол может обозначать не только действие, но всевозможные

¹⁴⁸ Ср. разграничение парадигматического ряда, где постоянным является смысл, а форма — переменным, и парадигматической серии, где форма постоянна, а смысл переменный, в статье: Т. П. Ломтев. Природа синтаксических явлений (к вопросу о предмете синтаксиса). — ФН, 1961, № 3.

¹⁴⁹ О коммуникативно-стилистической целесообразности см.: В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи. — ВЯ, 1966, № 5; Б. Н. Головин. Как говорить правильно. Горький, 1966. Ср. в кн.: «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 82—83.

¹⁵⁰ В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 5.

связи и отношения между отнюдь не «действующими» предметами. Перед нами — проявления разных способов языкового выражения реальных. Прямым способом мы назвали (см. выше, стр. 34) такой, при котором реальное явление категориально соответствует основному значению представляющей его части речи (*брат, дом, степь* — предметы-существительные; *высокий, горький, обширный* — признаки-прилагательные; *идет, пашет, поет* — действия-глаголы и т. д.).

Косвенным мы назвали такой способ, при котором нет прямого категориального соответствия между внеязыковым явлением и основной семантикой обозначающей его части речи (*пение, уборка, пахота* — действия-существительные; *ширина, красота, выносливость* — качества-существительные; и, наоборот: *является, определяется, характеризуется* — глаголы, не обозначающие действия).

Следовательно, желая, например, сообщить о признаке предмета, мы располагаем прежде всего возможностью избрать прямой способ обозначения признака — именем прилагательным, или косвенный — именем существительным.

Имя прилагательное непосредственно и сопрягается с обозначением предмета — именем существительным, координируя с ним формы рода и числа: *Река извилиста; Склоны крутые; Верблюды выносливы*.

Имя существительное, обозначающее признак, не сопрягается с именем предмета непосредственно, оно прибегает к посредству вспомогательных слов: *Река отличается извилистостью; Склоны отличаются крутизной; Верблюд отличается (характеризуется) выносливостью, или: Верблуду свойственна выносливость, Верблуду присуща выносливость, Верблюда характеризует выносливость, Верблюда отличает выносливость, Для верблюда характерна (типична) выносливость*.

Ср. исходные модели со значением признака *Земля круглая* (*круглая*), *Мальчик упрям* и их вариативные ряды: *Земля имеет круглую форму, У земли круглая форма, Форма земли круглая, По форме земля круглая; Мальчик упрям, У мальчика упрямый характер, Характер мальчика — упрямый, По характеру мальчик упрям, Характером мальчик упрям, и далее: Мальчик отличается упрямством (упрямым характером), Мальчика отличает (характеризует) упрямство, Мальчику свойственно (присуще) упрямство и т. п.*

В обоих рядах прежде всего сохраняются, хотя и изменяя свою морфологию, название характеризуемого предмета и название признака, при этом они остаются предикативно сопоставленными. Появившиеся новые слова не вносят в предложение новых понятий, они лишь выявляют лексически те элементы значения, которые имплицитно присутствовали в компонентах первичной модели. Слова *форма* и *характер* выражают критерий, параметр признака; *круглая* — характеристика *формы* пред-

мета, *упрямый* — черта характера; форма и характер соответственно принадлежат предметам как необходимые их признаки: значение принадлежности эксплицируется в слове *имеет*, в форме *у мальчика* так же, как значение признака, свойства, отличительной черты, заложенное в слове *упрямый* (*упрямство*), реализуется лексически в словах, выделенных в последних предложениях.

Таким образом, все дополнительные слова, появившиеся в синонимических предложениях, являются вспомогательными средствами различного оформления тех же компонентов, сочетание которых образует инвариантное, типовое значение предложений обоих синонимических рядов. Правда, в некоторых моделях вспомогательное слово выносит значение критерия, параметра за пределы двух основных компонентов и образует третий компонент (*По форме* земля круглая; *По характеру* (характером) мальчик упрям), но этот компонент структурно является не обязательным, а семантически — лишь уточняющим, поддерживающим смысловое содержание предикативного акта, которое может быть ясно и без уточнения.

Для сообщения о предмете и его действии название действия, выраженное глаголом, непосредственно сопрягается с именем субъекта, производителя действия: *Писатель путешествует; Колхозники сеют; Контролер проверяет билеты*. Но то же действие, названное отглагольным именем, требует для сопряжения с именем субъекта вспомогательного глагола: *Писатель совершает путешествие; Колхозники проводят сев; Контролер производит проверку билетов*. Другим способом сообщения о действии и его субъекте служит номинативное предложение, образованное отглагольным существительным с родительным субъекта: *Путешествие писателя; Проверка билетов контролером*, однако меньшая употребительность такого способа объясняется, кроме других причин, неотчетливой выраженностью отношений между действием и агенсом. В номинативном предложении, по форме совпадающем с аналогом словосочетания, отношения между названиями действия и субъекта организованы не сопряжением, а соединением.

Рассмотрим вариативные способы выражения других типовых значений.

Модель со значением посессивного наличия организуется сопряжением синтаксической формы «*у*+род. п.», обозначающей субъект владения, и формы именительного падежа, обозначающей объект владения: *У деда сад; У нее сын; У соседей телевизор*.

Вариативные модели возникают при участии вспомогательных слов, лексически подкрепляющих значение принадлежности, наличия при форме «*у*+род. п.» или берущих на себя это значение при других формах выражения субъекта. Ср.: *У деда есть (имеется) сад, Дед — владелец (обладатель) сада, Дед владеет*

садом, Деду принадлежит сад; Соседи имеют телевизор, Соседи — владельцы телевизора и т. п.¹⁵¹

Разнообразны в русском языке модели предложений, сообщающих о состоянии субъекта. Они убедительно иллюстрируют взаимную обусловленность сочетающихся компонентов: субъект может быть выражен формой имени в дательном при выражении состояния формой предикативного наречия, безличного глагола, фразеологического сочетания (*Мне не спится; Мне грустно; Ей плохо; Ему не по себе*); субъект может быть выражен формой имени в винительном при некоторых безличных глаголах (*Его знобит, ломает, тошнит*); субъект может быть выражен синтаксической формой «у+род. п.» при выражении состояния отвлеченным именем в номинативе и другими способами (*У него лихорадка, озноб; У нее обморок; У нее головная боль*; ср.: *У нее болит голова*); субъект может быть выражен формой «с+тв. п.» при выражении состояния номинативом, предикативным наречием (*С ней обморок, истерика; С ним плохо*); субъект может быть выражен синтаксической формой имени в номинативе при выражении состояния личной формой глагола состояния или отвлеченным существительным в форме «в+предл. п.» (*Он сердится; Она грустит; Он в ударе, в ярости, в панике. В обмороке конный, дева в столбняке* (Б. Пастернак, Сказка).

При этом способы выражения субъекта состояния в системе русского синтаксиса включаются в более широкий класс синтаксических форм со значением пассивного субъекта (носителя признака, состояния, отношения), ср.: *Она радуется, Она бледна, Она с косой, Она ненавидит притворство; У нее радость, У нее бледное лицо, У нее коса, У нее ненависть к притворству; Ей радостно, Ей ненавистно притворство, Ее охватывает радость, ненависть и т. п.*, противопоставленный классу синтаксических форм со значением активного субъекта, производителя действия, ср.: *Учитель проверяет тетради, Тетради проверяются учителем, Проверка тетрадей учителем, Объяснение учителя.*

Вместе с тем очевидно, что продемонстрированные модели со значением состояния субъекта не представляют одного вариативного ряда. Общность значения может быть абстракцией разного порядка. Смысловая общность, которая не опирается на лексико-синтаксическую соотносительность компонентов, не создает синонимических отношений. Среди моделей со значением состояния субъекта синонимичны лишь те, в которых лексико-

¹⁵¹ Ср. наблюдения А. Сешез над значениями вспомогательных глаголов, способствующих выражению отношений принадлежности: «Глагол как *avoir* (и его синонимы *tenir, porter* и т. д.) ни в чем не уступает предлогу. Он выражает чисто относительную идею; и когда говорят: *Cet homme a un chapeau, tient une canne, porte les gants*, значение глагола в этом контексте эквивалентно значению *avec* в: *un homme avec un chapeau, avec une canne, avec des gants* (A. Sechehaye. Essai sur la structure logique de la phrase. Paris, 1926, стр. 84).

синтаксическая соотносительность компонентов служит предпосылкой взаимозаменяемости, см., например:

Она грустит — Ей грустно (Она испытывает грусть, Ее охватывает грусть); Ее знобит — У нее озноб — Она в ознобе (Она чувствует озноб, ощущает озноб); У нее обморок — С ней обморок — Она в обмороке; Ей плохо — С ней плохо (Она себя чувствует плохо); Она в тревоге — Она тревожится — Ей тревожно (Она испытывает тревогу, Она охвачена тревогой).

Он не работал в те дни, с ним очень плохо было... Было известно, что ему плохо (Разг., запись 1965 г.); — Учитель, у меня тревога, — сказала Аэлита (А. Н. Толстой, Аэлита).

В модели *Мрамор — известняк, Корова — непарнокопытное, Ель — хвойное дерево* и под. со значением квалификации предмета, отнесения видового понятия к родовому, сопрягаются названия этих понятий, вариации также образуются с участием вспомогательных слов: *Мрамор представляет собой известняк, Мрамор относится к известнякам; Корова является непарнокопытным, Корова — представитель отряда непарнокопытных; Ель относится к породе хвойных деревьев* и т. п.

Модель со значением локализованного наличия *Книги в шкафу, Библиотека внизу, Отец в деревне* организуется сопряжением названия предмета и названия места, представленного соответствующими предложно-падежными формами имени или наречием, варианты же образуются с участием вспомогательных глаголов *находиться, помещаться*, для сообщения о живых существах — *находиться, пребывать, обитать, жить, проживать*.

Таким образом, перед нами варианты сочетаний разнооформленных, но равнозначных структурно-смысловых, или семантико-синтаксических, компонентов моделей предложения. Разнооформленность компонентов дает различие моделей, равнозначность их дает общность инвариантного, типового значения вариативного ряда моделей.

3. Общность инвариантного значения моделей, характера структурно-смысловых отношений между равнозначными компонентами и вследствие этого — взаимозаменяемость моделей¹⁵², с соответствующими смысловыми и стилистически-ситуационными ограничениями, позволяет считать модели вариативного ряда синтаксическими синонимами, а ряд — синонимическим.

Наблюдения над способами организации моделей в вариативных рядах приводят к следующим обобщениям, подводящим структурные основания под процесс синтаксического перефразирования.

Потребность выразить мысль, содержанием которой является тот или иной аспект отношений реальной действительности, находит себе соответствующую форму, модель предложения, суще-

¹⁵² О взаимозаменяемости конструкций как следствии их синонимичности см.: И. И. Ковтунова. О синтаксической синонимии. «Вопросы культуры речи», I. М., 1955, стр. 130.

ствующую в данном языке для выражения именно этих отношений действительности, но в ряду близких по смыслу моделей. Структурно-смысловое понятие типового значения составляет инвариантный стержень этого ряда синонимичных моделей.

Идентичность типового значения в ряду разнооформленных моделей опирается на наличие предикативно сопряженных равнозначных компонентов, которые и являются носителями данного типового значения.

Эти компоненты представляют собой структурно-смысловые центры, или константы моделей, организующие данное типовое значение. Условием сопоставимости моделей в синонимическом ряду является, таким образом, лексико-семантическая тождественность констант. Возможность словообразовательной производности в константах ограничена необходимостью сохранить категориально-семантическое значение слова (*двигать(ся)*, *движение* — как обозначение действия, но не *двигатель* как обозначение предмета; *лечить*, *лечение* как обозначение действия, но не *лекарь*, не *лекарство* как обозначения лица и предмета; *красивый*, *красота* как обозначения признака, но не *красавец*, *красоваться* как обозначения лица и действия (состояния); *лихой*, *лихость* как обозначения признака, но не *лихач*, *лихачество* как обозначения лица и действия и т. п.).

В тех же моделях, где константы сопрягаются не непосредственно, а с участием вспомогательных слов, важно отметить информативно и конструктивно несамостоятельную роль этих вспомогательных слов. Они не вносят нового в значение предложения, они остаются подсобными средствами, лишь вербально эксплицирующими, лексически подкрепляющими то смысловое отношение между семантическими центрами, которое в основной модели выражается без их помощи сочетанием самих компонентов. С точки зрения лексико-синтаксических качеств вспомогательные слова представляют тип слов с относительным значением, они неполнозначны без слов, необходимо восполняющих их смысл. Поэтому, когда они формально занимают позиции главных членов предложения, они «не справляются» с ролью предикативных организаторов предложения без помощи слов, являющихся основными носителями его смыслового назначения. Значит, и в вариативных моделях предикативность возникает не из сочетания формальных подлежащего и сказуемого, а из сочетания структурно-смысловых центров, один из которых (или каждый) выражен описательно, не одной словоформой, а несколькими.

Основные и вариативные модели для выражения того или иного типового значения отличаются, таким образом, разными способами соединения, приведения в предикативную связь констант предложения.

Основная, исходная модель выражает типовое значение минимальными языковыми средствами при совпадении смысловых и грамматических центров.

В а р и а т и в н ы е модели выражают типовое значение при посредстве вспомогательных лексико-грамматических средств, следовательно, характеризуются конструктивно-распределенной избыточностью и несовпадением смысловых и формально-грамматических центров.

Соотношение содержания и формы различно в исходных и вариативных моделях.

В ряде случаев вариативным моделям с вспомогательными словами противостоят не одна, а несколько моделей без вспомогательных слов, например *Мне грустно; Я грущу; Ей тоскливо; Она тоскует; Она в тоске* и под. Можно ли выделить первичную, исходную модель среди этих синонимичных предложений? Здесь также имеет значение соотношенность реалий и средств их выражения. Предложение *Я грущу* отличается некоторым оттенком изысканности по сравнению с *Мне грустно*. Объясняется это, по-видимому, тем, что для предикативного наречия («категории состояния») выражение состояния — главное, первичное значение, тогда как для глагола первично обозначение действия, а не состояния. Кроме того, в выражении субъекта состояния у формы дательного более сильная позиция, чем у формы именительного падежа.

Вместе с тем, каждое из этих синонимичных предложений обладает определенными оттенками значения, которыми обуславливается предпочтение одного синонима другому. Ср.: *Всю дорогу она грустила; Она вянет и грустит* и под.¹⁵³

4. Следует разграничить принципиальную возможность синонимического варьирования того или иного типового значения, основанную на существовании в языке прямого и косвенного способов выражения внеязыковых реалий, и конкретно-лексическую возможность. Одни предложения с типовым значением, например, признака предмета, располагают полным набором синонимичных моделей, образуемых с участием вспомогательных слов *отличается, характеризуется, характерен, свойствен, присущ* и под. (ср.: *Дети любознательны; Мальчик упрям; Новый полимер термостойкий; Металл тугоплавкий; Вода прозрачна; Она терпелива, кротка, добра; Профессор ироничен; Картина декоративна; Рассказ лаконичен; Приятель остроумен* и т. д.).

Однако другие предложения той же модели не дают подобных вариантов, например: *Земля круглая; Отец сердит; Комната уютна; Он высокий; Погода мерзкая; Пирог сладкий; Нож острый* и т. п. (но ср. возможности образования синонимичных моделей

¹⁵³ Ср. наблюдения А. М. Пешковского над различиями глагольного и синонимичных ему способов выражения: «В словах *радуется, печалится, грустит* уже меньше внешних проявлений чувства, чем в слове *веселится*, но все-таки они есть. Мы скорее скажем *он радуется, как ребенок*, чем *он рад, как ребенок*, потому что *радуется* указывает на какие-то жесты, выражение лица, — словом на какое-то проявление радости, чем и подходит больше к ребенку, нежели *рад*» («Русский синтаксис в научном освещении», стр. 97 и сл.).

с другими вспомогательными словами: *Земля имеет круглую форму, У земли круглая форма; Комната имеет уютный вид, У комнаты уютный вид; У отца сердитое настроение, Отец сердится; Он высокого роста, У него высокий рост* и т. п.).

Возможности эти зависят от целого ряда факторов, как словообразовательных (ср., например, отсутствие отвлеченного существительного от прилагательного *круглый*), так и семантических, от соотносительности значений прилагательного и существительного (*высота высокого дома, холма*, но не *высота высокого человека*); от типа значения признака (например: *Он отличается слепотой, глухотой к новому*, но не: *Он отличается слепотой, глухотой*, в прямом физическом смысле); от объема значения признака (ср. *Он белокур, У него белокурые волосы* и *Он ловок*); от постоянного или временного характера признака, от конкретного или обобщенного типа высказывания, индивидуального или общего, собирательного значения предмета и т. д.

Исследование этих и других факторов сулит весьма перспективные открытия новых закономерностей в связях содержания и формы. Но это особая задача. Во всяком случае неизученность этих связей не может служить поводом для сведения проблемы к лексическим свойствам слов. Обобщенные, структурные основания синонимического варьирования синтаксических моделей очевидны.

5. Нет также причин смешивать лексическую синонимичность с синонимичностью синтаксической. Замена вспомогательного, «несущего» слова в пределах той же синтаксической конструкции, при сохранении смысловых констант и типового значения, не создает синтаксических вариантов. Предложения *Стол находится у стены* и *Стол стоит у стены*¹⁵⁴, *Платина принадлежит к благородным металлам* и *Платина относится к благородным металлам*, *Он — владелец автомобиля* и *Он — обладатель автомобиля* различаются лексически, но не синтаксически. Ряд синтаксических вариантов возникает только при наличии предложений, различающихся грамматическим оформлением одних и тех же смысловых констант при том же характере отношений между ними (ср. *Стол находится у стены* и *Стол у стены*; *Платина — благородный металл* и *Платина представляет собой благородный металл*; *Он имеет автомобиль* и *У него автомобиль*)¹⁵⁵.

¹⁵⁴ «Условность» лексем, выражающих пространственные отношения между предметами, хорошо показана в статье: В. Г. Гак. Русский язык в зеркале французского. «Русский язык за рубежом», 1967, № 4.

¹⁵⁵ Судя по примерам (*Я боюсь — Мне страшно — Я в страхе; Мы с Иваном друзья... — Мы с Иваном дружны... — Мы с Иваном дружим... — Мы с Иваном в дружбе... — У нас с Иваном дружба... — Иван — мой друг...*), близко изложенному понимание синтаксической синонимии в статье: А. П. Евгеньева. Основные вопросы лексической синонимии. — В кн.: «Очерки по синонимике современного русского литературного языка». М. — Л., 1966. Ср. также примеры синонимичных выражений у Ю. Д. Апресяна: *Эти обязанности тяготят его — Эти обязанности тягостны ему — Эти обязанности ему в тягость* (ВЯ, 1969, № 4, стр. 76).

Соединение синтаксических и лексических синонимов дает более сложные соотношения, которые можно определить как синонимию лексико-синтаксическую. Примеры: *Комната за магазином набита студентами* (Горький, Мои университеты) — ср.: *В комнате за магазином полно студентов*; *Отца с матерью она лишилась рано* (Бунин, Аглая) — ср.: *Родителей она лишилась еще в детстве* — *Она осталась без родителей еще в детские годы* — *Она стала сиротой (осиротела) еще ребенком*. Надо заметить, что здесь синонимичны лексемы не вспомогательного состава, а основного.

Предложения, различающиеся лексической синонимичностью вспомогательных слов, и предложения — синтаксические варианты объединяются в общем фонде возможностей выбора для говорящего — пишущего. Проблема выбора, понсков, «мук слова» часто разрешается нахождением не лексического синонима, а синонимичной синтаксической конструкции.

6. Синонимическим рядом вариативных моделей предложений очерчены границы типового значения. Другими словами, объективный критерий типового значения в том, что оно реализуется в ряду синонимических конструкций. Каждая модель занимает известное место, которое определяется ее связью с другими моделями данного синонимического ряда, ее положением внутри этого ряда и положением ряда в системе других рядов, выражающих иные типовые значения. Совпадение типового значения вариантов при различном лексическом наполнении модели свидетельствует о тождестве типового значения, несовпадение — о различии.

Ср., например, синонимические варианты предложений: а) со значением локализованного наличия (пространственной соотнесенности предметов): *Ключ — в замке*, *Картошка — в корзине*, *Булочная — в том доме* (*Ключ находится в замке*, *Картошка лежит в корзине*, *Булочная находится, помещается в том доме*); б) со значением локализованного явления: *Встреча — в школе*, *Концерт — в клубе*, *Конференция — в Гаване* (*Встреча происходит, состоится в школе*, ср. также *Встречаемся (встретимся) в школе*, *Концерт происходит, состоится в клубе*, *Конференция происходит, состоится в Гаване*); в) со значением выявления содержания понятий: *Задача — в осмыслении...* *Цель — в создании...* *Ключ — в единстве* (*Ключом является единство*, *Задача состоит, заключается в осмыслении*, *Задачей является осмысление*, *Осмысление составляет задачу*, *Цель заключается, состоит в создании*, *Задача в том, чтобы осмыслить...* и т. д.)¹⁵⁶.

Процесс синонимического варьирования предложений сводится, таким образом, к процедуре равнозначного преобразова-

¹⁵⁶ О последней группе предложений подробнее см. в статье: Г. А. Золотова. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке. — В сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

ния¹⁵⁷ компонентов в рамках тех способов, которые предоставлены синтаксической системой во взаимодействии с морфологией, словообразованием и лексикой.

Основу синонимичности составляет своего рода закон сохранения синтаксической материи. Существо семантико-синтаксических отношений предложений того или иного типового значения сохраняется в соотносительности постоянных его компонентов, но структурно-смысловое содержание этих компонентов «вылеплено» в виде разных словообразовательно-морфологических форм, набор которых определен системой языка для каждого типа¹⁵⁸.

7. Изложенное понимание синонимического преобразования предложения приводит к необходимости дальнейшего уточнения вопроса о соотношении синтаксиса и семантики. Прежде всего, разумеется, неправомерно было бы считать выделенные компоненты предложения категориями чисто смысловыми, понятийными, логическими. В таком случае их языковое обличье было бы случайным, нерелевантным, а между тем во всех вариантах перед нами определенным образом организованный определенный комплекс языковых форм.

Важно учитывать, что число синтаксических единиц в предложении не равно числу лексических единиц, даже числу знаменательных слов. Выше было показано, что знаменательные слова обладают различным структурно-смысловым весом: одни из них образуют компоненты предложения, другие служат только вспомогательным средством в составе компонентов.

Единицами формализованной записи, более адекватной структуре предложения, могли бы быть, таким образом, не слова в их морфологической форме, а структурно-смысловые компоненты предложения в единстве их формы и значения, поскольку компоненты плана содержания и компоненты плана выражения в структуре предложения — одни и те же.

Если в интересах анализа признавать пользу схематического расчленения явлений, целесообразно разделить то, что в струк-

---

¹⁵⁷ Термин «равнозначные преобразования» употребляю вслед за Ю. Д. Апресяном (см. в его статье «Синонимия и синонимы» — ВЯ, 1969, № 4, ссылки на источники), работы которого представляют ценный опыт формализации синонимических отношений, особенно в области лексики. Убедительно ставя вопрос о регулярности связей семантики и синтаксиса, Ю. Д. Апресян вместе с тем минует собственно синтаксический уровень, наблюдая равнозначные преобразования в составе «выражений», вне определенной системы синтаксических единиц в их коммуникативно-речевой соотносительности.

¹⁵⁸ Ср. закономерную однородность категориальных значений в словообразовании и функциональном синтаксисе: производитель действия, орудие действия, место действия, признак, становление признака, выявление признака и под. См., например: В. В. Лопатин и И. С. Улуханов. Словообразование. — В кн.: «Основы построения описательной грамматики». М., 1966, стр. 61—62 и др. Та же закономерность нашла отражение в понятии «синтаксическая деривация» (Е. Курлович, А. Жолковский—И. Мельчук и др.).

туре предложения того или иного типового значения соотносится как постоянное и переменное. Постоянным является смысловое значение предикативно сопряженных компонентов и, соответственно, их синтаксическая роль (субъекта, объекта, действия, состояния, признака и т. п.), т. е. семантико-синтаксическое содержание предложения, переменным — лексико-морфологический облик компонентов, лексико-морфологическая их форма.

Процедуру синонимического преобразования структуры предложения можно определить как перевод одного комплекса взаимообусловленных знаков в другой, где знак — лексико-морфологический облик семантико-синтаксического означаемого, добавив к этому, что цепь переводов для синтаксиса ограничена формально — набором средств выражения, предоставляемым системой языка в каждом случае, и функционально — рамками предложения (на коммуникативной ступени) и рамками словосочетания (на докоммуникативной ступени синтаксиса).

8. Очевидны не только грамматические, но и стилистические различия между синонимичными моделями.

Тогда как типовые значения очерчивают круг возможных способов выражения данной мысли, внутри этого круга намечаются секторы (или сферы) разной стилистической окрашенности, связывающие выбор способа выражения, модели, с той или иной речевой ситуацией.

Системность отношений между синонимичными моделями заключается в том, что, соотносясь друг с другом, синонимические варианты несут не только содержательную, но и стилистическую культурно-речевую информацию.

Первичные модели предложений, возглавляющие синонимический ряд, с их экономичной организацией (ср. *Отец строг; Отец учитель; Учитель проверяет тетради; Тетради в шкафу; Тетрадей более двухсот* и т. п.), стилистически, как разговорные книжным, противопоставлены производным синонимичным моделям, в которых те же компоненты осложнены вспомогательными словами (*Отец отличается строгостью; Отец является учителем, Отец — представитель армии учителей; Учитель занимается проверкой тетрадей, производит, проводит проверку тетрадей; Тетради находятся, помещаются в шкафу; Тетрадей насчитывается более двухсот, Количество тетрадей достигает двухсот* и т. д.).

В экономичности первичных моделей предложения и осложненности состава производных, вариативных моделей проявляются разные способы языкового выражения реальных, прямой и косвенный (существительное *отец*, прилагательное *строг*, глагол *проверяет* своим основным категориальным значением соответствуют обозначаемым реальным явлениям: предмет, качество, действие; в существительных *строгость, проверка*, обозначающих не предметы, а качество и действие, в глаголах *является,*

отличается, достигает, не обозначающих действие, это соответствие нарушено).

По мере отступления от прямого способа выражения реальных и «отягощения» моделей вспомогательными средствами нарастает конструктивно-распределенная избыточность, усиливающая связь моделей с книжными стилями¹⁵⁹. Конструктивно-распределенная избыточность оказывается избыточностью только в соотношении с основной, экономно организованной моделью, но вместе с тем является нормой для книжного типа речи.

Таким образом, семантико-грамматическое устройство моделей обуславливает закономерность распределения моделей на стилистической оси «разговорное — книжное».

Следует оговорить, что под разговорной стилевой сферой здесь имеется в виду не сфера просторечия, «сниженной» литературной нормы, не специфически устная речь, представление о которой связано с признаками экспрессивной насыщенности, эллиптичности, повышенной роли интонации, частиц, повторов, сегментации и т. п. Здесь разговорная речь рассматривается как разновидность литературной речи, нейтральная в экспрессивном отношении и противопоставленная книжной речи (представляемой официальным, деловым, научным стилями), лишенная признаков «книжности»¹⁶⁰.

Взаимодействие и взаимопроникновение стилей, характерное для речевой практики нашего времени, не исключает необходимости выявления основных структурных особенностей каждой стилевой системы «в чистом виде», напротив, лишь отчетливое представление об основных структурах и позволит анализировать процесс их взаимодействия¹⁶¹.

¹⁵⁹ Нельзя не заметить, что характеристика всех вспомогательных слов как признаков книжного синтаксиса требует некоторых ограничений. Ср., например: *Он высокий и Он высокий парень; Он хороший и Он хороший человек*. Ср. аналогичные французские примеры: *Paul est bon garçon* 'Поль — славный малый', *Paul est un bon diable* 'Поль — хороший парень' и др., которые Балли приводит как разговорно-экспрессивные варианты к нейтральной фразе *Paul est bon* (Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 348). Различия между типами вспомогательных слов должны быть изучены дополнительно. С другой стороны, использование «книжных» конструкций с вспомогательными словами в художественной прозе (например: *Вся окрестность вдруг изменяется и принимает мрачный характер*. — Л. Толстой; ср. *Окрестность становится мрачной; Характерной чертой Ярмолы была упорная несловоохотливость*. — Куприн; ср. *Ярмолка был упорно несловоохотлив* и т. п.) может получить объяснение только в рамках проблемы индивидуального синтаксиса писателя или стиля данного произведения.

¹⁶⁰ Ср.: В. Г. Костомаров. О разграничении терминов «устный», «разговорный», «письменный» и «книжный». — В кн.: «Проблемы современной филологии». М., 1955.

¹⁶¹ Ср. аналогичную постановку вопроса в статье: И. И. Ковтунова. О понятии инверсии. — В кн.: «Проблемы современной филологии», стр. 167. Ср. также замечание Н. Ю. Шведовой: «...публицистика и художественная литература, не только широко вводящие разговорный синтаксис в систему

Проникновение структурных примет книжного стиля в разговорный отмечает В. В. Виноградов: «Одной из характерных черт в развитии разных функциональных сфер русского устного речевого общения в советскую эпоху является наряду с широким распространением элементов канцелярского, официально-делового или документального стиля немотивированное применение письменно-книжных оборотов и конструкций, выходящих за границы своих стилистических норм»¹⁶².

Сопоставительное изучение синонимических рядов предложений, основных и вариативных моделей с их структурными признаками, дает возможность вычленить те элементы, которые обнаруживают тенденцию немотивированно выходить за свои стилистические границы¹⁶³.

Первичные модели в своей совокупности составляют синтаксическую базу общенационального языка, «общепринятого и общепонятного», по выражению Л. В. Щербы¹⁶⁴. При всем коммуникативно-стилистическом многообразии современной речи, синтаксическим ядром ее остаются первичные языковые модели. В книжной речи в соответствии с ее потребностями они подвергаются всевозможным усложнениям и преобразованиям. Устно-разговорная речь современного человека также не может довольствоваться первичными моделями, они усложняются прежде всего в силу собственно смысловых потребностей, но в меньшей мере — под общим воздействием книжного образования и средств массовой коммуникации. В более или менее «чистом виде» естественный разговорный синтаксис можно встретить в народной речи, чуждой книжного влияния, и в речи детей до определенного возраста¹⁶⁵. Не случайно литературные образцы такого естественного, «прозрачного» синтаксиса представлены «детски-

---

своих выразительных средств, но и ассимилирующие их, стирают существующие в языке грани, и во многих случаях делают строгое разграничение предложений разговорной и письменной речи задачей, выполнимой лишь по отношению к стилистическим «полюсам языка» («Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 6—7).

¹⁶² В. В. Виноградов. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания. — ВЯ, 1962, № 4, стр. 17.

¹⁶³ См. пример немотивированного использования книжно-деловых элементов стиля: *Начали мы с простых вещей, когда дети в языковом отношении были еще на соответствующем уровне* [т. е. когда дети еще мало знали язык] (Выступление педагога по радио, 13 ноября 1968 г.).

¹⁶⁴ Л. В. Щерба. Избранные работы по современному русскому языку. М., 1958, стр. 117.

¹⁶⁵ См.: А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961; ср. Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 181—183; У. Вайнрайх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», V, стр. 205; Т. Б. Алисова, предлагая семантико-синтаксический анализ школьных сочинений, изданных в Италии, видит в них «наиболее употребительные синтаксические конструкции, лежащие в основе итальянского языка» (ФН, 1970, № 2). См. также: P. Menyuk. Sentences Children Use. Cambridge, Massachusetts and London, England, 1969.

ми», «народными» рассказами Л. Толстого 70—90-х годов: «Кавказский пленник», «Чем люди живы», «Много ли человеку земли нужно», «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях» и другими (ср. синтаксис русской народной сказки), стихотворными и прозаическими произведениями лучших мастеров детской литературы (К. Чуковский, Б. Житков и др.).

Такой синтаксис остается в известной мере образцом для литературно-разговорного типа речи, и в степени владения им можно видеть критерии речевой культуры. Для человека, владеющего разными стилями речи, естественно чувство «обратной связи», регулирующее регистр речи, выбор средств, заставляя избегать не только книжных слов, но и книжных конструкций в обиходной речи, особенно в разговоре с детьми или с человеком не книжного воспитания или рода занятий. Именно в этом, очевидно, должна быть синтаксическая сторона «подравнивания к собеседнику», о котором писал Э. Косериу¹⁶⁶.

Собственно смысловая и коммуникативно-стилистическая целесообразность определяют культурно-речевой водораздел в употреблении книжных синтаксических конструкций.

Существующее представление о «нейтральности» (стилистической немаркированности) литературной речи требует дифференциации. Утверждение, что в общественно наиболее значимых ситуациях мы пользуемся нейтральной литературной «правильной» речью¹⁶⁷, справедливо скорее в отношении правильности, чем нейтральности. Общественно значимые ситуации — обсуждение деловых, научных тем, выступление на собрании, с кафедры и т. п. — обычно нечувствительны или менее чувствительны к элементам книжного стиля, которые в данной речевой ситуации не воспринимаются как маркированные, в отличие от бытового разговора, где они звучат подчас как фальшивые ноты.

Представляют интерес наблюдения над колебаниями и отступлениями от нормы в неподготовленной устной речи под действием противоположных факторов: — *Он ведь платежный, он платежный является!* — убеждает покупателя кассирша в споре о порванном рубле (Запись 1966 г.). Профессиональный термин *платежный* подкрепляется вспомогательным глаголом *является*, переключая синтаксическую конструкцию в книжно-деловой регистр, не соответствующий ситуации обиходного разговора.

Ср. подобные примеры, где синтаксические нарушения оказываются результатом субъективного ощущения говорящим деловой обстановки выступления и объективной ненадобностью вспомогательного глагола: — *Урок физкультуры — это является важным очень уроком* (Выступл. на родит. собрании, 1963); — *Это является один из самых важных пунктов* (Из выступл., 1965); — *Наиболее частая форма катаракты — это является возрастная*,

¹⁶⁶ «Новое в лингвистике», III. М., 1963, стр. 143.

¹⁶⁷ См.: «Актуальные проблемы культуры речи», стр. 10.

старческая катаракта (Телепередача, 28 авг. 1971 г., выступл. врача);— У нас редактор этой газеты является Саша Грушко (Радиопередача, 16 апр. 1970 г., выступл.).

С точки зрения нормативной подобные конструкции могут быть квалифицированы как смешение нормы книжной и нейтрально-разговорной. Наличие вспомогательных слов, в данном случае глагола-связки *является*, нормативно для книжного типа речи и противоречит нормам разговорной речи. Это одно из основных условий нормативно-стилистического противопоставления типов речи в области синтаксиса¹⁶⁸.

Таким образом, имеются собственно структурные основания, подтверждающие высказывавшееся в литературе мнение о существенных различиях между нормами книжной и разговорной речи, о несводимости их к абстрактной универсальной норме¹⁶⁹. Нормативные различия, вытекающие из структурных различий между литературно-книжной и нейтрально-разговорной речью, с одной стороны, между нейтрально-разговорной и некодифицированной устно-разговорной речью, с другой,— относительно новая для лингвистической науки точка зрения и сфера наблюдений. Дальнейшее изучение этих различий, накопление и осмысление материала может многое изменить в существующих представлениях.

Однако синтаксический фонд нейтрально-разговорной речи, первичные, базовые ее модели, в сочетании своих компонентов выражающие типовые категориальные отношения реальной действительности, и для литературно-книжной и для некодифицированной устной речи составляют общее единое грамматическое ядро, которое обеспечивает единство общенационального русского языка.

Бесспорное наличие такого синтаксического ядра дает серьезный повод усомниться в правомерности противопоставления кодифицированного литературного языка и разговорного языка как «различных языковых систем, создающих особый вид дву-

¹⁶⁸ См. свидетельства литераторов, оценивающих как избыточно-книжные конструкции с подобными вспомогательными словами: «Слово «является» превратилось по милости канцеляристов в синоним глагола «быть»» (С. Кирсанов.— «Вопросы литературы», № 6, стр. 123); «...Когда речь идет обо всех «имеет», «имеется», «является»...— оборотах, удаляющих учебник на бесконечное расстояние от литературно написанной книги, то тут уже не выхватывание фраз, а характеристика явления, к сожалению, типичного... Нет в учебнике места для образных описаний? Его легко найти за счет канцеляризма, которые не только уродуют фразу, но часто удлиняют ее, иной раз втрое...» (А. И. в. ч. Что написано топором...— Сб. «О родном нашем языке». М., 1961). Ср. также использование оборота *я имею* как одного из характерологических средств в художественной прозе:— *Я, в сущности, имею неполных семь классов, но окончание образования входит в мой план* (И. Грекова, Дамский мастер).

¹⁶⁹ Ср.: Е. А. Земская. Русская разговорная речь (проспект). М., 1968, стр. 10.

язычия»¹⁷⁰. Без сомнения, ситуационностью и спонтанностью устно-разговорной речи обуславливаются специфические приемы номинации и способы связи компонентов, их лингвистическое изучение — важная задача; но нельзя преувеличивать их роль в процессе общения, которое было бы невозможно без базовых синтаксических конструкций. Не экстралингвистическими факторами, а именно лингвистическими определено то «основное социальное свойство как общенародных разговорных, так и национальных литературных языков: свойство общенародной коммуникативности»¹⁷¹.

Выделение нормативных языковых средств, которые употребляются в данном языковом коллективе «при любой речевой ситуации», в отличие от тех, которые употребляются «преимущественно только в частных видах языкового общения»¹⁷² в области синтаксиса находит опору в соотносительности общеупотребительных конструкций синтаксического ядра с конструкциями, обслуживающими более или менее ограниченные коммуникативно-стилевые сферы общения¹⁷³.

При всей условности схематических, тем более геометрических, представлений о языковой системе, более адекватной реальности, чем идея двуязычия в едином русском языке, кажется мысль Л. В. Щербы о русском языке как системе концентрических кругов¹⁷⁴.

Если в центральном круге должны содержаться лексические обозначения основных понятий, без дополнительных оттенков, то там же, в едином структурно-языковом ядре, должно быть

¹⁷⁰ Е. А. Земская. Указ. соч., стр. 9 и др.

¹⁷¹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 129—130.

¹⁷² Ф. П. Филин. О нормах и стилях литературного языка. — В кн.: «Проблемы нормы и социальная дифференциация языка». Тезисы докладов. М., 1967, стр. 16.

¹⁷³ Ср. наблюдения В. Матезиуса: «Вероятно, в каждом языке существуют предложения двойного типа: основные, без которых вообще нельзя обойтись, и случайные, без которых обойтись можно. Различие между ними отчетливо проявляется и в том, что любое предложение случайного типа можно так или иначе передать каким-либо предложением основного типа, но ни в коем случае не наоборот. Правда, случайные формы предложений как раз в силу их случайного характера обильно употребляются в эмоциональном стиле, особенно в предложениях восклицательных, желательных, повелительных, вопросительных, но они встречаются и в других стилях. Особенно заметно это в письменной речи. Совершенно неправильным является утверждение, что благодаря этим предложениям небрежный стиль отличается от строгого стиля. Скорее мы могли бы говорить о различии между стилем сжатой речи и стилем, полно отражающим ход мыслей» (В. Матезиус. Попытка создания теории структурной грамматики. — В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 206).

¹⁷⁴ Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. — В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 121.

место и основным грамматическим средствам — базовым синтаксическим моделям¹⁷⁵.

Подобно тому как исходная модель составляет центр синтаксического поля — системы данного предложения, создаваемой всеми его модификациями и преобразованиями, так совокупность исходных моделей образует ядро синтаксической системы данного языка, а вариативные, синонимические преобразования — его внешние слои.

Итак, многообразие и сложность системных отношений в синтаксическом поле предложения, с исходной моделью в его фокусе, поддается последовательному упорядочению. Наличие в системе языка упорядоченного множества вариантов, модификаций основной модели позволяет рассматривать синтаксическое поле предложения как способ существования и группировки синтаксических структур в соответствии с принципом инвариантности¹⁷⁶.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ОСЛОЖНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Компоненты, распространяющие модель предложения, его предикативный минимум, располагаются на периферии синтаксического поля предложения, занимая различные «куски пространства» соответственно своим структурно-семантическим возможностям. Обсуждение сравнительной ценности для синтаксического исследования подходов с точки зрения распространения или, наоборот, редукции, с точки зрения сочетаемости или, наоборот, членимости, представляет, как кажется, не столько теоретический, сколько методический интерес. Очевидно, правомерен и тот и другой путь, если он приводит к установлению синтаксических единиц и факторов, которыми определяются в тех или иных случаях их различные связи.

Избранный здесь путь от первичных синтаксических единиц и первичных моделей предложения, соответственно требованиям и методическим и методологическим, разграничивает явления и с точки зрения их значимости в процессе коммуникации, и с точки зрения их типологической соотнесенности, обеспечивает постепенный переход от более простых к более сложным построениям.

Распространение модели предложения, составляющей его предикативный минимум, происходит в основном двумя путями:

¹⁷⁵ Понятие компактного ядра и диффузной периферии развивает чешский русист Вл. Барнет применительно к русской разговорной речи, подчеркивая при этом преобладающую роль семантического принципа линейной организации разговорной речи (см.: Vl. Barnet. Jaký je lingvistický status hovorové řeči? — *CsR*, 1970, № 2).

¹⁷⁶ Ср.: Г. С. Щур. О соотношении системы и поля в языке. — В кн.: «Проблемы языкознания». М., 1967, стр. 67—68.

а) Распространяется один или каждый из основных компонентов управляемыми или согласуемыми синтаксическими формами слов по правилам словосочетания, а также свободными и обусловленными формами, создающими аналог словосочетания внутри данного компонента (вертикальной чертой разделены компоненты, пунктирная вертикаль показывает членение внутри аналога словосочетания): *Овин |расстелет низкий дым,| И долго |под овином |Мы| взором пристальным |следим За летом журавлиным* (Блок, Осенний день); *Твой голос |слышен |сквозь метели, |И звезды| сыплют снежный прах* (Блок, Не надо).

При этом количество компонентов модели не изменяется, а словосочетания и аналоги их не выходят за границы образуемого ими компонента. Связи такого рода, их факторы и условия описаны в главе II.

б) К модели предложения последовательно прибавляются, по правилам сложения смыслов, новые, вторичные компоненты предложения, разного рода «ситуанты»: *Всю ночь |гремел овраг соседний* (Фет); *За чаем |Левин узнал всю историю |старикова хозяйства* (Л. Толстой, Анна Каренина); *В лесу |не молкнет птичий гам* (Тютчев); *Вдруг |сырный дух лису остановил* (Крылов, Ворона и Лисица); *Там|о заре| прихлынут волны |на брег песчаный и пустой* (Пушкин, Руслан и Людмила).

Противопоставление основных компонентов предложения, составляющих его модель, и вторичных, распространяющих ее¹⁷⁷, напоминает противопоставление главных и второстепенных членов (а также нераспространенного и распространенного предложения) в школьной грамматике, однако не соотносительно с ним ни по составу оппозиционных понятий, ни по принципам их выделения¹⁷⁸.

В отличие от традиционной грамматики, определяющей члены предложения по логико-морфологическим признакам, разграничение конструктивных и неконструктивных словоформ, основных и вторичных компонентов позволяет установить функционально-синтаксическую роль каждого элемента в организации предложения.

Выявлением функций синтаксических форм слов разных типов подготовлено решение вопроса о составе форм слова, способных выступать в качестве распространителей предложения. Это — не связанные и не обусловленные, но свободные синтак-

¹⁷⁷ Предложенное автором (см. ВЯ, 1967, № 6, стр. 95) противопоставление понятий модели предложения и структуры предложения (как распространенной модели) приходится признать недостаточно корректным ввиду семантической перегруженности термина «структура» (модель — ведь тоже структура).

¹⁷⁸ См. замечание Н. Ю. Шведовой в связи с неудовлетворенностью ее термином «детерминанты»: «Само введение не совпадающих с традиционной терминологией «второстепенных членов» новых обозначений для распространителей предложения, не входящих в состав словосочетания, представляется необходимым» (ВЯ, 1964, № 6, стр. 80).

сические формы, располагающие собственным структурно-смысловым значением. Большинство из них — носители обстоятельных, ситуативных значений. Позиция распространителя слова, компонента аналога словосочетания не столь характерна для свободной синтаксической формы слова, как для связанной, для которой она единственна. Поэтому отграничение свободных форм от других типов форм на основе их синтаксических функций, т. е. признание возможности свободных форм функционировать в составе модели предложения, а также в качестве распространителя слова (обычно — в постпозиции к нему) и распространителя модели предложения (обычно — в препозиции к ней), как представляется, снимает остроту дискуссии, до сих пор малоэффективной, о разграничении «детерминантов» и членов словосочетаний¹⁷⁹.

2. Внимание исследователей должны привлечь не только и не столько семантическая классификация распространителей предложения, сколько условия сочетаемости и характер отношений тех или иных свободных синтаксических форм с теми или иными моделями предложений. Эта проблема требует обстоятельного изучения, здесь она может быть лишь проиллюстрирована отдельными наблюдениями. Основное условие, определяющее сочетаемость свободных форм с теми или иными типами моделей, — синсеманτικότητα, смысловое соответствие между семантикой модели и семантикой распространителя.

Следствием различного объема и характера значения распространителя оказывается:

а) сочетаемость неограниченная;

б) сочетаемость свободных форм с определенными типами моделей, во всей совокупности их грамматических и семантических модификаций (и, соответственно, несочетаемость с другими типами);

в) сочетаемость лишь с определенными модификациями (несочетаемость с другими и с исходной моделью).

Наиболее широкой, но не безграничной сочетаемостью отличаются распространители локальные и темпоральные.

Пространственный, локализирующий распространитель, по-видимому, может сочетаться с моделью любого значения. Этой свободы нет для распространителей со значением направления движения. Можно полагать, что синсеманτικότητα имен и глаголов движения, с одной стороны, и свободных синтаксических форм со значением направления, пути движения, — с другой, настолько властна, что она вообще не склонна выпускать эти формы с позиций распространителя слова на позиции распространителя предложения. Ср.: *Старик-крестьянин с Батраком*

¹⁷⁹ См. статью Н. Ю. Шведовой «Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?» (ВЯ, 1968, № 2), появившуюся в ходе полемики с Е. Кржижковой и Н. З. Котеловой (библиографические ссылки там же).

Шел под вечер леском домой, В деревню с сенокосу (Крылов, Крестьянин и работник), где из аналога словосочетания, образованного глаголом движения *шел* и несколькими свободными формами, оказавшимися в одном ряду и в постпозиции, допустим, по ритмико-композиционным требованиям, в позицию распространителя предложения могла бы выйти только темпоральная конструкция *под вечер*, но не все остальные.

В другом примере расположение ряда свободных форм по отношению к глаголу движения препозитивно: *Смотри, как на речном просторе, По склону вновь оживших вод, Во всеобъемлющее море* За льдиной льдина вслед плывет (Тютчев). Но и здесь как распространитель предложения может рассматриваться только первая форма, с пространственным значением, все же остальные, со значением пути и направления, остаются в аналоге словосочетания, образованном глаголом движения.

Ср., однако: *По дороге* он рассказывает о всем интересном, что было в школе («Правда», 4 окт. 1970). Форма со значением пути движения в позиции распространителя предложения возможна тогда, когда она выступает с темпоральным оттенком.

Поскольку темпоральные распространители взаимодействуют с категорией времени в предикативной оси предложения¹⁸⁰, это накладывает на них определенные ограничения. Предложениям статического класса, сообщаящим о признаке постоянном, неизменном (классификационном, материала, происхождения, назначения и под.), с обобщенным, а не актуальным значением времени, например: *Ртуть — металл, Блузка — из нейлона, Телеграмма от мужа, Стол — красного дерева, Деньги — на билет, Ее отец — грузин, Они с Волги, Арбуз — из Астрахани* и т. д., темпоральные распространители не свойственны, так же как и фазисные модификации. Ни темпоральные распространители, ни фазисные модификации не свойственны также номинативным предметным предложениям: *Улица. Фонарь. Аптека; Пыль. Бульжник. Баррикады*, в отличие от номинативных бытийных (*Всю ночь мороз; С рассвета дождь; После работы митинг*). Ср.: *Небольшая комната. Теснота*. Обозначение признака, состояния среды во втором предложении распространяется обозначениями времени, места, причины его осуществления: *По вечерам здесь теснота от многолюдья*, что невозможно для первого предложения, утверждающего наличие конкретного предмета.

Сочетаемость темпоральных распространителей со значением срока ограничена дополнительными условиями. Форма «в+вин. п.» со значением срока действия относится к моделям действия с глаголом совершенного вида (или несовершенного повторяющегося): *Этот портрет я написал в два дня* (Гоголь, Портрет); *В двое суток* я ему дело наладил (Горький, Мои университеты); *В минуту* по лесам прошла о том молва (Крылов, Слоны в случае).

¹⁸⁰ Ср.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 553.

Форма «на + вин. п.» требует такого же видового значения глагола, но может относиться и к неглагольному предложению: Но скоро были мы судьбою *На долгий срок* разведены (Пушкин, Евгений Онегин); Я сама *на всю жизнь* сирота (Горький, Детство); От кого-то я узнал, что этот *на всю жизнь* пьяный человек учился в казанской академии (Горький, Мои университеты).

Причинная синтаксическая форма «из + род. п.» включается, как правило, в глагольные предложения со значением действия личного субъекта. И распространяя слово в аналоге словосочетания, форма «из + род. п.» сама избирает себе эти слова, соответственно своему значению внутреннего стимула к действию; глаголы активного действия (*мстить из ревности*), отглагольные имена (*мечь из ревности*), некоторые прилагательные, обозначающие свойства лица, проявление которых может зависеть от внутренних побуждений (*добрый из жалости, молчаливый из скромности*): *Из милости* башмачком до травки-муравки дотрогивается (Даль); *Из смиренья* не пишутся стихотворенья, И нельзя их писать ни на чье усмотренье. Говорят, что их можно писать *из презренья*. Нет! Диктует их только прозренья (Л. Мартынов); *Из осторожности* тебя караю я (Крылов); Аппетита нет, но я *из деликатности* ем (Чехов).

Поскольку данную форму образует имя отвлеченное со значением состояния, качества, свойства лица, действует еще одно синтаксическое условие, которое можно назвать единством субъектной оси: субъект действия, выраженного глаголом — сказуемым, и субъект состояния, свойства, названного формой «из + род. п.», должны совпадать. Этому же условию отвечает распространяющая предложение форма деепричастия.

Синтаксическая форма «от + род. п.», обозначающая явление, воздействием которого вызвано то, о чем сообщается в предложении, может включаться в глагольные, именные, безличные и другие предложения: *От удовольствия* он расхохотался в ночи (М. Булгаков, Белая гвардия); *От долгого дождя* и камни мостовой и Стены зданий серы (В. Брюсов); *От радости* в зобу дыханье сперло (Крылов); Голова томно кружится *от избытка благоуханий* (Тургенев, Лес и степь); А в долине — затишье, светло *от орешника яркого* (Бунин, Костер); В глазах черно *от белого сиянья!* (Б. Ахмадулина, Моя родословная).

Только к глагольным моделям со значением активного действия относятся синтаксические формы с причинным значением *в силу чего* и с целевым значением «в + вин. п.», «с целью + + род. п.», «в целях + род. п.», «в порядке + род. п.», «для + род. п. от глагольного имени».

Ср. неправильную фразу: Иногда, *в силу необходимости*, имеются отклонения (Радиопередача, 1962).

Ср. эффект индивидуально-поэтического соединения синтаксической формы «для + род. п. отглагольного имени» с обозначением не целенаправленного дей-

ствия, а непроизвольного состояния: Всяк спящий в доме был чему-то автор, Но ослабел для совершения сна (Б. Ахмадулина, Описание ночи). Тот же прием см. в другом ее стихотворении: Быть может, *сдуру, сгоряча Я б умерла* в том белом зале, Когда бы моего врача Газель Евграфовной не звали (Описание боли в солнечном сплетении).

Поэтические отступления от правил подтверждают твердость правила, поскольку «играют» лишь на его фоне.

Один из аспектов взаимодействия синтагматических и парадигматических отношений в синтаксисе проявляется в сочетаемости определенных распространителей лишь с одним из звеньев той или иной парадигматической линии, с определенными видами вариантных модификаций исходной модели. Так, темпоральные и условно-темпоральные распространители «с + +тв. п.», «по мере + род. п.», а также наречно-фразеологического типа *час от часу*, *день ото дня* и под. сочетаются лишь с фазисными модификациями, обозначающими становление признака, динамическое или количественное его изменение. См., например:

И с каждой осенью я расцветаю вновь (Пушкин, Осень); С той поры мне *час от часу* становилось лучше (Пушкин, Капитанская дочка); С развитием общей культуры у пишущих появляется острая необходимость сказать свое слово (Н. Асеев, На поэтической заставе); Число этих визитов стало увеличиваться по мере приближения срока передачи власти вновь избранному президенту («Изв.», 9 дек. 1968)¹⁸¹; С каждым днем отвечаешь глуше, С каждым днем пропадаешь глубже (М. Цветаева, Расщелина); С каждым годом ширятся виноградные плантации в Карданахском совхозе («Изв.», 27 дек. 1968); С возрастом для людей обычно увеличивается значение комфортных условий труда («Изв.», 2 марта 1970); С повышением радиоактивного фона повышается содержание радиоактивных веществ и в организме человека («Неделя», 1967, № 38); Вязальные иглолки и те стесались, короче становятся год от года («Комс. правда», 7 дек. 1969).

См. пример неправильного построения: 12-й том будет выдан по мере выхода из печати («Веч. Москва», 12 сент. 1969), где несоблюдено это соответствие между значением распространителя и семантической модификации модели.

Ср. также: При каждом новом рассказывании одного и того же случая подробности разрастались, менялись, становились интереснее (Паустовский, Золотая роза).

С фазисными модификациями связано также употребление темпорального распространителя «к + дат. п.»: Погода к осени

¹⁸¹ То же правило остается в силе и тогда, когда по мере того как вводит придаточное предложение: По мере того как угасал день, в лесу становилось все тише и тише (В. Арсеньев, Дерсу Узала); По мере того как литература становилась все более и более независимой от деловых и обрядовых функций, росла ее изобразительность (Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы).

дождливой (Крылов, Плотичка); Мартышка к старости слаба глазами стала (Крылов, Мартышка и очки); К обеду у него сделался жар (Тургенев, Накануне); К рассвету битва была закончена (В. Кожевников, Грозное оружие).

Темпоральные распространители, содержащие в своем составе лексическое указание на будущее время, относятся к грамматической модификации модели со значением будущего времени, обладая способностью в неглагольных моделях замещать форму будущего времени вспомогательного глагола: У час завтра гости; Через неделю каникулы; Ребенку скоро год.

[Чебутыкин] Мне скоро шестьдесят (Чехов, Три сестры). Ср.: Мне будет, исполнится, стукнет шестьдесят; [Цветаева] Завтра воскресенье... Я приду к тебе с утра (Горький, Мещане).

Определенные лексические группы темпоральных наречий и предложно-падежных форм имени сочетаются лишь с одной из временных грамматических модификаций модели (завтра, послезавтра, на будущей неделе — с модификацией будущего времени; вчера, позавчера, в прошлом месяце, давно, прежде — с модификацией прошедшего времени и т. п.):

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась (Пушкин, Зимнее утро); Молчалин давича мог без руки остаться (Грибоедов, Горе от ума); Вчера был бал, а завтра будет два (Там же); Благодарю! Вчера мое признание И стих мой ты без смеха приняла (Лермонтов); Завтра закосят. Прощай, луговая гвоздика, Завтра краса твоя тихо к ногам упадет (В. Боков); Солжешь сегодня, не поверят и завтра (Даль).

Синтаксические формы «без+род. п.», «с+тв. п.», «при+предл. п.» и некоторые другие со значением условия сочетаются с грамматической модификацией ирреального значения или с отрицательной модификацией, выражающей оттенок невозможности:

Да плыть на парусах без ветру невозможно (Крылов); Без дураков было бы на свете очень скушно (Лермонтов, Княжна Мери); Без хорошего разговора — что за жизнь! (Чехов, Моя жизнь); Без соли не вкусно, а без хлеба не сытно (Даль); С одними глазами успеха не завоеешь (В. Аксенов, Звездный билет); В случае сопротивления, тяги хватило бы вовсе вырвать этот трепетный комочек мяса из груди (Л. Леонов, Evgenia Ivanovna); И жизнь моя Без этих трех блаженных дней Была б печальней и мрачней Бессильной старости твоей (Лермонтов, Мцыри); Всегда было жалко видеть, что, при огромной затрате разума и воли, человек все-таки не может достичь желаемого (Горький, В людях); [Актер] Без имени — нет человека (Горький, На дне); Без воды нет коллоидов, без коллоидов нет жизни (В. И. Вернадский, Очерки геохимии); Без подлинной культуры двигаться селу вперед уже нельзя («Лит. газета», 4 янв. 1964).

Синтаксические формы «из+род. п.» с причинным значением, «в целях+род. п.» и другие, включение которых предполагает

единство субъектной оси, сочетаются, следовательно, с лично-субъектными двусоставными предложениями, т. е. лишь с теми звеньями парадигматической линии категории лица, которые способны к личным грамматическим модификациям.

3. Различна и смысловая роль в предложении разных разрядов распространителей.

Локальные и темпоральные ситуанты, прибавляя к исходной модели добавочный смысл, вместе с тем ограничивают ее значение, прикрепляя его осуществление к определенному времени и месту¹⁸²:

В ветер леса шумят великим океанским гулом (Паустовский, Мещерская сторона); Тепло на солнышке (Майков); Ночью... Ну, ночью робел я и сам: Очень уж тихо в лесу по ночам (Нерасов, Дедушка Мазай и зайцы); Шалунья была в особенно игривом расположении в это утро. (Л. Толстой, Холстомер).

Ситуанты со значением причины, цели и др. дополняют сообщаемое в исходной модели новой информацией:

... Англичанин вопреки своим убеждениям предпринял необходимые розыски (Л. Леонов, Evgenia Ivanovna); По случаю заносов, целых два часа я сидел, ждал на вокзале (Бунин, Жизнь Арсеньева); В результате осуществления намеченной программы советские ученые получают новые возможности исследования космического пространства («Неделя», 1962, № 11); Под знаком крепнущей солидарности с кубинским народом отмечают вторую годовщину Плайя-Хирон советские люди («Изв.», 16 апр. 1963).

И те и другие относятся к модели в целом, а если их несколько, то каждый последующий прибавляется к сумме (или произведению) модели с уже прибавленными компонентами, представляя способ последовательного распространения предложения.

См. иерархию подобных отношений, условно изображаемую с помощью скобок:

((((Лесом ((мы шли) по тропинке единственной))) В поздний полуденный час (Фет); И в темный вечер, в долгий вечер ((За окнами (кружится ветер)) (Блок); (((Не ты ли ((легкою стопою (за мною: ходишь))) по ночам? (Блок); В саду ((ночью ((ветром (посбивало все яблоки))) (Чехов, Невеста); Здесь ((зимой (с работой плохо)) (Л. Тимофеев, В селе Благодатном); После посадки на поверхность Луны ((по команде с Земли (был включен бортовой радиокomплекс)) («Правда», 4 окт. 1970).

¹⁸² Ср., не проводя прямой аналогии, не оцененное последующей наукой семантико-синтаксическое разделение обстоятельств у Шахматова на определяющие, дополняющие и сопутствующие (А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, § 449). Четкий анализ темпоральных обстоятельств русского языка см. в работе: С. Robert. Contribution à l'étude de quelques compléments de temps en russe moderne. Paris, 1964.

4. Компоненты, которые можно назвать сопутствующими, входят в предложение иным способом, способом параллельного включения. Суть его в том, что вторичный компонент, относясь к остальной части предложения в целом, в то же время семантически и синтаксически соотносится с одним из его компонентов как родовое понятие с видовым или как семантически однородные понятия, вместе с тем находясь с ним в сопоставительных отношениях. Таким способом включаются в предложения синтаксические формы с предлогами *в отличие от, вместо, помимо, кроме, по сравнению с, сравнительно с, в противовес, подобно, вместе с, совместно с, наряду с, за исключением, включая, исключая* и некот. др.¹⁸³ Например: *В отличие от других римских развалин по Колизею можно гулять бесплатно* (Ю. Трифонов, Один вечер в Риме).

Схематически отношения между компонентами можно изобразить следующим образом:

По Колизею

_____ *можно гулять бесплатно.*
в отличие от других римских развалин

Схема показывает, что:

1) Предложение без подключенного компонента содержит законченное высказывание; можно сказать, продолжая заимствование электротехнической терминологии, что оно содержит замкнутую цепь.

2) Подключенный компонент с тем компонентом основного состава, под которым он помещен, составляет родо-видовую пару понятий (*Колизей — одна из римских развалин*); вместе с тем это сопоставленные (здесь — противопоставленные) понятия (*по Колизею можно гулять бесплатно, а по другим римским развалинам нельзя*).

3) Смысловая сопоставленность параллельных компонентов позволяет определить синтаксическую позицию подключенного компонента соответственно позиции соотносительного компонента основного состава предложения, в данном примере — как параллельного обстоятельства со значением пути движения.

¹⁸³ Следует оговорить, что термин «предлоги» по отношению ко многим из них применим в известной мере условно. На пути от полнзначных слов к служебным ими пройдено разное расстояние, но здесь мы отвлекаемся от вопроса о степени их формализации. Подробный анализ конструкций с отдельными предлогами см. в работах: В. Д. Левин. О значениях предлога «кроме» в современном русском литературном языке. — В сб.: «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956; М. А. Леоненко. Особенности функционирования некоторых производных предлогов. «Уч. зап. Дальневосточного гос. ун-та», т. XI, Владивосток, 1968. Структурно близки к отмеченным предложным конструкциям построения с союзом *как* в составе простого предложения, о чем см. в статье: А. Ф. Прияткина. Конструкция с союзом «как» в простом предложении современного русского языка. «Русский язык в школе», 1957, № 6. См. также в книге: Е. Т. Черкасова. Переход полнзначных слов в предлоги. М., 1966.

Но сопутствующие компоненты могут быть не только обстоятельствами. В следующем примере это параллельное обозначение субъекта: *В отличие от соседа* ему уже доводилось летать в самолете («Правда», 13 окт. 1961).

Ограничений в типах предложений и типах компонентов, к которым могут подключаться параллельные компоненты, по-видимому, нет. См. другие примеры:

Капитальные вложения за пятую пятилетку в сравнении с четвертой пятилеткой возросли на 95 процентов («Ленинец», Иваново, 14 июня 1956); Преимущества монтажа стен из крупных блоков по сравнению с кирпичной кладкой не требуют доказательств («Строительная газ.», 13 янв. 1957); В Эстонии в противовес конфирмации комсомольцы уже несколько лет с успехом проводят летние дни молодежи («Комс. правда», 16 апр. 1962); В числе наиболее распространенных форм массовой политической работы хорошо зарекомендовали себя у нас так называемые «дни бригады» («Изв.», 21 июня 1963); Лапкин страшно покраснел и зажевал вместо вафли с а л ф е т к у (Чехов, Злой мальчик); Читатели вместе с корреспондентами газеты и ее юнкорами пройдут по местам революционной и боевой славы («Комс. правда», 18 янв. 1967); Ах, ненаглядная птица угод! Я по сравнению с тобой — урод (Б. Ахмадулина, Описание улода для дочери Ани); Ее горе ничто в сравнении со смертью (Чехов, Огни); Кроме этих детей, других еще в пансионе пока не было (Гончаров, Обломов).

Характер сопоставительно-противительных отношений, выражаемых с помощью названной группы предлогов, сближает эти предлоги с соответствующими группами союзов, сопоставляющих в составе предложения однородные компоненты, аналогичным образом усложняя основной состав предложения параллельным подключением; ср.:

Комсомольцы проводят $\frac{\text{дни молодежи}}{\text{а не конфирмацию}}$.

$\frac{\text{Ему}}{\text{а не соседу}}$ доводилось летать в самолете.

$\frac{\text{Ему}}{\text{и его соседу}} \left(\frac{\text{Ему}}{\text{так же, как и его соседу}} \right)$ доводилось летать..

Параллельно подключаемый компонент составляет также синтаксическая форма в качестве кого-чего, но создаваемые ею отношения между параллельными понятиями — несколько иного рода. С субъектом или объектом основного состава предложения, к которым обычно подключается форма в качестве кого-чего, она вступает в отношения дополнительной, вторичной предикативности: по отношению к лицу обозначает его предикативное состояние (обычно по служебному или общественному положе-

нию, профессии, роду занятий), по отношению к предмету — его функциональное назначение¹⁸⁴: Пекарский был принят в дом в качестве репетитора; В качестве украшения подберите к платью брошь или браслет. Ср. схематическую запись:

Пекарский
_____ был принят в дом.
в качестве репетитора

Подберите к платью _____
брошь
_____ в качестве украшения.

Параллелизм компонентов означает имплицитную предикативную соотнесенность их (Пекарский — репетитор; брошь — украшение).

В качестве основы для обсуждения был предложен советский проект Конвенции («Изв.», 13 марта 1968); Не хватало материалов. И вот уже — листовая чугун в качестве заменителя железа («Комс. правда», 14 окт. 1967); Цитата! Каких бед способна ты наделать в качестве орудия догматического ума! (Эм. Казакевич, Синяя тетрадь); В качестве материала Велосипед рекомендовал роман Келлермана «9 ноября» (Н. Огнев, Дневник Кости Рябцева); Государство выплачивает бывшим князьям в качестве пенсий свыше 50 миллионов рублей («Правда», 3 сент. 1970).

Предложения, в которые включается конструкция в качестве кого-чего, обычно выражают значения использования, применения предмета либо изменения местонахождения или принадлежности предмета (лица).

По характеру отношений к основному составу предложения параллельно подключаемой конструкции с предлогом в качестве близки конструкции с предлогами в виде, в лице:

Со стола взял стеклянные часы в виде глобуса (М. Булгаков, Белая гвардия); Эти данные в виде специальных кодограмм были переданы по радио на борт станции («Правда», 4 окт. 1970); Заключено соглашение о поставках в Чехословакию сырья в виде окатышей для доменного производства («Изв.», 22 ноября 1968); Он опять вспомнил, как судьба в лице незнакомой женщины нечаянно обласкала его (Чехов, Поцелуй); Мог ли он [Н. Тихонов] ожидать, что его новая позиция, рельефно сказавшаяся в «Дороге», встретит противника в лице Мандельштама? (В. Каверин, Несколько лет); В его лице [Катценба-

¹⁸⁴ О развитии конструкции в качестве с личными существительными в ряду с близкими по значению конструкциями кем и как кто см. у Н. Ю. Шведовой в кн.: «Изменения в системе простого предложения. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.», М., 1964, стр. 119—124. Здесь следует отметить, что помимо смысловых оттенков и стилистической окраски, конструкции в качестве кого и как кто отличаются от творительного предикативного собственно синтаксически тем, что не участвуют в организации основной модели предложения.

ха, заместителя гос. секретаря США] Вашингтон впервые за последние три года направил своего столь высокопоставленного эмиссара в Доминиканскую Республику («Изв.», 1 мая 1968).

Ср.: Окатыши *в качестве сырья*, Мандельштам *в качестве противника*, Катценбах *в качестве эмиссара* ¹⁸⁵.

Стилистическая и структурная характеристика конструкций, образуемых рядом производных предлогов и функционирующих как параллельно подключаемые компоненты предложения, взаимообусловлены: параллельно подключаемые компоненты усложняют состав предложения, а сложносоставность предложения стилистически связана с книжным типом речи ¹⁸⁶.

Параллельно подключаемые предложно-падежные формы, по характеру отношений с основным составом предложения приближающиеся к союзным оборотам и вносящие значение дополнительной предикативности, занимают место на пути от распространения предложения к полипредикативному его осложнению.

5. Включение в предложение ряда других предложных конструкций, связанных преимущественно с отглагольными именами, можно рассматривать как следующий шаг к осложнению предложения — предикативную конденсацию.

5.1. Конструкция из отыменного предлога *со стороны* и существительного в родительном падеже, обозначающего индивидуальное или коллективное лицо, в предложении употребляется при отглагольных (реже — отадъективных) существительных для выражения второстепенного субъекта действия:

Теперь этот *шантаж со стороны агрессора* подкрепляется экономическим давлением («Правда», 29 июня 1967); Эти парни — греческие студенты вышли недавно на улицы Афин, чтобы выразить свой протест в связи с *притеснениями со стороны властей* («Неделя», 1963, № 26); Кровавая расправа парижской полиции с мирной демонстрацией трудящихся французской столицы вызвала мощную волну *протеста со стороны профсоюзных объединений и различных политических партий* страны («Комс. правда», 11 февр. 1962); Однако всех честных немцев настораживает уже сам факт подобного *попустительства со стороны властей и полиции* Западного Берлина («Изв.», 19 июня 1968).

¹⁸⁵ См. пример неправильной фразы, где смешаны предлоги *в виде* и *в качестве*: Страна получит 2,5 миллиона угандийских фунтов *в виде выручки* от экспорта продукции фабрики («Правда», 20 марта 1968); либо *выручка в виде фунтов*; либо *фунты в качестве выручки*.

¹⁸⁶ Ср. свидетельство И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко: «Литературному языку — главным образом его книжному и деловому стилям — известны некоторые такие модели словосочетаний, которые отсутствуют в диалектном языке (например модели с отыменными предлогами *виду*, *в отношении*, *в целях*, *в силу* и др.)» («Русская диалектология». М., 1964, стр. 177).

Лексическое значение имени, скрытое в предлоге *со стороны*, предполагает такой круг отглагольных имен, которые обозначают действия, связанные с отношениями двух сторон, называют такие действия или качества, в проявлении которых обнаруживается отношение данного субъекта, направленное ко второй стороне как к возможному объекту действия (например: *угроза, нападение, агрессия, обвинение, одобрение, критика, шантаж, контроль, руководство, сочувствие, недоверие, уважение, возражение, притеснение, гонение, фамильярность, требовательность, сопротивление* и т. п.).

В книжно-деловой речи при этих существительных нередко соединяются конструкции *со стороны (кого)*, обозначающая субъект действия, и *по отношению (к кому)*, в адрес (кого), обозначающие объект — адресат действия, т. е. именно эти стороны, связанные определенными отношениями. См., например:

Новая раскладка бюджета, явно в пользу наращивания арсенала войны, вызвала серию *критических выступлений в адрес администрации* как *со стороны демократов*, так и *республиканцев* (Изв., 25 янв. 1972); Горький так писал Федину по поводу тех *обвинений в «литературщине»*, которые прозвучали *в адрес романиста со стороны некоторых критиков...* («Комс. правда», 24 февр. 1967); Не следует бояться *упреков в сайентизме*, которые иногда раздаются *в наш адрес со стороны буржуазных философов и ревизионистов* («Лит. газета», 11 дек. 1963); Не кажется ли Вам, что после периода всеобщего увлечения точными науками наступает период некоторого *охлаждения по отношению к ним со стороны молодежи?* («Лит. газета», 12 янв. 1972).

Структурно-смысловые отношения между компонентами конструкции *обвинения со стороны критиков в адрес романиста* соответствуют отношениям субъект — действие — объект, выражаемым номинативно-глагольной моделью *критики обвиняют романиста...* (*ревизионисты упрекают нас...*), но с помощью предлогов те же отношения вмещаются в структуру предложения, усложняя его строение, внося в него дополнительную предикативность и тем самым увеличивая объем сообщаемой информации.

В ряду с другими способами выражения субъекта действия при отглагольном существительном, формами родительного и творительного падежей (*утверждение редакции, утверждение редакцией*), конструкция *со стороны кого* служит средством борьбы с синтаксической омонимией и с громоздкостью трудных для восприятия беспредложных именных цепей. Кроме того, отличаясь от беспредложных приименных форм родительного и творительного падежей большей структурной самостоятельностью в строе предложения, конструкция предоставляет более автономное положение обозначению субъекта действия. См. нарушение структурно-смысловых условий употребления конструкции *со стороны кого* в следующем предложении: «В основе трагедии — отсутствие малейших *угрызений совести со стороны на-*

нимателей» («Комс. правда», 10 окт. 1967), где отглагольные имена *отсутствие* и *угрызения* обозначают не направленное действие, а замкнутые состояния, с которым соответственно должно сочетаться обозначение не субъекта действия, а субъекта состояния, принадлежности, выраженное синтаксической формой «у + +род. п.».

Примеры предикативной конденсации среди распространителей основного состава предложения представляет темпоральная форма «по + предл. п. отглагольного имени», так же как и деепричастный оборот. Субъект действия, названного отглагольным именем или деепричастием, совпадающий с субъектом действия, названного глаголом в основном составе, остается не выраженным специальной формой; несмотря на это, данные конструкции усложняют структуру предложения дополнительной, конденсированной предикативностью¹⁸⁷: Газеты и книги получены. Володя писал тебе *по получении их* (Н. К. Крупская, письма М. И. Ульяновой); *По возвращении в деревню* бурмистр повел нас посмотреть веялку (Тургенев, Бурмистр). Но ср.: *По уходе врача* он становился спокойнее (Ф. Сологуб, Мелкий бес).

5.2. Для современного русского языка, особенно его книжной разновидности, деловых и газетно-публицистических стилей, характерно распространение и усложнение состава предложений конструкциями с производными предлогами. Состав производных предлогов активно пополняется синтаксическими формами имени существительного, находящимися на разных ступенях «опредложивания», перехода от знаменательного слова к служебному¹⁸⁸. Не становясь предлогами, многие синтаксические формы отвлеченных существительных, лексически замкнутые, приближаются к роли предлогов, организуя, в свою очередь, синтаксические формы, распространяющие предложение (*в честь праздника, в память героев, в условиях секретности, в атмосфере доверия, в ходе осуществления, под знаком мобилизации, во избежание осложнений, с учетом последствий, в свете новых задач, под предлогом переговоров* и т. п.). См., например:

На мосту стоял человек с флагом и отсалютовал им *в знак благополучия* (М. Шагинян, Коринфский канал); Виноград *в поисках влаги* пускает свои корни в глубину на метр, иногда на два-три («Наука и жизнь», 1964, № 3); Три большие не-

¹⁸⁷ О зависимой (несвободной) предикации, не образующей автономного высказывания, см. также в статье: Н. Д. Арутюнова. Вариации на тему предложения. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 43.

¹⁸⁸ См.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы». М., 1964, стр. 237 и сл.; «Очерки... Изменения в системе словосочетания». М., 1964, стр. 17 и сл.; Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967; M. Jelínek. Nové výrazy předložkové povahy v češtině a v ruštině. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», r. XVII, 1968, A 16; L. Kroupová. K semantice nevlastních předložek a předložkových spojení. «Jazykovědné aktuality», 1971, č. 3—4, там же см. библиографию.

мецкие машины, прикрываясь снегопадом, двигались в обхват-этого места, изредка стреляя, *в намерении выпугнуть жертву* из поры (Леонов, Взятие Великошумска); Этот спор нового со старым будет решаться в основном *на фронте труда* («Изв.», 17 янв. 1963); Это письмо заставляет посмотреть на работу наших плановиков и снабженцев *не с точки зрения цифр и нарядов, а с позиций морального плана* («Изв.», 18 апр. 1963); Они принимают решения *с учетом всего того, что известно в данных областях науки* (Там же); *В случае отказа винтов мезоскаф может всплыть по принципу подводной лодки* («Неделя», 1963, № 26); *В этом разрезе письма представляли и вправду незаурядный интерес* (Б. Ясенский, Заговор равнодушных); *В свете новых задач* становится ясно, какую огромную работу предстоит нам провести по дальнейшему совершенствованию форм и методов руководства народным хозяйством («Коммунист», 1962, № 2); *В результате осуществления намеченной программы советские ученые получают новые возможности исследования физики верхних слоев атмосферы и космического пространства* («Неделя», 1962, № 11); Много неувязок выявляется *в ходе строительства* («Веч. Москва», 16 марта 1962); Эти духи созданы *на базе новых душистых веществ* («Веч. Москва», 21 июня 1967); *Под влиянием ее речей, наивных и ласковых, внутри меня тихо затеплился некий огонек* (Горький, Мои университеты); Над городом плыли облака — затейливые и округлые. И, как будто *в контраст этим округлостям, навстречу им поднялись прямые и четкие грани строений* (А. Рекемчук, Молодо — зелено); Процесс избрания нового римского папы проходил *в условиях строжайшей секретности* («Неделя», 1963, № 26); *Перед лицом агрессивных действий западных империалистических держав* Центральный Комитет КПСС и Советское правительство проявляют неустанную заботу о наших Вооруженных Силах («Правда», 19 окт. 1962); Эта сложная задача решается не сама по себе, не *в порядке самотека, а на основе непосредственного участия советских людей в труде на благо Родины, в процессе огромной организаторской работы КПСС* («Политическое самообразование», 1962, № 11); Фирма работает *на началах полного хозяйственного расчета* (Там же).

Многие конструкции с производными предложениями либо образуются отглагольными именами, либо относятся к отглагольным именам и, таким образом, выражают, по Шахматову, «отношение действия к действию»¹⁸⁹. В результате структура предложения, включающего подобные конструкции, становится «уплотненной», полипредикативной. Синтаксические формы с производными предложениями создают фонд для выражения тех же синтаксических значений, которые выражаются беспредложными и с первичными предложениями именными формами, но на следу-

¹⁸⁹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 553.

ющих ступенях членения предложения (ср. выражение субъекта действия формой *со стороны кого*; объекта-адресата формами *в отношении кого, по отношению к кому, в адрес кого, по адресу кого*; средства и способа действия — *с помощью, при помощи, путем, посредством чего, благодаря чему, за счет чего*; направления движения — *в направлении чего, в сторону чего, по линии, по пути чего*; цели — *в целях, с целью, в интересах, в знак, во имя, в порядке, в защиту чего*; времени — *во время чего, в течение, в продолжение, в заключение, на протяжении чего, в ходе чего* и т. п.; причины — *вследствие, по причине, на основании, в результате, ввиду чего, в связи с чем*; делиберативного значения — *по поводу, по вопросу, на тему чего, по части чего, в связи с чем* и т. п.). Примеры:

В результате коренного изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем приобрела еще более прочную базу (Из резолюции XXII съезда КПСС); Советские космонавты штурмуют подзвездные высоты исключительно во имя благородных целей («Комс. правда», 11 окт. 1962); ...Лишь путем исключения нелепых или оскорбительных гипотез отчаявшийся супруг добился истины (Леонов, Evgenia Ivanovna); Выход из сказочного времени в реальность совершается и с помощью саморазоблачения рассказчика (Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы); С помощью фотографирования учтены запасы железо-марганцевых конкреций на дне океана («Правда», 8 июля 1967); Диктатор Ганти держится у власти при помощи кровавого террора (Там же); Сегодня Совет Министров Финляндии устроил в честь высоких советских гостей завтрак («Изв.», 29 сент. 1961); Он выразил согласие с мнением премьер-министра Франции о том, что трудно представить себе воссоединение Германии в период вооружения («Веч. Москва», 16 апр. 1956); Правительство Франции пошло на целый ряд мер в направлении высвобождения страны из-под американской опеки («Правда», 13 мая 1966); Хотя бы уже в порядке психологической самозащиты от вихревой динамики жизни, люди все больше тянутся к вдумчивому самоуглублению, к тишине («Новый мир», 1968, № 1); Их работа будет необходима в деле организации и редактирования сборников (Горький, Публицистические статьи).

Как правило, перечисленные формы не участвуют в основном составе модели. В присловной же позиции, в аналоге словосочетания, они отличаются иногда более специализированным, более абстрактным значением и большей синтаксической независимостью, чем синонимичные им синтаксические формы с первичными предлогами или беспредложные. Ср.:

<i>нежность к кому</i>	} по отношению к кому в отношении кого
<i>насилие над кем</i>	
<i>предубеждение против кого</i>	

угрозы кому	} в адрес кого	
упреки кому		} по адресу кого
критика кого		

Крупную партию конденсаторных установок отправил *в адрес Волжского автомобильного завода* Усть-Каменогорский конденсаторный завод («Правда», 21 авг. 1970); ср. заголовок заметки: *Волжскому автогиганту*; Много теплых слов было сказано на аульном торжестве *в адрес супругов Капиных*, замечательных тружеников, родителей четырех детей («Изв.», 10 дек. 1968); С меня по обыкновению потребовали бутылку водки и пили с тостами *по адресу Т. Л. Щепкиной-Куперник* (В. А. Гиляровский, Москва и москвичи); Это была ирония *по отношению к себе* («Звезда», 1957, № 2); Горькое и целительное лекарство, которое применила *в отношении себя* Россия, все еще отвергается политической медициной Европы (Леонов, Скутаревский).

Помимо оттенка отстраненности, непрямого общения с адресатом, формы *в адрес кого* и *по адресу кого* (видимо, не размежевавшиеся друг с другом на современном этапе развития)¹⁹⁰ располагают большей свободой перемещения внутри предложения:

Ни до, ни после я не слыхал *по своему адресу* такого грохота всплесков (М. Булгаков, Из записок на манжетах); Этот разъяренный до бешенства критик... выкрикивал *по адресу* Репина злобную и непристойную брань (К. Чуковский, Из воспоминаний); Он смеялся *в мой адрес* (Там же); Отвергнем тон нападок и обвинений *по адресу архитекторов* («Лит. газета», 15 марта 1967); Вечер в Доме ученых начался теплыми словами *в адрес академика А. Н. Берга* («Веч. Москва», 5 мая 1967); Свое гневное слово *в адрес агрессоров и их покровителей* сказали и другие участники митинга («Веч. Москва», 23 июня 1967).

Очевидно, что конструкции с производными предлогами в большинстве своем функционируют в структуре предложения, принадлежат синтаксису предложения, и изучение их как элементов словосочетания, пусть даже трехчленного, неправомерно переводит их в искусственные условия, упрощающие характер тех отношений, в которые они вступают в предложении.

Таким образом, в конструкциях с производными предлогами язык получает и по мере надобности реализует возможность выражения более отвлеченных, обобщенных и структурно более самостоятельных компонентов предложения, распространяющих его и предикативно уплотняющих.

6. Богатство форм распространителей предложения, до сих пор изучавшихся главным образом с точки зрения их семантической группировки в разряде обстоятельств, разнообразие

¹⁹⁰ Некоторые попытки разграничить значения этих предлогов не подтверждаются материалом (ср. «Краткий словарь трудностей русского языка». М., 1968).

условий и характера их объединения с основным составом требует специальных обширных исследований, чтобы установить, какие формы присоединяются к тем или иным моделям предложений (или их модификациям) и, наоборот, какие модели способны распространяться теми или иными формами слов.

Очевидно, что изложенные в данном разделе наблюдения носят предварительный характер.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ВКЛЮЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ

Если свободные синтаксические формы, включенные в предложение в качестве распространителей, определяют, ограничивают, дополняют, усложняют типовое значение модели, не изменяя его, то обусловленные формы, основная функция которых — предикативно-организующая, организуют типовое значение и в предложениях более сложного состава.

Ср.: *В субботу* (((*в гараже* ((*между шоферами* (*начался спор*))))); *На почте* ((*с подпиской* (*получилось недоразумение*))); *В семье* (((*у детей* ((*должны быть определенные обязанности*) по отношению к старшим))); *Мне* ((*солнце горит*) в полночь)); *Мне* ((*в полдень* (*занялась звезда*)))! (М. Цветаева).

Несмотря на наличие нескольких компонентов, типовое значение предложений в приведенных примерах выражается парами обусловленных (и взаимообусловленных) синтаксических форм имени: *Между шоферами спор* (*начался* — вспомогательный фазисный глагол); *С подпиской недоразумение* (*получилось* — вспомогательный глагол); *У детей обязанности* (*должны быть* — средство фазисной модификации).

Дальнейшие способы и приемы усложнения первичных моделей предложения могут рассматриваться как взаимодействие, сложение, включение моделей.

Известные явления, многократно описываемые в литературе под именем сложного сказуемого, двойного сказуемого, тяготения, *doplněk'a* (термин чехословацких синтаксистов)¹⁹¹, расцениваются как взаимодействие, сложение моделей не в результате логической операции, а на основании функций и значений составляющих их синтаксических форм слова.

¹⁹¹ Из литературы см., например: «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 466; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев, 1952, стр. 267; Р. Мразек. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964; А. С. Попов. О некоторых второстепенных членах предложения с двойным подчинением в современном русском языке. «Изв. Воронежского пед. ин-та», 1962, т. 42; Он же. Объектный предикатив в современном русском литературном языке. — РЯИШ, 1967, № 3; А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 25 и

Предложения типа *Он пришел усталый, Он спит одетым* по отношению к первичным моделям могут быть поняты как сложение двух моделей, но точнее — это сложение двух названий признаков, одновременное сопряжение двух предикативных компонентов с названием одного и того же субъекта на одной и той же предикативной (модально-временной) оси¹⁹². По линии категории лица возможность такого сложения ограничена главным образом лично-субъектными моделями, но не исключительно. Поскольку глагольный компонент по своим морфологическим свойствам является выразителем грамматических категорий времени, лица и модальности, принято считать его основным предикатом, а именной предикативный компонент — вторичным или «второстепенным» предикатом, что не всегда соответствует распределению смысловой, информативной нагрузки между ними. Возможность лексической ослабленности глагола приближает иногда его роль к связочной (ср.: *Он ходит голодный*, где глагол обозначает не столько передвижение, сколько вообще существование).

Известно, что круг глаголов, допускающих при себе вторичный именной предикат, лексически ограничен немногими, в сущности обозначениями движения и состояния предмета.

Что касается именного компонента, то чаще привлекали внимание адъективные и причастные его воплощения, соотношение в них именительного и творительного, краткой и полной формы.

Меньше изучены возможности использования в этих конструкциях предложно-падежных форм имени. Частично они предопределяются семантикой состояния и признака предмета, поскольку «всякие атрибутивные отношения могут мыслиться и предикативно»¹⁹³, но дальнейшие ограничения и условия сочетаемости с теми или иными глаголами требуют еще дополнительных исследований¹⁹⁴.

сл.; J. Bauer, R. Mrázek, S. Zaža. *Přiruční mluvnice ruštiny*, II. Skladba, Praha, 1966; Я. Светлик. Русский синтаксис в сопоставлении со словацким. Братислава, 1966; Н. Г. Ковинина. Тяготение как особый тип синтаксической связи. — ФН. 1969, № 4; VI. Hrabě. Pr. Adamec. *Transformační syntax současné ruštiny*; J. Kačala. *Doplňok v slovenčine*. Bratislava, 1971; J. Bauer, M. Grepš. *Skladba spisovně češtiny*. Praha, 1972.

¹⁹² «Соединяются оба сказуемых одним представлением о времени», — отмечал А. А. Шахматов («Синтаксис русского языка», стр. 221).

¹⁹³ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 173.

¹⁹⁴ Ср.: «Предикатив (т. е. вторичный компонент) должен обозначать подвижный признак, способный отделяться от своего носителя, противопоставляться ему, проявляться в разной степени, с разной интенсивностью, способный характеризовать состояние предмета» (А. С. Попов. Объектный предикатив в современном русском литературном языке. — РЯШ, 1967, № 3, стр. 84). Кажется, однако, что семантика «постоянного свойства предмета», выводимая автором в заключение, не вполне согласуется с требованиями, сформулированными в приведенной цитате.

Чаще других предложно-падежных форм выступает в качестве именного компонента сложного предиката форма «в + вин. п.», со значением состояния субъекта: *В смятенье сваха к ней бежит* (Пушкин, Жених); *В молчанье, рукой опершись на седло, С коня он слезает угрюмый* (Пушкин, Песнь о вещем Олеге); *В молчании вернулись в столовую* (Булгаков, Белая гвардия).

Ср. в номинативном предложении: Все делается как всегда. Переодевание. Домашние туфли. Обед в молчании. Если это можно назвать обедом (Н. Амосов, Мысли и сердце), а также с другими значениями¹⁹⁵: Отец ее умер в чине тайного советника (Чехов, Дом с мезонином); Спал он в шинели эту ночь, даже не снимая шпор (Булгаков, Белая гвардия).

Из атрибутивных именных форм более других употребительны «с + тв. п.» и «без + род. п.» со значением наличествующего и отсутствующего признака действия или предмета: Все сделали вид как будто ничего не заметили, когда он к чаю пришел молчаливым и мрачным, с заплаканными глазами (Л. Толстой, Война и мир); Санин пришел домой без шляпы (Тургенев, Вешние воды); Однажды пришел Эммын с охоты веселый, хотя по-прежнему без добычи (Рытхэу); Дома стояли тихие, с открытыми окнами (Д. Гранин)¹⁹⁶.

В последних примерах привлекает внимание однородность функций именных компонентов сложного сказуемого при морфологической их разнородности.

Продуктивное в современной литературе использование наречий в качестве вторичного предиката показано О. П. Ермаковой на примере параллельного функционирования наречий и прилагательных¹⁹⁷. Ср.: *Опечаленно замолчал — Опечаленный, замолчал*; *Уныло и сердито вошел доктор* (Ф. Гладков, Старая секретная) — *Доктор вошел сердитый*; *Боцман Бесхлебный стоит ошарашенно* (Малышкин, Севастополь) — *Боцман стоит ошарашенный*.

Наречия здесь, «синтаксически относясь к глаголу, по смыслу являются характеристикой субъекта в момент действия», относятся они к тем же глаголам движения и состояния, что и адъективно-причастные предикаты.

С предикативным усложнением предложения связано употребление и другого типа наречий, образуемых обычно в индивидуальном языке писателей «для «мнимой» характеристики действия или «скрытой» характеристики субъекта действия». Впервые замеченное Брюсовым в поэзии Тютчева, такое образо-

¹⁹⁵ См. материалы в канд. дисс.: Г. Н. Сергеева. Адвербиальные предложно-падежные формы в современном русском языке. М., 1969.

¹⁹⁶ Два примера заимствованы у Н. Г. Ковиной (указ. соч.).

¹⁹⁷ См.: О. П. Ермакова. О связи словообразовательных и синтаксических явлений. — В кн.: «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969.

вание и употребление наречий стало «осознанным стилистическим приемом» в языке современных писателей и поэтов¹⁹⁸. Кадет *долговязо* встал (Серафимович, Два); *Смолисто* пали кудри (Бунин, Рабыня); Морозы *розово* трещали (Н. Асеев, Парад семилетия); Тулуп облег меня *лохмато, жарко* (Евтушенко, Губа) и т. д.

Следует заметить, что характер отношений именного компонента сложного предиката к субъекту действия как определение признака субъекта, проявляющегося одновременно с действием, обозначенным глагольным компонентом, не изменяется с изменением формы глагола и формы выражения субъекта при дальнейшем усложнении структуры предложения. Ср. примеры Шахматова (интерпретируемые им иным способом, стр. 356): Но Кутузову видимо хотелось *войти* в комнаты уже *свободным* (Л. Толстой, Война и мир); И проходя мимо высокого гвардейца в мохнатой шапке, *стоявшего часовым* у его палатки... (Там же).

АВТОРИЗАЦИЯ

Одним из самых распространенных способов взаимодействия моделей предложения является способ, который выше назван авторизацией сообщения (см. стр. 221). Э. Сепир писал: «Было бы интересно показать,... как часто форма выражает источник и характер того знания, которое лежит в основе сообщения говорящего (есть ли это знание из личного опыта, или с чужих слов, или это есть умозаключение)»¹⁹⁹.

Можно утверждать, что в отличие от языка американских индейцев куакьютл, яна и других подобных, в которых классификация по источникам осведомления выражается с помощью специальных глагольных форм²⁰⁰, в русском языке (как, впрочем, и в других славянских и европейских языках) существует для выражения источника знания, лежащего в основе сообщения, обширная разработанная, но недостаточно изученная система синтаксических средств. Суть ее в том, что разнообразными, но вполне поддающимися описанию способами в предложении, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия.

Ср. объективный и субъективированный (авторизованный) способы подачи информации:

¹⁹⁸ Там же. Ср. об этом: А. К. В л а с о в. О некоторых особенностях употребления наречий в языке современной художественной литературы. «Уч. зап. Таджикского ун-та», т. 19, вып. 3. Душанбе, 1959.

¹⁹⁹ Э. С е п и р. Язык. М., 1934, стр. 85.

²⁰⁰ См. там же.

За забором клен	Я вижу за забором клен
	За забором мне виден клен
Плачет ребенок	Он слышит, что плачет ребенок
	Он слышит плач ребенка
	Слышится (кому?) плач ребенка
Растет интерес к поэзии	Мы наблюдаем, как растет интерес к поэзии
	Мы наблюдаем растущий интерес к поэзии.
	Наблюдается рост интереса к поэзии
Статья полезна	Он считает статью полезной
	Для него статья полезна
	По его мнению, статья полезна
	Статья представляется ему полезной
	Статья считается полезной и т. д.

Средства авторизации, указания на субъект, как видим, различны, — от предложно-падежной формы имени (для него, по его мнению) до двусоставной глагольно-именной модели (я вижу, мы наблюдаем, он считает), либо ее «обезличенных» вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (представляется, считается и т. п.)²⁰¹.

Авторизующие формы имени, и обособленные и необособленные, не вступают ни в словосочетания, ни в аналоги словосочетания со словами основной модели, они как бы выносятся за скобки, относясь к содержанию высказывания как в драме имя персонажа, произносящего реплику, к самой реплике. Ср. [Иванов]: *Статья полезна.*

Отношение между глагольно-именной формой авторизации и содержанием высказывания можно также уподобить отношению между словами автора и прямой речью названного персонажа. Ср.: *Иванов говорит: «Статья полезна».* Способы собственно синтаксического взаимодействия двух планов — сообщения и его авторизации — рассмотрим ниже.

Возможности оформления авторизации зависят от типового значения сообщения, а в пределах этих возможностей говорящий предпочитает тот или иной вариант соответственно коммуникативно-стилистическим условиям речи.

²⁰¹ Явления, названные здесь авторизацией высказывания, совпадают с частью «третьего синтаксического плана», выделенного И. Польдауфом на материале чешского и английского языков. Третий синтаксический план, по Польдауфу, выражает отношение содержания предложения «к человеческому индивидууму и его специфическим способностям восприятия, суждения и оценивания». Ср. примеры Польдауфа: *Его лекция была для меня слишком длинной, Я нашел его лекцию слишком длинной* и под. Кроме интеллектуальной оценки, Польдауф объединяет в третьем плане различные явления, связанные с выражением модальных и эмоционально-экспрессивных отношений. (См.: I. Poldauf. Třetí syntaktická rovina (The third syntactic plan). «Philologica pragensia», 1963, № 2); Он же. Evaluative predication. «Philologica pragensia», 1968, № 1).

Намечается несколько основных разновидностей авторизации.

1. Авторизация, вводящая субъект к в а л и ф и ц и р у ю щ и й, оформляет двусоставные именные модели, содержащие оценку, квалификацию предметов и явлений или раскрывающие содержание понятий. Не изменяя авторизуемой модели, к ней присоединяется указание на «автора», выраженное в форме: а) предположно-падежных конструкций; б) «главного предложения», при котором авторизуемая модель занимает позицию «придаточного». Ср. схему:

Для него	эта книга неинтересна	A=B
По его мнению	она — способный инженер	
С его точки зрения	смысл творчества — служение	
На его взгляд	народу	
В его представлении	твой приезд — большое событие	
В его понимании	гулять в дождь — удовольствие	
Как ему кажется		
Ему кажется, что		
Он считает, находит,		
думает, полагает, что		

Если пользоваться символикой, можно обозначить соотносительность двух структурно-смысловых компонентов авторизуемой модели $A=B$.

См. примеры: Внушать любовь для них беда, Пугать людей для них отрада (Пушкин, Евгений Онегин); Жизнь для меня — это Маша (А. Н. Толстой, Любовь); Для меня в Горьком — вся Россия (Паустовский, Золотая Роза); В безвольном непротвлении звукам, в женственной покорности им и заключалось тогда очарование Блока для нас (К. Чуковский, Из воспоминаний); Для советского хозяйственника производство и забота об улучшении культурно-бытовых условий трудящихся — две стороны одного дела («Изв.», 21 дек. 1962); О славный день. Ты для меня — торжественные будни (Б. Ахмадулина, День поэзии); Тот огромный город, к жизни в котором я так и не привык, для них — любимая родина (А. Яшин, Угощаю рябиной); Если я действительно для него — просто развлечение... я уйду (Э. Радзинский, 104 страницы про любовь); У них убийство — простое телодвижение (Пушкин, Путешествие в Арзрум); Я понял, что я дитя в ее глазах (Тургенев, Первая любовь); По словам Ван Вэй-Линя, секрет его долголетия заключается в хорошей закалке организма («Веч. Москва», 14 марта 1962); Деньги — ему солома, дрова какие-то (Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского); Мечтателю и полуночнику Москва милей всего на свете (Б. Пастернак, Весна); Онегин был, по мнению многих..., Ученый малый, но педант (Пушкин, Евгений Онегин); Дуэль, по понятиям Базарова, нелепость (Писарев, Базаров).

Собственно взаимодействие, включение моделей происходит при введении в авторизуемую модель названия субъекта-автора с глаголами квалифицирующей семантики, которые по типам образующихся конструкций группируются следующим образом:

1) Авторизирующая модель *Он считает, (признает, называет)*, включая в себя авторизуемую модель *Книга неинтересна* ($A=B$), преобразует ее компонент А в форму винительного падежа, ее компонент В — в форму творительного предикативно-го²⁰²: *Он считает книгу неинтересной (ее — способным инженером, твой приезд — событием)*.

Главной и неотложной задачей борьбы за мир коммунисты считают всеобщее и полное разоружение («Полит. самообразование», 1962 г. № 12); *Часть теоретиков считает* главной целью художника в области промышленного искусства рационализаторскую работу, улучшающую функционирование данной вещи («Творчество», № 10, 1964 г.); *А зритель обругал* ящика скотиной (Некрасов, Генерал Топтыгин); *Он величал* его героем (Тургенев, Вешние воды).

Ср. графическую схему взаимодействия двух моделей при глагольно-именном способе авторизации сообщения (хотя в речи порядок компонентов каждой из моделей может быть различным):

Главной задачей	коммунисты считают	разоружение

Теоретики считают	целью художника	рационализацию

Неназванность субъекта при квалифицирующем глаголе имеет неопределенно-личное или обобщенно-личное значение, в качестве заместителя названия субъекта выступает иногда форма «у + род. п.» или «в + предл. п.», обозначающая среду, коллектив как «автора» названной глаголом квалификации. Авторизирующая модель часто предстает в модально-волеятативной структурно-семантической модификации. Ср.:

²⁰² В методологическом отношении важно следующее замечание В. В. Виноградова: «Представляются чрезвычайно ценными и очень убедительными указания А. А. Шахматова на то, что многие виды двусоставных предложений (несогласованных) являются результатом сцепления и слияния предложений. Это обстоятельство не может не отразиться на особенностях грамматической структуры их главных членов» (В. В. Виноградов. «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова, стр. 102). Следует оговорить вместе с тем, что общей концепции монографии отвечает представление о регулярной соотносительности в системе языка моделей первичных, в данном случае авторизуемых (*Книга интересна*), и осложненных, полипредикативных, в данном случае — авторизованных (*Он считает книгу интересной*). Понятия «взаимодействия», «включения», «преобразования» используются при анализе чисто условно, для выявления этой соотносительности и средств, ее выражающих.

Ее в семье *не считали* взрослой (Чехов, Дом с мезонином); Однако работу по внедрению типажей в настоящее время *нельзя назвать* удовлетворительной («Правда», 21 ноября 1962); Новый советский эксперимент в космосе *называют* великим, и это верно, потому что он дал великие результаты. Его *можно назвать* и изящным, потому что великие результаты достигнуты сравнительно экономным путем. И его, конечно, *назовут* гуманным, потому что человек не подвергался неизученным превращениям дальнего космического полета («Правда», 23 сент. 1970)²⁰³.

При страдательной форме квалифицирующего глагола, также с неопределенно-личным значением субъекта, компонент А авторизуемой модели остается в форме именительного падежа, компонент Б также выступает в форме творительного:

Ее сестра *звалась* Татьяной (Пушкин, Евгений Онегин); У нас в полку я *считался* одним из лучших стрелков (Пушкин, Выстрел); Семь *у игроков называется* кочергой, одиннадцать — палочками... (Чехов, Детвора); Я, например, *считаюсь* хорошим поэтом (Маяковский, Весенний вопрос); Крепостная Россия выходит С короткой приструнки На пустырь И *зовется* Россиею после реформ (Пастернак, 1905 год).

Было бы упрощением рассматривать конструкции типа *считался добрым* по внешнему сходству в одном ряду с конструкциями *был добрым, стал добрым, становился добрым* как формы составного сказуемого. Формы составного сказуемого, даже еще более усложненные: *хотел стать добрым, предпринимал попытки сделаться добрым* и т. д., пока они не выходят за пределы грамматических и семантических модификаций предикативного признака, сопрягаются с обозначением субъекта-носителя признака непосредственно говорящим, не обнаруживающим себя в языковых формах данной конструкции (ср., впрочем, совпадение авторизующего субъекта и говорящего в форме 1-го лица: *Я считаю его добрым*). Поскольку говорящий не обнаруживается, предложение остается субъектно одноплановым. Формы *считается, называется* и под. относят сопряжение предикативного признака с названием предмета на счет другого лица (лиц), тем самым включая в предложение новый субъектный план. Структура предложения становится двусубъектной

²⁰³ Предложение типа *Мальчика зовут Алешей* в соответствии с изложенным рассматривается как авторизованная модель тождества, специализировавшаяся на сообщении собственного имени. Ср.: *(Этот) мальчик — Алеша; Мальчика прозвали, называют Шефом; Мальчика признают, считают талантливым; Мальчик был Алешей, стал Алексеем Ивановичем* и т. д., где в разных примерах сохраняется предикативная соотнесенность предмета (лица) и его имени (признака), в авторизованных конструкциях осуществляющаяся через посредство авторизующей модели (субъект которой при неопределенном или обобщенном значении может быть опущен; ср. трактовку данного примера в упоминавшейся статье М. Всеволодовой, стр. 210).

или полисубъектной, а соответственно и полипредикативной, естественно, при грамматическом доминировании одного из субъектно-предикативных планов.

2) Авторизующая модель с глаголами *характеризовать, рассматривать, квалифицировать, оценивать, расценивать, понимать, выдвигать, воспринимать* с названным или неопределенно-личным субъектом, включая в себя авторизуемую модель, преобразует оба ее компонента в форму винительного падежа, подкрепляя предикативные отношения между ними союзно-связочным словом *как* ²⁰⁴:

Клим *оценивал* их близость *как* недоразумение (Горький, Жизнь Клим Самгина); Правительство Кубы *квалифицирует* действия военных кораблей Венесуэлы *как* провокационные, *как* типичный акт международного пиратства («Изв.», 21 ноября 1968); Развернувшееся в ГДР большое социалистическое соревнование на производстве оратор *охарактеризовал как* форму борьбы рабочего класса, крестьян и интеллигенции против германского империализма, за заключение мирного договора, за укрепление экономической мощи Германской Демократической Республики («Правда», 13 окт. 1961) ²⁰⁵.

При страдательной форме глагола, также с названным или неопределенно-личным субъектом квалифицирующего действия, компоненты А и Б остаются в форме именительного падежа:

Избрание председателем и заместителем председателя парламента представителей Демократического парламентского фронта *расценивается* в местных политических кругах *как* важная победа национальных патриотических сил страны («Правда», 14 окт. 1968); Резкое повышение темпов развития сельского хозяйства *выдвигается* партией *как* первоочередная задача («Полит. самообразование», 1962, № 11).

Те же отношения между компонентами А и Б авторизуются моделью с глаголами *находить, искать, видеть* (в отвлеченном значении); при этом компонент А принимает форму «в + + предл. п.», а компонент Б (субстантивный) — форму винительного падежа: *В повышении темпов развития партия видит все-народную задачу; Причину этого он находит (видит) в безответственности* ²⁰⁶.

²⁰⁴ Ср.: А. Ф. Прияткина. Конструкции с союзом *как* в простом предложении. — РЯШ, 1957, № 6.

²⁰⁵ И. Хомский замечает, что предложение аналогичной структуры *Каждый в этой лаборатории рассматривает Джона как несведущего* первоначально было принято им за ядерное, но дальнейшее исследование показало, что оно выводится трансформационным способом из *Джон несведущ*. «Но это сложный вопрос», — признает он в примечании (см.: «Новое в лингвистике», II, стр. 487).

²⁰⁶ Авторизованная форма *видеть что чем* (Я видел твой корабль игралищем валов, Пушкин) архаична. Неправильным кажется построение *воспринимать что чем* (Боевой легендой воспринимается картина молодого художника Дягилева, «Изв.», 7 февр. 1970).

Оратор видит цель в том, чтобы создать мир без оружия («Изв.» 12 июля 1962); ср.: По мнению оратора, цель — в том, чтобы...; Вот почему я вижу в успешном завершении полета еще один крупный шаг на пути человека к звездам («Моск. университет», 21 июня 1963); ср.: По моему мнению, полет — крупный шаг..., Я считаю полет крупным шагом..., Я расцениваю полет как крупный шаг.; Оригинальность постановки режиссер ищет в том, что хор должен петь и выполнять сложные танцевальные па («Неделя», 10 дек. 1961); Все счастье жизни, единственный смысл жизни он находил теперь в том, чтобы видеть и слышать ее (Л. Толстой, Анна Каренина).

3) Авторизирующая модель с глаголами *принять, признать, считать, знать* преобразует авторизуемую модель в компоненты *кого-что* — *за кого-что* с оттенком ошибочного соответствия, ошибочной идентификации предметов:

Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор (Гоголь, Ревизор); Лисий след она принимала за собачий (Чехов, Белолобый); И как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!... (Лермонтов, Фаталист); В погоне за сенсацией он выдает свои предположения за достоверные научные факты («Изв.», 27 февр. 1964).

4) Авторизирующая модель с глаголами *представляется* (соотносительным с *представляет*) и *кажется*, с субъектом, названным формой дательного падежа или устраненным, неопределенно-личным, оставляет компонент А в винительном падеже и преобразует компонент Б в форму творительного предикативного.

Эти авторизирующие глаголы вносят в авторизуемую модель оттенок неполного, иллюзорного соответствия между предикативно соотнесенными компонентами или — обычно при совпадении говорящего и авторизирующего субъекта — оттенок осторожности, некатегоричности утверждения.

Все *кажется* в другом ошибкой нам (Крылов, Обоз); Улицы *казались ей* очень широкими, а дома маленькими, приплюснутыми (Чехов, Невеста); Тютчеву *представляется* высшим блаженством, доступным человеку, — любоваться многообразными представлениями жизни природы (В. Брюсов, Ф. И. Тютчев); С этих позиций возникновение жизни на Земле *представлялось* какой-то редчайшей, неповторимой «счастливой случайностью» («Веч. Москва», 5 июня 1967).

При различии в оттенках значения и в способах оформления компонентов авторизуемой модели, можно вывести из рассмотренных случаев два типа взаимодействия авторизуемой и авторизирующей глагольно-именной модели:

1. Авторизирующая модель включает авторизуемую (авторизирующий субъект в именительном падеже, а авторизуемый пре-

образуется в форму косвенного падежа): *Все называют эксперимент гуманным; Семья не считает ее взрослой; Он расценивает статью как ошибку.*

2. Авторизуемая модель включает авторизующую: Эксперимент всеми признается (признан) гуманным. Она не считается взрослой. Статья расценивается им как ошибка.

И в том и другом типе одна модель как бы обрамляет другую, поэтому назовем авторизацию рамочным способом взаимодействия моделей.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что с точки зрения информативной, содержательной, авторизуемая модель и в том и в другом типе взаимодействия остается первичной, авторизующая — вторичной, она существует для того, ради того, чтобы ввести содержание авторизуемой²⁰⁷. (Один из способов авторизации в грамматике и называется «вводными словами».) Авторизующая модель приближается по характеру своему к служебной, это подтверждается и тем, что выбор способа авторизации (из имеющегося фонда) часто бывает синтаксически нерелевантен, способы взаимозаменяемы и конструктивно и лексически. Ср.:

По его мнению, сестра — красавица
Для него сестра — красавица
В его представлении сестра — красавица
Он считает сестру красавицей
Он признает сестру красавицей
Он воспринимает сестру как красавицу
Сестра кажется ему красавицей
Он считает (думает), что сестра — красавица и т. п.
Он считает товарища соперником
Он воспринимает товарища как соперника
Он принимает товарища за соперника
Товарищ кажется ему соперником
Он видит в товарище соперника и т. д.

Подобные ряды конструкций могут рассматриваться как серии синтаксически синонимичных предложений осложненного типа.

Интерпретация связи в конструкциях *находить сына взрослым, принять шутку за насмешку, считать сестру красавицей* и под. как двойного управления переносит на уровень словосоче-

²⁰⁷ Подобные явления «переноса коммуникативного центра с основной предикативной пары на зависимую» отмечает Н. Д. Арутюнова на материале испанского языка: «Испанское предложение *Aquí me tienes (ves) toda confusa* букв. Ты меня имеешь (видишь) здесь совсем растерянной в коммуникативном плане эквивалентно предложению *Aquí estoy toda confusa* — Вот я здесь в полной растерянности» (Н. Д. Арутюнова. Вариации на тему предложения, стр. 43).

тания²⁰⁸ отношения, возникающие лишь в предложении, при взаимодействии двух первичных моделей. Важно, что две синтаксические формы имени обозначают здесь не объект действия, а субъект — носитель признака и признак, приписываемый ему субъектом авторизации, т. е. субъектом данного глагола. Ср.: *воспринять шутку как насмешку, воспринимать сестру как красавицу*, где второй именной компонент является таким же вторичным предикатом по отношению к первому именному компоненту, как и обусловленная форма творительного, выполняющая обычную предикативную функцию, но компонент *как насмешку* в грамматиках не признается управляемым лишь благодаря союзо-связочному слову *как*.

Тем не менее на уровне распространения слова упомянутая выше «служебность», во всяком случае лексическая ослабленность значения «квалифицирующих» глаголов, оборачивается и релятивным характером их значения. Полноту существования они обретают лишь в авторизирующей функции (не касаемся здесь других значений полисемичных глаголов), распространив свою власть на два предикативно соотнесенных между собой компонента²⁰⁹.

Именно в этом находит опору возможность дифференциации существующего представления о соотносительности компонентов *как кто-что и в качестве кого-чего*, способствуя разграничению авторизирующего взаимодействия моделей, с одной стороны, и параллельного подключения распространителя предложения, с другой. Дело в том, что положение о заменимости конструкции *в качестве кого-чего* конструкцией *как кто-что* не имеет обратной силы: структурно-смысловые возможности этих конструкций различны.

Как говорилось выше, «*в качестве* + род. п. имени» параллельно подключается к замкнутой конструкции, имеющей законченный смысл и без этой предложно-падежной формы. В этом случае две сопоставляемые формы взаимозаменяемы. Но форма *как кто-что*, в составе авторизируемой модели присоединяясь к квалифицирующему глаголу релятивного, склоняющегося к служебному значению, необходимо восполняет открытую, незамкнутую конструкцию. Здесь

²⁰⁸ Так, приведя трехчленную серию *Они его считают героем, Они его считают за героя, Они считают, что он герой*, И. Н. Егорова основание для идентификации этих структур видит в том, что «все они воспроизводят одну и ту же модель словосочетания, т. е. строятся вокруг глагола *считать* на базе синтаксической связи типа управления» (см.: И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования», стр. 81—82). Вопреки трактовке И. Н. Егоровой, «тесная, по существу, неразложимая» связь между компонентами *его и героем* не находит выражения, отношения между ними подаются истолкованию только с точки зрения взаимодействия моделей.

²⁰⁹ При однолинейной трактовке подобной конструкции, не учитывая ее предикативную усложненность, исследователь вынужден без достаточных оснований признать ее фразеологической, ср.: *Чайковский видел в Шумане борца против пошлости и мещанства, царящих в немецкой музыке*. Приведя этот пример, З. Д. Попова так объясняет порядок слов в нем: «Неразложимость сочетания *видеть в ком* приводит к постановке косвенного дополнения перед прямым» (РЯШ, 1958, № 1, стр. 41).

замена формой в качестве кого-чего невозможна. Ср. пример неправильно построенной фразы вследствие нарушения указанного условия: Эмиссар президента охарактеризовал Японию в качестве «самого важного союзника США в Азии» («Изв.», 3 февр. 1968); глагол *охарактеризовать* в данном значении требует «двухместного» восполнения: *кого-что как, каким образом: охарактеризовал Японию как союзника.*

2. Другая разновидность авторизации вводит в сообщение субъект восприятия. Соответственно значениям глаголов, выражающих восприятие в авторизирующей модели: *видеть, слышать, замечать, наблюдать, чувствовать, ощущать* и др. под., воспринимаемое, т. е. содержание авторизируемой модели, относится главным образом к кругу статических значений наличия в широком смысле, особенно локализованного наличия предмета или явления, конкретных действий, конкретных проявлений состояния, впрочем, также к отношениям отвлеченно-обобщенным, возникающим на базе отношений локализованного наличия; сочетаемость авторизирующих моделей восприятия с моделями тех или иных типовых значений требует дополнительного обследования.

Так же, как в квалифицирующей авторизации, возможны два типа взаимодействия:

а) авторизируемая модель включает авторизирующую (при этом компоненты авторизируемой остаются без изменения) и б) авторизирующая модель включает авторизируемую (при этом компонент авторизируемой в форме именительного падежа замещает позицию управляемого члена при глаголе в соответствующем падеже).

Авторизирующая модель так же обнаруживает склонность к устранению названия субъекта восприятия с обобщенным или неопределенно-личным значением и к модально-волеизъявительному осложнению действия-восприятия, а сам глагол восприятия — к ослаблению лексического значения.

См. примеры, где в контексте одна и та же модель предстает дважды, в первичном виде и авторизованном: У лукоморья дуб зеленый... И там я был... У моря *видел* дуб зеленый (Пушкин, Руслан и Людмила); Он кричит, и *тучи слышат* радость в смелом крике птицы. В этом крике жажда бури... (Горький, Песня о Буревестнике).

Еще примеры: В драгоценностях смысла я *вижу* немного (Н. Коржавин); Я *вижу* над Русью далеке Широкий и тихий пожар (Блок); У порога дома *Егорушка увидел* новую, роскошную коляску и пару черных лошадей (Чехов, Степь); Людей было много, часто к подъезду подбегали и лошади, но собак не было *видно* (Чехов, Каштанка); Ни звука *не слышалось* в липовой аллее, ни шелеста, только — шорох шагов по песку (А. Н. Толстой, Чудаки); *Не вижу* логики *совсем* в твоих поступках, друг! (Д. Сухарев, Зимнее утро); Соленые туманы часто *наблюдаются* в пу-

стынных областях Северной Африки (В. И. Вернадский, История минералов в земной коре); В окошке *был виден* кусочек неба (В. Аксенов)²¹⁰; В образовании метафор у Маяковского *можно заметить* много своеобразного («Рус. яз. в школе», 1957, № 5); В жанровых полотнах... *мы видим* сдержанность, стремление к обобщенности («Веч. Москва», 21 июня 1967); В трактире и на фабриках *замечали* новых, никому не известных людей (Горький, Мать); В словах полковника *чувствовалась* гнетущая его тревога за судьбу своей дивизии (Казакевич, Звезда); Делалось все холоднее и холоднее, хотя заметных изменений в природе *не наблюдалось* (Вс. Иванов, Сокровища Александра Македонского).

В модели, сообщающей о действии, процессе, при авторизации происходит преобразование глагола в отглагольное имя и формы именительного соответственно в форму родительного или творительного субъекта (или опущение ее при «обезличенном» названии воспринимаемого действия): *Наблюдается* определенное увлечение громоздкими всесоюзными соревнованиями («Изв.», 6 сент. 1968); Причину этого *мы видим* в неправильной трактовке автором основного грамматического значения «прошедшего длительного» (Уч. зап. МГПИ, № 165, 1961); Большой интерес к изучению русского языка *наблюдается* в капиталистических странах («Рус. яз. в школе», 1956, № 2)²¹¹.

В предложениях, сообщающих о восприятии звучания, в авторизуемой модели компонент со значением места преобразуется в компонент со значением направления (по которому движется звук от места действия к воспринимающему): *Из соседней комнаты доносилось* довольное урчанье мальчика и плеск воды (Леопов, Скутаревский); Среди установившегося грустного молчания *из соседней комнаты слышались* детские смех и голоса (Л. Толстой, Война и мир); ср. *В соседней комнате смеялись дети*; *В соседней комнате (звучал, раздавался) детский смех*; *Из комнаты слышался (кому?) детский смех*.

²¹⁰ Сопоставляя приведенную фразу из Аксенова с ее французским переводом (*Par la petite fenêtre je voyais un coin de ciel*), В. Г. Гак отмечает во французской фразе указание на воспринимающее лицо (*je*), отсутствующее в русском предложении. «Однако включение этого нового слова не изменяет общего объема информации, так как повествование идет от первого лица и ясно, что если нечто было видно, то это воспринималось именно говорящим» (В. Г. Гак. Русский язык в зеркале французского, ч. V. «Русский язык за рубежом», 1969, № 3, стр. 67). Очевидно, русский язык обладает большей свободой выраженности — значимой невыраженности субъекта восприятия.

²¹¹ Стилистические дефекты, встречающиеся в подобных фразах, подтверждают ослабленность лексического значения глаголов восприятия, «не замечаемых» говорящим. Ср.: В этот период *мы наблюдаем* постепенное изменение взглядов на роль «наблюдений» для развития навыков (РЯШ. 1957, № 5); В «Исторической грамматике» Буслаева *мы впервые встречаемся* с историческим подходом к изучению управления, что позволяет Буслаеву установить ряд законов его развития («Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V).

3. Промежуточную разновидность между авторизацией восприятия и авторизацией квалифицирующей составляет авторизация обнаружения. В авторизирующей модели участвуют глаголы *находить, искать, видеть, застать, обнаружить* и др. Взаимодействует эта модель с двусоставными предложениями, сообщающими о признаке предмета, обнаруживаемом субъектом авторизирующей модели в момент его действия (конкретного или умственного). Субъект — носитель признака авторизируемой модели (компонент А) преобразуется в форму приглагольного винительного, название признака (компонент В) принимает форму творительного предикативного, либо — редко для современного языка — форму винительного²¹² (*нахожу кого-что, каким, кем-чем, какого*) или остается в неизменной форме косвенного падежа с предлогом (*нахожу что в ком, кого в чем, кого за чем (за каким делом)*). Вариант взаимодействий с включением авторизирующей модели в авторизируемую малоупотребителен. См. примеры:

Младые грации Москвы ее находят что-то странной (Пушкин, Евгений Онегин); *Один какой-то шут печальный Ее находит* идеальной (Там же); *Татьяну он одну находит* (Там же); *Тайну прелесть находила И в самом ужасе она* (Там же); *Кто б смел искать* девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной Законодательнице зал (Там же)²¹³; *Марья Ивановна узнала* в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад (Пушкин, Капитанская дочка); *Я побежал к Асе и нашел* ее нераздетою в лихорадке, в слезах (Тургенев, Ася); *И она вас видела* здоровым и невредимым (Тургенев, Вешние воды); *Он ясно видел* себя в сереньком костюме с иголки (А. Н. Толстой, Похождения Невзорова); *Лантев застал* жену в сильном нервном возбуждении (Чехов, Три года)²¹⁴; *Он застал* жену за завтраком (Тургенев, Дворянское гнездо).

4. Наблюдения над авторизацией обнаружения показывают, что в качестве авторизируемых здесь выступают те же модели, сообщающие о признаке предмета, которые взаимодействуют с глагольно-именными моделями, образуя сложный, двойной предикат (см. выше, стр. 261), с тем отличием, что там признак и действие относятся к одному субъекту, здесь действие — к одно-

²¹² О прежней конструкции с двойным винительным см.: В. И. Бсрковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 392—402; О. М. Доконова. Из наблюдений над употреблением конструкций со вторым винительным падежом в языке писателей XIX—XX веков. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1963, т. 139, вып. 9.

²¹³ В последнем примере находим: авторизацию обнаружения, в авторизирующей модели — ирреальную грамматическую модальность, волюнтаривно-модальную модификацию и вопросительно-риторическую, со значением отрицания, модификацию.

В употребительности рассматриваемой авторизации в пушкинском языке можно видеть влияние французской конструкции с глаголом *trouver*. Ср.: *У моря бесенка находит* как авторизацию восприятия.

²¹⁴ Три примера заимствованы у А. С. Попова (указ. соч.).

му, а признак — к другому, в результате создавая односубъектную двупризнаковую структуру в первом случае и двусубъектную структуру — во втором. Ср.: *Жена в слезах* — *Жена пришла в слезах* — Он застал жену в слезах; *Она больна (больная)* — *Она вернулась больная (больной)* — Он нашел ее больной; Он в шинели — Он спит в шинели — Она видит его в шинели; Дом еще без крыши — Дом стоит еще без крыши — Он застал дом еще без крыши.

В связи с этим требует уточнения вопрос о разграничении распространителей предложения («детерминантов») и вторичных предикатов.

В примерах: *Этот чайник я купил уже с трещинкой*; *Этот чайник я так с трещинкой и купил*, по мнению Н. Ю. Шведовой, выделенная предложно-падежная форма грамматически не связана ни с каким отдельным словом: она определяет все предложение в целом²¹⁵. Однако предложно-падежным формам со значением признака предмета не свойственна позиция распространителя предложения, они функционируют как предикативные или атрибутивные определители предмета, аналогично определителям адъективным и причастным. Ср.: *Этот чайник — надтреснутый, был надтреснутый (надтреснутым)*; *Этот чайник — с трещинкой, был с трещинкой*; *Я купил чайник надтреснутым*; *Я купил чайник с трещинкой*. Чайник так и продавался *надтреснутым*; Чайник так и продавался *с трещинкой*.

Обе формы: *надтреснутый (надтреснутым)* и *с трещинкой* — реализуют свои предикативные потенции как в качестве самостоятельного именного предиката, так и в качестве вторичного предиката в усложненном предложении. Особенности порядка слов, интонации, как и введение экспрессивных частиц, усложняют предложение на уровне речи, но не изменяют языковых функций синтаксических форм слова.

5. Полипредикативность, но не полисубъектность создается такими известными средствами усложнения предложения, как депричастный и причастный, относящийся к субъекту модели, обороты.

Эти средства достаточно хорошо изучены, на них останавливаться не будем, напомним лишь интерпретацию Шахматова, в принятых им терминах убедительно определяющую роль этих оборотов: «Двойное сказуемое развилось и там, где глагольное сказуемое имело при себе причастие, становившееся в предикативные отношения к подлежащему. В отличие от имен и прилагательных, могущих стать в такие отношения с подлежащим только при глаголах состояния и движения, причастия, в силу своей глагольности и означения ими активного признака, могли связываться предикативно с подлежащим при всяком вообще

²¹⁵ Н. Ю. Шведова. Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения в его отношении к синтаксису слова и словоформы. «Zeitschrift für Slavistik», 5, Bd XIV, Berlin, 1969, стр. 693.

глаголе. Причастие получало значение второй части сказуемого²¹⁶. С течением времени причастие в таком положении потеряло возможность согласоваться с подлежащим и в результате перешло в деепричастие, т. е. в несклоняемое причастие. Этот переход, как кажется, возник на почве усиления предикативности причастия за счет его атрибутивности; он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое. Как таковое, деепричастие означает время, соотносительное с временем, выраженным главным сказуемым»²¹⁷.

6. Помимо рассмотренных случаев авторизации, отметим еще один способ углубления субъектной перспективы предложения, требующий специального изучения. Сочетая два субъектных плана в авторизованной конструкции, говорящий может выразить еще свое отношение, дать свою оценку действию авторизующего субъекта. Ср.: *Кислород справедливо считается основой жизни на земле* (Учебник химии). В этом предложении обнаруживаются три субъектных плана:

I. *Кислород — основа жизни*

II. *так считается [всеми]*

III. *это — справедливо.*

Таким образом, *кислород* представляет собой субъект (преддицируемый компонент) первого плана, обобщенно-личный субъект авторизации — субъект второго плана, и говорящий, «оценивающий оценку» кислорода, — субъект третьего плана.

То же соотношение планов в следующем примере: *...книга, в которой А. Чудинов почему-то увидел главную базу для всех лингвистических воззрений Греча...* (В. В. Виноградов, Из истории изучения русского синтаксиса):

I. *Эта книга — главная база воззрений Греча*

II. *Это увидел Чудинов*

III. *почему-то* (т. е. обоснованность этого для говорящего сомнительна).

Таким образом, и в этом предложении устанавливается три субъектных плана: авторизованная (субъектом 2) оценка книги (субъекта 1) и отрицательная оценка этой оценки субъектом 3.

Оценка говорящим первого субъектного плана была бы невозможна в пределах простого предложения, без посредства второго плана, это доказывается безуспешностью попытки сохранить конструкцию, заменив авторизующий глагол *считается* связочными *является, становится* и под.

В глагольных предложениях оценка действия говорящим может составлять второй субъектный план: Однако Стивенсон *неспроста* расточает щедрые похвалы по адресу каудильо

²¹⁶ См. пример, где ирреальная модальность причастного оборота выявляет скрытые в нем предикативные категории: *Ну у этого идиота промелькнуло одно весьма и весьма любопытное замечание, сделавшее бы честь и поумнее его наблюдателю* (Достоевский, Братья Карамазовы).

²¹⁷ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, стр. 45.

(«Изв.», 16 апр. 1963); В цехе немало комсомольцев, но они почему-то мирятся с грязью («Буревестник», многотиражка, 6 дек. 1962).

Ср. выражение оценочных отношений посредством присоединительных конструкций: Он расточает похвалы, и это неспроста; Они мирятся с грязью, и это странно (необъяснимо), — при невозможности вынесения в присоединительную позицию обычного качественного или количественного определителя глагола (он щедро расточает похвалы, он усердно расточает похвалы, он без конца расточает похвалы и т. д.).

Предикативные потенции оценочного наречия могут реализоваться также и в виде сложноподчиненного построения, ср.: Странно (необъяснимо, непонятно), что они мирятся с грязью²¹⁸. Оценочное предикативное наречие предполагает субъекта оценки (кому странно?), контекст дешифрует его как лицо определенное или обобщенное²¹⁹.

Традиционный синтаксический анализ не замечает субъектной двуплановости подобных конструкций, выстраивая все отношения в одну шеренгу «членов предложения».

Материалов для изучения полисубъектных отношений в структуре предложения не накоплено, круг оценочных слов и условия включения их в те или другие модели предложений еще ждут внимания исследователей.

Субъектный план оценивающего говорящего обнаруживается и в разновидностях инфинитивных двусоставных предложений. Ср.: Было бы неверно назвать этого человека непрактичным («Изв.», 19 февр. 1968), где назвать этого человека непрактичным — инфинитивное преобразование авторизованного соотношения предмета (субъекта 1) и признака; субъект 2 действия, обозначенного инфинитивом, — потенциален, как потенциально и само инфинитивное действие; субъект 3, говорящий, отрицательно оценивает это потенциальное действие.

В целом подобное предложение может быть рассмотрено как один из экспрессивно-стилистических способов подачи сообщения о предмете и признаке, поскольку «чистый» смысл высказывания сводится к утверждению «этот человек практичен»,

²¹⁸ В разделе «Сочетания наречий с наречиями» книги «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний» (М., 1964, стр. 280—285) автором показано развитие некоторых разрядов экспрессивно-оценочных наречных определителей как одного из средств углубления субъектного плана повествования.

²¹⁹ Ср. у Польшауфа: «In John unfortunately stayed at home 'unfortunately' is also an «intruder» from the third plan, introducing the evaluating attitude of the person concerned (the speaker, unless otherwise stated)» (указ. соч., стр. 145).

Аналогично наблюдение А. И. Смирницкого: «В предложении типа *He wisely refrained from remarks* «Он мудро воздержался от замечаний» *wisely* не характеризует действия *refrained*, а дает оценку действию со стороны высказывающегося» («Синтаксис английского языка». М., 1957, стр. 249).

но с точки зрения синтаксической оно построено как субъектно-трехплановое.

Критерий субъектной оценки послужил выяснению долго дебатировавшегося вопроса об односоставности или двусоставности инфинитивно-наречных предложений²²⁰, но здесь мы на нем задерживаться не будем, перейдя к вопросу о других функциях инфинитива.

КАУЗАЦИЯ В СИНТАКСИСЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Понятие каузации, разрабатываемое в морфологии и семантике, скрывает в себе значительную объяснительную силу по отношению к синтаксическим явлениям.

Ш. Балли предлагал разграничить два класса глаголов: обычные глаголы указывают, что действие совершает сам субъект, каузативные глаголы означают, что субъект вызывает некое действие или состояние другого лица или предмета, ср., например: *пойти* и *послать* (каузировать кого-то пойти), *видеть* и *показывать* (каузировать кого-то видеть)²²¹.

В последние годы интерес к явлениям каузации в русском языкознании оживлен перспективными семантическими исследованиями Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского и И. А. Мельчука²²². На материале многочисленных языков описаны типы морфологических и лексических каузативов, отчасти и связанных с ними синтаксических конструкций в коллективной монографии под руководством А. А. Холодовича²²³.

Представляется возможным и целесообразным от обнаружения каузативных значений в лексике и семантике перейти с помощью понятия каузации к систематизации ряда регулярных соотношений в синтаксисе.

2. Начнем с инфинитивных конструкций, которые поддаются четкой интерпретации с точки зрения каузации. Различают в приглагольной позиции субъектный и объектный инфинитивы.

Субъектный инфинитив употребляется при фазисных и модальных глаголах (а также при известных неглагольных мо-

²²⁰ См.: О. В. Озаровский. Безлично-предикативные слова в русском литературном языке I половины XIX в. Автореф. канд. дисс. Л., 1967, стр. II и др.

²²¹ «...Мы поместим *s'inquiéter* — беспокоиться, *tressaillir* — вздрагивать и им под. в разряд обычных глаголов, а *faire peur* — пугать, *intimider* — смущать, *épouvanter* — ужасать, *terrifier* — устрашать, *poindre* — в разряд каузативных» (Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 159; Он же. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 124—125).

²²² А. К. Жолковский. И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19. М., 1967; Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О системе семантического синтеза, III. — НТИ, 1968, сер. 2, № 11.

²²³ «Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив». Л., 1969.

дальных «предикативах»), которые рассматриваются нами как средства получения регулярных структурно-семантических модификаций предложений определенных классов. Модальные глаголы и предикативы могут быть сгруппированы как средства выражения положительного (прямого) модально-волеятативного отношения к действию (*хочу, стремлюсь, пытаюсь, люблю, умею, силюсь, пробую, предполагаю, предпочитаю, привык, настраивался, рассчитывал, склонен, намерен* + инфинитив, и т. п.) и средства выражения отрицательного (обратного) модально-волеятативного отношения субъекта к действию (*боюсь, опасаясь, ленюсь, отказываюсь, стесняюсь, разучился, отвык, избегаю* ($\approx$ не *хочу, не люблю, не умею*) + инфинитив, и под.). Естественно, положительное и отрицательное модально-волеятативное отношение к действию — это общее, инвариантное значение, объединяющее названные группы глаголов, на это значение как на основной грунт ложатся их индивидуальные лексические значения.

Объектный инфинитив, в грамматиках обычно подводимый под категорию дополнения на том основании, что он соотносителен с отглагольным существительным, к которому можно поставить вопрос косвенного падежа (*прошу помочь — прошу о чем? о помощи, разрешил уехать — разрешил что? отъезд, принуждал обманывать — принуждал к чему? к обману*; подобные вопросы, впрочем, возможны и к субъектному инфинитиву: *люблю рисовать — люблю что? рисование*), не имеет, конечно, объектного значения, поскольку он обозначает действие. Термин «объектный» оправдывается не тем, что инфинитив выполняет объектную функцию, а тем, что субъект названного им действия в предложении выступает в «объектной» форме косвенного падежа²²⁴. Для синтаксического анализа интересно осмыслить характер отношений между двумя действиями, названными личным (диктальным) глаголом и инфинитивом, и между двумя их субъектами.

К. А. Тимофеев справедливо указывал, что с объектным инфинитивом могут сочетаться только глаголы «определенной семантики, имеющие (фактическое или потенциальное) дополнение в винительном или дательном падежах»²²⁵. Однако противопоставление К. А. Тимофеевым синтаксических форм винительного падежа как носителя только объектного значения и дательного как носителя субъектно-объектного значения с двусторонним подчинением глаголу и инфинитиву недостаточно обоснованно. И винительный и дательный связаны с инфинитивом как обозначение субъекта названного им действия, но падеж-

²²⁴ Ср.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II. Харьков, 1889, стр. 4.

²²⁵ К. А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 259.

ная форма их задается не инфинитивом, а личным диктальным глаголом. Ср.: *просил (уговаривал, заставлял) его приехать; велел (приказывал) ему приехать*. В обоих рядах выражается одно и то же семантико-синтаксическое значение, которое заключается в том, что субъект А оказывал воздействие на объект В с целью вызвать его действие, т. е. чтобы объект В стал субъектом действия, названного инфинитивом. Другими словами, конструкция с объектным инфинитивом в русском языке — типичный образец каузативной конструкции.

Личный глагол, выражая волеизъявление субъекта А к реализации действия, по существу выражает модальное отношение субъекта А к действию: действие, названное инфинитивом, для субъекта А желательно или нежелательно. Таким образом, каузация действия — разновидность модально-волеизъявительного отношения к действию, но не со стороны субъекта (потенциального или реального) этого действия, а со стороны другого субъекта. Глаголы, сочетающиеся с объектным инфинитивом (факитивные, пермиссивные и ассистивные, по принятой терминологии), так же как и глаголы, сочетающиеся с субъектным инфинитивом, группируются в два разряда, как выражающие положительное модально-волеизъявительное отношение к действию:

<i>просить, молить, уговаривать,</i>	}	кого + инфинитив
<i>побуждать, убеждать, обязывать,</i>		
<i>принуждать, вынуждать, заставлять,</i>		
<i>разрешить, позволить, приказать,</i>	}	кому + инфинитив
<i>велеть, советовать, рекомендовать,</i>		
<i>помогать, способствовать,</i>		
<i>давать (≈ не мешать, позволять)</i>		

и выражающие отрицательное модально-волеизъявительное отношение к действию:

<i>запретить (≈ не разрешить),</i>	}	кому + инфинитив
<i>мешать, препятствовать не давать</i>		
<i>отговаривать —</i>		кого + инфинитив ²²⁶

²²⁶ Замена инфинитива отглагольным именем там, где она возможна, не меняет структурно-смыслового существа выражаемых отношений, поскольку отглагольное имя остается обозначением действия со всем его комплексом субъектно-объектных и фазисно-модальных отношений. Равным образом не меняется характер отношений между инфинитивом и модальным словом, когда последнее представляет собой отглагольное имя. См. примеры: *Нехлюдов встал и вышел в коридор с намерением уже больше не возвращаться* (Л. Толстой, Воскресенье); *У меня врожденная страсть противоречить* (Лермонтов, Герой нашего времени); *У него была склонность задавать наивные вопросы* (Паустовский, Время больших ожиданий); *Мысль навестить еще раз старушку* между тем не давала мне покоя (В. Солоухин, Черные доски); *Я проснулся от холода, но долго еще лежал, борясь с дремотой и ленью вылезать и затапливать печку* (И. Ефремов, Голец Подлунный).

Ср. обозначение лица по его модально-волеизъявительному отношению к действию: *Охотники таскаться по пирам* Из первых с лодками явились к берегам (Крылов, Синица); *А смешивать два эти ремесла* Есть тьма ис-

Рядоположность модальных значений диктальных глаголов при субъектном инфинитиве и диктальных глаголов при объектном инфинитиве подтверждается и возможностью их быть сочиненными членами конструкции по отношению к одному и тому же слову (названию действия) при реальном тождестве субъекта первого личного глагола и объекта второго:

Он пытался уехать, но директор не разрешил ему.

Она не хочет, а родители заставляют ее учиться.²²⁷

Глаголы, сочетающиеся с объектным инфинитивом (так же, как и сочетающиеся с субъектным), принадлежат к типу релятивных слов полувспомогательно-модального характера: они не реализуют своего значения вне сочетания с инфинитивом и объектом — субъектом в винительном — дательном²²⁸. Однако двойственность значений винительного и дательного, возникающая как результат контакта двух структурно-семантических планов «действие — субъект», не позволяет расценивать эти формы как собственно управляемые. Потенциальность субъектно-объектного компонента (так же, как и потенциальность инфинитива) восполняется речевым контекстом, конситуацией. Неназванность субъекта действия — инфинитива²²⁹ синтаксически значима, т. е. сводится к общим трем значениям невыраженности субъекта: неопределенно-личному (*Хозяин велел заложить коляску*; ср. *Коляску заложили*), обобщенно-личному (*Я не разрешаю рвать здесь цветы* — [никому, вообще]), определенно-личному (*Я советую согласиться* — [вам, тебе, собеседнику]).

Из модального значения желательности действия — инфинитива для субъекта А вытекает модальное значение опосредованного долженствования между субъектом В и действием-инфинитивом, т. е. долженствования с точки зрения субъекта А:

кусников (Грибоедов. *Горе от ума*); *Дамы увешивали грудь и шею бриллиантами, а любители считать чужие богатства* вычисляли их стоимость (Станиславский. *Моя жизнь в искусстве*).

²²⁷ В этой связи любопытно указание на то, что в некоторых языках диктальные глаголы первого и второго типа образуются от одних основ. Так, например, в чукотском языке глагол *заставить* — дериват от глагола *хотеть* (см.: «Типология каузативных конструкций...», стр. 9).

²²⁸ Следует, естественно, учитывать полисемичность слов, осложняющую это положение. В примерах: *Хочу хлеба*, *Боюсь грозы*, *Люблю детей* и под. глаголы употреблены не в модальном значении, релятивность их восполняется объектным компонентом; в примерах: *Она умеет уговаривать*, *Некоторые любят приказывать* модальность и релятивность глаголов-инфинитивов снимается тем, что конструкция обозначает не действие, а свойство, признак.

²²⁹ Во избежание громоздкости изложения употребим упрощенное обозначение действия, названного инфинитивом.

Ср.: $\frac{\text{А просит, уговаривает, заставляет его (В)}}{\text{приказывает, разрешает ему (В)}} \text{вернуться} \approx$

$\approx \text{А хочет, чтобы В вернулся, желает его возвращения} \approx$
 $\approx \text{А считает, что В должен вернуться.}$

Реализованность или нереализованность действия-инфинитива и роли В как субъекта этого действия выражены в той же конструкции посредством глагольного вида некоторых глаголов: *заставил, принудил, вынудил его прийти*. Результативность совершенного вида этих глаголов и заключается в реализации действия-инфинитива субъектом В. В других глаголах видовое значение не выражает различия между потенциальностью и реализованностью действия-инфинитива, оставляя субъекту В известную свободу выбора.

В том и другом случае наличие двух субъектов — носителей разных действий позволяет трактовать каузативную конструкцию с так называемым объектным инфинитивом как своего рода результат взаимодействия двух глагольных моделей, включения модели с субъектом В в модель с субъектом А. Показательно, что два типа включенного взаимодействия моделей — каузация и авторизация — сближаются здесь в синонимических преобразованиях²³⁰.

Из рассмотрения инфинитивных конструкций вытекает, что соотношение, выраженное на лексическом уровне в оппозиции *пойти* (самому) — *послать* (другого), в синтаксисе выражается в оппозиции конструкций с субъектным и объектным инфинитивом: *хочу спеть* (сам) — *прошу спеть* (другого), *боюсь встретиться* (сам), *запрещаю встретиться* (другому).

К анализу инфинитивных конструкций можно добавить, что построения с двумя, тремя инфинитивами при одном личном глаголе остаются принципиально двухкомпонентными в случае с объектным инфинитивом и однокомпонентными — в случае с субъектным инфинитивом, остальные инфинитивы выполняют роль вспомогательных слов, модально-фазисных модификаторов при одном или другом глаголе.

Ср.: Отец *просит* гостей: *перестать спорить* (прекратить спор), *начинать есть* (приступить к еде), не спешить *уезжать* (не торопиться с отъездом), *постараться приехать* снова и т. д.; Отец

²³⁰ Близость авторизации и каузации как способов осложненного оформления каузируемого или авторизуемого содержания высказывания подтверждается и наблюдениями других исследователей над соотношением каузируемой и каузирующей частей конструкции: «Каузируемое состояние является конечной целью каузативной конструкции, его конечным состоянием «на выходе», представляющим обычно наибольший интерес для говорящего и слушающего. Каузирующее же состояние (которое можно было бы также назвать «способом действия агенса» или «средством каузации») представляет собой промежуточный фактор в причинно-следственной цепи, описываемой каузативной конструкцией, и потому сравнительно редко выступает на первый план» («Типология каузативных конструкций...», стр. 7).

начинает *просить* гостей не спешить *уезжать*; Отец любит начинать *работать* с рассветом; Подумав немного, он решил *попросить* доктора *оставить* в больнице и мать (Чехов, Беглец).

Ср. подобные сочетания с инфинитивами неличных форм глагола: Первая его задача — *заставить* инженеров *принять* новый проект; *Пригласить* ее *танцевать* было необдуманным шагом; *Стараться же заглушить* в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно (Чехов, Дядя Ваня); Герцог... вручил ему письмо, *приказав прочесть* на досуге (Пушкин, Арап Петра Великого); Самовар тихо поет, *не мешая слушать* жалобу гитары (Горький, Детство); ...тарелка, в которую *приказано класть* ореховую скорлупу (Чехов, Детвора).

Иное дело, когда сочетается ряд объектных инфинитивов, каждый со своим субъектом действия, например: Диспетчер *заставляет* бригадира *согласиться* — Диспетчер *заставляет* бригадира *уговорить* рабочих *согласиться*; Врач *уговаривает* ребенка выпить лекарство — Врач *просит* мать *уговорить* ребенка *выпить* лекарство.

Здесь каждый последующий объектный инфинитив со своим субъектом действия означает включение в предложение нового предикативного плана, вторичного по отношению к предыдущему²³¹. Ср.: *Врач просит мать, чтобы она уговорила ребенка, чтобы он выпил лекарство*. Создается, таким образом, осложненное, ступенчатой конструкции полипредикативное предложение. Стилистическая и информативная громоздкость подобных конструкций практически ограничивает их возможности тремя, редко четырьмя ступенями²³².

См. пример: За это время водитель обошел все инстанции в Дагестане. Он *просил* лишь об одном: *заставить* Атавова в точности *выполнить решение* народного суда — *поставить* его основным водителем автобуса («Изв.», 2 дек. 1968). Схематически отношения, выраженные в предложении, могут быть представлены так:

А был водителем автобуса;

В (не) поставил А водителем;

²³¹ В. С. Храковский предлагает описывать каузацию как семантическую деривацию сказуемых, поскольку «в ходе деривации на каждом такте в сказуемое вводится один и тот же минимальный семантический элемент — каузация» (В. С. Храковский. Деривационные отношения в синтаксисе. — В кн.: «Инвариантные синтаксические значения...», стр. 146). Очевидно, что обязательным синтаксическим и семантическим элементом каузации является обозначение не только каузирующего действия, но и субъекта-каузатора (хотя способы представления его различны, вплоть до значимой невыраженности). Отмеченное расхождение, впрочем, упирается в методологический вопрос о достаточности сказуемого как репрезентанта синтаксической структуры.

²³² Аналогичные материалы см. в статье: Л. Дэже, А. А. Кокань, В. С. Храковский. Каузативы, антикаузативы и связанные с ними синтаксические конструкции в венгерском языке. — В кн.: «Типология каузативных конструкций...».

С решил обязать В поставить А водителем;

А просит Д заставить В выполнить решение С поставить А водителем.

Речевые способы синтаксического расчленения предложения (обособление, выделительные слова) позволяют здесь построить четырехступенчатую каузативную конструкцию.

Ср. также: Все единодушно приняли предложение Ивана Ивановича и *положили* немедленно *послать* к Ивану Никифоровичу на дом *просить* его, во чтобы то ни стало, *приехать* к городничему на обед (Гоголь).

Отметим также возможность выражения субъекта А не именительным, а дательным и винительным падежами, когда его действие осложнено значением модально-волекативного состояния, независимого от воли субъекта. Ср.: *Ему хочется попросить меня уйти, но он не решается это сделать; Его подмывает помешать мне рассказывать, но он сдерживается; Его тянет хлопнуть дверью; Ему нравится дразнить* меня и т. п. Мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь* (Лермонтов, Княжна Мери).

Если модально-волекативное отношение субъекта к действию находит себе выражение в отглагольном имени, субъект выступает в форме родительного или в одной из ряда форм, выражающих субъектно-посессивные значения. Ср.: *Просьба родителей приехать встревожила его; Ее просьба приехать вызвала в нем неудовольствие.*

Итак, каузация действия находит выражение в усложненном предложении, где каузированное действие в виде «объектного» инфинитива и его субъект в форме винительного или дательного падежа включается в двусоставную глагольно-именную модель.

Каузатор действия обычно представляет собой лицо, агенса, каузативное действие которого произвольно, целенаправленно. Если же место каузатора занимает имя отвлеченного понятия, каузативная конструкция выступает в своей разновидности — непроизвольной каузации, ср.: *Хозяйка вынудила нас покинуть дом; Недоброжелательство хозяйки вынудило нас покинуть дом; Болезнь хозяйки вынудила нас покинуть дом; Ухудшение погоды заставило их вернуться; Туман не позволил самолету взлететь.*

Только *нежность*, когда-то забытая здесь, Заставляет меня возвратиться обратно (Л. Мартынов, Нежность); Когда моих товарищей корят, Я понимаю слов закономерность. Но *нежности* моей *закаменелость* Мешает слушать мне, как их корят (Б. Ахмадулина, Мои товарищи).

Каузативный компонент, включающий признак лица, может быть расчленен таким образом, что имя лица остается в позиции агенса-каузатора, а название признака, истинного каузатора, занимает орудийную позицию: *Хозяйка своим недоброжелатель-*

ством вынудила нас покинуть дом; *Старик хитростью* заставил нас взяться за уборку.

Ср., однако, невозможность такого синонимического варианта для предложений: *Болезнь хозяйки* вынудила нас покинуть дом; *Беспомощность старика* заставила нас взяться за уборку.

Очевидно, что возможность подобного преобразования служит критерием разграничения произвольной и непроизвольной каузации, причем надо заметить, что последняя разновидность вообще не типична для каузации действия.

3. Каузация в синтаксисе регулярно обнаруживается не только в предложениях со значением действия, но и в предложениях других типовых значений. Общая ее синтаксическая роль — в том, что она изменяет модели статического класса в модели динамического класса.

Ср. следующие ряды моделей:

Книга под столом. Цветы в вазе. Шуба на вешалке.

У детей (есть) конфеты. Книга у брата.

У школьников праздник. У мальчика грипп. У сестры отпуск.

Брат в солдатах. Отец на фронте. Он офицер.

Все приведенные модели названные в них отношения между предметами и явлениями представляют в статике, сложившимися, вне процесса их становления или возникновения.

Те же отношения могут предстать в динамике, в процессе (или результативной точке процесса) действия некоего субъекта: субъект каузации, каузатор (обозначим его X), делает так, чтобы эти отношения были (положительная, прямая каузация), или так, чтобы этих отношений не было (отрицательная, обратная каузация). Ср.:

а) X бросает (кладет, роняет) книгу под стол. X поднимает (достает) книгу из-под стола (ср.: *Книга не под столом*).

X ставит цветы в вазу. X вынимает (выбрасывает) цветы из вазы.

X вешает шубу на вешалку. X снимает шубу с вешалки (ср.: *Шуба не на вешалке*);

б) X дает (дарит, приносит, предлагает) детям конфеты; X одаривает (одевает) детей конфетами; X отнимает (отбирает) у детей конфеты.

X дает, дарит, вручает книгу брату; X отнимает, берет книгу у брата.

в) X устраивает школьникам праздник; X расстраивает, отменяет у школьников праздник.

X заразил мальчика гриппом; X вылечил (избавил) мальчика от гриппа.

X дает сестре отпуск; X отменяет у сестры отпуск; X отзывает сестру из отпуска.

г) X отдает брата в солдаты; X возвращает брата из солдат.

X посылает (отправляет) отца на фронт; X возвращает отца с фронта.

Х производит его в офицеры; Х разжалует его из офицеров и т. д.

Таким образом, с введением каузатора и его действия, отношения локализованного наличия регулярно преобразуются в каузацию локализации, пространственного перемещения (а), отношения посессивного наличия — в каузацию владения (б), отношения состояния (события) и его субъекта — в каузацию состояния (в), отношения признака (здесь социального положения) субъекта — в каузацию признака (г) и т. п.

Синтаксическая регулярность подобных преобразований конкретно реализуется с помощью более или менее ограниченного круга глаголов для каждой из разновидностей отношений, т. е. на основе тесного взаимодействия грамматических и лексических средств. В преобразованиях проявляется также системность соотношений синтаксических форм имени²³³: *детям — у детей, в солдаты — из солдат, на вешалку — с вешалки* и под.

Хотя мы сопоставили модели по принципу от простой к сложной, в реальности ситуация, представленная в простой модели, часто бывает результатом каузативного действия субъекта: ситуация *Чайник (стоит) на плите* связана причинной и временной связью с ситуацией *Чайник поставлен (кем-то) на плиту*, так же как *Отец на фронте* — с ситуацией *Отец послан (кем-то) на фронт*. Аналогичным образом в авторизованных конструкциях *Он считает сестру красавицей* ситуация *Сестра — красавица* возникает лишь через соответствующее восприятие и оценку субъекта авторизации.

Однако с синтаксической точки зрения важно, что для выражения каждой подобной ситуации система языка располагает соответствующей моделью с необходимым типовым значением. Так что возникающая опосредствованно в процессе речи ситуация ориентирована на существующую модель. Существование модели, предикативно соотносящей те или иные понятия вне каузации и через каузацию, дает основание считать каузированные предложения усложненным типом предложения, хотя двупланность их не так очевидна, как в конструкциях авторизованных. Перфективно-результатирующее значение (*Чайник поставлен на плиту, Книга дана брату*) тонкой гранью отделено от пассивного (*Чайник ставится на плиту, Отец посылается на фронт*), в котором еще не утрачены объектное значение предмета в форме именительного падежа и не названное, но осязаемое значение субъекта-каузатора. В конструкции же статической, из которой элиминирован даже намек на каузатора, имя в именительном — не объект, а субъект ситуации, носитель признака, состояния. Синтаксическая сторона каузации заключается, таким образом, еще и в

²³³ См. выше, стр. 213, ссылку на работу З. Д. Поповой, отметившей системность подобных комплексов падежных форм.

том, что объект каузирующего воздействия становится субъектом выражаемых отношений.

Второе значение двузначной конструкции *Отец отправляется на фронт* (кем-то и сам) подводит нас к следующему ряду соотношений: *Отец отправляется на фронт — Отец отправляет на фронт новобранцев; Отец едет на работу — Отец везет на работу соседа; Отец идет в школу — Отец ведет в школу сына; Отец передвигается с трудом — Отец передвигает шкаф.*

Типовое значение вторых предложений каждой пары квалифицируем как каузацию передвижения предмета. В первых предложениях каждой пары передвигаемый предмет и субъект действия совпадают в одном лице. К подобному случаю удобно применить понятие автокаузации²³⁴.

Собственно, и конструкции с субъектным и объектным инфинитивом соотносятся как автокаузация и каузация действия.

Автокаузативные и каузативные построения противопоставляются как простая и осложненная модели предложений.

Автокаузативным моделям движения, сообщающим о действии активном, целенаправленном, противостоят модели, сообщающие о непроизвольном, нецеленаправленном движении неодушевленных предметов: *Книга падает на пол; Листья слетают с деревьев.* Их можно соотнести как автокаузацию произвольную и автокаузацию непроизвольную. В первом случае действующий субъект А и каузируемый субъект Б совпадают. Во втором каузируемый субъект Б «принимает вид» действующего. Каузатор же, если он назван, выступает в форме «причинного обстоятельства» «от+род. п.» или «из-за+род. п.» и др.: *От толчка книга падает на пол; Из-за неловкого движения книга падает на пол; От порывов ветра листья слетают с деревьев и т. п.*

Целесообразность понятия автокаузации становится еще очевиднее при анализе моделей со значением владения. Здесь способы выражения каузации и автокаузации лексически дифференцированы и соотнесены. Действие *Я беру, покупаю, приобретаю книгу* каузирует мое владение книгой; в результате: *У меня (есть) книга, Я имею книгу.*

Действие *Я даю, продаю, дарю, вручаю книгу товарищу* каузирует ситуацию *У товарища (есть) книга, Он имеет книгу.* В первом случае при автокаузации субъект каузации и субъект владения совпадают, во втором случае это разные субъекты.

Различие между каузацией и автокаузацией сохраняется и при отрицательно-каузативном значении владения: *Я потерял, утратил книгу; Я лишился книги* (ср.: *У меня нет книги*); *Я от-*

²³⁴ Ср. значение, символизируемое *Causi*, в работах Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука; термин «автокаузация» употреблен Ю. Д. Апресяном в статье «Синонимия и конверсивы» (РЯНШ, 1970, № 6).

нял, отобрал, украл у товарища книгу; Я лишил товарища книги (ср.: У товарища нет книги).

Для выражения каузации владения существует еще «отраженно-активная» модель, в которой адресат «давания» выступает как мнимо-активный субъект получения: Я даю товарищу книгу ≈ Товарищ получает, принимает книгу.

Субъект — каузатор «давания» может быть выражен синтаксической формой «от+род. п.». Такие смысловые переходы между разными способами выражения каузативных и автокаузативных, активных и пассивных значений создают серии синонимичных, в том числе конверсивных предложений, связанных инвариантным значением изменения владения. Ср., например: Я отдал книгу брату — Книга отдана брату (мною) — Братом получена книга (от меня) — Брат получил книгу (от меня); Сын послал посылку матери — Посылка послана матери (сыном) — Посылка получена матерью (от сына) — Мать получила посылку (от сына) и т. п.

Как разновидность каузации владения может рассматриваться каузация владения информацией, здесь складываются аналогичные отношения между моделями: Я знаю, узнаю новость, Я получил сведения — примеры автокаузации владения информацией; Я сообщил, рассказал новость брату, Я передал сведения брату — примеры каузации владения информацией. Учить, научить, обучить кого чему — конструкция с тем же каузативным значением, но с иным оформлением компонентов, здесь дательный со значением делиберата, содержания информации, а винительный — со значением каузируемого владельца информации.

При автокаузации владелец информации, лицо, от которого она отчуждается, может быть обозначено с помощью синтаксических форм «у+род. п.» (при активном на него воздействии субъекта) и «от+род. п.» (при пассивной роли субъекта). Ср.: получил от брата (то, что брат дал, послал); получил у брата (обратившись к брату); узнал от Иванова (Иванов сообщил); узнал у Иванова (спросив у Иванова).

Система пассивных синонимических преобразований связана с различной направленностью информативного действия на делиберат и на адресат, отсюда разные синтаксические конструкции. Ср.: Извещаю брата о собрании — Брат извещен о собрании; Сообщаю брату новость — Новость сообщена брату.

4. В семантической структуре большей части переходных глаголов содержится каузативное значение. Вопреки распространенному мнению о синтаксической нерелевантности семантических различий в сочетании переходного глагола с винительным объектным, Академическая грамматика (т. II, ч. 1, стр. 116—117) выделяла группы словосочетаний со значением результативным, производства объекта в результате действия (ср. «каузацию бытия» у Балли) и со значением производимых в объекте измене-

ний (ср. «каузацию признака» у Балли²³⁵), оговаривая при этом чисто лексический характер отмеченных различий. Позднее работы Ю. Д. Апресяна показали связь с синтаксисом подобных семантических различий²³⁶.

В самом деле, не обнаруживаясь в форме словосочетания (или в соответствующей глагольной модели предложения), эти семантические различия определяют вхождение модели в разные ряды регулярно соотносящихся конструкций.

Естественно, каузация, заключающаяся в семантике слова, не является синтаксической каузацией. Но простые модели, образованные каузативными глаголами, соотносительны с усложненными моделями, в которых синтаксическими средствами раскрываются отношения между соответствующими понятиями. Ср.:

<i>X белит стены</i>	≈	<i>X делает стены белыми</i>
<i>X солит грибы</i>	≈	<i>X делает грибы солеными</i>
<i>X точит нож</i>	≈	<i>X делает нож острым</i>
<i>X излечивает больного</i>	≈	<i>X делает больного здоровым</i>
<i>X успокаивает ребенка</i>	≈	<i>X делает ребенка спокойным</i>
<i>X сушит волосы</i>	≈	<i>X делает волосы сухими</i>
<i>X наполняет ведро (чем)</i>	≈	<i>X делает ведро полным (чего)</i>
<i>X моет пол</i>	≈	<i>X делает пол чистым</i>

Если предложения левой колонки представляют модель, сообщаемую о действии субъекта, переходящем на объект, а значение каузации скрыто в семантике глагола²³⁷, то предложения правой колонки, эксплицируя каузативность действия, представляют усложненную модель, сообщаемую о действии субъекта, заключающемся в каузации признака предмета. Средством выражения каузированного признака служит тот же творительный предикативный (ср.: *Стены были белыми; Стены стали белыми*).

Для многих из данных примеров существуют структурно-смысловые параллели с обратно-каузативным значением, ср.: *X тупит нож* ≈ *X делает нож тупым*; *X опустошает ведро* ≈ *X делает ведро пустым*; *X пачкает, грязнит пол* ≈ *X делает пол грязным* и т. д. а также с автокаузативным (прямым и обратным) значением: *Стены загрязнились, потемнели* — *Стены побелели*; *Нож затупился* — *Нож заострился*; *Ребенок заболел* — *Ребенок выздоровел*; *Волосы намокли* — *Волосы высохли* и т. д.

²³⁵ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1956, стр. 124—125.

²³⁶ Ср. плодотворные исследования последнего времени: Fr. Daneš. Pokus o strukturní analýzu slovesných významů. «Slovo a slovesnost», 1971, № 3; I. Kořenský. K problemu vztěšesemantických funkcí nedějových významů českého slovesa (там же).

²³⁷ «...Язык для выражения отношения причинения чаще всего употребляет скрытые приемы» (Ш. Балли. Общая лингвистика..., стр. 124).

Подобные модели представляют ту же произвольную разновидность автокаузации, что и модели типа *Книга падает на пол*: там каузируемый субъект «принимает вид» самодвижущегося, здесь каузируемый субъект «принимает вид» самопроизводящего признака. Каузатор, если он обозначен, и здесь выступает в форме «от+род. п.», «из-за+род. п.» и некот. др.: Ребенок заболел от недоедания, из-за недоедания; Волосы намочили от дождя, из-за дождя, под дождем.

Определение места приведенных моделей в системе структурно-смысловых отношений со всей очевидностью выявляет, что в их составе нет компонентов «действие» и «субъект действия», а есть компоненты «субъект—носитель признака» и «изменение признака, состояния предмета». Значение изменения признака, состояния предмета смыкается с фазисным значением становления признака (ср. *Стены стали грязными, темными, белыми; Волосы стали мокрыми, сухими и т. п.*): синтаксические конструкции, выражающие однородные отношения реальной действительности, составляют общий круг.

Значение «каузации бытия» (прямой: *строить город, класть печь, писать письмо, разбить клумбу, разводить огонь, печь пирог, шить платье* и обратной: *разрушить крепость, взорвать скалу, тушить, гасить пламя, съесть пирог, разбить лампу, рубить лес* и т. п.) не преобразуется непосредственно в усложненную модель простого предложения (*Х строит город ≈ Х делает так, чтобы город был; Х разрушает город ≈ Х делает так, чтобы города не было*. Ср. у Маяковского: *Я знаю, город будет; Х развел огонь ≈ Х сделал так, что огонь есть; Х погасил огонь ≈ Х сделал так, что огня нет*), но соотносительно с моделью бытия, наличия предмета, явления (*Огонь; На берегу огонь; Огонь горит, не погас*. Ср. каузацию бытия: *Рыбаки разожгли на берегу огонь* и авторизацию восприятия: *Огонь на берегу виден издалика; За⁴ позадавшие туристы видят огонь на берегу* и т. п.). Кроме того, соотносительны формы адресата каузативного действия (свободная форма дательного падежа в каузативном предложении) и субъекта-посессора в модели посессивного наличия, ср.: *Х шьет подружке новое платье — У подружки новое платье; Х печет пирог имениннику — У именинника пирог; Х кладет печь соседу — У соседа печь* и т. п.

Автокаузативные предложения бытия смыкаются с фазисными модификациями моделей наличия, ср.: *Огонь разгорается, вспыхивает ≈ Огонь появляется; Огонь гаснет ≈ Огонь исчезает*.

Как разновидность каузации бытия может быть рассмотрена каузация превращения: *И север сам, спеша помочь Красивой нежности и скуке, В день превращал живую ночь* (Блок); см. пример автокаузации превращения: ... и потом *воспоминания переходили в мечты*, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет (Чехов, *Дама с собачкой*); ср. пассивно-результативное значение той же каузации: *Чтоб вечно жили дивные печали, Ты*

превращен в мое воспоминанье (А. Ахматова), а также каузация превращения частей в целое и — обратно — целого в части: *Х связывает цветы в букеты* (составляет букеты из цветов); *Х складывает слова в песню*; *Х стаскивает снопы в копну*; *Х сшивает листки в тетрадь*.

Хотел бы в единое слово я слить мою грусть и печаль (С. А. Мей) (автокаузация: Слова складываются в песни, составляют песню; Голоса сливаются в поток); А мысли между тем слагаются в созвучья, Свободные слова теснятся в мерный строй (А. К. Толстой), Все необъятное в единый вздох теснится (Жуковский. Невыразимое); Боже! когда же сольются потоки В реку одну, как источник один? (А. И. Одоевский, Славянские девы); И сосен, по дороге, тени Уже в одну слились тень (Тютчев).

Х разодрал книжку в клочья; *Х расщепил полено на лучину*; *Х режет тесто на куски*; *Х делит класс на группы* (автокаузация: Класс делится на группы, Книга разодралась в клочья, Меч рассыпался в пыль).

Субъектом — производителем произвольной каузации признака и бытия может быть компонент, включающий название действия (состояния) и его носителя. Существуют два способа его представления: либо каузатором выступает действие, а носитель — его определением (*Приезд друзей украсил праздник*), либо место каузатора занимает обозначение лица, а название действия — орудийную позицию (*Друзья своим приездом украсили праздник*): О милых спутниках, которые наш свет Своим присутствием для нас животворили, Не говори с тоской: их нет, А с благодарностью: были (Жуковский).

Место агенса-лица в каузации признака и бытия может занимать имя с конкретно-предметным или отвлеченным значением: *Огнетушитель гасит огонь — Ветер гасит огонь*; *Динамит разрушает скалы — Время разрушает скалы*; *Грабли рыхлят землю — Влага рыхлит землю*; *Бульдозер разравнивает дорогу — Шаги прохожих разравнивают дорогу*.

Очевидна дифференцированность двух разновидностей. Предмет-каузатор оказывается орудием в руках лица-каузатора, принимая одну из орудийных форм: *Огонь гасят огнетушителем, с помощью огнетушителя, при помощи, посредством огнетушителя*; *Землю рыхлят граблями, с помощью грабель и т. п.*

Явление-каузатор несочетаемо с лицом-каузатором, оно может принимать форму «от + род. п.», обозначающую источник непроизвольного воздействия на предмет, источник состояния предмета в автокаузативных конструкциях: *От ветра гаснет огонь*; *От времени разрушаются скалы*; *От влаги земля становится рыхлой* (разрыхляется); *От шагов прохожих дорога становится ровной* (разравнивается); Так мгновенные создания Поэтической мечты Исчезают от дыхания Посторонней суеты (Боратынский); Я ль не робею от синего взгляда? (Есенин).

Ср.: *Злость делала совсем раскосыми и без того нерусские глаза Скутаревского* (Леснов, Скутаревский) — *От злости глаза делались раскосыми*; *Разнообразие впечатлений делает жизнь полнее* (Паустовский, Кара-Бугаз); *Один твой тихий вид всех делает добрей* (А. К. Толстой).

Ср. также возможность для имен стихийных явлений и технических средств выступать каузатором в орудийной форме при безличной форме глагола: *Ветром погасило огонь* (но не: *Влагой разрыхлило землю*) (об этих предложениях см. выше, стр. 168).

5. Разграничение произвольной и непроизвольной каузации помогает в определении типовых значений моделей предложения. Каузатор произвольный остается действующим субъектом, агентом, тогда как каузатор непроизвольный, даже при глагольном предикате, не производит действия, а является носителем признака или состояния. В этом снова находит подтверждение соотносительность реальных свойств предметов и грамматического поведения их наименований. Неодушевленные предметы и явления обнаруживают свое существование, свои признаки, но неспособны к произвольному, активному действию.

В следующем классе каузативных конструкций роль каузатора принадлежит отвлеченным понятиям, а объектом их воздействия является живое существо, в котором каузируется то или иное состояние, названное в глагольном компоненте конструкции:

Его дерзость ужасала ее (Пушкин, Пиковая дама); *Весна живит его* (Пушкин, Евгений Онегин); *Давно небывалое появление гостей в Васильевском и встревожило и обрадовало старика* (Тургенев, Дворянское гнездо); *Шопот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормой меня раздражали* (Тургенев, Ася); *Хаджи-Мурата, очевидно, удивил этот звон* (Л. Толстой, Хаджи-Мурат); *Душу тайная жажда томит* (Некрасов); *Известие, принесенное Матрешкой, поразило Заплатину как громом* (Мамин-Сибиряк, Приваловские миллионы); *Черный ветер меня успокоит, Веселит золотой листопад* (А. Ахматова).

В отличие от рассмотренных выше каузативных конструкций, располагающих разновидностями произвольной и непроизвольной каузации, данный тип каузативных отношений представляет, как правило, каузацию непроизвольную.

Каузатор, выраженный отвлеченным именем (события, явления, качества, состояния), своим существованием или осуществлением вызывает непроизвольную реакцию лица — объекта воздействия каузатора и вместе с тем субъекта каузированного состояния.

Вариант конструкции непроизвольной каузации возникает, когда истинный каузатор — признак, возбуждающий реакцию каузируемого субъекта, — отделяется от своего носителя и занимает орудийную позицию, а носитель этого признака оказывает

ся мнимым каузатором: Он ужасал ее своей дерзостью; Сын радовал мать своими успехами; Он испугал ее своим появлением; Дети раздражали его шумливостью; Жена тревожит меня молчанием; Он оживил всех своей шуткой.

И ты красотою дивила (Некрасов, Мороз Красный нос); Че-столюбивой позолотой не ослепляя наших глаз, Она [чаша] не суетной работой, не резьбою пленяет нас (Пушкин); Птицы смешат меня своими хитростями (Горький, В людях); Деньги, должно быть, забавляли его своей внешностью (Там же).

Лицо в позиции агенса не является здесь агенсом, за исключением тех случаев, когда оно намеренно вызывает соответствующую реакцию.

Автокаузативные конструкции организуются из следующих компонентов: субъект — носитель состояния, состояние и, обычно, каузатор в форме дательного, творительного орудийного или в каузативных формах родительного с предлогами *от*, *из-за*, а также в форме «благодаря+дат. п.»: Она ужасалась его дерзости; Хаджи-Мурат удивился этому звону; Мать радовалась успехам сына; Он раздражался из-за шумливости детей; Я тревожусь из-за молчания жены; Все оживились от его шутки, благодаря его шутке и т.д.; Мы пленились красотой сосуда.

Князь Верейский радовался ее восхищению (Пушкин, Дубровский); Некоторые дамы изумлялись ее выбору (Пушкин, Арап Петра Великого); И сам искусству своему Селим неволью ужаснулся! (Лермонтов, Измаил-Бей); Скоро он уже сам начал дивиться чудной быстроте и бойкости своей кисти (Гоголь, Портрет); Я очень удивился его упрямству (М. Горький, Детство).

Глаголы, обозначающие каузируемое состояние, соотносительны с рядом фразеологических сочетаний, образуемых вспомогательными глаголами: *вызывать*, *будить*, *возбудить*, *пробудить*, *разбудить*, *рождать*, *породить*, и отвлеченными именами, названиями чувств, состояний²³⁸. Каузируемый субъект состояния выступает при этом в конкурирующих формах *в ком*, обозначающей «вместилище» чувства, состояния, и *у кого*, обозначающей посессора «отчуждаемого» чувства²³⁹, либо в оборотах *в чьей-то душе*, *в чьем-то сердце* конкретизирующих вместилище чувства:

²³⁸ Экспериментально установлена сочетаемость перечисленных глаголов с 50 названиями чувств, вне отношения к проблеме каузации, см.: М. М. Копыленко. К экспериментальному изучению сочетаемости лексем.—ВЯ, 1965, № 2. См. также: Л. Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства.— В кн.: «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 13. М., 1972.

²³⁹ В современной разговорной и газетной речи части контаминации форм *у кого* и *в ком*, означающих каузируемый субъект состояния: *воспитывать послушание в детях и у детей*, *возбуждать интерес у кого и в ком*, *вызывать ненависть у кого и в ком* (см. материалы в ст.: К. Флекенштейн. Некоторые замечания о глагольном управлении в современном русском языке.—РЯШ, 1970, № 3).

Ее смущение, усталость *В его душе* родили жалость (Пушкин, Евгений Онегин); *В душе моей* одно волнение, А не любовь пробудишь ты (Боратынский, Разуверение); Если будут умиляться и восторгаться авторы,—это, конечно, хорошо для них, но для журнала будет лучше, когда авторы научатся вызывать восторг у читателей (Горький, О литературе); Письмо твое вызвало у меня беспокойство («Пионер. правда», 15 окт. 1963).

При каузативных фразеологических сочетаниях *причинять огорчение, доставлять удовольствие, радость, беспокойство* каузируемый субъект принимает форму дательного, а отглагольное имя каузатора может быть соотносительно с инфинитивом: *Игры на воздухе доставляют детям большое удовольствие; Играть на воздухе доставляет детям большое удовольствие.*

Двучленность каузатора, обозначение отвлеченного признака и его носителя, становится необязательной, если состояние каузируется явлением в наиболее абстрактном смысле, отвлеченном от носителя: Тихий человек возмущается *крутой резкостью* (Чернышевский), или в том случае, если каузирующие свойства предмета имплицитно выражены в самом его названии, ср.: *Нищие, голодные, больные* ее занимали, тревожили, мучили... (Тургенев, Накануне).

Каузатор состояния может быть не включен в предложение, если значение его ясно из контекста, из конситуации. Реактивный характер подобных состояний, вызванных обычно внешним раздражителем, предполагает наличие этого раздражителя, т. е. каузатора.

Сравним два ряда каузативных предложений, не полностью укомплектованных:

1) <i>Ее тревожит...</i>	} Что?	2) <i>Гроза тревожит.</i>
<i>Ее увлекает...</i>		<i>Новое увлекает.</i>
<i>Ее тяготит...</i>		<i>Долги тяготят.</i>
<i>Ее радует...</i>		<i>Праздник радует.</i>

Очевидная смысловая незаконченность предложений первого ряда и возможная достаточность предложений второго ряда свидетельствует о большей информативной весомости каузатора, чем субъекта каузации. Это можно объяснить установленной выше (см. раздел о категории лица) синтаксической значимостью неназванности субъекта состояния (но не «подлежащего»). Незазванный субъект каузируемого состояния и здесь, в предложениях второго ряда, имеет обобщенно-личное значение, а глаголы обозначают узуальное свойство данного каузатора.

Сопоставив каузативные и автокаузативные конструкции, например:

<i>Музыка увлекает его</i>	—	<i>Он увлекается музыкой</i>
<i>Картина восхищает его</i>	—	<i>Он восхищается картиной</i>
<i>Новость радует его</i>	—	<i>Он радуется новости</i>
<i>Боль мучает его</i>	—	<i>Он мучается от боли,</i>

приходим к выводу о первичности моделей второй колонки, автокаузативных, на основании соответствия в них реального субъекта состояния грамматическому. Выдвижение в позицию грамматического субъекта имен неодушевленных предметов и явлений, не способных быть реальным субъектом действия и состояния, каузативная функция этих имен свидетельствуют о вторичности, усложненности состава предложений первой колонки²⁴⁰.

6. Разные виды каузации — перемещения, владения, бытия, признака, состояния — не сочетаются между собой, но все сочетаются с каузацией действия: любой каузативный глагол может занять место объектного инфинитива при диктальном глаголе с модально-волеитативным значением и, при одушевленном субъекте-каузаторе, даже на последующих ступенях усложненной поликаузативной конструкции, например:

Мальчик кладет книгу на стол — Мать просит мальчика положить книгу на стол — Хозяин просит мать уговорить мальчика положить книгу на стол; Мальчик дает книгу сестре — Мать просит мальчика дать книгу сестре — Хозяин велит матери убедить мальчика дать книгу сестре; Мальчик точит нож — Мать запрещает мальчику точить нож — Хозяин убеждает мать не запрещать мальчику точить нож.

Фрау Леноре... дозволила Джемме... дать ей напиться воды с флердоранжем (Тургенев, Вешние воды); Ты умеешь делать золотыми Серые осенние дожди (В. Солоухин).

Поликаузативность невозможна при отвлеченном каузаторе: *Похолодание не огорчило спортсменов — Похолодание не заставило спортсменов огорчиться; Его дерзость ужаснула ее — Его дерзость заставила ее ужаснуться.*

Точно так же каузация действия может включать в себя авторизованные конструкции: *Работа удовлетворительна — Рецензент признает (считает, находит) работу удовлетворительной — Начальник убеждает рецензента признать работу удовлетворительной; Он обманщик — Товарищ назвал его обманщиком — Совесть не позволила товарищу назвать его обманщиком — Соседи уговорили товарища назвать его обманщиком.*

Если авторизацию мы назвали рамочным способом взаимодействия моделей, то при каузации модели взаимодействуют ступенчатым способом.

Однако в речи часто наблюдается другого типа взаимодействие между видами каузации, по существу это взаимодействие

²⁴⁰ Ср. иное решение аналогичного вопроса Ю. Д. Апресяном («Экспериментальное исследование семантики русского глагола», стр. 50), где ядерными признаются предложения на основании более простого морфологического строения глаголов. В связи с этим интересно замечание И. А. Мельчука, который, вопреки морфологии, считает глаголы *радовать, спешить* и т. д. производными в сравнении с соответствующими возвратными формами, поскольку они имеют значение 'заставлять кого-л. радоваться, спешиться' (И. А. Мельчук. К понятию словообразования. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1967, № 4, стр. 356).

между лексикой и грамматикой. Структурная модель каузативной конструкции одного вида, включая в себя категории слов, семантически связанных с каузацией другого вида, подчиняет свое значение этой семантике. Ср., например, включение отвлеченных имен качества, признака в модель каузации владения: *Писатель передал книги библиотеке, Писатель наделил детей яблоками и Писатель придал герою благородство, Писатель наделил героев разными пороками*. Название качества в роли каузируемого объекта владения, вместо конкретного предмета, заставляет всю конструкцию выражать каузацию качества, ср. *Писатель делает героя благородным, порочным и т. п.* См. примеры:

Кипренский решил всю прелесть пушкинской поэзии вложить не в лицо поэта, бывшее в то время утомленным и даже чуть желтоватым, а в его глаза и пальцы. Глазам художник сообщил почти недоступную человеку чистоту, блеск и спокойствие, а пальцам поэта придал нервическую тонкость и силу (Паустовский) — каузация признака в моделях каузации владения, владения информацией и перемещения: *Художник сообщил глазам чистоту, блеск и спокойствие, придал пальцам тонкость и силу, вложил (не) в лицо прелесть поэзии*; Так или иначе, каждому окну придана тем самым некая величественность и горделивость в выражении (В. Солоухин), ср.: *Выражение каждого окна сделано величественным и горделивым* (каузатор — лицо неопределенное, глагольная форма — с перфектно-результативным значением). Он говорил в едва заметной малороссийской манере, что придавало его речи мягкость и даже вкрадчивость (Б. Окуджава, Бедный Авросимов), ср.: *что делало его речь мягкой и вкрадчивой*; Иногда мне казалось, что он [Севастополь] скучнеет, сереет и теряет живописные приметы (Паустовский, Время больших ожиданий) — отрицательная автокаузация владения выражает автокаузацию признака.

7. Итак, каузативные построения служат способом синтаксического осложнения всех основных моделей русских предложений, вводя в них дополнительный предикативный план.

Поскольку само явление каузации выделяется на структурно-семантической основе, разновидности каузации должны быть определены в соответствии со структурно-смысловым значением каузируемой модели²⁴¹.

Система каузативных конструкций организуется противопоставлением в каждой разновидности: 1) автокаузации и каузации, 2) прямой (положительной) и обратной (отрицательной) каузации, 3) произвольной и непроизвольной каузации. Эти противопоставления определяют и разграничивают способы

²⁴¹ Ср. разграничение каузации бытия и других абсолютных признаков, каузаций локальных отношений и каузации принадлежности в работе: Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.

выражения компонентов каузативных конструкций в их взаимных отношениях и синтаксических вариантах.

Анализ каузативных конструкций способствует разграничению первичных и осложненных моделей предложения, дифференциации их с точки зрения типовых значений, установлению структурно-смысловой роли тех или иных синтаксических форм имени в построении моделей, связанности определенных форм с определенными каузативными разновидностями, а также отделению явлений каузации от явлений авторизации.

Традиционный термин «объектный предикатив», называющий разные способы осложнения предложения, с одной стороны, необоснованно разделяет однородные с субъективным предикативом явления (например: *Он выбран секретарем* — и *Его выбрали секретарем*), с другой — объединяет явления разнородные по своему структурно-смысловому характеру на основании общности их морфологического выражения. Так, среди примеров объектного предикатива из цитировавшейся выше статьи А. С. Попова²⁴² могут быть выделены следующие способы предикативного осложнения предложения:

авторизация квалифицирующая (*Он считал товарищей глупее себя*, Горький; *Елизавета Киевна считала его гениальным*, А. Н. Толстой; *Ты называл Кумова наивным*, Горький; *Студенты-первокурсники объявили себя эсерами и эсдеками*, Горький; *Его выбрали секретарем Комитета*, Гринин);

авторизация восприятия (*Злым я Чехова никогда не видел*, Бунин);

авторизация обнаружения, осложненная каузацией бытия (*Пьер нашел в том же приказе назначение князя Андрея Болконского командиром егерского полка*, Л. Толстой);

каузация признака (*Вагоны делали похожими на дилижансы*, В. Некрасов; *По ночам сияет полная луна, делая снег розовато-голубым*, Куприн; *Черное платье делало ее моложе и красивее*, Бунин).

Дифференцированность явлений каузации и явлений авторизации см. на примере из басни Крылова «Кукушка и Орел», где противопоставлены каузация квалифицирующей авторизации и каузация бытия, превращения, каждая из которых осложнена еще автокаузативным модальным значением: *Кукушку Соловьем честить я мог заставить, Но сделать Соловьем Кукушки я не мог*.

Анализ явлений авторизации и каузации, представляющих сферу комбинаторики моделей, показывает основные способы взаимодействия моделей, структурные возможности и содержание усложненных предложений, рассматриваемых как результат этого взаимодействия.

²⁴² Определение объектного предикатива через недостаточно определенные понятия традиционной грамматики («второстепенный член предложения, находящийся в зависимости одновременно и от сказуемого и от прямого дополнения» (А. С. Попов. Объектный предикатив в современном русском литературном языке.—РЯНШ, 1967, № 3, стр. 82) не убеждает в принадлежности рассматриваемого компонента к второстепенным членам, не вскрывает ни особого характера его «зависимости», ни особого значения «сказуемого», ни особой природы «дополнения».

К ТИПОЛОГИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФОРМ ИМЕНИ

Рассмотрев основные вопросы строения предложения, вернемся к квалификации падежных и предложно-падежных форм имени существительного.

Установленные во II главе три основных функциональных типа синтаксических форм имени (свободные, связанные и обусловленные) получили свою характеристику с точки зрения синтаксических свойств слов и форм слов, соответственно их отношению к словосочетанию и предложению в его первичном составе.

Изучение распространенных и усложненных структур предложения выявляет синтаксические формы имени более сложной природы.

1. Прежде всего это синтаксические формы имени с производными предлогами, большей частью те, которые образуются от отглагольных имен или употребляются при отглагольных именах. Не утраченное, хотя и ослабленное, лексическое значение предлога сближает их со свободными формами, делая возможным употребление многих форм с производными предлогами в заголовках: *В качестве документа* («Изв.», 11 марта 1970); *В порядке предложения* (стихотв. С. Смирнова); *С помощью ультразвука* («Изв.», 19 янв. 1963); *В целях укрепления единства* («Правда», 21 ноября 1970) и под.

Строгость конструктивных условий функционирования некоторых из этих форм — как компонентов определенных типов предложений на второй ступени членения — сближает их с обусловленными формами.

Отмечалась функциональная близость между некоторыми производными предлогами и союзами.

В целом конструкции с производными отыменными и отглагольными предлогами — продукт потребностей усложненного предложения, и этим определяется специфика их функционирования²⁴³.

Некоторые синтаксические формы, образованные отглагольными именами с первичными предлогами, также функционируют лишь как средства усложнения модели предложения. Так, форма «при+предл. п.» со значением темпорально-условным (*При нагревании тела расширяются*), выражая «отношение действия к действию» (Шахматов), не способна употребляться в I синтаксической функции. Ср. способность других категорий имен существительных в той же падежно-предложной форме, но со значением времени и места (*При луне. При дворе*) функ-

²⁴³ Особый характер синтаксических форм с производными предлогами и предложными сочетаниями, отличие их от других свободных форм «и по стилистической судьбе, и по семантике, и по структурным особенностям» отмечены Л. Ю. Максимовым в рецензии на одну из работ автора (РЯНШ, 1969, № 3, стр. 89).

ционировать и в заголовках и в качестве компонентов предложений: Кто при звездах и при луне Так поздно едет на коне? (Пушкин); Стар, государь, я нынче; при дворе что делать мне? (Пушкин).

2. Целый ряд синтаксических форм имени несет на себе двойную структурно-смысловую нагрузку, так как функционируют в условиях взаимодействия моделей. К ним относятся творительный вторичной предикации, винительный при ряде авторизующих и каузативных глаголов и др. (*застать его в тревоге, видеть его спящим, считать его другом, расценивать поступок как ошибку, находить ее красивой, заставить ее плакать, делать дорогу ровной и под.*). Синтаксические условия их употребления не позволяют рассматривать их наравне с управлением омонимичных глаголов связанными формами (*считать деньги, делать игрушки, находить утерянные вещи*) и с так называемым двойным управлением приставочных переходных глаголов, располагающих падежные формы однолинейно, на уровне словосочетания (*накинуть платок на плечи, вынести вещи из комнаты, вложить ключ в замок*). Двойная функция винительного и других подобных форм в усложненных моделях предложения делает эти формы компонентами предложения, в отличие от омонимичных им связанных форм, остающихся внутрисоставными присловными распространителями.

2.1. После рассмотрения взаимодействия моделей и особенно явлений, связанных с каузацией, становится возможным более очевидно показать дифференциацию омонимичных синтаксических форм имени. Так, в форме винительного падежа, объединяемой обычно под рубрикой прямого дополнения, различаются по структурно-смысловым свойствам:

а) винительный объекта действия, представляющий собой связанную форму, управляемую переходным глаголом определенной семантики (*читать газету, надеть очки, курить трубку* и под.);

б) винительный субъекта состояния, при некоторых глаголах состояния (чаще физического) — обусловленная форма, образующая первый из двух взаимообусловленных центров предложения (*Меня знобит, лихорадит, тошнит, воротит, трясет*) и при некоторых модально-волекативных глаголах, сочетающихся с инфинитивом или отглагольными словами (*Меня подмывает встать; Меня тянет уйти; Меня клонит в сон*); в отличие от управляемого, винительный субъекта стоит в ряду синонимических форм выражения состояния (*У меня озноб, лихорадка; Я в ознобе, в лихорадке; Мне тошно; Мне хочется встать, уйти, спать*);

в) винительный субъекта — носителя признака — обусловленная форма, организующая модель в сочетании с именительным названием признака, с помощью вспомогательных глаголов определенной семантики (*Работу характеризует многословность;*

Его отличает самоуверенность); находится в ряду синонимичных способов выражения субъекта — носителя признака (*Работа многословна; Работе присуще многословие; Работа отличается многословностью; Ему свойственна самоуверенность* и т. п.);

г) винительный с двойной нагрузкой при авторизирующих и каузирующих «переходных» глаголах²⁴⁴; со значением объекта авторизации — каузации и со значением субъекта авторизируемой или каузируемой модели (*Сестру находят красивой; Его считают лентяем; Расцениваю это как неосторожность; Заставляю его работать; Делаю юбку длинной*); соотносителен с именительным при условии элиминации каузирующей или авторизирующей модели;

д) винительный в конструкциях каузации состояния, совмещающий значения объекта каузирующего воздействия и каузируемого субъекта состояния (*Меня тревожит отсутствие писем; Известия радуют его; Поведение сына огорчает ее*); винительный в подобных каузативных конструкциях соотносителен с именительным субъекта состояния без элиминации каузатора: *Я тревожусь из-за отсутствия писем; Он радуется известиям; Она огорчается поведением сына, из-за поведения сына*).

Аналогичным образом дифференцируются некоторые формы творительного падежа, обычно объединяемые в общий разряд объектных распространителей глагола (см., например, Акад. грамматика, т. II, ч. 1, § 31). Анализ каузативных конструкций позволяет выделить среди них две разновидности форм:

а) творительный каузатора состояния, составляющий компонент предложений соответствующего типового значения (*Он возмущается несправедливостью; Он увлекается поэзией; Он тяготится зависимостью; Он пленяется красотой; Он интересуется астрономией; Он умиляется ее наивностью*); соотносителен с именительным каузатора в синонимичных предложениях (*Его возмущает несправедливость; Его увлекает поэзия; Его тяготит зависимость; Его пленяет красота; Его интересует астрономия*²⁴⁵; *Его умиляет ее наивность*);

б) творительный связанный, с объектно-делиберативным значением, управляемый глаголами *любоваться, восторгаться, наслаждаться, гордиться, хвалиться, хвастаться, гнушаться*; занимает внутрикомпонентную позицию глагольного распространителя, не располагая синонимическими возможностями выйти из присловной позиции.

²⁴⁴ По существу, должен быть пересмотрен вопрос о «переходности» авторизирующих и каузирующих глаголов; выше показано, что их синтаксическая реализация состоит не в присоединении объекта, а в «скреплении» двух моделей и что отношения их с одноименными переходными глаголами входят в плане омонимии или полисемии.

²⁴⁵ Конструкции *Он занимается шахматами* и *Его занимают шахматы* утрачивают соотносительность из-за расхождения лексических значений глаголов.

3. Особый тип синтаксических форм имени представляют формы с «двуслойным» значением другого рода. Предложно-падежный облик этих форм определяется их дополнительным, вторичным смысловым значением, которое объединяет формы с различными структурно-смысловыми функциями. Синтаксические же функции этих форм обусловлены соотносительностью с функциями основных форм, лишенных дополнительного значения. Общей для этих соотносительных форм, несмотря на различия в падежно-предложном оформлении, остается семантическая категория имен.

Показательным представителем «двуслойных» синтаксических форм имени может служить форма «по + дат. п.», значение которой обычно квалифицируется как «распределительное»²⁴⁶. Между тем приводимые примеры не однозначны, в них одновременно с распределительным можно обнаружить значения объектное (ср. *им дали по рублю — дали (что?) рубль*), меры (ср. *получал по рублю в день — получал (сколько?) рубль в день*), цели — направления движения (ср. *ездил по гостям — ездил (куда? зачем?) в гости*).

Сопоставим конструкции:

а) Приехали делегаты от школ	— Приехало по делегату от школ
б) У всех книги	— У всех по книге
в) Взять лопаты	— Взять по лопате
Съесть кусок	— Съесть по куску
Получить письма	— Получить по письму
г) Ночевать у родственников	— Ночевать по родственникам
д) Бегать к соседям	— Бегать по соседям
Ходить в магазины	— Ходить по магазинам
е) Работать в праздники	— Работать по праздникам
Читать ночью	— Читать по ночам
Заниматься час	— Заниматься по часу
Стоить рубль	— Стоить по рублю

По горизонтали пары соотносительны по общему смыслу (о различиях речь будет ниже) и по синтаксической структуре. Существительные в этих парах, различающиеся предложно-падежным оформлением, выполняют одну и ту же синтаксическую роль. Форма «по + дат. п.» из правого столбца соотносительна с именительным субъекта действия в примере «а», с именительным объекта владения в примере «б», с винительным прямым объекта при переходных глаголах в примерах «в»²⁴⁷, с разными

²⁴⁶ См., например: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 298.

²⁴⁷ Соотносительность формы «по + дат. п.», служащей для выражения субъекта — объекта, с именительным и винительным падежами рассматривалась В. Н. Сидоровым и И. С. Ильиной в плане сопоставления номинативного и эргативного строя языков («К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском литературном языке» — «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4).

предложно-падежными формами, обозначающими место действия и цель — направление движения в примерах «г», «д», с формами, обозначающими время действия, и с винительным меры в примерах «е».

Характер и теснота связи в парных конструкциях одинаковы. Неправа Академическая грамматика, утверждавшая, что присоединение к глаголу имени существительного в дательном падеже с предлогом *по* во всех подобных случаях факультативно (т. II, ч. I, § 79). При переходных глаголах форма «*по* + дат. п.» занимает место винительного прямого объекта и так же обязательна. Другая сторона дела — что эта форма не задана, не выводится сама по себе из значения глагола. Но этим лишь подтверждается изложенное выше (см. гл. II) наблюдение о том, что необходимость распространения глагола и форма этого распространения обуславливаются разными факторами.

Сопоставим по вертикали примеры второго столбца. Каждая из форм «*по* + дат. п.» имеет свое структурно-смысловое значение, соотносительное со значением парной ей формы первого столбца, но, кроме того, все они имеют в своем значении нечто общее. В значение объекта, места, времени и др. под. привносится еще значение количественное, которое можно назвать *распределительно-множественным*.

Количественное значение здесь может относиться и к субъекту (*каждый получил по рублю* — некоторое множество субъектов), и к объекту (*получил по рублю на каждого или от каждого* — некоторое множество объектов), и к характеру протекания действия (*ездил по соседям, работал по воскресеньям* — часто, постоянно, неоднократно), и к пространственным отношениям (*разложил по столу, разбросал по полу — по всему столу, по всему полу*, более полный охват названного пространства, чем *на столе, на полу*).

Таким образом, в значении этих форм обнаруживаются два слоя: первичный, основной слой — их функционально-синтаксическое значение, осуществляя которое они участвуют в построении речи, и вторичный слой, это количественное, распределительно-множественное значение, накладывающееся на основное. В словарях, в толковании предлога *по* эти два слоя обычно смешиваются.

Отличен и способ реализации вторичных значений, точнее, таких двуслойных, усложненных значений падежных форм.

Если формы существительных из примеров первого столбца реализуют свое функционально-синтаксическое значение в словосочетании или в предложении без всяких дополнительных условий, то для соответствующей им формы «*по* + дат. п.» нужны дополнительные условия, структурно-смысловые или хотя бы контекстно-смысловые. Распределительно-множественное значение предполагает, что некоторому множеству предметов, названных в форме «*по* + дат. п.», коррелирует другое множество предметов,

с помощью определительного или субстантивированного местоимения *каждый*, либо другим способом обозначающее в предложении субъект, адресат, источник, меру времени (*каждый взял по лопате, он взял по лопате каждому, на каждого, для каждого, от каждого, делал по лопате каждый час, по лопате в час*)²⁴⁸. Названному в форме «*по+дат. п.*» множеству предметов или временных отрезков может коррелировать многократность действия, выраженная средствами глагольного формообразования либо другими способами (*ездить по гостям, читать по ночам, читать каждую ночь, заниматься по часу в день, по часу ежедневно* и т. п.). См. примеры:

По торговым селам, По большим городам Я недаром жила, Огородник лихой (Некрасов, Огородник); *У каждого* помещика Сто гончих в напуску; *У каждого по дюжине* Борзовиков верхом (Некрасов, Кому на Руси жить хорошо); Не скажу никому, От чего я весной *По полям и лугам* Не собираю цветов (Кольцов, Русская песня); Необходимо расширить и сеть фильмотек, чтобы в каждой области их было по три — пять («Неделя», 1963, № 41); Таким образом, каждой буквы будет по несколько экземпляров («На уроке и после урока», Учпедгиз, 1962); *На каждой* сосульке по яркому солнцу! (В. Солоухин, Зима).

Таким образом, распределительно-множественное значение выражается при наличии определенных семантико-грамматических условий и при поддержке других семантико-грамматических средств²⁴⁹. Более того, поскольку это значение само оказывается распределенным между этими средствами, форма «*по+дат. п.*» зачастую становится необязательной среди них, избыточной. Ср.: *каждый взял по лопате и каждый взял лопату, бегал по соседям и бегал ко всем соседям, постоянно бегал к соседям, обегал соседей* и т. п.

Сейчас *у каждого* из них в грудной клетке бьется *третье по счету сердце* («Изв.», 22 ноября 1968; заголовок *По третьему сердцу*).

Степень обязательности формы «*по+дат. п.*» усиливается в тех случаях, когда глагол включается в конструкцию распределительно-множественного значения с помощью приставки *раз-* (*посадить учеников на места — рассадить учеников по местам, отвести гостей в комнаты — развести гостей по комнатам*). Большая жесткость конструкции (переходный глагол с приставкой *раз-*+вин. мн. прямого объекта+*по+дат. мн.*) соответствует здесь большей строгости в выражении распределительного значения: каждому по одному.

²⁴⁸ Ср. у Пешковского: «предлог обозначает, что действие многократно переходит на предмет, названный в дательном, который сам при этом материально всякий раз возобновляется» (указ. соч., стр. 298).

²⁴⁹ Ср. анализ условий сочетаемости конструкции типа *по рюмке* с глаголом в статье: С. Каролак. Проблема синтаксической позиции элементов языка. — ФН, 1962, № 2.

Очевидно, количественные значения и в других падежных формах имен существительных должны быть выделены в особый, вторичный слой. Родительный партитивный целиком соотноситель с семантически и синтаксически с винительным прямого объекта, представляя собой столь же необходимое объектное распространение тех же переходных глаголов, лишь привнося в значение объекта вторичное количественное (частичное) значение: *купил молоко — купил молока, требовал деньги — требовал денег*.

Аспекты количественных оттенков различны, но выражение их в разных случаях требует родительного вместо винительного. Так, в сочетании *ищу книги*, параллельном *ищу книги*, взаимодействие категорий неопределенности и квантитивности означает количественное расширение круга объектов, в устаревших вариантах *дай ножичка, одолжи револьвера* (Чехов) употребление родительного объяснимо оттенком количественного ограничения времени пользования предметом.

Количественное значение действия и количественное значение объекта находятся в отношениях взаимной корреляции. На это обратил внимание еще Н. П. Некрасов, который писал: «Как скоро действие представляется имеющим отношение к количеству, то всегда предмет, мыслимый количественно, ставится после глагола в родительном падеже — чем бы количественный смысл предмета ни обуславливался»²⁵⁰.

Эта взаимная корреляция количественных значений особенно наглядна в тех случаях, когда глаголы приобретают количественные оттенки с помощью приставок, например, приставки *по-*, придающей глаголу значение неполной меры действия, совершаемого в течение короткого времени, и приставки *на-*, придающей значение полноты действия (ср. *есть хлеб, нюхать табак — поесть хлеба, понюхать табаку; сажать цветы, собирать грибы — насаждать цветов, набрать грибов*). Сюда же примыкает группа непереходных глаголов с приставкой *на-* и аффиксом *-ся*, придавших глаголам значение полной завершенности действия (ср. *пить воду, читать книги — напиться воды, начитать-ся книг*). См. пример корреляции количественных и распределительных значений: *Он настроят дымных келий по уступам гор* (Лермонтов, Спор).

Взаимная количественная корреляция распространяет свое действие на отношения глагола не только с объектом, но и с субъектом: Только минут морозы упорные И *весенних гостей налетит* (Некрасов)²⁵¹; *Нашло гостей со всех волостей* (Погов.); А ведь в Петербурге кажинный божий день *народу намрет*, как *снегу с подворотни навьет* (Г. Успенский, Квитанция).

Некоторые формы творительного падежа также являются носителями вторичных количественных (совокупно-множествен-

²⁵⁰ Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 41.

²⁵¹ Пример Л. А. Булаховского («Курс русского литературного языка», т. I. Киев, 1952, стр. 293).

ных) значений, распределенных в соответствующей конструкции. Ср. конструктивный ряд «действие (каузация владения) — адресат — объект» с его вариантами, различающимися оттенками количественных значений: *дать, подарить детям яблоки — дать, подарить, надарить детям яблок — подарить детям по яблоку — одарить детей яблоками, оделить, наделить, снабдить детей яблоками.*

Ср. также: *рассыпать зерно на полу — рассыпать зерно по (всему) полу — засыпать (весь) пол зерном — усыпать (весь) пол зерном* и т. п., где *зерно*, оставаясь объектом действия, меняет падежную форму в конструкциях, в которые привнесено количественное значение.

Вовлечение в систему выражения вторичных количественных значений разнопорядковых языковых средств — и лексических, и словообразовательных, и морфологических, и собственно синтаксических, — реализация этих средств в составе предложения, — все это делает невозможным изучение подобных явлений на уровне словосочетания. Не усложняя структуры предложения, падежные формы с двуслойными значениями могут быть целиком осмыслены лишь в системе синтаксиса предложения.

Существительные с лексическим значением единицы измерения и субстантивированные числительные могут пополнить вторичный «количественный слой» средствами выражения приблизительного количества, создавая предложно-падежные формы, способные продолжить тот же функциональный ряд:

Получил рубль — по рублю — около рубля; Работал неделю — по неделе — около недели — с неделю; Ему сорок — около сорока — за сорок — под сорок; Вес агрегата — тонна — около тонны — порядка тонны и т. п. (последняя форма, из профессионально-технического языка, получает распространение в общелитературном. Ср., например: *Этому старику порядка девяноста лет* (Телепередача, 24 июля 1970, выступл.).

Однако вторичным является здесь лишь оттенок приближенности, а возможности синтаксического функционирования форм определяются общим их количественным значением, которое создается корреляцией только лексического значения имени и предлога: *Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд* (Крылов, Огородник и Философ); *Около тысячи человек спали вместе* (Гоголь, Тарас Бульба); *Около десяти часов вечера она пришла в себя* (Лермонтов, Бэла); *С неделю тому назад французы получили сапожный товар и полотно* (Л. Толстой, Война и мир).

Таким образом, в системе падежных значений русского языка существуют определенные ряды синтаксических форм имени с одинаковыми конструктивно-смысловыми функциями. Во главе такого ряда стоит форма, осуществляющая данную функцию «в чистом виде», а за ней — ее варианты, осложненные разного рода количественными оттенками. Для каждого варианта

должны быть изучены как способы его образования, так и условия употребления.

С точки зрения типологии падежных форм надо признать, что разными слоями или разными сторонами своих значений они входят в разные объединения, так что классификации их не укладываются в двухмерные таблицы, а могут быть представлены пучками, либо концентрическими и пересекающимися кругами, либо другими графическими образами. Важно, что структурно-смысловые значения падежных (в том числе предложно-падежных) форм имени не располагаются в одной плоскости, этим определяются трудности их систематизации.

В особый слой падежных значений выделится и родительный падеж при отрицании, как функциональный вариант винительного прямого объекта и — реже — винительного меры (*прочитал книгу — не прочитал книги, поработал час — не поработал часа*)²⁵².

Изучение этого соотношения в рамках словосочетания не оправдано ни теоретически, — поскольку сами явления отрицания и утверждения — это категории предложения, коммуникативной ступени синтаксиса, ни результативно, — поскольку объяснение условий выбора конкурирующих форм родительного — винительного при отрицании не может быть найдено без учета особенностей языкового и речевого строения предложения.

Итак, соотношенность двуслойных синтаксических форм имени с составом предложения — пусть проявляющаяся в разной степени и в отношении разных его элементов — делает правомерным изучение этих форм в синтаксисе предложения.

4. Своеобразный тип синтаксических отношений в строе предложения представляют формы имени, связанные с комплексным обозначением предмета и его атрибута — как лица и его постоянного признака, как посессора и его принадлежности, как целого и его части.

В отличие от других предложно-падежных форм, обозначающих признак предмета и выступающих как несогласованные определения к именам существительным, а также, в силу обратимости предикативно-атрибутивных функций, способных быть

²⁵² О соотношении родительного и винительного падежей как позиционных вариантов в русском, польском и литовском языках см.: Д. С. Станишев а. О падежных вариантах. «Славистичен сборник», София, 1963, стр. 40; Т. В. Булыгина. Некоторые вопросы классификации частных падежных значений. — В кн.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961, стр. 258; А. М. Мухин. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.—Л., 1964, стр. 262; А. А. Зализняк рассматривает количественный вариант прямого объекта (*Дай мне чаю/чая*) как второй винительный падеж («Русское именное словоизменение». М., 1967, стр. 44—45). В изданной выше статье В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской высказывалось предположение, что глагольные конструкции с родительным падежом при отрицании и с родительным неполного количества оказываются «сходными по построению» с конструкциями распределительными.

предикатом, формы, о которых идет речь, в том виде, в котором они встречаются в предложении, не могут соединиться между собой ни в атрибутивном аналоге словосочетания, ни в предикативном союзе. В предложении они вступают как результат «уплотнения» и «преобразования» отношений целого и части, субъекта и объекта владения, субъекта и его признака. Назовем эти формы преобразованными и расположим по характеру их выражения.

4. 1. Форма «с+тв. п.» от существительных отвлеченных, обозначающих качество, свойство, от существительных конкретных, обозначающих составную часть, принадлежность, как не-пременный элемент включает в свой состав притяжательное местоимение, помещается в постпозиции к определяемому имени²⁵³, но не составляет с ним аналога словосочетания, оставаясь в положении синтаксически обособленного компонента, даже если это обособление пунктуационно не выражено. Нередко значение признака осложняется причинным или уступительным оттенком:

Немой, недвижный перед нею Я совершенный был дурак *Со всей премудростью моею* (Пушкин, Руслан и Людмила); И я любовь узнал душой *С ее небесною оградой. С ее мучительной тоской* (Там же); Старинный сад с его *стриженными липами...* ему не понравился (Пушкин, Дубровский); Вижу отсюда, как вы, с *вашим покойным, никогда не смущающимся взором*, качаете головой (Гончаров, Обыкновенная история); То она говорила себе, что только она *с своею порочностью* могла думать это про них (Л. Толстой, Война и мир). Кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский завещал нам еще цельный, живой образ, который останется навсегда, наряду с лучшими созданиями гениальнейших поэтов. Этот образ — он сам, с его *страстной жаждой истины, с его исканиями и искренностью* (Короленко о Белинском): Какая это милая, ласковая, чистая красота, какое изящество, эти «касаточки» с их *молниеносным летом, с розово-белыми грудками, с черно-синими головками и такими же черно-синими острыми, длинными, крест-накрест складывающимися крылышками и неизменно счастливым щебетаньем!* (Бунин, Жизнь Арсеньева); Снова остановки на главных площадях небольших деревушек с их *византийской церквушкой, с маленьким провинциальным кафе, с крохотной, но все же неоновой надписью над входом* (Ю. Колпинский, По Греции и Италии); Сибирь, республики Средней Азии, Казахстан и Дальний Восток с их *гигантскими природными ресурсами и огромными территориями* займут важное место в осуществлении планов коммунистического строительства («Правда», 13 окт. 1961).

²⁵³ Пример исключения: *Татьяна... с ее холодной красою любила русскую зиму* (Пушкин).

По существу, рассматриваемая форма представляет дополнительный предикативный план, усложняя таким образом основную модель предложения. Отношения между обозначаемым ею признаком и определяемым предметом в первичной модели могли бы быть выражены следующими способами: *Она порочна, Ей свойственна порочность; Он искренен, Ему присуща искренность; У вас покойный взор; У него страстная жажда истины; У ласточек черно-синие крылышки; У Сибири (в Сибири) гигантские ресурсы; В саду стриженные липы; В деревушках — византийские церквушки и т. д.*

Близкие по типу отношения выражаются также формой «в+предл. п.» со значением характеризующего признака, часто включающей, помимо притяжательного местоимения, еще и обобщающее местоимение *весь*:

...[Художественное произведение] ставит своей целью изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни *во всей их значительности, полноте и ясности...* (Горький); *Если бы ее [устную речь] записать механическими приборами во всей ее неприкосновенности...* (Л. В. Щерба, О тройном аспекте...); Маленькая повесть Вадима Кожевникова не претендует на то, чтобы стать зеркалом, вобравшим в себя всю полноту нынешней полосы нашей жизни, *во всей ее насыщенности, напряженности* («Лит. газета», 29 ноября 1962); ...написать куриловскую жизнь *во всей сложности обстоятельств* (Л. Леонов, Дорога на океан); Кричат они: — Какой верна присяге, царевна, ты — *в суровости своей?* (Б. Ахмадулина, Несмеяна).

4.2. Предмет обозначается трехэлементной конструкцией:

I — название предмета (обычно одушевленного),

II — название его части (обычно части тела)²⁵⁴,

III — название предмета, чаще конкретного и отчуждаемого, представляющего собой комитативный (сопровождающий) признак и локализованного относительно части.

I элемент принимает форму соответственно своей роли в предложении, II — соответственно способу локализации, III — форму «с+тв. п.». Примеры:

Скупой с ключом в руке От голода издох на сундуке (Крылов,

²⁵⁴ Ср.: «Самостоятельного семантико-синтаксического статуса термины частей тела не имеют и входят в виде фрагмента в семантико-синтаксический подкласс слов с признаком «неотчуждаемость» (А. Е. Михневич. О взаимодействии семантики и синтаксиса. — ФН, 1969, № 6, стр. 106). А. Е. Михневич высказывает далее предположение о том, что понятийная категория отчуждаемости/неотчуждаемости находит выражение в языковой категории постоянного/переменного признака (там же, стр. 108). Можно думать, что регулярность семантико-синтаксических комплексов, связанных с выражением категории неотчуждаемости в терминах частей тела, подкрепляет ее языковые позиции. Ср.: И. Пете. Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. «Русский язык за рубежом», 1970, № 2.

Скупой); И вот она в саду моем Явилась барышней уездной
С печальной думою в очах, С французской книгою в руках (Пуш-
 кин, Евгений Онегин)²⁵⁵; Шабашкин, с картузом на голове, сто-
 ял подбочась... (Пушкин, Дубровский); В белом платье, с нерас-
 плетенными косами по плечам, она тихонько подошла к столу...
 (Тургенев, Дворянское гнездо); Шла проселком молодая баба с
 котомкой за спиной (Слепцов, Питомка); Я глянул вдоль ал-
 лен — и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пу-
 хом на голове (Тургенев, Воробей); Отец с биноклем в руках
 вышел на палубу (Гайдар, Судьба барабанщика); ср. также:
 Пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях (Горь-
 кий, Песня о Соколе).

В конструкции реализуются три типа отношений: неотчуж-
 даемой принадлежности, части целого: *Руки — отца, Клюв — во-
 робья. Перья — Сокола*; отчуждаемой либо неотчуждаемой при-
 надлежности или комитативного признака: *У Татьяны книга,
 Татьяна — с книгой; У бабы котомка, Баба — с котомкой; У Ша-
 башкина картуз, Шабашкин с картузом, в картузе; У нее косы,
 Она с косами*; локализации комитативного признака: *Книга в ру-
 ке, Котомки за спиной, Косы по плечам, Пух на голове*.

В строе предложения эти первичные способы выражения
 отношений между предметами преобразуются, создавая полу-
 предикативную определительную конструкцию сложного соста-
 ва. Ср.: *В плетеной качалке — девушка. В руке блюдец с клуб-
 никой* (Шолохов, Тихий Дон) и возможное уплотняющее пре-
 образование *девушка с блюдцем в руке*.

4.3. С отношениями целого и части, посессора и принадлеж-
 ности связано включение в предложение определенных форм
 имени субъекта, которые искусственно втискиваются некоторы-
 ми грамматистами в рамки словосочетания.

Если в предложении сообщается о чем-то локализуемом
 по отношению к части тела субъекта, части одежды, к предмету
 или лицу, находящемуся в посессивном отношении к субъекту,
 имя этого субъекта вводится в предложение в форме «у+род. п.»

²⁵⁵ В поэзии Пушкина встречаются обороты, квалифицируемые как галлициз-
 мы, где третий элемент подобной конструкции стоит в форме имени-
 тельного: *Когда, с угрозами и слезы на глазах, Она меня гнала, брани-
 ла и прощала: Как сладко жизнь моя лилась и утекала!* («Андрей
 Шенель»).

В современной прозе некоторые авторы применяют подобного рода не-
 зависимые обособленные обороты. См., например: И, кажется, чуть отодви-
 нулась незнакомая девушка в сарафане, в босоножках, *развернутая кни-
 га — на коленях* (Ю. Бондарев, Тишина); Усталый старик, *глаза в темных
 мешках*, он сидел за столом Карабаша и, чуть улыбаясь, читал «объясне-
 ние», написанное Гохбергом (Ю. Трифонов, Утоление жажды); Вскинув
 подбородок, грудью вперед, черный берет воинственно держится на свет-
 лых волосах, на лице *детски наивное, решительное выражение*, прибли-
 жалась она (В. Тендряков, За бегущим днем); Две жалких кобыленки,
кожа да кости, окровавленные бока, вытянутые шеи, — скользят подковами
 по мокрому настилу (В. Некрасов, В окопах Сталинграда.).

или дательного падежа (а также посредством родительного принадлежности или притяжательного местоимения):

Снег скрипит *у нас под ногами* (Ю. Казаков, Голубое и зеленое); Я бился *в руках у него*, дергал рыжую бороду, укусил *ему палец* (Горький, Детство); *У меня* недавно бабушка умерла (Горький, Мои университеты); *Гимнастерки у бойцов* мокрые насквозь (В. Некрасов, В окопах Сталинграда); *У нашего героя* шумело в голове и пальцы дрожали (Б. Окуджава, Бедный Авросимов); И трепещет, как дивная птица, Голос твой *у меня над плечом* (А. Ахматова); В пору нашей ранней юности... Пушкин все же занимал большую часть *нашей души*, чем *у молодежи нынешней*. Он был *у нас на устах* (Твардовский, Слово о Пушкине); Однако, табачный дым начал выедать *мне глаза* (Тургенев, Лебедянь); Все *лицо и руки* залепил *мне снег* (И. Суриков, Детство); Он внезапно зажег свет, резко ударивший *ей в глаза* (Бунин, Мадрид); Вторая горячая слеза упала *ему на лицо* (Паустовский, Золотая роза).

Показательно, что каждая из двух именных форм, вводящая субъекта-посессора, заменима притяжательным местоимением²⁵⁶, но между собой они обычно не являются взаимозаменяемыми, так как употребляются в предложениях разных значений.

Форма «у + род. п.» включается в предложения с широким значением наличия, статичного явления, локального, ненаправленного действия, при статичной форме имени, обозначающего часть; форма дательного — в предложениях со значением действия, направленного на субъекта-посессора (часто с оттенком: в пользу или во вред ему), при ориентированной форме имени, обозначающего часть. Ср.:

Волосы легли ей на плечи — *Волосы лежали у нее на плечах*; *Держал ребенка у себя на коленях* — *Посадил ребенка себе на колени*. Совпадать обе формы могут изредка при обозначе-

²⁵⁶ Ср. В примерах из «Детства» Горького: Огромный Шарп... *заглядывал в лицо ей* веселым глазом; Я прижимался к ней, *заглядывая в глаза ее*, онемевший от волнения; Волос *у нее* было странно много, они густо *покрывали ей плечи, грудь, колени*; Однажды он, наклонясь ко мне и *покрыв* мягкой бородою *плечо мое*, сказал прямо в ухо...

Эти и другие примеры соотносительности средств выражения притяжательных отношений см. в статье: Г. А. Золотова. Беспредложные глагольные словосочетания с зависимым дательным. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской». т. С. 1961, вып. 6, стр. 13. Р. Зимек («К структурному пониманию предложения». — CsR, 1967, № 2, стр. 47), называя подобную форму дательного вторым компонентом, обозначающим посессора, указывает на возможность замены его родительным принадлежностью или притяжательным местоимением. Соотношение дательного с притяжательным местоимением отмечается также М. Греглем в его статье «К сущности типов предложений в славянских языках» (ВЯ, 1967, № 5, стр. 65).

Обстоятельно исследованы синонимические отношения конструкции «у + род. п.» в статье: R. Mrázek, I. Brym. Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou u. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», IX, 1962, 10.

ния субъекта состояния: *Мне глаза щиплет — У меня глаза щиплет; Мне горло дерет — У меня горло дерет; «Мой друг, мне уши заложило» (Грибоедов) — У меня уши заложило*²⁵⁷.

Очевидно, дополнительным условием употребления формы «у + род. п.» при обозначении направленного действия является оттенок лишения, удаления, отделения. Так, в нормальном для немецкого предложении *Ветер сорвал ему шляпу с головы*²⁵⁸ для русского естественной является форма *у него*, а не *ему*. Однако и это условие требует дальнейших уточнений²⁵⁹.

Важно, что указанные формы, обозначающие субъекта-посессора, с формами, обозначающими его часть или принадлежность, составляют определенный комплекс в семантическом отношении, но с точки зрения синтаксических связей они не образуют ни словосочетания, ни аналога словосочетания²⁶⁰. В син-

²⁵⁷ В устных диалогах форме «у + род. п.» свойственна еще, по-видимому, функция своеобразного зачина, «заявления о себе» вступающего в разговор собеседника, которую отразил С. Михалков в известном детском стихотворении «А что у вас?»: — *У меня в кармане гвоздь... — А у нас в квартире гость... — А у нас сегодня кошка родила вчера котят и т. д.* Ср. примеры из записей устной речи: *У меня у дочки завтра день рождения* (1970); *А у нас у физички сегодня платье такое моднущее* (1968). Ср. также: — *Вот у меня*, — говорил он [Чартков], обращаясь обыкновенно к посетителям, — *этот портрет я написал в два дня, эту головку в один день* (Гоголь, Портрет).

Интересны не опубликованные еще материалы И. Н. Кручинной из русских сказок, а также из писем и отчасти из художественных произведений Л. Н. Толстого, свидетельствующие об отсутствии иерархического различия целое/часть в определенных сферах речи: *С моей женой случилось с первым же ребенком нездоровье* («Крейцера соната»); *Мне это было тщеславью лестно* (письмо, 1885); *Отрежь у меня у левой руки мизинец; У нас у государыни сын с ума сошел; Подходит к барыне к окну* (И. Я. Худяков, Великорусские сказки, 1964). Автор благодарит И. Н. Кручиннину за возможность сослаться на эти примеры.

Ср. диалектологические записи: *У нас сьмавар — труба худая* (Ряз.); *Мальчик — вот сейчас пятнадцатый гадок пашел* (Ряз.); *Наша старая карова — голос у ей лидачий* (Ряз.-Курск.) (из кн.: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953, стр. 143).

²⁵⁸ *Der Wind riß ihm den Hut vom Kopf* (см.: Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Л., 1962, стр. 451), где подобная структура трактуется как предложение с многочленным добавлением: вин. объекта + пространственное дополнение (Raumergänzung) + дат. объекта.

²⁵⁹ Р. Мразек и И. Брым в указанной статье, сопоставляя следующие пары предложений: *Ему отняли ногу — У него отняли фабрику; Врач вырвал мне зуб — Он вырвал у меня из рук книгу, а также — Врач вырвал у меня по ошибке здоровый зуб*, формулируют условия употребления дательного при глаголах отделения следующим образом: «дательный обязательен — вместо ожидаемой формы «у + род.» — тогда, когда отделение постигает интегральную часть целого живого существа и осуществляется в соответствии с объективной необходимостью, с намерения пациента, без момента «отчуждения».

²⁶⁰ На комплексный характер подобных словоформ обратил внимание Ю. Д. Апресян («Экспериментальное исследование семантики русского глагола», стр. 159—161). Им справедливо отмечено наличие семантической и отсутствие непосредственной синтаксической связи между элементами комплек-

таксические связи внутри данного предложения вступает лишь элемент, обозначающий часть, форма его определяется соответственно его синтаксической ролью. Элемент же, обозначающий целое, т. е. субъекта-посессора, входит в предложение в своей собственной форме (точнее, в одной из двух возможных) и в пословные связи не вступает²⁶¹. Эта самостоятельность его формы не дает оснований считать его дополнением, комментом, объектом.

4.4. Аналогичны отношения — как в семантическом плане, так и в синтаксическом — в комплексах, обозначающих вертикальное измерение пространства через части тела. Название части тела, служащей «мерой», выступает в форме «по + вин. п.» либо «до + род. п.» обычно в составе предиктирующего компонента. Имя субъекта-посессора включается в предложение в форме дательного падежа либо в виде притяжательного местоимения:

Внукам-шалуншкам по колено снег (Блок, *Ветхая избушка*); *Снег рыхлый по колено ей* (Пушкин, *Евгений Онегин*); *Вот вода уже людям по колени, выше, по пояс* (Казакевич); *...Где вода была пехоте по колено, грязь — по грудь* (Твардовский, *Василий Теркин*); *В снегу до колен его ноги* (Некрасов, *Мороз Красный нос*); *Ноги его были по щиколотку* в воде (А. Н. Толстой, *Хлеб*); *По локоть руки* в красном золоте, *По колени ноги* в чистом серебре (Даль) (*кому, чьи, у кого* — зависит от применения пословицы, еще пример синтаксически значимой невыраженности субъекта).

Близки по характеру отношений комплексные обозначения времени и пространства: название расстояния, направления и название точки отсчета:

Стоял по грудь в воде В двух шагах от дома (Твардовский, *Василий Теркин*); *Опрокинутый истомой, Теркин дремлет на спине, От беседы в стороне* (Там же); *За несколько верст до Ессентуков* я узнал близ дороги труп моего лихого коня (Лермонтов, *Княжна Мери*); *За полчаса до бала* явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира (Там же); *Ряд киосков закрывается за полчаса до окончания работы* в учреждениях («Правда», 9 янв. 1967);

4.5. Вторичное обращение к вопросам типологии синтаксических форм имени (ср. гл. II) вызвано необходимостью восполнить представления о синтаксических функциях имени на основе

са. Что же касается и непосредственной связанности каждой из словоформ с глаголом, наш анализ этого не подтверждает.

²⁶¹ Р. Мразек и И. Брым в указанной статье (стр. 106) квалифицируют форму «у + род. п.» в рассматриваемых конструкциях как конструктивный, необходимый элемент. В отличие от них Ю. Д. Апресян (указ. соч., стр. 160) находит ее факультативной. Очевидно, что отсутствие ее в соответствующих построениях, как и других конструктивных способов выражения субъекта, синтаксически значимо, оправдано контекстом или конституцией речи.

анализа тех синтаксических связей, которые возникают и реализуются в составе предложения. «Дело в том, что в строе предложения синтаксические связи между словами, характерные для основных типов словосочетаний, расширяются и пополняются иными видами и типами связей», — указывал В. В. Виноградов²⁶².

Ни теория словосочетания, грешившая принудительностью сведения слов в пары и уплощением более сложных отношений между ними, ни учение о второстепенных членах, «связанное с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основанное на грамматических принципах»²⁶³, не удовлетворяют требованиям углубленного изучения всего многообразия живых синтаксических связей слов и систематизации этого многообразия.

Из факта физической линейности человеческой речи, с необходимостью развертывающейся во времени и воспринимающейся как некоторая последовательность²⁶⁴, не должно вытекать представление об однолинейности синтаксических связей или зависимостей в речевой цепи, которое находит выражение в построении схем, нивелирующих качественно различные типы связей.

Возможности более глубокого изучения и обобщения типов и видов синтаксических связей открывает исследование семантических и синтаксических взаимоотношений между элементами синтаксических конструкций с точки зрения осуществления конструкции в целом и ее составными элементами коммуникативного назначения речи.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВА И КОМПОНЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Синтаксические формы слова мы определили как первичные синтаксические единицы языковой системы, как такие грамматические видоизменения одного и того же слова, которые, сохраняя одно и то же лексическое содержание, своей лексико-грамматической структурой выражают разные синтаксические потенции, разные виды функциональных свойств. Элементами структуры синтаксической формы слова, как сказано выше, яв-

²⁶² «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 97.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ См.: «Всякий язык находит свое проявление в линейно оформленных высказываниях, представляющих собой то, что часто именуется речевой цепью. Эта линейная форма языка человека в конечном счете зависит от его звукового характера: высказывания, состоящие из звуков, с необходимостью развертываются во времени и с необходимостью воспринимаются на слух как некоторая последовательность» (А. Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», III. М., 1963, стр. 380).

ляются категориальное, обобщенное значение слова и словоизменительные средства, включая предлоги. Дифференциация типов синтаксических форм слова вытекает из способности их участвовать в построении речи в I, II или III основных синтаксических функциях.

Вступая в предложение на основании своих функциональных, комбинаторных свойств, синтаксические формы слова приобретают статус структурно-семантических компонентов предложения разной конструктивной значимости. Семантика компонентов соответствует категориальным значениям их денотатов в реальной действительности, так же как типовое значение образуемой ими модели соответствует тому или иному типу отношений и связей, установленных общественным сознанием в объективной действительности.

Таким образом, роль в предложении той или иной синтаксической формы определяется ее функциональными свойствами, но при этом важно, что существует взаимообусловленность между функциональными свойствами синтаксической формы и ее семантикой. Иначе говоря, в синтаксическом функционировании синтаксических форм слова, в закономерностях комбинаторики их в предложении находят отражение соотносительность языка и внеязыковой действительности.

Не случайно связанным формам имени, выступающим в III функции внутрикомпонентного распространителя и не способным быть конструктивными компонентами предикативного минимума, присуще значение объекта: категория объекта в реальной действительности производна от категории действия, объектная функция предмета возникает лишь в результате приложения к нему действия.

Точно так же неконструктивная, внутрикомпонентная роль принадлежит формам, определяющим качество предмета или действия, денотаты которых в реальности не существуют самостоятельно, вне соответствующих предметов и действий. Однако в отличие от компонентов с объектным значением компонент со значением признака силой предикативного акта может быть поставлен и в позицию конструктивного элемента модели, односоставное и двусоставное предложения: *Была лунная ночь— Ночь была лунная (лунной)*.

Соответственно отношениям и свойствам реальных явлений роль агенса, предмета действующего, и в синтаксисе осуществляется главным образом формами имен, называющих живые существа. Живые существа оказываются и субъектами предложений, сообщающих о физических или душевных состояниях. Неживые предметы, опредмеченные действия, качества, состояния в синтаксисе, как и в действительности, обычно выступают не деятелями, а носителями качественных и количественных, локальных и темпоральных признаков или каузаторами других действий, состояний, качеств.

В каждом слове заключен тот или иной комплекс синтаксических форм, соответственно прежде всего категориальному значению денотата данного слова или, что то же, соответственно семантическому значению того более или менее широкого подкласса, разряда слов внутри части речи, к которой данное слово принадлежит. Для каждого компонента той или иной семантики существуют определенные способы его оформления соответственно словоизменительным и словообразовательным средствам языка.

2. В отличие от синтаксических форм слова, представляющих синтетическую или аналитическую форму одного знаменательного слова, компоненты предложения могут состоять из двух знаменательных слов, основного и вспомогательного (*хочу встать, силится понять, готов заплакать, стал добрее, начинает таять; проводить проверку, отличается благоразумием, находится в городе* и т. п.). Подобные компоненты — продукт структурно-семантических модификаций первичной модели предложения или ее стилистических вариаций. По установленной выше тенденции структурно-семантических модификаций к взаимодействию количество вспомогательных слов в составе подобного компонента может возрастать до двух — четырех (*пытается начать говорить, старается сделаться другом, может продолжать работать, должен оставаться последним, рад прекратить ссору, в силах оказывать помощь, обязан начать производить посадку* и под.). При этом, однако, не возникает распространенного, с внутренним членением, компонента, синтаксические формы вспомогательных слов лишь модифицируют в семантическом или стилистическом отношении значение компонента, выраженного синтаксической формой основного знаменательного слова.

Даже выйдя за пределы предложения, например, в заголовочную позицию (ср.: *«Попытка ревности»* — название стихотворения М. Цветаевой, *«После попытки переворота»* — «Изв.», 27 марта 1970, *«Уметь быть полезным»* — «Сов. культура», 28 марта 1970 и под.), подобные компоненты не являются собой «чистого» словосочетания, они остаются модифицированным синтаксическим компонентом: остается в силе и вспомогательность модифицирующего слова и потенциальность субъекта, отношение которого к действию названо вспомогательным словом. Избирательность с обеих сторон самих лексических категорий, вступающих в подобное сочетание, также обусловлена способностью тех или иных моделей к модально-фазисным модификациям.

Вместе с тем возможность собственного распространения вспомогательных слов в составе модифицированного компонента предостерегает от упрощенного подхода к ним. Ср., например: *изо всех сил старается быть добрым*. Конечно, вспомогательные слова — не служебные, модифицирующее категориальное значение в них неотделимо от индивидуального лексического значения,

Таблица

К соотношению понятий «члены предложения» и «структурно-смысловые компоненты предложения»

Признаки Примеры	Морфологические	Синтаксические				Семантические		Компонент	Член предложения	Соотношение между ними
		синт. форма слова	функция	тип связи	место в порядке слов	категориальный разряд				
Ребенок ломает игрушки Его ломает Ему грустно Ему нравятся Маши Маши верит ему Он радуется отцу	Им. п.	Обусл.	II	Сопр. (согл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект д.	Подлеж.	+	
	Вин. п.	Связ.	III	Управл.	Постпоз.	Сущ.	Объект д.	Дополн.	+	
	Вин. п.	Обусл.	II	Сопр. (несогл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект сост.	Дополн.	-	
	Дат. п.	Обусл.	II	Сопр. (несогл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект сост.	Дополн.	-	
	Дат. п.	Обусл.	II	Сопр. (несогл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект отн.	Дополн.	-	
	Им. п.	Обусл.	II	Сопр. (согл.)	Постпоз.	Сущ.	Объект отн.	Подлеж.	-	
	Им. п.	Обусл.	II	Сопр. (согл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект сост.	Подлеж.	+	
	Дат. п.	Связ.	III	Управл.	Постпоз.	Сущ.	Объект	Дополн.	+	
	Им. п.	Обусл.	II	Сопр. (согл.)	Препоз.	Сущ. личн.	Субъект сост.	Подлеж.	+	
	Дат. п.	Связ. кауз.	II—III	Упр./Кауз.	Постпоз.	Сущ. отвл.	Субъект сост. Каузатор	Дополн.	-	

это последнее акцентируется, усиливается в сравнительно редких случаях их собственного распространения.

Те модели, по отношению к которым понимание модифицированного компонента вступает в противоречие с традиционным членением предложения на подлежащее и сказуемое (*Началось потепление* — ср.: *Начало теплеть*), мы называли квазидвусоставными. Препозиция вспомогательного глагола при нейтральном порядке слов подтверждает их структурно-смысловую однокомпонентность. В речи, при изменении нейтрального порядка, они могут подвергаться иному членению, — об этом см. в следующей главе.

3. Выдвинув понятие компонента предложения, следует соотнести его с традиционным понятием члена предложения²⁶⁵.

Чтобы определить, на основании каких признаков квалифицируются члены предложения и компоненты предложения, представим анализ нескольких примеров в виде таблицы (см. стр. 316).

Сопоставление данных таблицы позволяет сделать следующие выводы:

1) Квалификация членов предложения основывается главным образом на морфологических признаках. Семантические признаки (семантическая роль в предложении) учитываются лишь тогда, когда соответствуют морфологическим; когда нет соответствия — квалификация производится вопреки семантическим признакам. Из синтаксических признаков учитываются типы связи, но понимаемые недостаточно дифференцированно, синтаксическая же функция не учитывается.

2) Квалификация структурно-смысловых компонентов основана на совокупности соответствующих друг другу семантических и функционально-синтаксических признаков, с учетом морфологической формы. При этом оппозиции формальные соответствуют оппозициям содержательным.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ИСТОРИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Многие изменения, наблюдаемые в синтаксисе русского языка на протяжении XIX—XX вв., находят объяснение с точки зрения изложенного понимания структуры предложения. Целый ряд фактов, зарегистрированных исследователями, говорит в пользу того, что идет процесс дифференциации средств выражения типовых значений, уточнения условий сочетаемости структурно-смысловых элементов, условий включения тех или иных синтак-

²⁶⁵ На необходимость различать компоненты предложения и члены предложения указывал В. Н. Мигирин («Принципы изучения членов предложения», — ФН, 1961, № 3, стр. 52), но понятие компонента в данном контексте нуждается в более точном определении.

сических форм в те или иные модели. Активно проходит процесс становления обусловленных синтаксических форм имени, выступающих в роли одного из организующих центров предложений определенной структуры.

Так, в предложениях типа *Хлопот Мартышке полон рот* (Крылов), *Деньги ему солома* (Сухово-Кобылин) и под. дательный субъекта устарел, уступил место синтаксическим формам «у + род. п.» в первом случае и «для + род. п.» во втором потому, что за дательным закрепилось значение субъекта внутреннего состояния (организующего компонента моделей для соответствующего типового значения), форма «для + род. п.» развила значение субъекта критерия в двусоставных оценочных предложениях (ср. *Деньги для него солома*)²⁶⁶, а форма «у + род. п.» укрепляется в значении субъекта обладания как организующего компонента моделей предложений, сообщающих о наличии чего-то (в каком-то количестве), ср. *У мартышки хлопот полон рот*.

Закреплением в предикативно-организующей позиции синтаксической формы «у + род. п.» со значением субъекта состояния или субъекта обладания (предметом или признаком, характеризующим его) может быть объяснено отмеченное Н. Ю. Шведовой параллельное сосуществование соотносительных форм предложений с последующим возобладанием в них «конструкции принадлежности»:

*Они были с багровыми
лицами*

Он с другими привычками

Дети в скарлатине

Я в насморке

Я в деньгах

Он будет в 200 тыс. дохода

*Я буду в возможности
содержать себя*

Он счастливого ума

У них были багровые лица

У него другие привычки

У детей скарлатина

У меня насморк

У меня (есть) деньги

У него будет 200 тыс. дохода

*У меня будет возможность со-
держивать себя.*

*У него счастливый ум и под.*²⁶⁷

²⁶⁶ Ослабление позиций дательного субъекта и расширение употребительности родительного с предлогом для за счет дательного в литературном языке XIX в. на большом материале установлено в «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» (Изменения в системе простого и осложненного предложения. М., 1964, стр. 250 и др.). Справедливее, однако, видеть в этом процессе не «стирание семантических различий» между названными конструкциями (стр. 250), а напротив, дифференциацию как их значений, так и условий сочетаемости. Кроме того, развитие новых значений у формы «для + род. п.» неверно рассматривать «в системе глагольных и именных словосочетаний» (там же): синтаксическая форма «для + род. п.» в значениях субъекта оценки и критерия не вступает в словосочетания, она — типичный распространитель предикативной основы предложения.

²⁶⁷ «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и осложненного предложения», стр. 166, 169, 172, 180.

С середины XIX в. наблюдается становление синтаксической формы «с + тв. п.» как одного из двух предикативно-организующих центров предложений, содержащих оценку положения, названного этой формой (*С ремонтом благополучно; С семенами все в порядке; С дисциплиной неважно; С билетами неудача; С отпуском не везет* и пол.)²⁶⁸.

Развитие новых конструктивно-смысловых возможностей формы «с+тв. п.», так же как и формы «у+род. п.», связано с выкристаллизовыванием и активизацией соответствующих структур предложений.

Вместе с тем процесс этот свидетельствует о реализации потребности в дифференцированном синтаксическом выражении категорий субъекта активного, действующего, и субъекта пассивного, косвенного, носителя состояния или признака, ср.:

Она красивого лица	}	У нее красивое лицо
Она с красивым лицом		
Он в группе	}	У него групп
Работа не ладится		С работой не ладится
Нервы не в порядке		С нервами не в порядке
Здоровье неважно		Со здоровьем неважно
Женщине плохо		С женщиной плохо и т. п.

Синтаксическая форма «в+предл. п.» во второй половине XIX в. закрепляется в позиции второго предикативно-организующего центра двусоставных именных предложений со значением выявления содержания понятия: *Основа этого — наша дружба* > *Основа этого — в нашей дружбе; Корень этого тот, что* > *Корень этого в том, что* и т. п. С закреплением синтаксических форм, организующих данный тип предложения, растет употребительность этого типа, особенно в его перспективно-побудительной разновидности²⁶⁹.

Синтаксическая форма родительного количественного закрепляется в позиции предикативно-организующего элемента структуры предложения со значением «предмет и его количественная характеристика». Занимая эту позицию, имя существительное обнаруживает тенденцию к разрыву словосочетательных связей и из разряда форм управляемых, связанных, переходит в разряд форм обусловленных (ср.: *Было только четыре мальчика — Мальчиков было только четыре; Здесь три проблемы — Проблем здесь три*):

Ради бога, постарайся уверить их, что женихов на свете не один (С. фон Ф., Путешествие критики); — Какие ребятенки? — А внуки. Их у меня числа нет (Бунин, Князь во князьях); —

²⁶⁸ Подробно см. в сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка» (М., 1966, стр. 147—173).

²⁶⁹ См. разграничение ретроспективного и перспективно-побудительного подтипов двусоставных именных предложений в статье автора (сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 275—302).

У нас, и правда, *девать некуда* было этой самой *малаги* (Бунин, Суходол); *Молока — залейся* (Твардовский, Родина и чужбина); Я не исследовал ночную багамскую экзотику и «преlestи» за неоновыми вывесками «найт-клубов», *которых здесь пруд пруди* («Неделя», 1963, № 26); *Горячих слов...* было хоть *отбавляй* («Комс. правда», 13 апр. 1963 г.); Да их, *приключений*, у нас не одно, *густо...* (Б. Филев, Пороги); У нас *девчат хороших — табунами ходят* (Ю. Бондарев, Тишина).

Тот же процесс утраты словосочетательных грамматических связей в структуре предложений, сообщающих о количестве чего-то, наблюдается у предикативно-значимых фразеологизмов, обозначающих количество. Ср.: *Покупщиков отбою нет* (Крылов, Паук и Пчела) и: *У ней от женихов отбою нет* (Мамин-Сибиряк); *У меня гостей — хоть пруд пруди* (Чехов, письмо Н. А. Лейкину) и: *Родственников и старух, которыми на всяких родинах хоть пруд пруди*, тут не видно (Чехов, Необыкновенный) ²⁷⁰.

Уточнение синтаксических условий построения предложения, а следовательно, и становления синтаксических форм проявляется также в координации значений действия — состояния — качества между предикативной основой и распространяющими ее синтаксическими формами. Так, на протяжении XIX в. за причинной формой «от + род. п.» закрепляется значение каузатора состояния и, следовательно, способность участвовать в предложениях глагольных и безглагольных, в том числе безличных, сообщающих о состоянии, изменении состояния и под. За формой «из + род. п.» закрепляется значение состояния, свойства как активного стимула к действию и, следовательно, способность включаться в предложения глагольные, но не в безличные, не в именные. Синтаксическая форма «из + род. п.» в значении внутреннего стимула к действию, так же как и синтаксическая форма деепричастия, на протяжении XIX в. подчиняет свое участие в предложении условию единства субъектной оси (отнесенности главного и второстепенного действия, состояния к одному субъекту); выходят из употребления конструкции *шуметь из бездельицы, работать из хлеба* как не отвечающие этому условию.

На рубеже XIX—XX вв. и позже отрабатываются условия включения в предложение синтаксической формы с предлогами *путем* (отношение активного, произвольного действия к другому действию), *за счет, в целях, по линии* и другими отыменными предлогами ²⁷¹.

Становление синтаксических форм «с + тв. п.», «в + предл. п.», родительного количественного как организующих компонентов

²⁷⁰ По материалам канд. дисс.: О. В. Шавкунова. Особенности структуры и функционирования незамкнутых предикативных фразеологических единиц. М., 1964.

²⁷¹ См. заметки автора в «Вопросах культуры речи» (вып. 6, 1965, и вып. 8, 1967).

предложений соответствующих типовых значений (*С ремонтом благополучно; Сила — в сплоченности; Гостей — хоть пруд пруди* и т. п.) свидетельствуют о том, что становятся продуктивными определенные типы предложений с двучленной структурно-логической организацией, с несогласуемыми, но взаимообусловленными структурно-смысловыми центрами.

Необходимо оговорить, что вопросы исторических изменений — предмет особых исследований, здесь они затрагиваются лишь попутно, для подтверждения эффективности компонентного, функционального анализа структуры предложения и в диахроническом плане.

ПРОСТОЕ И СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложное предложение — большая и самостоятельная сфера синтаксиса, которая со всей своей специфической проблематикой остается за пределами данного исследования. Есть, однако, общие черты в строении простого и сложного предложения, что не случайно на протяжении долгого времени побуждало объяснять придаточные предложения через аналогию с членами главного. Не удовлетворенная такой трактовкой современная синтаксическая теория ищет иных путей осмысления структуры сложного предложения, хотя и не пришла еще к однозначным результатам. В настоящее время в теории сложного предложения провозглашен и успешно разрабатывается структурно-семантический принцип исследования²⁷². Однако возможности этого принципа, как кажется, раскрыты еще не полностью. Структурно-семантический анализ простого предложения представляется необходимым этапом на пути к исследованию сложного предложения.

Общие черты их определяются прежде всего, как это неоднократно отмечалось, тем, что и простое и сложное предложения представляют собой цельные, объединенные грамматически, по смыслу и интонационно, коммуникативные единицы. Противопоставленность простого предложения сложному как монопредикативной единицы — полипредикативной единице не следует пре-

²⁷² См.: В. В. Виноградов. Введение «Грамматика русского языка», т. II. ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954; Н. С. Поспелов. О грамматической природе сложного предложения. — В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950; В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов. Синтаксис сложного предложения. М., 1968; С. Г. Нильенко. Вопросы сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Докт. дисс. Л., 1964. См. также: J. Bauer, Klasifikace souvětí v českých a ruských mluvnicích. «Sovětská jazykověda», 1955, № 1; М. Кубик. Комплексный анализ структуры сложных предложений в русском языке. — CsR, 1964, № 4.

увеличивать²⁷³, поскольку, во-первых, известная полипредикативность, совмещение имплицитных предикативностей с одной доминирующей, эксплицитной, свойственна и простому предложению, а во-вторых, в сложноподчиненном предложении предикативность придаточных, хотя и эксплицитная, нейтрализуется²⁷⁴, подавляется предикативностью главного предложения, которая является основным выразителем коммуникативного назначения всего предложения в целом.

Не менее важной общей чертой простого и сложноподчиненного предложения является взаимоотношение частей целого, которым (взаимоотношением) определяется структура того или иного типа предложения и изучение которого составляет основную синтаксическую задачу. Признавая противопоставленность главного предложения и придаточного, ему «подчиненного», его «распространяющего», мы тем самым признаем, что придаточное, какова бы ни была степень его подчиненности или относительной самостоятельности, служит одним из компонентов организации главного, только в силу своей нейтрализованной предикативности, в силу большей сложности смыслового и грамматического значения делая главное не простым, а сложноподчиненным. Если исключить некоторые особые случаи (с присоединительным придаточным, с придаточным следствия, с фразеологизированными оборотами и др.), можно утверждать, что сложноподчиненное предложение равно главному, в котором один или несколько компонентов имеют форму придаточных предложений. Логическая теория, уподоблявшая придаточные членам предложения, плоха не потому, что нет подобия, а потому, что логическими, а не собственно синтаксическими были принципы классификации членов предложения. Если же состав простого предложения рассмотреть с функциональной точки зрения, определив роль каждого компонента в организации предложения, с этой же точки зрения можно последовательно и соответственно определить роль придаточных в структуре главного (а следовательно, и в структуре всего сложноподчиненного предложения).

В современных глубоко обоснованных классификационных системах сложноподчиненных предложений, учитывающих все формальные и семантические аспекты, недостаточно отразился функциональный аспект, определение роли придаточного в ор-

²⁷³ О необоснованности глобального, недифференцированного противопоставления простых и сложных предложений как монопредикативных и полипредикативных структур см. также: С. С. Кароляк. Об уровнях в структуре языка (в кн.: «Единицы разных уровней...», стр 258—259), ср.: S. Karolak. Zagadnienia skladni ogólnej. Warszawa, 1972.

²⁷⁴ Мысль о необходимости признать нейтрализацию предикативных отношений как условий дальнейшего изучения сложного предложения была высказана В. В. Виноградовым на заседании Ученого совета Института русского языка 12 февраля 1965 г.

ганизации (построении и распространении) главного²⁷⁵. Сами термины «подчинение», «распространение», необходимость дифференциации которых по отношению к связям между словами, между синтаксическими формами слов показана во II главе монографии, нуждаются в дифференциации и по отношению к связям между предложениями.

Продемонстрированный Е. А. Иванчиковой критерий структурной обязательности и факультативности придаточного в составе сложноподчиненного предложения²⁷⁶ влечет за собой вопрос о синтаксических факторах обязательности как критерии дальнейшей дифференциации структур. Как в связях между словами, так и в связях между предложениями необходимость связи зависит от разных причин и не прямо определяет собой конструктивную роль компонента в составе целого.

Исходя из того, что придаточное предложение представляет собой «описательное обозначение» понятия, по В. А. Белошапковой (или «фразовую номинацию», по В. Н. Мигирину²⁷⁷, «номинализацию»²⁷⁸) — допускаем, что оно может занимать позицию любой синтаксической формы имени соответственно ее основным функциональным типам и соответственно всем выявленным типам связи²⁷⁹.

Сопоставление синтаксических форм слова как лексико-синтаксической номинации с придаточными предложениями как фразовой номинацией в аналогичных синтаксических позициях позволяет в этом убедиться. Сопоставление показывает, что степень необходимости и условия включения придаточного предложения в главное соответствуют степени необходимости и условиям включения соотносительного компонента главного предложения, по отношению к которому придаточное является либо заместительным (замещаая его место при отсутствии указательного слова), либо возмездительным (возмещаая ненаполненное семантически указательное слово), либо определительным.

1) Придаточное соответствует связанной форме слова, или подчиненному компоненту словосочетания, необходимо распространяющему определяемое слово открытой семантики. Ср.:

²⁷⁵ Ср.: М. В. Федорова. Простое предложение как основа для изучения сложного предложения. «Уч. зап. МОПИ им. Крупской», т. 197, 1967, с. 191.

²⁷⁶ См.: Е. А. Иванчикова. О структурной факультативности в структурной обязательности в синтаксисе. — ВЯ, 1965, № 2. Ср. в связи с этим замечание В. А. Белошапковой о необходимости дифференцировать типы сложных предложений с обязательным придаточным (указ. соч., стр. 117).

²⁷⁷ См.: Н. И. Пельтхина. Фразовая номинация в сфере обозначения лиц в языке русской художественной литературы XIX века. Автореф. канд. дисс. Днепропетровск, 1970.

²⁷⁸ Ю. Д. Апресян. Иден и методы структурной лингвистики, стр. 186.

²⁷⁹ Об изофункциональности словоформы и присловного придаточного предложения см.: И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. (К изучению вариативных синтаксических рядов). — В сб.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967.

писать статью, страшиться будущего, заниматься делом, часть сделанного, причина отсутствия, жить в деревне и под.

Примеры с возместительным придаточным: *Пишу то, что обещал; Люблю того, кого выбрал; Страшусь того, что ждет впереди; Занимаюсь тем, что мне нужно; Посылаю часть того, что сделано; Выясняю причину того, что многие отсутствовали; Живу там, где родился.*

Примеры с заместительным придаточным: *Пишу что обещал; Люблю кого хочу; Занимаюсь чем нужно; Живу где родился.*

Заместительные придаточные, если они возможны, соотносятся с возместительными обычно как разговорные конструкции с нейтрально-книжными (общелитературными)²⁸⁰. Невозможность заместительных придаточных, обязательность указательного слова при некоторых словах открытой семантики может быть критерием большей степени их релятивности.

Примеры с определительными придаточными (двух известных разновидностей):

а) *Пишу ту статью, которую обещал (что обещал); Пишу статью, которую обещал.*

б) *Пишу такую статью, которая покажется спорной; Пишу статью, в которой обсуждается спорный вопрос; Занимаюсь делом, которое считаю нужным; Живу в том городе, который ты хорошо знаешь; Живу в городе, о котором могу многое рассказать и т. п.*

Придаточные при словах открытой семантики не составляют самостоятельного компонента главного предложения, но, как и соответствующие синтаксические формы имени, служат внутрикомпонентным распространителем определяемого слова, что и давало основание неоднократно обсуждать вопрос о принадлежности такого типа предложений к сложным, решать который в нашу задачу не входит.

2) Придаточное соответствует свободной или обусловленной форме в присловной позиции, соединенной с определяемым словом на синсемантической основе. Абсолютивным характером определяемого слова обусловлена факультативность распространения. Активным семантическим потенциалом определяемого слова обусловлена частотность такого распространения. Ср.:

Идти в лес — *Пойдем туда, где ручеек, вьясь, бежит... Идет куда глаза глядят.*

Сидеть в углу — *Сидел там, где его оставили. Сидел, где его оставили.*

История со ска- тертью — *Услышал историю как прожгли ска- терть.*

История про ска- терть — *Услышал историю про то, как прожгли скатерть.*

²⁸⁰ См. об этом в указ. статье И. Н. Егоровой.

- Песнь о синице* — Спой мне песню, как синица тихо за морем жила.
Спой мне песню о том, как синица жила...
- Петь о синице* — Спой о том, как синица жила...

Как и придаточные первой группы, служат внутрикомпонентным распространителем определяемого слова (подобно компоненту аналога словосочетания), но необязательным и относительно более самостоятельным.

3) Придаточное соответствует одной из двух свободных или обусловленных форм слова, сопряженных как организующие центры (главные компоненты) модели предложения. Ср.:

Ищущий найдет — Кто ищет, тот найдет; Кто ищет, найдет.
Все начиналось сна — То никогда не начиналось, что кончилось
чала (М. Цветаева)

Разиня смешон — Смешон, кто разевает рот; Кто разевает рот, тот кажется смешным.

Он не таков — Кого люблю я, не таков (Пушкин).
Старикам не спится — Кого люблю я, не таков (Грибоедов).

Быть буре — Тому, что было, уже не бывать (Пушкин).

Татьяне снится сон — Ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне (Пушкин).

У мальчика возле — У того, кто возле окна, бронхит.
окна — бронхит

Он был самым доро — Он был тем, кто дороже всех.
гим человеком

Ты была другою — Зачем ты не была сначала, какою стала наконец? (Лермонтов).

Его слова остались — Что он сказал, осталось непонятым.
непонятыми

Ученых много — Тех кто учился, много; Кто умен, тех много.

В нем проку нет — Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет (Крылов).

Встреча — у кино — Встреча — там, где и в прошлый раз.

Собрание после обеда — Собрание — когда позовут.

Я — в саду — Я — где корни слепые Ищут корма во тьме, Я — где с облачком пыли Ходит рожь по земле (А. Твардовский)

Ссора — из-за игрушек — Ссора — из-за того, что игрушки не поделили.

Подарки — детям — Подарки тем, кто ждет и т. д.

В отличие от придаточных первых двух групп, эти придаточные являются не присловными распространителями, а необходимыми структурными компонентами (заместительными или чаще

возмездительными) модели «главного» предложения, его предикативного минимума.

4) Придаточные ситуативные обстоятельственные (времени, места, причины, цели и т. д.) распространяют добавочными смыслами главное предложение в целом, аналогично сопоставимым с ними свободным формам имени («ситуантам», «детерминантам»), что и характеризуется соответствующим образом в принятых классификациях²⁸¹.

Как свободные синтаксические формы имени распространяют добавочным смыслом предикативную модель предложения, не вступая в непосредственные синтаксические связи с синтаксическими формами слов, составляющими эту модель, так и обстоятельственные, ситуативные придаточные предложения свободно распространяют главное, дополняя его содержание необходимыми по смыслу высказывания, но не по синтаксической обязательности, ситуативными характеристиками²⁸².

Ср.: *Из-за головной боли* он плохо понимал прочитанное — *Из-за того, что болела голова*, он плохо понимал прочитанное; *За обедом* он забавлял гостей рассказами — *Когда обедали*, он забавлял гостей рассказами; *На солнцепеке*, над выжущимися лозами летают стрекозы — *Где гнутся над омутом лозы, где летнеет солнце печет*, летают и пляшут стрекозы... (А. К. Толстой).

Семантический характер связи, категориальным различием которой служит союз, подтверждает возможность замены союза без изменения синтаксического характера связи между главным и придаточным, ср., например: *Когда* идет дождь, становится грустно — *Оттого что* идет дождь, становится грустно — *Если* идет дождь, становится грустно. Не случайно подобного типа предложения вызывают часто аналогию со сложноподчиненным, в котором с помощью союза *и* находят выражение различные виды взаимной связи явлений²⁸³: Идет дождь, *и* стано-

²⁸¹ Аналогия между ситуативными придаточными предложениями и свободными синтаксическими формами имени подкрепляется использованием именно этого типа придаточных в качестве заголовков (например: *Когда пренебрегают интересами народов*; *Если завтра война*; *Хотя письмо и не напечатано*; *Чтобы Родина стала богаче* и т. п.; см. указ. на стр. 69 работы о синтаксической структуре заглавий; см. также: Г. П. Уханов. О грамматической природе «придаточного предложения». — ВЯ, 1961, № 2, стр. 74).

²⁸² Ср.: «Оппозиция тесная: свободная связь проявляется не только в отношении членов предложения, но и в отношении отдельных предложений сложноподчиненного предложения» (Ст. Жажга. К вопросу о синтактико-семантическом и актуальном членении сложного предложения. «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1965, A 13, стр. 72). Ст. Жажга там же отмечает, что с выражением тесной и свободной связи предложений в сложноподчиненном предложении связано также возникновение и распространение сложных союзов. Об этом см. в разделе Р. П. Рогожниковой (§ 31—39) книги «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968).

²⁸³ См., например: И. А. Попова. Сложносочиненное предложение в современном русском языке. — В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1960, стр. 374 и др.

вится грустно. Ср. также: Идет дождь, и потому становится грустно; Пошел дождь, и тогда стало грустно и т. п.

Однако рассматриваемая группа придаточных выделяется не по признаку обстоятельственного значения, а по характеру связи с главным. Как для строения простого предложения *Он живет в старом доме* существенно не то, что *в доме* — «обстоятельство места», а то, что эта форма является необходимым распространителем релятивного глагола *живет* и, следовательно, выступает в III синтаксической функции, внутрикомпонентного элемента, так и в ряду сложноподчиненных предложений: *Он живет где мы раньше жили* — *Он живет там, где мы жили* — *Он живет в доме, в котором мы жили* — *Он живет в том доме, в котором мы жили* суть структуры целого предложения в том, что придаточные являются необходимым распространителем, заместительным, возмещительным и определительным, релятивного глагола *живет*, и потому к собственно обстоятельным не относятся. Различия же в средствах связи придаточных с главным целесообразно изучать на фоне определения характера связи, но не минуя его.

Следует добавить, что между главным и придаточным должна быть та же синсемантичность значения, как между моделью простого предложения и распространяющей ее свободной формой. В целом сложноподчиненное предложение представляет собой синтез тех же семантических компонентов речи — мысли, что и в простом, хотя и более сложных, иначе оформленных структурно и соответственно обогащенных смысловыми и грамматическими значениями.

В. А. Белошапкова убедительно показала, что в расчлененном предложении обстоятельные придаточные при изменении формы глагола-сказуемого относятся к глаголу, а не к сказуемому²⁸⁴. Из этого можно сделать вывод не только о классификационных затруднениях, но и о том, что по существу сохраняется семантическая связь между действием и его обстоятельством. При каких смысловых условиях сочетаются обстоятельные придаточные с моделями состояния, признака и подобных значений недействия — этот вопрос должен быть изучен.

Аналогичными могут быть и структурно-смысловые ограничения, обуславливающие эту связь. Например, подобно тому, как некоторые синтаксические формы условного значения сочетаются с ирреальной модальной модификацией модели (*Без дураков было бы скучно*, см. выше, стр. 249), так и придаточное условное включается в главное с ирреальной модальностью: *Когда бы я мог заложить, давно уж продал бы* (Пушкин); *Если бы ему предложили выбирать между миллионом и Любочкой, то он, не думая, остановился бы на последней* (Чехов, Отрава). Часть ограничений для сложного предложения, очевидно, недействительна вследствие более гибких значений придаточных, но вопрос этот требует специального изучения.

²⁸⁴ В. А. Белошапкова. Указ. соч., стр. 112—113.

5) Придаточные могут быть аналогичны и синтаксическим формам, осложняющим основную модель предложения, например, вторичным предикативам:

Он вспомнил жену *молодой* — Он вспомнил жену *такую, какой она была в молодости*; Он сидел с *побитым видом* — Он сидел с *таким видом, будто его побили*; Он притворился *ничего не помнящим* — Он притворился, *будто ничего не помнит* и т. д.

Целый ряд аналогий между простым и сложным предложением возможен в области каузативных конструкций. Так, каузативному инфинитиву соответствуют придаточные с союзом *чтобы*: *просил сделать* — *просил, чтобы сделали*; *приказал послать* — *приказал, чтобы послали*. При этом снимается противопоставление между каузативными и автокаузативными модальными глаголами: те из автокаузативных, которые могут употребляться с придаточным, обозначают здесь модально-волекативное отношение к действию другого субъекта, как и каузативные, различаясь лишь степенью активности воздействия (*Хотел, чтобы вы пришли, но не просил вас прийти*). Ср.:

хочу, привык — *читать сам,*

но: предпочитаю, настроился — *чтобы вы мне читали.*

Соотносительность со сложным предложением конструкций, включающих субъективно-оценочный план, отмечалась выше. Ср. примеры авторизованных и оценочных построений: Я *считаю его лентяем* — Я *считаю, что он лентяй*; Все *нашли лекцию скучной* — Все *нашли, что лекция скучна*; Он *стал странно подозрителен* — *Странно, что он стал так подозрителен*; Роман *несправедливо раскритиковали* — *Несправедливо, что роман раскритиковали* и т. п.

Ни в коей мере не ставя здесь классификационных целей и не касаясь многих специфических типов сложноподчиненных предложений, так же как и средств связи внутри них, мы хотели лишь показать параллелизм функций в структуре словосочетания и предложения синтаксических форм слова и придаточных предложений. Параллелизм этот, или изофункциональность, вытекает, во-первых, из особенностей строения простого предложения, и во-вторых, из номинативной природы придаточного. Непоследовательность, с какой старая логическая теория разграничивала придаточные подлежащие и сказуемые, подлежащие и дополнительные по аналогии с членами предложения, снимается функциональным подходом к определению в предложении роли его компонентов. Ср.:

Он говорит *правду* — *Правда* не зря говорится

Он говорит, *что это правда* — Недаром говорится, *что дело мастера боится.*

Как формы слова *правда*, так и соответствующие придаточные имеют одно и то же структурно-смысловое значение делиберативного объекта (раскрывающего содержание глагола информативного разряда). Именительный падеж в пассивном оборо-

те — форма выражения объекта, а не субъекта. Структура предложения в целом меняется в результате изменения значения лица, субъекта действия и формы глагола. В первом предложении каждой пары субъект назван как определенное лицо, во втором предложении название субъекта устранено, невыраженность его имеет обобщенно-личное или неопределенно-личное значение (ср.: *Правду не зря говорят*). Пассивизация конструкции приводит к изменению формы объекта, а также к изменению характера связи между глаголом и объектным компонентом (соответственно — и объектным придаточным). В активной конструкции при переходном глаголе речи винительный объект, так же как и соответствующее придаточное, необходимо восполняет смысловую недостаточность релятивного глагола, поэтому остается внутрикомпонентным распространителем. Предложение в целом в обоих случаях членится на два структурно-смысловых компонента: название субъекта действия и название действия с распространяющим его названием объекта: *Он/говорит правду; Он/говорит, что это правда*.

В пассивной конструкции компонент с объектным значением выходит из глагольного подчинения на роль самостоятельного структурного компонента предложения, приобретая при этом значение носителя признака, свойства, выраженного пассивным глаголом (ср. выше, стр. 194). Предложения правого столбца членятся на два компонента, сопряженных в предикативный минимум предложения: именительный делиберативного объекта (и соответствующее придаточное) и глагол с определяющим его наречием: *Правда|не зря говорится; Недаром говорится,|что дело мастера боится*.

Утверждение, что синтаксическая роль слова, к которому относится придаточное (или указательное местоимение), не оказывает влияния на значение придаточного, справедливо и по отношению к рассмотренному случаю. Но если определять не значение придаточного, а структуру сложноподчиненного предложения в целом, то надо признать, что функция придаточного в построении сложного предложения как коммуникативной единицы находится в прямой зависимости от синтаксической функции того компонента, к которому относится придаточное, который им заменяется или возмещается. Принципы классификации могут быть различны: по значениям придаточных (но тогда это скорее классификация типов придаточных предложений, а не сложноподчиненных) или по синтаксической роли придаточных в структуре целого предложения. Например, выделение сложноподчиненных предложений с изъяснительным придаточным следует первому принципу, но пренебрегает вторым. Ср. приведенные предложения с придаточными изъяснительными, роль которых в структуре целого различна, так же как и характер взаимоотношений с другими компонентами целого предложения: *Пишу то, что обещал; Спой мне песню, как синица тихо*

за морем жила; Что он сказал, осталось неясным; Считают, что он лентяй; Странно, что он так непонятлив; Недаром говорится, что дело мастера боится; Нет надежды, что их спасут.

Отношение придаточного предложения к простому предложению и к словосочетанию рассмотрено в литературе обстоятельно и глубоко²⁸⁵, но определенный этап изучения словосочетаний, когда оно анализировалось по морфологическим формам компонентов и по логико-семантическому характеру отношений, без достаточного внимания к синтаксическому характеру связи, повлиял и на приемы исследования сложноподчиненных предложений. Функциональный анализ, определение структурной роли придаточного в целом предложении и характера связи его с другими компонентами, как кажется, привлекает внимание к еще недостаточно изученному аспекту сложного предложения.

Вместе с тем, функциональный подход позволяет преодолеть ту двойственность критерия, которая установилась в принятых классификациях сложноподчиненного предложения: признается, что одни придаточные относятся к слову как к лексико-морфологической единице, а другие — к главному предложению как к предикативной единице. Представляется, что эта двойственность не является неизбежным следствием сложности материала, многообразия типов придаточных, но проистекает из неясности в вопросе о синтаксической единице. По-видимому, оба случая могут быть сведены к синтаксическому критерию: придаточное предложение относится не к лексико-морфологической единице, а к синтаксическому компоненту предложения, лексико-морфологическая же характеристика этого компонента (точнее — той или иной синтаксической формы слова в роли этого компонента) важна в той мере, в какой от нее зависит синтаксическая функция данного компонента.

Изофункциональность синтаксических единиц обнаруживается, таким образом, и в строе сложного предложения как коммуникативной единицы речи.

Придаточное предложение, способное вне состава сложного предложения выступать как самостоятельная коммуникативная единица (в I синтаксической функции), в составе сложного, в зависимости от структуры сложного и своего места в нем, выступает во II синтаксической функции (компонентом коммуникативной единицы) или в III синтаксической функции (зависимым компонентом компонента коммуникативной единицы).

²⁸⁵ См.: Н. Н. Прокопович. Сложные предложения с придаточной частью. — ВЯ, 1965, № 6; Л. Ю. Максимов. Сложноподчиненное предложение в ряду других синтаксических единиц. — В сб.: «Мысли о современном русском языке». М., 1969; см. также: М. К. Милых. Распространение слова предложением. «Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа» (тезисы докладов). Ростов-на-Дону, 1961; см. Нгуен Нем. Сложноподчиненные предложения с присубстантивной придаточной частью. Автореф. канд. дисс. М., 1967; V. Barnettová. K vedlejším větám obsahovým v ruštině. «Studie ze slovanské syntaxe», Praha, 1971.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РЕЧИ

Предложение и речевой контекст. Речевые функции предложения. Композиционно-синтаксическое («актуальное») членение предложения. Средства его выражения. Компоненты членения. О коммуникативных типах речи. Актуальное и грамматическое членение предложения. Актуальное членение предложения и экспрессивно-смысловое выделение слов.

1. Предложение в речи — это предложение в контексте, в речевой ситуации.

С точки зрения языка мы изучаем изолированное предложение и рассматриваем функции его как конструктивно-синтаксические способы выражения им своего типового значения. В речи предложение приобретает дополнительные функции, оно выступает как часть некоего целого, его звено, его композиционно-синтаксическая ячейка. Средства, которыми связаны воедино эти звенья целого, заключены в каждом предложении речи. Главным образом — это порядок слов и интонация в том аспекте, который принято называть актуальным членением предложения. «Фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов»¹.

С точки зрения языка мы рассматриваем прежде всего состав предложения, способы организации предложения данного типового значения, однако неотделимыми элементами организации предложения являются интонация — в ее предикативно-синтезирующей функции — и нормальный, нейтральный порядок слов (компонентов) для каждой модели.

Реализуясь в конкретной речевой ситуации, языковая модель предложения подвергается разнообразным изменениям, преобразованиям, усложнениям — в основном это касается порядка слов и интонации². Эти изменения обусловлены дополнительными речевыми функциями предложения — композиционно-синтаксической, которая обязатель-

¹ В. В. Виноградов Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, § 35.

² О существующих трактовках соотношения языка и речи см.: О. С. Ахманова, Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., 1963; см. также: «Язык и речь». Тезисы докладов межвузовской конференции. М., 1962.

на для каждого речевого предложения, и экспрессивно-оценочной, которая факультативна.

Изучение таких особенностей интонации и словопорядка, которые служат дополнительным речевым функциям предложения — компетенция синтаксиса не языка, а речи, хотя следует учитывать, что и эти речевые особенности могут быть как типовыми, моделируемыми, так и окказиональными, индивидуальными.

Поскольку и речевые аспекты предложения — композиционно-синтаксический и экспрессивно-оценочный — выражаются средствами языка, они являются аспектами речевой структуры предложения, следовательно, составляют предмет синтаксиса, так же как семантико-синтаксический аспект его языковой структуры. Важно, что с помощью специфических выразителей речевой структуры предложения, главным из которых является интонация, реализуется иной аспект отношений между теми же компонентами предложения. Материальная общность единиц языковой и речевой структуры предложения — существенный аргумент против выведения речевой проблематики предложения в особый логико-психологический или логико-грамматический параллельный уровень³.

Традиционный однолинейный, одномерный подход к синтаксису предложения сменился двухмерным, который тоже стал традицией⁴. Но представление структуры предложения в виде параллельных уровней влечет за собой опасность, предсказываемую известной аксиомой о параллельных линиях, которые не сходятся: объект изучения раздваивается вопреки реальной действительности. В действительности есть единое предложение и разные аспекты его структуры, взаимодействующие и перекрещивающиеся. В сущности, в языковой модели предложения с ее нейтральным порядком слов уже выражена одна из возможностей речевой реализации, один из способов связи с одним из возможных контекстов.

³ Близкую точку зрения отстаивает К. Г. Крушельницкая («О синтаксической природе «актуального членения» предложения». — В сб.: «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969). Иную позицию см. в книге: В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., 1964. Ср.: «Актуальное и грамматическое членение представляют два различных и не перекрещивающихся друг с другом функциональных плана в синтаксической структуре предложения (соответственно двум основным функциям языка — функции выражения мысли и функции сообщения)» (И. П. Распопов. Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964, стр. 8). «Синтаксические конструкции и предложения являются в сущности единицами разных уровней языковой системы... — конструктивно-синтаксического и коммуникативно-синтаксического» (там же, стр. 11). По существу такому анатомическому расчленению не соответствует никакая языковая реальность.

⁴ Стремление преодолеть «двухмерность» синтаксического анализа проявляется в ряде работ последних лет. См. одну из попыток в работе: F. Daneš. A three-level approach to syntax. «Travaux linguistiques de Prague», 1. Prague, 1964.

В реальном единстве языковой и речевой структуры предложения находит частное выражение общая взаимообусловленность языка и речи, предполагающих существование друг друга.

Однако признание этого единства не предполагает и не оправдывает смешения разных аспектов синтаксической структуры предложения — семантико-синтаксического с композиционно-синтаксическим и композиционно-синтаксического с экспрессивно-оценочным, примеры которого можно найти в литературе, посвященной актуальному членению.

Работы И. П. Располова⁵, активизировавшие в советской лингвистике интерес к актуальному членению, в этой связи оставляют ряд сомнений. Считая «преувеличением» мнение тех лингвистов, которые видят в актуальном членении зависимость предложения от контекста, И. П. Распопов фактически отходит от того понимания актуального членения, которое связывается с именем В. Матезиуса, и в поисках объяснения другого членения предложения, не совпадающего с традиционно-грамматическим, наталкивается по существу на структурно-семантические компоненты предложения. Может быть, ценные наблюдения автора выиграли бы в теоретической последовательности, если бы распределялись не между заданными двумя «уровнями», а с точки зрения структурно-семантического и композиционно-синтаксического аспектов анализа.

2. Небезупречность терминов «актуальное членение» (выражение композиционно-синтаксической роли предложения не всегда связано с его расчлененностью), а также «актуализация», словообразовательная структура которого позволяет думать о чем-то извне вносимом (или, следовательно, не вносимом) в структуру предложения, способствует иногда подмене понятия речевой структуры предложения факультативным приемом эмоционально-экспрессивного выделения той или иной его части.

Ввиду сложившегося неоднозначного толкования «актуального членения» необходимо определить содержание этого понятия и некоторых других, связанных с соответствующим аспектом изучения предложения.

В ряде работ объектом наблюдений над актуальным членением служит изолированное, вне контекстных связей, предложение. В таком случае проблема сводится к поискам тех или иных обобщений на материале предполагаемого, но не всегда достоверного членения данных предложений или к предположению же заключенных в данных структурах возможностей их различного актуального членения. Признание разных возможностей упирается, однако, в вопрос о правомерности считать одним и тем же предложением структуры, отвечающие различным коммуникативным заданиям.

⁵ Помимо указанного выше автореф. докт. дисс. см. его книги: «Актуальное членение предложения» (Уфа, 1961); «Строение простого предложения в современном русском языке» (М., 1970).

Думается, что целесообразнее других та точка зрения, с которой в актуальном членении видят показатель связи предложения с контекстом, конситуацией, осуществление предложением речевой, композиционно-синтаксической функции. Движение от известного к неизвестному, от данного к новому (D→N) — вопрос не языковой структуры предложения, а отражение общей логики развития мысли в данном речевом контексте. (Микроконтекстом здесь может быть сложное синтаксическое целое.) Поэтому и представляется более точным говорить о композиционно-синтаксическом аспекте предложения — применительно к тому, что В. Матезиус назвал актуальным членением.

Не кажется неизбежным понимание «данного» как «известного из предшествующего контекста» и следующее из этого выделение «данного» как частного случая «темы», поскольку в литературе были разъяснения по поводу косвенного, ситуативного характера «известности»⁶ (хотя это и не гарантирует однозначного понимания ее). Можно добавить, что известность «данного», или «темы» сообщения, устанавливается не с точки зрения воспринимающего речь, а с точки зрения говорящего, его волей.

Выделение того или иного компонента предложения как «нового», «ремы» сообщения, в условиях контекста определяется не логическим противопоставлением неограниченному множеству однородных денотатов⁷, а тем, что информативно важно с точки зрения говорящего, развивающего мысль в данном контексте или конситуации. «Возможность выбора» существует только для отдельно взятого предложения.

3. Выразителем актуального, или композиционно-синтаксического, членения предложения является логическое ударение. Можно назвать его кульминационным ударением, в преодолении терминологических разногласий⁸.

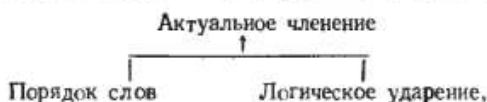
Простейший эксперимент, заключающийся в передвижении логического ударения с одного слова на другое (Брат уезжает завтра в *Москву*; Брат уезжает *завтра* в Москву; Брат уезжает завтра в *Москву*), подтверждает, что место логического ударения как выразителя актуального членения может быть независимым от порядка слов. Следовательно, неправомерно объединение «порядка слов» и «места логического ударения» как однородных членов в распространенном тезисе, касающемся формальных средств выражения актуального членения. Каково же их соотношение?

⁶ См.: И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969, стр. 12, там же ссылка на работу К. Г. Крушельницкой.

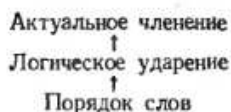
⁷ Ср. точку зрения К. Г. Крушельницкой (указ. соч., стр. 99) и цитируемого там же И. Ф. Вардуля.

⁸ Ср. понятие «кульминативной функции»: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960, стр. 206 и др.

Еще один обычный эксперимент (Брат уезжает завтра в Москву; Брат уезжает в Москву завтра; Брат завтра в Москву уезжает; Завтра уезжает в Москву брат) показывает, что для кульминационного слова (несущего логическое, или кульминационное, ударение) естественнее положение в конце предложения. Порядок слов в этом случае помогает выявлению логического ударения. Значит, отношения понятий отражаются не в схеме:

а в схеме:

Порядок слов в I эксперименте вместе с тем говорит о том, что вывод из II эксперимента действителен только для известных условий, а именно — условий монологической, повествовательной, спокойной речи.

4. Здесь мы подходим к важному понятию типа речи, без выяснения которого не могут решаться вопросы актуального членения и вообще речевого изучения предложения.

Если спокойное сообщение или повествование характеризуется помещением кульминационного слова в конце предложения, то кульминационное выделение слова, занимающего любое другое место в предложении, возможно тогда, когда это слово несет на себе композиционно-смысловую нагрузку в контексте, включено в систему движения $D \rightarrow N$, выходящую за пределы данного предложения, в систему контрапозиций⁹.

Понятие типа речи требует еще изучения. Пока очевидно только, что крайние полюсы — тип книжной, монологической, повествовательной речи, нейтральной в эмоционально-экспрессивном отношении, и тип разговорной, диалогической речи. В то время как порядок слов в книжно-повествовательной речи служит выявлению места логического ударения, относя его обычно на последнее слово, в диалогической речи логическое ударение может быть на любом слове, а соотношение $D \rightarrow N$ определяется структурой вопросо-ответного единства или выходящими за рамки этого единства контрапозициями. Но в чистом виде эти крайние типы существуют редко. Реально они взаимодействуют, взаимопроникают (элементы внутреннего диалога в монологической речи, полемическая и публицистическая экспрессия в книжной; с другой стороны, такие разные структурно-композиционные

⁹ О контрапозициях см.: П. С. Попов. О логическом ударении. — ВЯ, 1961, № 3.

части диалога, как начало разговора, сообщение, рассказ, ответ на вопрос, переспрос и т. д.)¹⁰.

Для каждого из этих случаев (очевидно, возможна и классификация их) должны быть обнаружены свои закономерности словорасположения. Без учета типов речи представления о порядке слов были бы суженными и односторонними¹¹.

Значительные результаты в этом направлении получены П. Адамцем, разработавшим деление предложений по типу актуальной информации, или по коммуникативной функции¹².

П. Адамец разграничивает прежде всего актуальную информацию типа нового сообщения и типа реакции на мнение, предположение собеседника; соответственно предложения делятся на информационные и верификативные (от французского *verificatif* — «свидетельство, удостоверение в подлинности»). По-видимому, в этом делении находят отражение особенности словопорядка, свойственные монологическому и диалогическому типам речи.

Далее различаются общий и частный аспекты информации. Таким образом, намечены четыре типа предложений (общинформативные, частноинформативные, общеверификативные и частноверификативные), которые находятся в соответствии с классификацией вопросов у Ш. Балли. Правда, автор признает,

¹⁰ Так, например, прямой порядок слов характерен для спокойного сообщения. Но подчеркнутое повторение того же сообщения в устной речи или переспрос обычно вызывают изменение порядка, вынесение N, нового, в препозицию. Ср. обычную формулу микрофонного объявления в поездах метро: «Поезд следует до станции Комсомольская. До станции Комсомольская следует поезд», «Граждане пассажиры, поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны, не идет дальше поезд».

См. примеры из литературы: — *Решилось-то чем, чем решилось-то?* (Достоевский, Подросток); — *Вам, по-видимому... э... не нравится?* — Нет. Что вы. Хе-хе! *Очень... мило. Мило очень* (М. Булгаков, Из «Записок на манжетах»); [Ирина] Гриша... *Как будем дальше жить? Как дальше жить будешь?* (В. Блинов, Нищий); — *Отдохнуть — это неплохо. Неплохо...* Вот так... *Неплохо отдохнуть*. Отдохни (Г. Троепольский, В камышах); — *Это вам повезло, повезло вам, ребята*, — говорил он (Ю. Казаков, Северный дневник).

¹¹ В понятие типа речи должна войти и характеристика коммуникативной разновидности высказывания. См. примеры из Шахматова: *Мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений; Начальник нераспорядительный может легко запутать все дело*. Такая постпозиция определений с обстоятельственным оттенком возможна в предложениях-рассуждениях или обобщенно-сентенционных, но она не свойственна повествовательной речи. В последнем случае оказывается необходимым перенести определение в препозицию: *Нераспорядительный начальник запутал все дело; Ленивые мальчики огорчили преподавателя*.

Ср. следующую фразу из устного научного доклада как пример проникновения диалогического типа речи в монологический: *Я останавлиюсь несколько подробнее на этой стороне дела* (Запись 1966). При таком словопорядке обычным было бы логическое ударение на конце, однако докладчик поставил его на слове *останавлиюсь*, таким образом диалогизировав фразу, как будто она произнесена в ответ на согласие и интерес аудитории, ср.: *если вы позволите, я останавлиюсь...*

¹² Пр. Адамец. Порядок слов в современном русском языке. «Academia». Praha, 1966. Рецензию Г. А. Золотовой см.: РЯШ, 1968, № 2.

что частноверификативные предложения по своим актуально-синтаксическим схемам полностью совпадают с частноинформативными. Возможно, это свидетельство того, что их объединяет принадлежность к диалогическому типу. Понятие верификативного и частного аспекта, по-видимому, близки тому, что мы называем системой контрапозиций. См. примеры Адамца с актуальным членением предложения общинформативного типа: Отец | читает газету [а брат спит] и частноинформативного: Отец читает | газету [а брат книгу].

Очевидно, что постановка вопроса об актуальном членении невозможна без изучения характера контекста и более или менее сложной, в зависимости от этого характера, системы контрапозиций¹³.

5. К вопросу о средствах выражения речевых, контекстных связей следует добавить, что в русском языке существует тип предложений, «специализирующийся» на выражении актуального членения. Это — двусоставные именные предложения «тождества». Выше (см. стр. 82) отмечалось, что условием сопряжения компонентов таких предложений является их синсемантичность; они должны находиться между собой в отношениях семантической однородности как обозначения рода и вида, абстрактного и конкретного, части и целого. Этим свойством определяется способность двусоставных безглагольных предложений служить синтаксическим синонимом к предложениям различной структуры и, более того, в двусоставное именное предложение могут преобразоваться не только предикативные отношения, но любое отношение синтаксической зависимости.

Ср.: В школе брат увлекался химией. Каждый из компонентов этого предложения, включая управляемый творительный объекта (зависимую часть глагольного компонента), может стать предикатом двусоставного безглагольного предложения: Химия была увлечением брата в школе; Увлечением брата в школе была химия; или: Предметом увлечения брата была химия; Время увлечения брата химией — школа (школьные годы); Увлечение химией в школе было у брата (а не у меня) (здесь семантически соотнесены обозначения состояния и субъекта состояния).

Таким образом, на вопрос к каждому из компонентов предложения, помогающий в письменной речи выявить актуальное членение предложения, ответ может быть дан тремя способами:

¹³ Предложенное П. С. Поповым разграничение внутрифразовой и внефразовой, контекстной контрапозиции не всегда четко проводится им самим. Фраза Так ведь я это не только видел, но выяснил приводится как пример контрапозиции внутрифразовой (ВЯ, 1961, № 3, стр. 94). Но противопоставленные друг другу внутри фразы глаголы составляют общую единицу, которая находится в контрапозиции по отношению к той (не данной нам) части контекста, где каким-то образом выражено недоверие к свидетельству говорящего, что и вызвало как реакцию усиленное выделение двуединого сказуемого.

1) Выделением нового, искомого с помощью кульминационного ударения без изменения порядка слов, например:

Кто из вас увлекался химией в школе?— В школе *брат* увлекался химией.

Когда брат увлекался химией?— В школе брат увлекался химией.

2) Перестановкой нового, искомого на последнее место в предложении:

В школе увлекался химией *брат*.

Химией брат увлекался *в школе*.

3) Преобразованием предложения в двусоставное безглагольное с искомым компонентом в предикате:

Увлечение химией в школе было *у брата*; Увлечение брата химией было *в школьные годы*; или: Время увлечения брата химией — *школьные годы*.

Можно, следовательно, утверждать, что двусоставные глагольные предложения служат в русском языке одним из средств выражения актуального членения предложения¹⁴. При этом каждое из возможных двусоставных безглагольных преобразований структуры какого-либо предложения является синонимом лишь к одному из его речевых вариантов, с определенным компонентом в качестве нового. Так, трансформации, приводимые С. К. Шаумяном и П. А. Соболевой: Отец любит дочь → Дочь — любимица отца; Монах писал иконы → Иконописец был монахом, — синонимически равнозначны только при условии кульминационного выделения подчеркнутого здесь компонента.

6. Когда говорят, что актуальное членение противопоставляется его грамматическому членению, при этом надо иметь в виду, что оно не столько противопоставляется грамматическому (при нейтральном порядке компонентов они совпадают), сколько опирается на грамматическое, ибо только при наличии этой опоры можно оценить изменения порядка слов. Кроме того, сопоставляя роль обоих аспектов — грамматического и актуального в процессе речи, можно сказать, что грамматическому здесь принадлежит роль скорее синтезирующая, интегрирующая единство предложения, а актуальному — именно расчленяющая, как бы на шаг делирующая движение мысли¹⁵.

¹⁴ Именно этим объясняется особое место двусоставных предложений тождества с точки зрения разграничения подлежащего и сказуемого, обычно отмечаемое исследователями (см., напр.: В. В. Виноградов. Введение. «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 93; ср. наблюдение И. И. Ковтуновой: в предложениях типа *Мой брат — учитель; Учитель — мой брат* «подлежащее и сказуемое не определяются ни характером отношений (оба члена могут быть и «субстанцией» и приписываемым ей во времени «признаком»), ни формально. Они различаются только в зависимости от того, что является темой и ремой» (указ. соч., стр. 23).

¹⁵ «Наша речь, — писал П. С. Попов, — может быть уподоблена движению конькобежца. Мы отталкиваемся одной ногой, а другой скользим вперед. Для того, чтобы что-нибудь подчеркнуть, нужно от чего-нибудь оттолкнуться».

Структурно-семантические компоненты предложения являются и компонентами актуального членения его, сопоставимыми единицами с точки зрения порядка слов¹⁶.

Наблюдения ряда исследователей над нечленимостью констатирующих предложений подтверждают нашу трактовку предложений с вспомогательно-фазисными и экзистенциальными глаголами как «квазидвусоставных» (*Наступила зима; Шла война; Звенит звонок* и под.). Надо при этом оговорить, что характер нечленимости предложений может быть различным. Для предложений, утверждающих осуществление состояния, явления типа приведенных примеров *Наступила весна; Идет дождь; Звенит звонок* нормальным является порядок слов с глаголом в препозиции; постпозиция глагола и — соответственно — возможность расчлененности должны быть оправданы контекстными условиями, дополнительными речевыми функциями предложения¹⁷. Для предложений, сообщающих о предмете и его действии, нейтрален порядок слов с глаголом на втором месте: *Люди кричат; Кони скачут*. Изменение этого порядка, вынос глагола в препозицию и приобретение предложением констатирующего, нечленимого характера происходит в контексте определенного типа, например, при перечислении признаков, из которых складывается описание. Таким образом, нерасчлененность предложения в одном случае принадлежит языковой модели, в другом — приобретается в контексте, в определенном коммуникативно-синтаксическом типе речи.

ся» (П. С. Попов. О логическом ударении. — ВЯ, 1961, № 3, стр. 92). Еще раньше психологом Стаутом (Stout, Analytic Psychology) было сделано аналогичное сравнение, которое О. Есперсен приводит как пример не удовлетворяющей грамматиста трактовки подлежащего и сказуемого: «Предложения в процессе мышления — это то же, что шаги в процессе ходьбы. Нога, на которой сосредоточен вес тела, соответствует подлежащему. Нога, которая передвигается вперед, чтобы занять новое место, соответствует сказуемому» (см.: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 165). То, что Стаут называет подлежащим и сказуемым, позже и получило наименование компонентов актуального членения, данного и нового.

¹⁶ Понятие компонентов предложения выводится и Пр. Адамцем из наблюдения над неравноценностью традиционных членов предложения в организации словорасположения: члены предложения, распространяющие субстантивные и адverbиальные компоненты, не считаются самостоятельными компонентами предложения, а входят в состав тех компонентов, которые ими распространяются. Следовательно, предложения с неравным количеством членов могут состоять из равного количества компонентов, например: *После обеда [Тоня] гладила и Островерхая крышечка на чернильнице [блестела] под неярким светом настольной лампы*. Пр. Адамец, однако, не распространяет понятие несамостоятельного члена предложения на название объекта, управляемое глаголом.

¹⁷ См., например, контекст, где усиление вспомогательных слов и расчленение нечленимых предложений предпринимается в юмористических целях: «— Как было дело? — *Не дело*, товарищ лейтенант, а печальное недоразумение. — Хорошо, расскажите, как протекало недоразумение. — *Стояла прекрасная солнечная погода...* — Только без прикрас. — Это правда, товарищ лейтенант, *погода действительно стояла...*» (Вл. Панков, Задержанный, «Лит. газета», 28 янв. 1970).

С точки зрения порядка слов, как отмечалось выше, подтверждается и трактовка синтаксических форм слова с субъектным значением как первого организующего компонента предложений, а не управляемого члена. Для многих типов предложения в объективно-нейтральном повествовании характерна препозиция не подлежащего, а компонента, выражающего субъект (действия, состояния, отношения и т. д.), независимо от его падежной формы и квалификации его с точки зрения членов предложения (ср., например: *Павел веселится; Павел весел; У Павла хорошее настроение; У Павла ангина; Павлу нездоровится; Павла знобит; С Павлом обморок; Павел в тревоге* и т. д.)¹⁸.

Структурно-семантический анализ предложения обнаруживает и объясняет такие явления в области порядка слов, которые не поддаются объяснению с позиций формально-грамматических.

Сравним предложения одинакового с точки зрения формально-грамматической строения (подлежащее — глагольное сказуемое — прямое дополнение): *Павла охватило волнение* и *Петр не любит Павла*.

Нетрудно заметить, что и объективно-нейтральный порядок слов и возможности перестановки у них разные. Возможно, например: *Павла Петр не любит (а Ивана любит)* и невозможно: *Павла волнение охватило (а Ивана не охватило)*. Различие объясняется тем, что это предложения разных структурно-семантических типов: первое — двухкомпонентно (субъект состояния — состояние; ср. *Павел разволновался*), второе — необходимо трехкомпонентно (субъект отношения — отношение — объект отношения; ср. *Петру не нравится Павел*).

Представления о прямом и обратном порядке слов, надо полагать, выиграют в точности, если под сопоставимыми единицами понимать не члены предложения, а структурно-смысловые компоненты его.

Интересы контекстных связей могут вызвать три вида изменений нейтрального порядка компонентов:

- 1) Перемену мест компонентов.
- 2) Вынесение в актуально значимые позиции внутрикомпонентных распространителей.

Очевидно, факторы изменений второго порядка должны быть более сильными, обычно связанными с контрапозицией. Ср., например:

[Любовь]... Становись за правду свою, а не за барскую биться (Тренев, Любовь Яровая); Конечно, перед нами как гражданами лежат и все прочие задачи, необходимые для перевода потенциальной энергии страны в энергию полезную, но работу граждан могут делать все, работу же натуралистов можем де-

¹⁸ Ср. примеры И. П. Распопова на стр. 122 и 123 его книги «Строение простого предложения...» с именами субъекта состояния в разных формах косвенных падежей в роли первого компонента предложений.

дать только мы (В. И. Вернадский, Об использовании химических элементов в России); — А! так это вас ударил я так неловко по голове! (Лермонтов, Княжна Мери); Во всяком случае, я уже больше ничего не могу! Меня она не слушается! (Тургенев, Вешние воды); Так писем не ждут, Так ждут — письма. (М. Цветаева, Письмо); В Москву за планом отрядили нарочного. Таких «ходов» приходится посылать каждый год («Изв.», 6 окт. 1970).

3) Вынесение в актуально значимые (актуально противопоставленные) позиции вспомогательных модифицирующих слов, в языковой структуре предложения не являющихся самостоятельными компонентами:

Погубить себя? — не хочется! Разойтись — нету волюшки! (Кольцов, Русская песня); Признать бродягу государем был я не в состоянии (Пушкин, Капитанская дочка); Мешать и надо: еда мне теперь никто не станет (Гоголь, Портрет); Единое желание у всех — быстрее убрать рис, сократить до минимума потери («Изв.», 29 сент. 1970).

Предложения, в которых действие, событие, состояние названы отвлеченным существительным, вводят временные, пространственные ориентиры этого действия, оценочные определители его с помощью модифицирующих глаголов. Поскольку эти глаголы не несут собственной информации (значение процесса, протекания действия в его фазах заключено в самих отвлеченных именах), обстоятельственные компоненты обычно выполняют роль предиктирующего нового, а вспомогательный глагол входит в состав этого компонента, хотя и не всегда. Примеры:

Долгая зимняя ночь прошла незаметно (Пушкин, Пиковая дама); Перевязки начинались сразу после завтрака и кончались в девять вечера (В. Панова, Спутники); Все это происходило весною (Тургенев, Муму); Ученье продолжалось часа три-четыре (Чехов, Каштанка).

7. Выявляя контрапозиции, мы устанавливаем более близкие и более далекие, глубокие связи предложения с контекстом. Обнаруживается при этом, что далеко не всякое предложение с точки зрения актуального членения состоит из двух частей. Это справедливо лишь по отношению к предложениям и контексту более простой организации.

Наблюдения о ступенчатом, иерархическом характере актуального членения предложения высказывались разными исследователями (О. А. Лаптевой, И. И. Ковтуновой, П. Адамцем, И. Фирбасом и др.), но представляется важным расположить эти ступени не на плоскости одного предложения, а увидеть в них синтаксическую перспективу, отражение композиционно-синтаксической организации контекста.

Часто в предложении выделяются три части и более, из которых две непосредственно соотносятся как D и N этого предложения, а другие могут представлять собой, например, ранее

известное, ранее данное (D_1 , D_2 и т. д.), соотносимое не с N этого предложения, а с другой композиционно-синтаксической единицей контекста. Например:

Пса | вывели из кабинета и пустили его в вестибюль, откуда он вышел через парадный ход на улицу и привел следовавших за ним к таксомоторной стоянке. Возле нее | он | след, по которому шел, | потерял. После этого | Тузабубен [имя пса] | увезли (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Композиционно-синтаксическая структура этого абзаца обычна для повествовательного типа речи. Поскольку сообщение о приезде следствия с собакой содержится в предыдущем абзаце, то первое предложение отчетливо членится на D (*Пса*) и N (глагольные предикаты). Во втором предложении — четыре компонента актуального членения, из которых D (*Возле нее*) и N (*потерял*) помещены на актуально значимые позиции в начале и в конце предложения, а ранее данные компоненты D_1 (*он*) и D_2 (*след, по которому шел*) — на актуально слабые позиции внутри предложения. Актуальное, или композиционно-синтаксическое, членение последнего предложения аналогично: $D D_1 N$.

В предложении *В эпоху Вольтера [буржуазный строй...] не был отживающим* (Плеханов, История русской общественной мысли) три его структурно-смысловых компонента представляют с точки зрения связи его с контекстом три части, или три ступени. Очевидно, в контексте сопоставляется характеристика буржуазного строя эпохи Вольтера с характеристикой того же строя другой эпохи. *Буржуазный строй* — это D_1 , ранее данная тема; *в эпоху Вольтера* — D , данное этого предложения, находящееся в контрапозиции с элементами вне этого предложения, *не был отживающим* — N , новое, ради чего высказано предложение.

Совпадение композиционно-синтаксического членения с грамматическим — частный случай, между ними нет закономерной зависимости. Возьмем еще пример. В предложении *В особенности тяжело было | смотреть на город | поздним вечером* (Салтыков-Щедрин, История одного города) тоже три ступени актуального членения: *Смотреть на город* — D_1 , ранее данное; *в особенности тяжело* — D , данное этого предложения, сопоставляемое с соответствующим элементом другого предложения; *поздним вечером* — N , новое, содержащее ту новую информацию, которая ведет мысль в контексте¹⁹.

То же в следующем примере: *Еще хуже | со специализацией литейного производства | на отдельных предприятиях немашинно-строительных отраслей* («Полит. замощение», 1962, № 11). Очевидно, что в контексте уже говорилось о том, что со специализацией литейного производства где-то дело обстоит плохо. Поэтому второе звено предложения представляет собой D_1 ,

¹⁹ Ср.: А. С. Мельничук. Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках. Киев, 1958.

ранее данное, первое звено — D этого предложения, третье — N, новое.

Если сравнить роль этих звеньев, или элементов, в структурно-семантической организации приведенного предложения и в композиционно-синтаксической, картина будет прямо противоположной. Постоянный организующий центр предложения данного типа, синтаксическая форма «с+тв. п.» — актуально наименее значимая часть. Второй организующий центр, дающий предикативную оценку положения того, что названо в «с+тв. п.», играет роль актуально данного. Новое, информационно наиболее важная часть этого предложения, структурно является как раз необязательным элементом, расширяющим предикативный минимум локализирующим ситуантом.

Предложения более сложной организации могут содержать и не одно актуально новое. Например: *Раствор должен готовить специально подготовленный работник по рецепту, который выдается лабораторией после пробного замеса* («Строит. газета», 28 дек. 1956). Здесь *специально подготовленный работник* — N, новое, непосредственно соотносящееся с данным. Но информация, заключенная в предложении, этим не исчерпывается. *По рецепту, который...* — N₁, дополнительное новое.

То же в следующем предложении: *Исследовать внутренние органы в динамике методом рентгена невозможно из-за губительного действия лучей на организм при длительном облучении* («Веч. Москва», 16 янв. 1964). Здесь *невозможно* — N, из-за губительного действия... — N₁, новое дополнительное, поясняющее.

Еще пример: *Обслуживает этот поселок аптека № 101. Шесть километров приходится ехать до нее двумя автобусными маршрутами* («Мед. работник», 6 февр. 1962). *Шесть километров* — N, экспрессивно вынесенное в препозицию, *двумя автобусными маршрутами* — N₁, новое дополнительное²⁰.

Подобно тому как в архитектуре здания различаются части несущие и несомые, в архитектонике текста можно выделить элементы, во-первых, вводящие композиционно-синтаксические отрезки, или держащие композицию, и во-вторых, ведущие сюжет, движение мысли. Между первым и вторым в пределах одного предложения может не быть прямой соотносительности, вводящие чаще соотносятся друг с другом за пределами предложения, а внутри предложения могут рассматриваться как ранее данные. В тексте повествовательном вводящими элементами часто бывают обстоятельства времени, в тексте описательном — обстоятельства с пространственным значением.

Характер ведущих элементов также зависит от типа контекста: повествовательно-динамического или описательно-статического. В нединамическом вводящие и ведущие могут совпадать.

²⁰ Ср.: И. И. Ковтунов а. Указ. соч.

Система контрапозиций элементов обуславливается различными отношениями между единицами контекста: сопоставительными, противопоставительными, перечислительными, пояснительными и т. п. См. систему композиционно-синтаксических опор в следующих контекстах:

Обоз стоял на большом мосту, тянувшемся через широкую реку. Внизу над рекой темнел *дым*, а *сквозь него* виден был пароход, тащивший на буксире баржу. Впереди за рекой пестрела громадная *гора*, усеянная домами и церквями; *у подножия горы* около товарных вагонов бегал локомотив... (Чехов, Степь);

И он стал учить ее разным наукам. В первый урок она училась стоять и ходить на задних лапах... Во второй урок она должна была прыгать на задних лапах и хватать сахар... Затем в следующие уроки она плясала, бегала на корде, выла под музыку... (Чехов, Каштанка);

Путохин принес мне плату за квартиру, но уже не извинялся, хотя просрочил 18 дней... На следующий месяц деньги принесла уже мать; она дала мне только половину, а другую половину обещала через неделю. На третий месяц я не получил ни копейки... (Чехов, Старый дом).

8. Принадлежащие речевому синтаксису эллиптические предложения, относящиеся к категории неполных с зависимостью от контекста (в составе сложных предложений или сложных синтаксических целых), как раз обычно и содержат «актуальный костяк», данное и новое, опуская ранее данные элементы:

Вся женская родня прочла его в военную службу, *мужская — в гражданскую* (Гончаров, Обрыв); У детей Рябинина будут средства к жизни и образованию, а *у твоих, пожалуй, не будет* (Л. Толстой, Анна Каренина); Я готов ехать в Швейцарию, только ведь там нельзя удить рыбу! *А мне ужасно хочется* (Чехов, письмо О. Л. Книппер); Сегодня уйдут три батареи дивизионно, *завтра опять три* (Чехов, Три сестры); Ее заботы сделали за долгую жизнь страдальцей, *Авдея — нелюдимою* (Бунин, Забота); Прочие спали прямо на траве. *Бабы — прикрывшись от солнца фартуками, подолами* (Бунин, Князь во князьях); Дела булочной шли весьма хорошо, *лично мои — все хуже* (Горький, Мои университеты).

9. Изолированное предложение с точки зрения актуального членения представляет интерес не само по себе, а именно постольку, поскольку в нем отражаются контекстные связи. Поэтому возможна обратная задача: по отдельному предложению восстановить контекст²¹.

²¹ Ср.: «Контекст в принципе позволяет снимать неоднозначность; существует и обратное явление, также весьма важное и встречающееся во всех языках: знаки способны предсказывать контекст» (У. Вайнрайх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике», V, стр. 210).

Возьмем пример Б. В. Томашевского²². В комнате дубовый поставили стол.

Необычное расположение определения *дубовый*, оторванного от определяемого, позволяет видеть в нем кульминационное слово, новое, *Н*. Предложение, таким образом, может рассматриваться как ответ на вопрос: Какой стол поставили в комнате?

Возможны четыре контрапозиции:

- а) *стол*//*другая мебель*
- б) *дубовый стол*//*другой стол*,
- в) *в комнате*//*в другом помещении*,
- г) *поставили*//*не поставили*.

I допущение:

Дано: В комнате поставили разную мебель, скажем, шкаф — ореховый.

Требуется узнать: А стол какой поставили в комнате? *Стол? дубовый (поставили в комнате)* — последние два слова — в слабой позиции, необязательные, как ранее данные.

II допущение:

Дано: На террасе поставили ореховый стол.

Требуется узнать: А в комнате какой? *В комнате? Дубовый (поставили стол.)* Порядок слов в данном предложении — дистантное вынесение вперед определения *дубовый* и препозиция обстоятельственной синтаксической формы *в комнате* подтверждают правильность второго допущения. Контекст, таким образом, задает этому предложению из четырех возможных контрапозиций две: «б» и «в».

10. В связи с актуальным членением должен решаться и вопрос речевой вариативности предложения. Изменения порядка слов и места логического (кульминационного) ударения без изменения лексического состава и грамматического строения дают множество вариантов предложения (ср. 120 вариантов четырехсловного предложения у Калайдовича)²³.

При всех ли этих изменениях сохраняется то же предложение? Очевидно, речевыми вариантами одного и того же предложения можно считать те, в которых, кроме лексического состава и грамматического строя, сохраняется соотношение данного и нового, при котором предложение остается звеном контекста, не нарушающим общего движения мысли. Например, для рассмотренного выше предложения вариантами будут:

В комнате *дубовый* стол поставили;

В комнате поставили *дубовый* стол;

Дубовый стол в комнате поставили и др.,

²² Б. В. Томашевский. О стихе. Л., 1929, стр. 311. См. также замечания В. В. Виноградова по поводу этого примера (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 221).

²³ И. Ф. Калайдович. Слог г. Полевого в грамматическом отношении. «Московский вестник», 1830, ч. 2, № 1.

которые отличаются от исходного варианта тем, что взятые вне контекста они не однозначны в отношении актуального членения.

Если изменяется соотношение $D \rightarrow N$ и предложение не входит в данный контекст, то это уже не варианты одного предложения, а предложения — речевые омонимы²⁴.

11. Порядок составов актуального членения ($D \rightarrow N$ или $N \rightarrow D$), а также порядок слов внутри этих составов зависит от типа речи, от эмоционально-экспрессивной напряженности контекста. Экспрессивно-смысловое выделение слов в предложении надо отличать от кульминационного, композиционно-синтаксического выделения²⁵. Назначение и роль их различны: в композиционно-синтаксическом членении выражается структурная организация контекста, экспрессивно-смысловое — способ субъективно-стилистической расцветки, «озвучения» предложения.

12. Среди средств экспрессивно-смыслового выделения важное место принадлежит частицам, но они мало изучены с точки зрения их синтаксической роли²⁶. Между тем одни из них служат вместе с интонационно-синтаксическими приемами экспрессивно-смысловому подчеркиванию, выделению определенных элементов актуального членения, другие выделяют и подчеркивают члены предложения независимо от их роли в актуальном членении.

См. примеры подчеркивания N , нового в актуальном членении, с помощью частиц (или слов, функционально близких к частицам):

Наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной *только вчера* (Чехов, Дама с собачкой); — Это тоже ваше? — Нет, Тютчева, — рассмеялся шеф. — Но следующее стихотворение уже *явно его* («Неделя», 1962,

²⁴ В связи с этим следует заметить, что возможны разные типы омонимии предложений: 1) с точки зрения языка, 2) с точки зрения речи. Ограниченность омонимии предложений в языке (см. выше, стр. 135) компенсируется богатством речевых омонимов.

²⁵ В следующем примере: *Массивные плечи его темнели глыбой, и только трубка слабо поныкивала в темноте* (Г. Николаева, Битва в пути) Пр. Адамец выделяет слова *только трубка* как ремю (геср. новое), замечая: «если бы не было частицы *только*, то *трубка* была бы основой» (геср. данным). Однако представляется возможным иное членение второй части предложения. *Темнеющей глыбе* противопоставляется не *трубка*, а *поныкивание*, частицей же *только* подчеркивается малость, единственность, незначительность источника этого света. Таким образом, вероятнее, что *только трубка* — не новое, а данное второй части предложения, но экспрессивно выделенное.

²⁶ В частности, в Академической грамматике большая группа частиц квалифицируется как частицы, «выражающие различные смысловые оттенки значений слов в речи». Дело здесь, по-видимому, не в «смысловых оттенках значений слов», а в композиционно-синтаксической или экспрессивно-смысловой функции этих слов, выражаемой с помощью частиц. И тем и другим выделением слов создается интонационно-синтаксический рисунок предложения, поэтому и правомерно говорить в этом случае о синтаксической роли частиц.

№11)²⁷; Весь концерт Шопена Рубинштейн *буквально спел, спел* проникновенно и сердечно от первой до последней ноты («Правда», 4 окт. 1964).

Но вот та же частица эмоционально подчеркивает не новое, а данное:

Буквально поражает блестящая отточенность, завершенность трактовки каждого произведения и безграничное разнообразие репертуара (Там же).

Частица может выделять, подчеркивать часть состава нового или данного:

Эсеры и меньшевики мобилизовали *буквально все* свои силы («Лит. газета», 7 ноября 1961 г.); Яков Михайлович, значит, завтра *ровно в час* собирается ЦК (А. Н. Толстой, Хлеб).

Частицы могут быть элементом приема «сегментации» — экспрессивно-синтаксического расчленения предложения, призванного выделить актуальное новое:

Что он любил — *это технику* (В. Аксенов, На полпути к луне); ср. неоднозначное в смысле актуального членения предложение: *Он любил технику*; И с чем он совершенно не умел справляться — *это с одиночеством* (В. Кожевников, Знакомьтесь, Балувев); Но что порой сводит на нет все усилия совхозных животноводов, так это *сложный процесс сдачи скота государству* («Изв.», 10 окт. 1961); *Подготовка кадров — вот что* сейчас волнует здравоохранение Кубы («Мед. работник», 6 февр. 1962); Добывая исходный материал, мы пережили целую эпопею. *Химиков, вот кого* надо бы посадить на «булавку!» («Изв.», 18 дек. 1962); Но вот я отхожу от границы и шагаю по улицам демократического Берлина. *Спокойствие, уверенность, трудовой порыв — вот что* характерно для жизни столицы ГДР («Изв.», 27 июня 1963).

Среди приведенных способов сегментации одни «специализируются» на выделении нового (примеры 1, 2), другие могут выделять либо новое, либо данное, в зависимости от контекста. Например: Актуальность, современность, высокая гражданственность — *вот что* отличает произведения А. Абсалямова («Лит. газета», 23 янв. 1962).

В данном контексте, где речь идет о произведениях Абсалямова, в подчеркнутой части сообщается новое. Если допустить, что контекст содержит обзор произведений разных авторов, и имя Абсалямова впервые называется в этой фразе, обозначая ввод нового композиционно-синтаксического звена, то новой, кульминационной частью предложения были бы слова *произведения Абсалямова*, а прием сегментации экспрессивно подчеркивал бы данное. Ср. другие способы экспрессивно-смыслового выделения данного:

²⁷ Ср. выделение данного с помощью частицы в предложении той же структуры: Но я боялся защищать закройщицу — вдруг старуха догадается, что *книга-то* ее? (Горький, В людях).

То происшествие в саду, оно ничего не значит (Герцен, Кто виноват?); А самоуспокоение, оно вроде бы от христианства, а? (Ю. Семенов, При исполнении служебных обязанностей); А «благодетельная» опека — не нужна она школе! («Изв.», 19 янв. 1962); Имя Тынечевына хорошо известно на Чукотке. Это он обратился к молодежи национального округа с призывом пойти в отстающие бригады. На его призыв откликнулись сотни комсомольцев («Правда», 13 окт. 1961); Сложна, многогранна работа народного учителя. Никто как он обязан быть подлинным современником века. А то как же удастся ему воспитать людей будущего! («Изв.», 18 дек. 1962); Кто-кто, а она всегда делила счастье на свое и чужое (В. Тендряков, Короткое замыкание); Казалось, все старое, что окружало ее, помолодело... Во всем, во всем — и особенно в запахе цветов — чувствовалась часть ее собственной души, ее детства, отрочества, первой любви (Бунин, Суходол).

В следующих примерах экспрессивно-усилительные слова в составе нового перетягивают на себя ударение, создается впечатление, что экспрессивно-смысловое ударение оказывается сильнее логического, композиционно-синтаксического, но в конечном счете экспрессивное и здесь служит подчеркиванию нового:

Фразеология *у х ка к а я революционная*, а внутри труха, ибо нет земли и нет воли (Казакевич, Синяя тетрадь); Лошади были *удивительно как вычищены* (Гоголь, Мертвые души); — Вы врете! Я *и в глаза не видел* помещика Максимова (Там же); Некоторых повторений *вполне свободно можно избежать* (Из устн. выступл., 1965 г.)²⁸.

Конечно, роль частиц, помогающих выражению актуального членения, не сводится только к логическому выделению нового. Подчеркивая новое, они вместе с тем могут придавать ему разнообразие эмоционально-экспрессивные оттенки: Всю свою силу он на дедушку истратил, а дедушка *разве поможет!*... (Горький, Детство).

Ср. еще чисто экспрессивный прием интонационно-фонетического выделения, не связанного с актуальным членением: ... — Мне точный ответ нужен... А ты *жульни-чес-ки* в обиду вломился, чтобы отвертеться... да, да! (А. Караваяева, Разбег).

Все эти наблюдения, довольно пестрые, должны подтвердить ту мысль, что многообразные средства композиционно-синтаксического и экспрессивно-смыслового выделения должны изучаться в том аспекте, которому они служат в предложении.

Дальнейшие исследования проблем, связанных с речевой

²⁸ Ср. замечание Л. В. Щербы: «От логического ударения надо отличать эмоциональное. В фразе *Его охватил чрезвычайный восторг* формальное ударение — на слово *восторг*, но эмоционально мы можем выделить слово «чрезвычайный» (С. Г. Бархударов, Л. В. Щерба о русском синтаксисе. — В кн.: «Академику В. В. Виноградову к его 60-летию». М., 1956, стр. 68).

реализацией структуры предложения, позволят все глубже осмыслить предложение как конкретный речевой акт, в единстве его семантико-грамматического состава, порядка слов и интонационно-экспрессивных качеств.

13. Тема «Предложение в речи» составляет предмет особого исследования, но, по-видимому, плодотворность такого исследования в значительной мере зависит от решения вопросов языковой структуры предложения.

Глава IV, имеющая конспективный характер, представляется тем не менее необходимой частью предпринятой работы, поскольку цель ее — соотнести обоснованное в главах I—III понимание структуры предложения с разработанной усилиями многих ученых проблематикой так называемого актуального членения.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, аналогичному выводам из предшествующих глав, — о целесообразности изучения каждого синтаксического явления с точки зрения выполняемых им функций в процессе коммуникации.

Глава первая

ВВЕДЕНИЕ

Синтаксис, его предмет и метод (стр. 5—7); Функция, форма и значение в синтаксисе (стр. 7—29); Морфологические и синтаксические формы слова (стр. 19—24); Структурно-смысловые компоненты предложения (стр. 25); Модель и типовое значение предложения (стр. 25—27); Предложение в языке и речи (стр. 29)

5

Глава вторая

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВА КАК ПЕРВИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ СИНТАКСИСА

О синтаксических связях слов	30
<i>Синтаксические свойства слов (стр. 33—50); Свойства синтаксических форм слова (стр. 50—54); Типы и свойства сочетаний (стр. 54); Типы связей (стр. 55—63)</i>	
Вопрос о словосочетании	63
Связанные синтаксические формы имени (в III функции)	66
Свободные синтаксические формы имени	69
<i>В I функции (стр. 69—80); Во II функции (стр. 80—87); В III функции (стр. 87—92); О предлоге (стр. 92—94)</i>	
Обусловленные синтаксические формы имени	94
<i>Во II функции (стр. 97—99); В III функции (стр. 99—101)</i>	
Схема функциональных признаков синтаксических форм имени	101
Вопрос о «детерминантах»	102
Омонимия синтаксических форм имени	105
Синонимия синтаксических форм имени	109
Соотношение функциональных типов синтаксических форм имени в процессе развития современного русского языка	114
Синтаксические формы других частей речи	120

Глава третья

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Модель предложения	124
<i>К понятию модели (стр. 124—138); Предикативная ось предложения (стр. 138—140); Категория модальности (стр. 140—157); Ка-</i>	

тегория лица (стр. 157—171); Категория времени (стр. 171—185); Состав модели (стр. 185—196)

Синтаксическое поле предложения	196
<i>Вопрос о парадигматических отношениях в синтаксисе предложения (стр. 196—202); Грамматические модификации моделей предложения (стр. 202—205); Структурно-семантические модификации моделей (стр. 205—226); Синонимика моделей (стр. 226—243); Распространение и осложнение моделей предложения (стр. 243—260).</i>	
Взаимодействие моделей предложения	260
<i>Включение моделей (стр. 260—263); Авторизация (стр. 263—278); Каузация в синтаксисе предложения (стр. 278—298)</i>	
К типологии синтаксических форм имени	298
Синтаксические формы слова и компоненты предложения	313
Некоторые наблюдения над историческими изменениями в структуре предложения	317
Простое и сложное предложение	321

Глава четвертая

ПРЕДЛОЖЕНИЕ В РЕЧИ

Предложение и речевой контекст. Речевые функции предложения (стр. 331—349); Композиционно-синтаксическое («актуальное») членение предложения (стр. 333—334); Средства его выражения (стр. 334—338); О коммуникативных типах речи (стр. 335—337); Компоненты членения (стр. 338—341); Актуальное и грамматическое членение предложения (стр. 338—345); Актуальное членение предложения и экспрессивно-смысловое выделение слов (стр. 346—349)